

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2021. Том 66

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2021. № 66

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2021. Nr. 66

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2021

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора 9

ИСТОРИЯ

Марков А.В.

Влияние результатов Галицийской операции 1914 г. на специфику развития неорусского стиля на примере археологии и иконографии Фёдоровского городка 14

Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечный В.М.

«Геть отрую з наших хат!»: протиалкогольний дискурс газети «Наш лемко» 34

Штастна В., Кокайсл П.

Подкарпатская Русь на страницах чехословацкой прессы 1919–1938 гг. 48

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сайковська О.Ю.

Виміри національної ідентичності в болгарській та русинській літературі (на прикладі творчості Христо Ботева та Олександра Духновича) 67

Шевченко Т.М.

Соціокультурний образ русинів-руснаків у творчості Олександра Гавроша 86

Конончук И.Я., Филь Ю.В.

Историческая языковая личность XVIII в. сквозь призму ксенолексики (на материале писем А.В. Суворова) 102

ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

Мокиенко В.М.

Праславянский след в русинской лексике и паремиологии: *потя* 119

Ташлыкова М.Б., Стародворская Е.В.

Славянские языки перед лицом *challenges*: семантическая и словообразовательная история слов *вызов* и *wyzwanie* (на материале русского и польского языков) 149

Резанова З.И., Рябова Ю.А.

**Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингов:
интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции? 166**

Дыбо А.В.

**Булгарские заимствования в славянских языках:
особенности вокализма 183**

Шишигин К.А., Лебедева Н.Б.

**Идиш-славянские языковые параллели
(на материале префиксальных глаголов в рассказе Дер Нистера
«Shiker» и в его украинском переводе) 207**

АНТРОПОЛОГИЯ

Лагутенко О.А., Пучков А.А., Селивачёв М.Р.

**Художественная специфика материальной культуры Закарпатья
в трудах Сергея Маковского: взгляд на историческую традицию
как факт современности 232**

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Данилова Е.А., Суляк С.Г.

**Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы в
России 248**

БИБЛИОГРАФИЯ

Василик В.В.

**«Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь
событий (Размышления над книгой А.Н. Ужанкова «Слово о полку
Игореве и его автор») 283**

Малюченко Д.А., Ратьковский И.С.

**Чемакин А.А. «Анонимный центр»: тайные монархические орга-
низации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920).
М.: Кучково поле Музеон, 2020. 640 с. 307**

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	----------

HISTORY

Markov A.V.

The Galician Operation of 1914 and Its Influence on the Development of the Neo-Russian Style: A Case Study of Archeology and Iconography of the Fedorov Town	14
---	-----------

Telvak V.V., Telvak V.P., Nakonechnyj V.M.

“Down with Poison in our Houses!”: Anti-Alcohol Discourse of <i>Nash Lemko</i> Newspaper	34
---	-----------

Šťastná V., Kokašl P.

The Czechoslovak Press of 1919–1938 about Subcarpathian Rus	48
--	-----------

LITERATURE AND LITERARY THEORY

Saikovska O.Yu.

Fundamentals of National Identity in Bulgarian and Rusinian Literature (Based on the Works by Hristo Botev and Alexander Dukhnovych)	67
---	-----------

Shevchenko T.M.

The Sociocultural Image of Rusins-Rusnaks in the Works by Oleksandr Havrosh	86
--	-----------

Kononchuk I.Y., Fil Y.V.

Historical language personality of the 18th century through the prism of xenolexis (based on A.V. Suvorov’s letters)	102
---	------------

LINGUISTICS AND LANGUAGE

Mokienko V.M.

Proto-Slavic trace in Rusin lexis and paremiology: <i>potya</i>	119
--	------------

Tashlykova M.B., Starodvorskaia E.V.

Slavic languages in the face of challenges: semantic and derivational history of <i>vyzov</i> and <i>wyzwanie</i> (based on Russian and Polish languages)	149
--	------------

<i>Rezanova Z.I., Ryabova Yu.A.</i>	
Grammatical gender and number in the speech of Turkic-Russian bilinguals: interference or intra-linguistic tendencies?	166
<i>Dybo A.V.</i>	
Bulgar loanwords in Slavic languages: vowels	183
<i>Shishigin K.A., Lebedeva N.B.</i>	
Yiddish-Slavic language parallels (on the material of prefixed verbs in Der Nister's "Shiker" and its Ukrainian translation)	207

ANTHROPOLOGY

<i>Lagutenko O.A., Puchkov A.O., Selivatchov M.R.</i>	
The Artistic Specificity of the Transcarpathian Material Culture in the Works by Sergey Makovsky: A Look at the Historical Tradition as a Fact of Modernity	232

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

<i>Danilova E.A., Sulyak S.G.</i>	
A Holiday With Tears Upon Our Eyes: On the Attitude Towards Victory Day in Russia	248

BIBLIOGRAPHY

<i>Vasilik V.V.</i>	
"The Lay of the Warfare Waged by Igor" and its Author: Epiphanic Connection of Events (Reflections on A.N. Uzhankov's Book)	283
<i>Maliuchenko D.A., Ratkovskii I.S.</i>	
The Anonymous Center by A.A. Chemakin: Secret monarchist organizations and right-wing terrorism in the White South of Russia (1918–1920). Moscow: Kuchkovo Field Museum, 2020. 640 p.....	307

Страница редактора

VII Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов», как и в предыдущие годы, в 2021 г. была организована при партнёрстве международного исторического журнала «Русин» и Национального исследовательского Томского государственного университета. Конференция прошла 18–19 октября в смешанном режиме, совместившем и встречу её участников в Томском государственном университете, и онлайн-презентацию, и обсуждение докладов, что позволило в условиях продолжающейся пандемии объединить для продуктивного научного диалога славистов четырёх славянских стран – Польши, России, Словакии, Украины, а также Молдовы и Тайваня. Широкой была и география российских участников научного диалога, представляющих центры славистики в университетах Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, ряда сибирских городов – Кемерово, Новосибирска, Барнаула, Иркутска.

Пленарные доклады вызвали тематическое и методологическое разнообразие научных проблем и высокий уровень их обсуждения, который был поддержан на заседаниях секций. Как и на всех предыдущих конференциях, ряд докладов был посвящён русинской тематике – истории формирования лексических и лексико-фразеологических пластов русинского языка в общеславянском языковом и культурном контексте: пленарный доклад В.М. Мокиенко, где был охарактеризован праславянский след в русинской лексике и паремиологии, секционные доклады, в которых авторы обратились к истории русинских слов и концептов (например, доклад Л.П. Дроновой о лексеме квар ‘ущерб, вред, порча’ в контексте славяноугорских контактов Прикарпатья и С.А. Толстик – о динамических процессах в формировании понятия «дерзкий»). Также традиционным для конференции стало обсуждение вклада деятелей славянской культуры в исследования русинского этноса. На конференции 2021 г. эта важная тема была представлена докладом С.Г. Суляка о вкладе П.Д. Драганова в разработку бессарабской, балканской, русинской тематики на рубеже XIX и XX вв.

Наряду с темой русинского языка и культуры на пленарном заседании были также заданы два основных вектора разработки славистической проблематики, продолженные в докладах и дискуссии на секционных заседаниях. На заседаниях секции «Славянские языки:

историко-филологические аспекты» обсуждались вопросы исторических корней, древнейших срезов языкового развития славянских языков в их контактах и взаимовлияниях как с родственными, так и с неродственными языками, языками других морфологических типов. Этим вопросам были посвящены пленарный доклад А.В. Дыбо об особенностях вокализма болгарских заимствований в славянских языках, секционное выступление Л.В. Долгушиной о заимствованиях из греческого языка в древнейших славянских переводах, а также доклады О.Г. Щегловой, Е.А. Гончаренко, И.В. Садыковой, Ю.В. Филь, И.Я. Конончук, Ш. Погвизда, Н.В. Островской, раскрывшие важные аспекты генетических связей языков, репрезентированные в истории отдельных лексем, особенности морфологических и деривационных систем славянских языков.

На секции «Славянские языки: семантический и когнитивный анализ» предметом обсуждения были результаты анализа активных процессов в современных славянских языках на разных языковых уровнях, контрастивных исследований лексики, фразеологии в пределах славянского языкового единства. Этим вопросам были посвящены пленарные доклады М.Я. Дымарского, совместный доклад М.Б. Ташлыковой и Е.В. Стародворской, а также выступления на секции А. Киклевича, А.В. Ирковой, Е.В. Евпака, Е.И. Колосовой, Н.В. Халиной, Е.В. Хабибуллиной, совместные доклады Е.М. Марковой и И.А. Меркуловой, Д.Я. Саболовой и М.Б. Кашовой, А.В. Курьянович и Л.В. Дубиной. С опорой на широкую палитру структурно-семантических, лингвокультурологических, когнитивных методов, методов филологического анализа текста авторы представили результаты контрастивного анализа отдельных единиц, групп лексики, фразеологизмов в славянских языках.

Партнёрством оргкомитета конференции с исследовательским проектом изучения языкового и культурного разнообразия Южной Сибири, поддержанным граном Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 14.Y26.31.0014), было мотивировано введение в проблемное поле дискуссии вопросов языкового контактирования. В тематическом поле этой секции были соотнесены собственно лингвистические, социолингвистические и психолингвистические аспекты языкового контактирования. Первый и второй аспекты были представлены в докладах К.А. Шишигина и Н.Б. Лебедевой, З.И. Резановой и Ю.А. Рябовой, Н.М. Стойновой, И.А. Хомченковой, С.В. Гринева-Гриневича, И. Рогуцки и Э.А. Сорокиной. Психолингвистические аспекты языкового контактирования раскрыты в выступлениях А.В. Колмогоровой, А.А. Натпит, И.С. Коршуновой, В.Е. Палий, З.И. Резановой. Участники секции представили результаты

междисциплинарных исследований, основанных на применении современных экспериментальных методов, а также методов статистической обработки данных и автоматического анализа текстовых массивов.

Как можно судить по данному обзору основной тематики и направленности конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», статьи, опубликованные в специализированном выпуске журнала «Русин», репрезентативно представляют все базовые темы мероприятия, аспекты их разработки и методологический аппарат, использованный авторами при разрешении поставленных вопросов.

Редколлегия журнала «Русин» и оргкомитет конференции выражают искреннюю благодарность всем участникам мероприятия за проявленный интерес к заявленной проблематике, за создание творческой атмосферы в научной дискуссии и приглашают к дальнейшему сотрудничеству исследователей, изучающих этноязыковые аспекты славянского мира.

Редколлегия

Editorial

On October 18–19, 2021, the Editorial Board of the *Rusin* International Historical Journal and National Research Tomsk State University held the 7th International Conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges” in a blended (hybrid) mode of “live” in-person presentations at Tomsk State University and online presentations and discussions, which allowed a productive dialogue of Slavists from Poland, Russia, Slovakia, Ukraine, Moldova, and Taiwan in the context of the ongoing pandemic. The geography of the Russian participants covered the biggest centres of Slavic studies at the universities of Voronezh, Moscow, St. Petersburg, Kazan, and a number of Siberian cities – Kemerovo, Novosibirsk, Barnaul, Irkutsk.

The plenary reports set the thematic and methodological diversity of problems as well as a high level of their discussion, supported at the thematic session. A number of presentations focused on the formation of lexical and phraseological layers of the Rusin language in the common Slavic linguistic and cultural context. In his plenary presentation, V.M. Mokieńko analysed the Proto-Slavic trace in the Rusin vocabulary and paremiology. Some presenters turned to the history of Rusin words and concepts, as for instance, L.P. Dronova, who spoke about the lexeme *kvar* (‘damage, harm’) in the context of Slavic-Ugric contacts in the Carpathian region, or S.A. Tolstik, who discussed the dynamic processes in the formation of the concept *derzkiy* (‘daring’). The participants traditionally discussed the contribution of the Slavic culture champions to the research of the Rusin ethnos. For instance, S.G. Sulyak made a presentation about P.D. Draganov and his role in the development of Bessarabian, Balkan, Rusin themes at the turn of the 20th century.

Along with the Rusin language and culture, the plenary session set the other two main vectors for the development of Slavic problems, supported by the presentations and discussions at the breakout sessions. The session “Slavic languages: historical and philological aspects” focused on the historical roots and the oldest states of the linguistic development of Slavic languages in their contacts and interactions with both related and unrelated languages, languages of other morphological types. A.V. Dybo concentrated on the vocalism of the Bulgar borrowings in the Slavic languages, while L.V. Dolgushina spoke about the Greek borrowings in the most ancient Slavic translations. O.G. Shcheglova, E.A. Goncharenko, I. V. Sadykova, Yu.V. Fil, I.Ya. Kononchuk, S. Pogvizd, N.V. Ostrovskaya revealed important aspects of the genetic relationships of languages represented in the history of individual lexemes as well

as features of the morphological and derivational systems of Slavic languages.

The session “Slavic languages: semantic and cognitive analysis” focused on the active processes in modern Slavic languages at different language levels and the contrastive studies of lexis and phraseology within the Slavic linguistic unity. These problems were raised in the presentations by M.Ya. Dymarsky, M.B. Tashlykova and E.V. Starodvorskaya, A. Kiklevich, A.V. Irkova, E.V. Evpak, E.I. Kolosova, N.V. Khalina, E.V. Khabibullina, E.M. Markova and I.A. Merkulova, D.Ya. Sabolova and M.B. Kashova, A.V. Kuryanovich and L.V. Dubina. The speakers presented the results of a contrastive analysis of individual units, vocabulary groups, and phraseological units in Slavic languages, based on a wide range of structural-semantic, linguoculturological, cognitive methods, methods of philological analysis of the text.

The partnership of the conference organizing committee with a research project for studying the linguistic and cultural diversity of Southern Siberia, supported by Grant Nr. 14.Y26.31.0014 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation promoted the discussion of language contact issues. This session focused on the linguistic, sociolinguistic, and psycholinguistic aspects of language contacts. The first two aspects were represented by K.A. Shishigin and N.B. Lebedeva, Z.I. Rezanova and Yu.A. Ryabova, N.M. Stoinova, I.A. Khomchenkova, S.V. Grinev-Grinevich, I. Rogutski and E.A. Sorokina. The psycholinguistics of language contacts were discussed by A.V. Kolmogorova, A.A. Natpit, I.S. Korshunova, V.E. Paliy, Z.I. Rezanova. In this session, the presenters shared the results of interdisciplinary research based on modern experimental methods, as well as methods of statistical data processing and automatic text analysis arrays.

The collection of articles in this special issue of *Rusin* covers the main topics, research aspects and methodologies presented at the conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges”. The *Rusin* editorial board and the conference organizing committee express their sincere gratitude to all the participants of the event for their interest and creative approach to the academic discussion and welcome further cooperation with researchers interested in the ethno-linguistic aspects of the Slavic world.

УДК 7.03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/2

Влияние результатов Галицийской операции 1914 г. на специфику развития неорусского стиля на примере археологии и иконографии Фёдоровского городка

А.В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

Россия, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6

E-mail: markovius@gmail.com

Авторское резюме

Завоевание Галиции, мыслившееся как необходимый этап для принятия всех русинов Австро-Венгрии в русское подданство, повлияло на археологическую и иконографическую программу Фёдоровского городка и Ратной палаты – крупнейших памятников неорусского стиля предреволюционного времени. В статье доказывается, что Галицийская операция и Лодзинская битва получили символический смысл при обновлении экспозиции Ратной палаты, причём первая знаменовала бесстрашие сразу при двух опасностях – военной и гражданской, а значит, необходимость обустройства славянского мира не только на имперских началах подчинения разных народов императору, но и на национальных допетровских, когда славяне, включая русинов, имели бы единый язык и единое понимание символики. Лодзинская битва подразумевала чудо, способное повлиять даже на врагов. Обе идеи, «покоя» и «чуда», оказались ключевыми при создании сложной иконографической программы росписей и интерьера Фёдоровского городка, так что настоящий смысл её выяснился только после посещения строительства императором и разговора с художниками. Анализ оригинальных документов, касающихся этого посещения, включая записи диалогов царя, и современных художественных размышлений о нём поэта Стратановского, позволяет сказать, что Фёдоровский городок представляет собой сложный диалектический синтез имперского и национального стиля, отличающийся от национального романтизма, и потому сведение Фёдоровского городка к национальному романтизму не оправдано. Напротив, образы и символы, взятые из архитектуры и книг времён первых Романовых, были актуализированы событиями Первой мировой войны, а новая программа объединения славянства, отличавшаяся от всех предыдущих, требовала их объединить особым образом, как никогда раньше. При-

влечение контекстов религиозности русского символизма и влияния живописного импрессионизма позволяет уточнить эту программу и понять, как мыслил Николай II будущее русского народа, включая русинов, незадолго до политической катастрофы февраля 1917 г.

Ключевые слова: неорусский стиль, Первая мировая война, русины и русская нация, иконография, национальная идеология, Галицийская операция, Фёдоровский городок, Николай II.

The Galician Operation of 1914 and its Influence on the Development of the Neo-Russian Style: A Case Study of Archeology and Iconography of the Fedorov Town

A.V. Markov

Russian State University for the Humanities
6 Miuskaya Square, Moscow, 125993, Russia

E-mail: markovius@gmail.com

Abstract

The conquest of Galicia, thought as a necessary stage to take the Rusins of the Austro-Hungarian Empire into Russian citizenship, influenced the archaeological and iconographic program of the Fedorov town and the Ratnaya Palata (Martial Chamber), the largest pre-revolutionary neo-Russian monuments. The article proves that the Galician operation and the Battle of Łódź had symbolic significance for the renewal of the Martial Chamber exposition, with the former standing for fearlessness in the face of both military and civil dangers. It meant the need to equip the Slavic world not only on the imperial principles of subordination of different peoples to the emperor, but also on the national pre-Peterian ones, when the Slavs, including the Rusins, had a common language and a understanding of symbols. The Battle of Łódź meant a miracle to which even enemies submit. Both ideas, “peace” and “miracle”, turned out to be key in the development of a complex iconographic program of paintings and interior of the Fedorov town, so that its real meaning became clear only after the Emperor had visited the construction site and talked to the artists. The analysis of the original documents on this visit, including the recordings of the tsar’s dialogues, as well as the insightful contemporary reflections by the poet Stratanovsky, demonstrates that the Fedorov town represents a complex dialectical synthesis of imperial and national styles, different from the national romanticism, which makes the reduction of the Fedorov town to

national romanticism untenable. On the contrary, the images and symbols from the architecture and books related to the first Romanovs were updated by the First World War. The new program of Slavic unification differed from the previous projects and required a special approach to the unification. Quoting the contexts of religiosity of Russian symbolism and the influence of artistic impressionism clarifies this program and specifies how Nicholas II thought the future of the Russian people, including Rusins, shortly before the political catastrophe of February 1917.

Keywords: neo-Russian style, World War I, Rusins and Russian nation, iconography, national ideology, Galician operation, Fedorov town, Nicholas II.

Первая мировая война была крупнейшим вызовом восточному славянству, когда был поставлен вопрос одновременно о его единстве и его существовании. В настоящей статье мы исследуем первую и главную репрезентацию операций, приближавших русские войска к Карпатской Руси. Применяя иконологический метод и проводя последовательную интерпретацию текстовых и изобразительных программ, мы покажем, что в самой этой репрезентации был заложен план будущей Руси как государства нового типа, победившего империи Запада и собранного поэтому на новых основаниях, с новым отношением к пространству, времени, факту и символу. Сама по себе рассматриваемая программа была оправдана как суггестивное сопровождение всех тех сдвигов, которые происходили в стране в начале XX в., начиная с перевооружения и заканчивая открытием ряда священных топосов. Более того, только она и позволяла вписать военные операции, прежде всего Галицийскую, в общую историю страны, не превратив их в достижения отдельных лиц или случайное стечение обстоятельств. Но определённые противоречия символического языка, который поддерживал в т. ч. военные успехи, показали и некоторые причины нежелательных для страны переломов в войне.

Постройка Фёдоровского городка по проекту С.С. Кричинского началась в конце января 1914 г. и к моменту её посещения императором 12 февраля 1917 г. (по старому стилю), за две недели до конца его власти, близилась к завершению. Обращение к стилистическим идеалам первых Романовых, утверждённое празднеством 300-летия царствующего дома, не исключало множественности источников вдохновения, не только монархических. Хотя прообразом всего комплекса был фрагментарно уцелевший ансамбль подмосковной резиденции в Коломенском, многие архитектурные и интерьерные решения щедро брались из архитектуры Ростовского кремля – не царской, а митрополичьей резиденции. Росписи и предметы декоративно-прикладного искусства основывались на коллекции Государственного исторического музея и личном собрании ктитора

Фёдоровского собора полковника Д.Н. Ломана, который был не только знатоком предметов старины и идеологом строительства городка, но и покровителем множества художников неорусского стиля – от братьев Васнецовых до Н. Рериха. Ясно, что большинство этих предметов не были царской собственностью, они, скорее, являлись частью проекта создания большой русской нации, включавшей и русинское население соседней империи. При этом фактические свидетельства о разговорах во время визита были собраны в официальном описании посещения [10], где беседы были записаны со всей точностью, а специальных исследований по реконструкции иконологической программы Фёдоровского городка на настоящий момент не существует. Исключение составляют отдельные пронизательные замечания Д.М. Магомедовой о связи образов эсхатологически окрашенной русскости у Есенина с образами росписей Фёдоровского городка [8: 76–78].

Именно война империй за будущее нации, а не торжество монархической империи самой по себе и образовывала идеологию неоромантического Фёдоровского городка. Достаточно указать на смежные с основным комплексом постройки, такие как Ратная палата, возведение которой для нужды военно-исторического музея началось в 1911 г. по образцам псковско-новгородской архитектуры, так что уже в 1914 г. здание приняло первые трофеи с фронтов Первой мировой войны. Ориентация на Псков и Новгород, конечно, продолжала имперский способ утверждения господства над северо-западными землями, символизированный образом Александра Невского: лавра в Петербурге, а также православные храмы в Таллине и Варшаве, знаменовавшие то же господство. Но стремление разместить в этом музее полный набор новейших военных трофеев – от пулеметов и технологичного обмундирования до частей аэропланов – говорит не о господстве, а о столкновении империй и требовании уже детального знания друг о друге. На место прежнего триумфализма приходит специфическая этнография столкновения империй, внимательная к быту и соединявшая всех людей, которые способны также проводить границу между «своим» и «чужим».

Связь экспозиции трофеев Ратной палаты с вопросом о русинах прямо прослеживается в помещённых в неё в 1914 г. двух доминантах: ключевых трофеях битв на Западном фронте – Галицийской битвы и Лодзинской операции. Это, соответственно, гравюра с гербом и изображением Львова, добытая («спасённая») при взятии города, и картина С. Масловского «Под Ченстоховом» с изображением немецкого артиллериста, который нехотя направляет пушку на монастырь с чтимой иконой, которую уже успела спасти русская армия. То, что русские не столько берут, сколько спасают города и иконы, сохраняют

их в нетронутом виде, соответствовало и общей идеологии Первой мировой войны, где каждая сторона считала себя хранительницей артефактов цивилизации, а также той новой идее народности, которая должна была включать и жителей бывшей Австро-Венгрии. Народ начинал мыслиться как хранитель и одновременно хранимый, и любая этническая экзотика растворялась в этой идее чудесного спасения артефакта. Не икона спасает, а икону спасает народ, который вдруг стал «своим» и потому способен самим духом единства переломить ход войны и спасти артефакты от осквернения.

Понимание народа как мгновенно учреждаемого единства, стоящего выше как обычаев, так и опыта любых прежних чудес, любых прежних этнических эмоций, поддерживал Д.Н. Ломан. Будучи коллекционером, он пытался сделать коллекционирование не столько народным увлечением, сколько делом собирания единства культуры, разделяемого всеми людьми, так что военное собирание единой русской империи и станет совместным опытом всех, кто причастен к этому делу. Уже в своей книге для народа «Достопримечательности Санкт-Петербурга» (1898) он изобразил императора как образцового коллекционера, путешественника по экзотическим странам, не забывающего пополнять Кунсткамеру [7: 165–166]. Описывая Петербург, он меньше всего говорил об ансамблевом принципе и восприятии города как ансамбля, но подчёркивал экзотизм и необычность решений, как бы тоже горизонтальных и принадлежащих всем зрителям, всему народу, в т. ч. и приехавшим в столицу и способным стать его жителями.

Внимание к судьбам земель Австро-Венгрии проявилось больше всего в деятельности Ломана в годы Первой мировой войны. В противоположность Немецкой гимназии (Петершуле), как бы вражеской, Ломан создал в 1915 г. Славянскую гимназию, которая должна была объединить всё славянство как новое основание культуры. Музей её, поддержанный Нижегородским художественно-историческим древнехранилищем, был, как свидетельствует заметка в газете «Новое время» от 2 декабря 1916 г., соединением принципа древнехранилища и Ратной палаты, где находились как иконы и предметы старинного русского быта, так и трофеи шедшей войны, на равноправном основании цивилизованности всего славянства, которому и предстоит владеть многими землями бывшей Австро-Венгрии как своими законными.

Народническая горизонталь видна во всём образе центральной, как бы исконной и исторической Руси, который создаётся в Фёдоровском городке и который был воспроизведён в СССР в 1969 г. как маршрут «Золотое кольцо». Правда, он был дополнен уже упомянутыми Нов-

городом и Псковом, которые тоже тогда, в конце 1960-х гг., стали предметом повышенного внимания любителей национального демократизма, как, например, исторический романист Д.М. Балашов. Гербы Москвы, Ярославля, Костромы и Владимира, как и двух названных средневековых республик, высечены на белокаменной башне городка, а притрапезная церковь освящена во имя Сергия Радонежского, указывая на Сергиев монастырь и посад, также вошедший позднее в «Золотое кольцо». Только восьмерик башни, а не стены, указывает уже на амбиции собственно династии Романовых. Гербы княжеств «Новгородского, Астраханского, Тверского, Киевского, Владимирского, Казанского, Сибирского и Московского» соответствуют империи Алексея Михайловича, иначе говоря, эпохи перед столкновением империй, которая и противопоставлялась обычно бюрократически-вертикальному проекту Петра Великого и в которой видели потенциал продвижения на юго-западном направлении.

Такая эстетика горизонтали сразу же подрывала привилегии зрения, чему сопротивлялся сам Николай II. Согласно отчёту о его посещении Фёдоровского городка [10], он обратил внимание на то, что одежды певцов повторяют те, что он видел на фресках Васнецова. При этом он боялся, что такие громоздкие ткани будут глушить звук – визуальная иллюзия была для него существенна, но он мыслил как специалист по управлению, конструктивно. Проект же Ломана подразумевал не конструктивность, а некоторое общее поле эстетического воздействия, внутри которого оказываются все, кто разделяет русскость так, как её требует понимать военная ситуация.

Лучшей интерпретацией проекта Ломана как части операций в Галиции и замысла присоединения Карпатской Руси стало стихотворение С.Г. Стратановского, профессионального историка литературы, библиографа, в сжатой образности способного выразить содержание целой монографии [14: 300]. Его стихотворение «Посещение императором Николаем II-ым Русского городка в Царском Селе 12 февраля 1917 года» (2013) иронично уже по названию, соединяющему римские цифры с ненужным при них русским окончанием, тем самым указывающему на политику русификации 1914–1915 гг. как необходимую часть внутренней политики времен Первой мировой войны. Стихотворение построено как репортаж, причём не из тогдашней газеты, где слово «Император» надо было писать с прописной, а из нынешней; при этом прописная буква появляется только в «допетровском» слове «Государь» в конце стихотворения, указывая на эстетические предпочтения героя. Вместо тяжести имперской ответственности здесь и сейчас появляется миссия Государя как связывающего равно значимые эпохи в истории культуры, что, конечно, отвечало самой сути эстетического проекта 300-летия

Дома Романовых – доказать отсутствие культурной границы между допетровским и послепетровским / нынешним временем, но при этом с явным предпочтением допетровского в противоположность империи, ориентированной на дела Северной и Центральной Европы.

Иконологическая программа Фёдоровского городка подтверждает переориентацию с северо-запада на юго-запад, на карпатское направление независимо от того, как именно шла позиционная война. В этом смысле она дополняет проанализированную выставочную программу Ратной палаты, которую без особых усилий удалось контекстуализировать. Стратановский пронциательно анализирует эту иконологическую программу, что прослеживается даже в тонкостях, намекающих на дело Ломана.

Так, вступление Стратановского:

День был пасмурный, хмурый,

но Государь император

Прибыл со свитой и дочерьми ровно в три

Пополудни, и у ворот его встретили

Ктитор собора полковник Ломан

И полковник Андреев, его помощник

– противоречит метеорологическим сообщениям за тот день, что он был пасмурным, но ясным, и только через день погода испортилась. Но дело в том, что слово «хмурый» в значении «пасмурный» установил Есенин, который находился под покровительством Ломана: как показывает корпусный анализ, у Есенина «хмурый» означает просто бессолнечный в отличие от «пасмурный», означающий непогоду.

Другая неточность стихотворения – указание на время прибытия. Согласно отчёту, государь император приехал «около двух часов», как и обещал, причём дочери прибыли ранее. Такая замена времени вряд ли могла иметь какое-то символическое значение в стихотворении, но ключом к ней становится как раз та самая коллекционерская страсть Николая II, которую любил подчёркивать ктитор Ломан: «Осмотрев лестницу и картины, повешенные на её стенах, государь и царевны прошли в детские покои. Здесь Его Императорское Величество обратил внимание на то, как в комнатах много света и тепла, точно определив, с какого по какой час в них солнце. Заметив расставленных на столе солдатиков, государь улыбнулся и сказал: “Павловцы”». Н.Н. Андреев, гвардейский полковник, отвечал за дисциплину в гвардейской пехоте, и Николай II узнал в солдатиках павловцев, которые служили образцом дисциплины. Иначе говоря, расчёт времени объединяется с расчётом караула, и император думает как о календаре, так и о внимании не только к дню, но и к часу, к времени суток и погоде. Тем более множество трофейных пушек в Ратной

палате также могло намекать на артиллерийский счёт времени – по часовым пушечным выстрелам.

Гравюра города Львова как одна из главных реликвий-трофеев Ратной палаты предопределила использование гравюр для росписей – именно она как некая карта символов, важных для коллекционера и хранителя, для того, кто обеспечит истинное сохранение всей Западной Руси, включая Карпатскую, становится источником творчества символов во всех росписях. По гравюрам были расписаны две лестницы, Царская (посещённая последней, росписи ещё не были закончены) и Круга Солнечного. О проходе царя по ним в отчёте повествуется со всеми подробностями. Иконографическая программа обеих лестниц бралась из «лицевых» (иллюстрированных) календарных книг времён первых Романовых и лубочной литературы, где общая программа аллегоризации человеческой жизни объединяет несколько линий: смена времени суток, возраст человеческой жизни и времена года.

Мысленная лестница превратилась в буквальную, как и трофеи должны были материализоваться в горизонтальный контроль России над всеми землями Руси, не в силу имперской бюрократической вертикали, а в силу общности содержаний. Поэтому при подъёме по Царской лестнице посетитель видел соотносёнными возраст, время суток и времена года и упирался в большое изображение Царя-Года – восседавшего на престоле старца. Эта минитаюра была взята из Лицевого сборника времён Алексея Михайловича из собрания Ф.И. Буслаева, а подпись под изображением гласила: «Царь год. Славен зело, велик, светел, богат, во времена некие его же мы знахом добром обладающею всей вселенной, и бысть ин таковых Царь имеюще Царь златомерителя в царских его палатах. Златове на потребу дающе рабом Царским». Эта подпись была взята не из Буслаева, а из одного рукописного синаксаря, где дана барочная аллегорическая «Притча о царе-годе». У Буслаева объяснено, что венец года – это Христос [1: 319]. Таким образом, новый универсализм простого собрания дней и событий шёл на смену вертикальному старому имперскому универсализму. Русь должна была незаметно сменить петербургскую Россию, став всей вселенной благодаря возможности Царя-Года отмерять всё на земле. При этом получается, что, как с Ченстоховской иконой, спасение святыни является делом всех посетивших поле боя, которые становятся как бы коллекционерами и спасают Царицу и её икону в силу необходимости хотя бы символически восстановить «времена некие».

Однако Николай II сначала шёл по лестнице Круга Солнечного, как раз учившей вниманию к гравюрам, календарям и войне как умению

сразу пользоваться календарями и спасать гравюры и другие произведения искусства. Её иконография была взята из «Русских народных картинок» Д.А. Ровинского [11] со ссылкой на утраченные росписи Коломенского дворца и представляла собой зодиакальный календарь. Это было вполне в духе новых астрологических увлечений в Европе XVII в. Достаточно вспомнить, что несостоявшийся русский царь и польский король Владислав IV Ваза был главным в Европе покровителем изготовления телескопов для уточнения астрологических прогнозов ради того, чтобы выигрывать битвы, а гороскопами при дворе Алексея Михайловича занимался поэт Симеон Полоцкий. Особенность зодиакальных изображений состояла в том, чтобы с января по июнь они освещались на восходе, а с июля по декабрь – на закате.

Такое значение освещения было важным в ренессансной архитектуре, ориентированной на астрологические идеи, и оно же оказалось важнее географической ориентации в Фёдоровском соборе: алтарь его был обращён не на восток, а южнее, чтобы в день памяти св. Серафима Саровского 2 января восходящее солнце осветило весь алтарь, благословив тем самым календарный год. Серафим Саровский, почитание которого открыло время новой народности эпохи Николая II (неслучайно Дивеево и Град Китеж находятся в одних нижегородских землях), был изображен и в притрапезном храме, и важно было, что при его канонизации в 1903 г. счёт дней оказался важнее всего в рассказах (спорной достоверности) о нём, например, что он 1000 дней простоял на камне, а все пророчества Серафима Саровского, как правило, апокрифические, указывают точные даты, места и расстояния будущих событий [12: 22–25].

Согласно отчёту, государь остановился перед изображением Рыб (февраля), недоумеая, откуда подпись. Подпись, заметим, незамысловатая: «Месяц Февруарий. Рыбы. Естеством студен и сух. Имаь дней 28, в високос 29». Она взята прямо с гравюры годового круга, народного календаря. Иначе говоря, государь думал о том, что может произойти в текущем месяце, и чувствует день как «хмурый», как точно замечено в разбираемом стихотворении. Именно расчёт времени – по часам, с телеграфом и телефоном – определил успех Галицийской операции, так что трофей, гравюра Львова, которая должна была воскресить Западную Русь как Русь, оказывался точно рассчитанной схемой.

Встретившись в притворе с ктиторм и помощником, император обратил внимание на древнерусскую деревянную мебель. Ему пояснили, что мебель приобретена как образец для будущих работ над мебелью самого городка. Как заявлено в отчёте (вероятно, со слов ктитора), «эти работы <...> не есть рабский осколок минувшего, а лишь

преемственный пересад вечно зелёного дерева исконного русского художества на почву современности, в условия наших дней». Так была осуществлена эта программа «пересадки», которая подразумевала, что война не механически присоединяет трофеи, а делает их частью текущей народной жизни, причём их можно перемещать, и они дают истинно русскую жизнь и там, где они были, и там, куда перемещены. Согласно отчёту, один из немногих предметов мебели, который был готов к посещению, – это лежанка, но государь отказался её опробовать, исходя из бдительности военного времени, того самого расчёта по минутам и секундам.

Однако указания на новые ориентиры государства в эпоху Галицийской операции встречаются дальше и в отчёте, и в стихотворении Стратановского. Поэт пишет:

В Тёплых сенях Государь император увидел
На стене изречение о нашем грядущем спасенье,
Изобилье плодов,
изобилье цветов многокрасочных,
Кистью умелой изображённых.

В отчёте кратко цитируется: «Здесь по красному полю разбегаются во все стороны произрастающие из причудливых кувшинов жёлтые сплетающиеся травы. Они окаймляют жёлтые поля, на которых красно изображены различные знамения и изречения».

Вошедшему в сени, согласно этому документу, прежде всего напоминает о том, что «спасение и победа наша в добром союзе и согласии». Зрительным образом этого изречения является корона, увенчанная лавровыми ветвями. Пашков как художник, гид и собеседник государя был хорошим знатоком иконологии [4: 120–122], и в иконологии надо искать объяснения декору. Согласно отчёту, Пашков и государь даже соревновались в хорошем знании на память предисловия к книге «Символы и эмблемата» [16], потом Николай II стал задавать уже искусствоведческие вопросы.

Конечно, здесь прямо использована эмблема № 137 из работы «Символы и эмблемата» [16], где через корону проходят две скрещенные ветви лавра. Но замечательно, что для росписи художник Г.П. Пашков взял ещё шесть эмблем, среди которых № 43 – одноглавый орел, сидящий на стреляющих пушках под грозой и молнией, и № 62 – двуглавый орел, держащий молнии в руке. Тем самым топики плодов – всеобщего изобилия для народа – соединяется с артиллерийской топикой, напоминающей о важности артиллерии и точных расчётов при Галицийской операции. Это отвечает и программе картины Масловского, согласно которой австрийское войско будет разбито и икона не пострадает от случайного попадания, а надпись в

сенях «Он не страшится ни того ни другого» говорит о том же самом.

Учитывая, что шесть эмблем сразу напоминают о таком же количестве гербов древнерусских городов на несущих стенах башни городка, в этом как раз можно увидеть новый имперский стиль как стиль Руси. Главное, что в этой программе сохранены все результаты Галицийской битвы: дополнение стратегии тактикой, необходимость следить не только за пушками, но и за молниями, т. е. быстрой передачей сообщения, внимание к гравюрам, картам и планам, наконец, мистическое обоснование чудесного спасения царя народом, понимание народа как соучастника чуда.

Тогда все причастные Руси принадлежат как подданные императорской короны царственному торжеству и царственному священству, которым являются любые миряне [15: 202], что отражается и в дальнейшей иконографической программе, в которой православные верующие изображаются птицами среди райских ветвей. При этом тут же парят двуглавые орлы – государственность оказывается частью народного выбора рая. Трофейные пушки тогда замолчали, замолчал ренессансный перспективизм, напрямую связанный с развитием артиллерии [13: 80–87], и вместе с ними кончились вертикально-бюрократические проекты империи.

Стратановский опять прямо перелагает отчёт:

Дальше по переходу –
изображенья иные.

Птицы там золотые.

В отчёте этому соответствует «ближний к сеням переход – по серому полю голубые травы с росписью золотом. Ближний к лестнице – по голубому полю серые травы, тоже с росписью золотом». Золотые птицы – это образ уже не просто земного рая, который мы видим, а Царствия Небесного для всех чад Руси, как в сплаве золота царской короны. Но они появляются только после лестницы Круга Солнечного, т. е. после ожидаемой победы: «Заканчивается лестница переходом, выдержанном в том же духе, но расцветка гуще и узор тяжелее. В распалубках и на стенах перехода двуглавые орлы по более тёмному полю».

Интересно, что птицы есть и в предтрапезной палате, которая упомянута ниже и в отчёте, и в стихотворении. И там птицы значат летописцев, т. е. носителей точного знания и точного расчёта, прославляющих победу и утверждающих её закономерность и значимость для обновлённой Руси. Приводим диалог Николая II и Г. Пашкова полностью:

«– Откуда это взято?

– Из летописей и лицевых изображений. В распалубках знамения

лицевых изображений: царя – грифон и лев, бояр – единорог, воинов – стрельцы, летописцев – птицы.

– Птицы? Почему это?

Государь с любопытством рассматривал птиц.

– Но почему же именно птицы?

– Они свободны, как птицы небесные, в полёте своего творчества.

– А что у летописцев на хартиях?

– Слова с Царского места Московского Успенского собора.

– Их я хорошо знаю».

Иначе говоря, летописцы понимаются как вестники победы и в то же время как свободные люди, демократически и горизонтально утверждающие свободу для народов, прежде покорённых западными империями.

В той же строфе стихотворения Стратановского следующие пять строк:

ну, а в Палате Предтрапезной

Посолиднее росписи:

царь в окружень бояр:

Взор из плоскости –

грузный на фоне багровом

– перелагают замечательный эпизод из отчёта, который тоже лучше привести подробно:

«Глаз, отдохнувший на тихих красочных впечатлениях, неожиданно поражается багряностью Предтрапезной палаты. Вся она – в лицевых изображениях. Причём особенностью росписи является значительная величина этих изображений, что при относительно низком потолке даёт совершенно своеобразное настроение. Лицевые изображения не производят, однако, впечатлений картины или иконописи, они являются таким же красочным сплетением линий и пятен, как и обычные росписи цветами и травами.

– Срединное место занимает царь, восседающий на престоле славы своей – начал Г.П. Пашков. – В руках у него скипетр и держава – знамения власти. По бокам царя стоят два боярина со свитками. Это ближние исполнители воли царской. Далее встали два воина с мечами и знамёнами, имея позади себя церкви и хоромы с башенками, которые они защищают. Это воинство православное. Против царя сидят убелённые сединами старцы с длинными хартиями, на которые они заносят всё, чему являются нелицеприятными свидетелями. Солнце и луна взирают очами своими, как непрестанные стражи времён и лет».

Слова «посолиднее» и «грузный» в таком экфрасисе явно указывают на нависание росписей на низком потолке. При этом произошёл ряд смещений. Конечно, роспись была не багровой, а багряной, ярко-

красного цвета, и именно так она должна была выглядеть в солнечный день. Но в стихотворении день изображён пасмурным, поэтому торжественный багряный цвет превращается в пугающе-багровый. Далее, композиция напоминает Деисис (моление, иконографический чин), а вовсе не заседание или совещание, чтобы говорить о том, что царь в окружении бояр. И главное – из плоскости поэтического экфрасиса явно не соответствует ни сводчатому, ни плоскому потолку, ни тому импрессионистическому экфрасису, отрицающему любые эффекты плоскостного впечатления, которое мы только что прочли. Поэтому под плоскостью можно иметь в виду саму эту ситуацию застывшего времени – на хартиях летописцев и в неподвижности декоративных солнца и луны, вдруг означающих не законную власть календаря, но безвременье. Так что этот проект вдруг оказывается бессильным, предвещая военное поражение.

Можно вспомнить нью-йоркское издание книги «Стихи и песни» В. Высоцкого, где спародирован этот мотив «лубочной» иконописи и просто лубка: Шемякин вставил сигарету в щербатый рот солнца, указав тем самым на бессмысленность и шутовство застойной эпохи. Это солнце есть и на обложке книги, и на многих иллюстрациях, в частности иллюстрации к песне «В одной державе, с населеньем» [3: 54] о руководителе-алкоголике, где искусно пародируется композиция вроде той, что была в Предтрапезной палате: только защищаются бутылки, и против царя стоят бутылки. Заметим, что если говорить не о Брежнев, а о Николае II, то обвинение его в деградации от алкоголизма поддерживалось только его политическими противниками как связка слабости и спонтанного принятия решений.

В иконографической программе мы видим, что спонтанное принятие решений шло от внимания к дню и часу и сохранению гравюр к пониманию золота короны как неожиданного чудотворства и единства всех жителей Руси. Об этом удачно говорит Стратановский в следующей строфе, показывая, что достаточно для описания слова «рай», а значит, единый русский язык объединяет всю русскую нацию, включая подданных бывшей Австро-Венгрии:

Дальше в Трапезной – рай.

Там на сводах – деревья цветущие,

Львы стерегущие, Сирины, что-то поющие,

Рай, одним словом.

Действительно, отчёт указывает: «У корней увенчанные и расцветшие древа держат стерегущие их львы и единороги, а в причудливой листве укрываются бесчисленные птицы <...> На двух срединных досках написаны Романовские гербы, по бокам которых на ветвях сели вещи Сирины. Двери Трапезной и перемычная дуга, ведущая в

Царскую палату, украшены лепным причудливым, под слоновою кость узором, сплетающимся из трав, цветов, птиц и зверей». Прекрасно, что в Трапезной, согласно отчёту, множество двуглавых орлов, каждый из которых «являет славу своего государя, поэтому все они разные» – от Иоанна III Великого (Грозного, как он назывался при жизни) до Алексея Михайловича, включая, кстати, и Лжедмитрия! Тем самым, утверждается новая концепция истории как постоянного связывания равноправных периодов, которое только и позволяет утвердить власть не как над империей, а как над Русью. Для поиска этих орлов широко использовались как знаменитые фонды вроде архива Министерства иностранных дел, так и менее известные, и получалось, что гравюры оказались источником поддержания власти в ситуации опасностей и даже смут, того самого календарного внимания, внимания ко всем нюансам погоды и пересечённой местности, которое было необходимо при Галицийской операции.

Замечательно, что в отчёте упомянуто, что над церковными дверями находилась икона Спаса Нерукотворного «Мокрая Брада». Такое принятое среди иконописцев обозначение клиновидной бородки, в отличие от бородки прядками, было категоризировано как иконографический тип в книге Н.П. Кондакова «Лицевой иконописный подлинник» [6: 97]. Кондаков утверждал византийское происхождение этого типа. Без его книги, вероятно, процитированной Пашковым, в отчёт не попало бы такое заковыристое выражение. Так, власть гравюр, подлинников, прообразов оказывается сильнее власти привычных режимов восприятия, к которой привыкли император и его окружение.

Также замечательно, что, согласно отчёту, Николай II не понял смысла изображения «Лев и Единорог» – символа Московской синодальной типографии, известного каждому москвичу, проходившему по Никольской улице. Николай II опознал как геральдического зверя только льва, а что единорог тоже выражает величие и непоколебимость власти (а по другой версии – бояр как коммерческое обеспечение власти), подсказал художник. Итак, император мыслил уже не как летописец или историк, но как пребывающий в мире чудесного торжества и чистого присутствия власти, где есть золотая корона, золотой орёл, золотой лев, но белых птиц и белых единорогов нет. Сама иконографическая программа ещё не решила вопрос о природе власти, о том, что абсолютистская монархия несоединима с правильным считыванием всех графических символов.

Наконец, финал, который в вариации нашего современника Страновского оказался даже удачнее, чем в официальном отчёте, как раз говорит о том, как именно достигается новое единство Руси, не

сводящееся ни к древнерусскому, ни к последующему имперскому опыту, но потребовавшее тяжелейших военных испытаний:

Государь император остался доволен увиденным.

«Бог вам в помощь, – сказал он, –

трудитесь над возрождением

Красоты, прежде бывшей

и на дне Светлояра погибшей.

Бог вам в помощь, изографы, резчики, зодчие,

И, конечно, рабочие».

Монолог государя – это, как у античных историков (а Стратановский – сын крупнейшего переводчика античных историков на русский), фиктивный монолог, выдуманный поэтом. В отчёте только говорится: «Государь император приветливо попрощался, поблагодарив всех за работу на пользу и процветание русского исконного художества, и при прощании жаловал всех рукой». Но в основе вымышленного монолога лежат два эпизода.

Первый – это посещение Царской лестницы, где должны были быть, кроме возрастов-сезонов-времен суток, ещё и короны царств, упомянутых в титуле государя. На лестнице должны были располагаться два изречения, под которые на время посещения было оставлено место, но между посещением и Февральской революцией как раз дописаны были по свежей памяти события. Одно – это четверостишие Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...», а второе – личная благодарность государя, записанная как его устные слова по итогам посещения: «Приветствую добрый почин в деле возрождения / художественной красоты русского обихода. / Спасибо всем потрудившимся. // Бог на помощь вам и всем работникам в русском деле». Если четверостишие Тютчева задавало перспективу «ченстоховского чуда», перед которым пасует немец-артиллерист, то слова Николая II прямо говорят о том, что красота русского обихода, включая гравюры и лубки, не есть просто археологическая данность, она должна быть возрождена, как новая мебель на основе собранной, и тем самым оборудование должно работать безотказно, создавая новую Русь везде, где прошли военные действия.

Другой источник – диалог при посещении Царской палаты, которая, согласно отчёту, венчает Трапезную палату «как золотым венцом». Учитывая, что золотой венец Царя Года символизирует Христа, а над дверью из Трапезной – Спас Нерукотворный, то понятно, что символически Трапезная – земной рай, а Царская – само Царствие Небесное. «Золото, изумруд травы, пурпурно-красные ягоды и белые птицы – как венец иконный окружили будущий стол царский». Стол – это престол, а венец – нимб, и внутри этого золотого нимба император

только и желал жить, в чистой репрезентации своей абсолютистской власти, чтобы не просто сбывались пророчества и предостережения летописцев, а чтобы сплавилась как никогда русская нация. Дальше происходит замечательный диалог:

«– Скажите почему здесь так много белых птиц?

– Их, Ваше Императорское Величество, так любил царь Алексей Михайлович. Основой же для росписи послужили заставки и украшения из церковных книг его времени.

– Но разве тогда писали по золотому полю?

– Раньше думали, что нет. А теперь последняя расчистка стенописи Московского Успенского собора показала, что писали по золотому полю.

– Теперь вспоминаю. Мне князь Ширинский-Шихматов говорил. Там расчищена уже большая площадь.

– Почти три четверти всего.

– Это очень большое приобретение для русского художества.

– А чем здесь исполнена роспись?

– Как и во всех зданиях – яичными красками, так называемой вапой.

– Почему?

– Масляные краски закрывают поры стены, а яичная нет. Стены при росписи вапой продолжают дышать».

Оказывается, что император открывает золотое поле как возможность чистого осуществления исторической судьбы, удивляясь, что какие-то ещё участники истории, «белые птицы», входят в эту судьбу. Таким образом, некоторое слепое пятно абсолютизма становится очевидным, что саркастически и выразил поэт:

Птицы дивные

смирно на сводах сидели.

Царь ушёл.

Оставалось всего две недели

До Революции русской.

Заметим, что изобразительная программа Ломана и Пашкова, которую мы назвали бы протоавангардной, раз она претендует на целостное осмысление и пересборку всей реальности, новое осмысление и святости, и власти, и пушек, и народности, была предвосхищена как раз обстоятельствами, сопровождавшими упомянутую канонизацию Серафима Саровского. Как мы знаем, озеро Светлояр, как и град Китеж, после путешествия Мережковского и Гиппиус в 1902 г. [2: 390] стало одним из мифов русской культуры, вплоть до Пришвина и даже Игоря Северянина [9: 72–73]. Это именно светлое озеро альтернативной церковности, Царствия Небесного, охватывающего всех, как

золотым нимбом. В своем очерке «Светлое озеро» [5] З.Н. Гиппиус с самого начала описывает такое паломничество как неканоническую литургию, включающую все композиционные моменты последней с соответствующими режимами созерцаний и переживаний: общее собрание, собеседование, мольба и, наконец, поминание в Царствии Небесном: «Всю ночь происходят молебствия и собеседования. Народу собирается тысячи. Ездят и православные миссионеры из Н., а также из окрестных городов. На заре, по старинному преданию, и видят “достойные” таинственный город отраженным в озере, и слышен бывает по воде тихий звон колоколов».

Описание такой литургии оказывается очень живым, как и положено в православной церкви, сопровождающейся молитвенным разнобоем и созерцанием алтаря как «домика», места совершения невидимого таинства, к которому уже все заведомо причастны. При этом великий вход оказывается заменён отходом с места и возвращением «к людям», но с тем же смыслом перехода от проповеди к Страстям: «Кучки, кучки народа. Говорят, кричат, спорят. Слышно: “Лжеученье!”, “Анафема!”, “А преподобный говорит...”, “А в XVII стихе сказано...” Кто-то надрывается тонко: “Сердце-то! Про сердце-то забыли! Бог любви есть...” – Изнемогшие спят на траве, с котомками под головами. Где не спорят – молятся иконам на деревьях, на полотнах, теплят свечи, поют – жужжат. Подальше, где поглуше, тоже молятся, по трое, иногда по двое: мать да дочь. Принесли с собой икону, повесили на ствол, читают на коленях, кладут поклоны. Это разных толков староверы, больше беспоповцы. Огоньки, где поглуше, ярче освещают нижнюю листву берёз. Внизу, на тропе, у воды, – источник, бегущий с холма. Над ним крошечная часовенка, точно кукольный домик, игрушечная церковка. И тут огни, монашки читают по старой книге, молятся.

Мы отошли совсем в лес, далеко, и легли отдохнуть на траву, одни.

Но скоро нас опять потянуло к людям.

Окольной дорогой, через ручьи, мы как-то вышли сразу к часовне и эстраде, где, окружённый толпой народа, сражался о. Никодим, уже полуохрипший. С усилием мы взобрались к нему и присели на сундук с книгами».

Замечательно, что при этом крылатость изображённых живых существ на иконах оказывается главным экфрасисом очерка Гиппиус, предвосхищающего тем самым программу Ломана и Пашкова: «Но как хороша стенная живопись! Крылатые Предтечи повсюду. А в одном из алтарей, на дальней стене, есть даже дивный образ длиннокрылой Богоматери, кажется, единственный. Удивительна одна церковь – стройностью, красотой и тайной разноцветных стёкол».

Яркость пятен, в противоположность строгой иконописи, упомянута

в отчёте, только если у Гиппиус это оптический эффект праздничных стёкол, то в отчёте это характеристика композиционного решения Предтрапезной палаты, ключевой для философии царской власти очерка. Богоматерь и Предтеча – участники Деисиса (Моления), единственного, как мы выяснили, композиционного принципа Предтрапезной палаты.

Разумеется, никакого изображения крылатой Богоматери иконопись не знает. Вероятно, Гиппиус плохо разобрала образ Знамения, где Богоматерь поднимает руки не высоко, как Оранта (образ, важный для неохристианских поисков начала века, поскольку напоминал о некоей общечеловеческой религиозности и преддогматическом первохристианстве), а на уровне плеч, так что издали это кажется крылышками. Но именно такой образ был и в Предтрапезной церкви Фёдоровского городка, иначе говоря, образ Знамения вошёл как необходимый образ такой внехрамовой литургии, где все люди, как свободные птицы, в т. ч. Богоматерь, – они же, как летописцы, фиксирующие факты и тем самым провозглашающие открыто на поле боя, на бывших австрийских землях, торжество Руси.

Итак, в статье нам удалось показать следующее: 1) как действительно связан новый проект большой Руси, противопоставленный прежней, как бы западнической империи, с иконологическими программами и мироощущением последнего Романова; 2) как именно иконология позволяет раскрыть осмысление при дворе и в обществе военных операций Первой мировой войны, их идеальное видение, а значит, специфику борьбы за земли бывшей Австро-Венгрии; 3) как формировался этот новый идеал Руси, кто были его художники и организаторы, как по-новому осмыслялась народность; 4) насколько иконология могла выражать некую программу цельного осмысления и преобразования реальности, будучи тем самым протоавангардом (последний термин введён осторожно); 5) возможные причины военных неудач на карпатском направлении в связи с отсутствием в иконологии, при всей её цельности, символов ограничения абсолютизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. 429 с.
2. *Воронцова Т.В.* Путешествие Мережковских на Светлояр и очерк З.Н. Гиппиус «Светлое озеро» // Волшебная гора. 1997. № 6. С. 387–392.
3. *Высоцкий В.С.* Стихи и песни. Нью-Йорк: Apollon Foundation, Rossica Publ., 1988. 202 с.

4. Гаврилова Л.В. Росписи Фёдоровского городка в Царском селе: Об одной странице творческой биографии Георгия Павловича Пашкова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 1. С. 119–137.

5. Гиппиус З.Н. Светлое озеро. СПб.: Новый путь, 1904. № 1. С. 151–180.

6. Кондаков Н.П. Лицевой иконописный подлинник. СПб.: Комитет попечительства о русской иконописи, 1905. Т. 1. 97 с.

7. Ломан Д.Н. Достопримечательности Санкт-Петербурга. СПб., 1898. 202 с.

8. Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (статья вторая) // Новый филологический вестник. 2006. № 1. С. 74–84.

9. Марков А.В. Теоретико-литературные итоги первых пятнадцати лет XX века. М., Екатеринбург: Ридеро, 2015. 118 с.

10. Описание посещения Императором... Русского городка. Центральный государственный архив в Ленинграде. Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 109.

11. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. СПб., 1900. 100 с.

12. Степашкин В.А. Серафим Саровский. М.: Молодая гвардия, 2018. 565 с.

13. Флоренский П.А. Обратная перспектива // Сочинения. Т. 2: У водоразделов мысли. М., 1990. С. 46–98.

14. Цыпилева П.А. Античные мифологемы и современный контекст: структурный принцип поэтики С. Стратановского // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск, 2015. Вып. 16. С. 300–304.

15. Шмеман А. Евхаристия: таинство Царства. М.: Паломник, 1992. 313 с.

16. Symbola et Emblemata. Amsterdam, 1705. 306 с.

REFERENCES

1. Buslaev, F.I. (1861) *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical Essays on Russian Folk Literature and Art]. Vol. 2. St. Petersburg: D.E. Kozhanchikov.

2. Vorontsova, T.V. (1997) *Puteshestvie Merezhkovskikh na Svetloyar i ocherk Z.N. Gippius "Svetloe ozero"* [Merezhkovsky's voyage on the Svetloyar and Z.N. Gippius' essay *A Shiny Lake*]. *Volshebnyaya gora*. 6. pp. 387–392.

3. Vysotskiy, V.S. (1988) *Stikhi i pesni* [Poems and Songs]. New York: Apollon Foundation & Rossica Publ.

4. Gavrilova, L.V. (2015) *Rospisi Fedorovskogo gorodka v Tsarskom sele: Ob odnoy stranitse tvorcheskoy biografii Georgiya Pavlovicha Pashkova* [Murals of the Fedorov Town in Tsarskoe Selo: On one page of Georgiy Pavlovich Pashkov's creative biography]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA – Decorative Art and environment. Gerald of the MGHPA*. 1. pp. 119–137.

5. Gippius, Z.N. (1904) *Svetloe ozero* [A Shiny Lake]. *Novyy put'*. 1. pp. 151–180.

6. Kondakov, N.P. (1905) *Litseyov ikonopisnyy podlinnik* [Facial icon painting original]. Vol. 1. St. Petersburg: Komitet popечitel'stva o russkoy ikonopisi.

7. Loman, D.N. (1898) *Dostoprimechatel'nosti Sankt-Peterburga* [Sights of St. Petersburg]. St. Petersburg.
8. Magomedova, D.M. (2006) "Ya odin... i razbitoe zerkalo...": literaturnye maski Sergeya Esenina (stat'ya vtoraya) ["I am alone... and a broken mirror...": Sergei Esenin's literary masks (article two)]. *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*. 1. pp. 74–84.
9. Markov, A.V. (2015) *Teoretiko-literaturnye itogi pervykh pyatnadsati let XX veka* [Theoretical and literary results of the first fifteen years of the 20th century]. Moscow, Ekaterinburg: Ridero.
10. Anon. (1917) *Opisanie poseshcheniya Imperatorom... Russkogo gorodka* [Description of the visit by the Emperor ... to the Russian town.]. The Central State Archive in Leningrad. Fund 489. List 1. File 109.
11. Rovinskiy, D.I. (1900) *Russkie narodnye kartinki* [Russian folk pictures]. St. Petersburg: R. Golike.
12. Stepashkin, V.A. (2018) *Serafim Sarovskiy* [Seraphim of Sarov]. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Florenskiy, P.A. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: [s.n.], pp. 46–98.
14. Tsypileva, P.A. (2015) Antichnye mifologemy i sovremennyy kontekst: strukturnyy printsip poetiki S. Stratanovskogo [Ancient myths and the modern context: the structural principle of the poetics of S. Stratanovsky]. In: Dolganina, A.A. (ed.) *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical Questions of Linguistics and Literary Studies]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Schmemmann, A. (1992). *Evkharistiya: tainstvo Tsarstva* [Eucharist: The Mystery of the Kingdom]. Moscow: Palomnik.
16. Tesing, J. & Kopievsky, I. (1705) *Symbola et Emblemata*. Amsterdam: Heinrich Wetstein.

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (Россия).

Alexander V. Markov – Russian State University for the Humanities (Russia).

E-mail: markovius@gmail.com

УДК 39(477.87)(437.6)(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/3

«Геть отрую з наших хат!»: протиалкогольний дискурс газети «Наш лемко»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечний³

^{1,2} Дрогобицький державний педагогічний університет ім. І. Франка
Україна, 82100, м. Дрогобич, вул. І. Франка, 24
E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Київський національний університет культури і мистецтв
Україна, 01601, м. Київ, вул. Є. Коновальця, 36
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторське резюме

В статті досліджено протиалкогольну політику редакції газети «Наш лемко» (Львів, 1934–1939). З'ясовано головні сюжети при зверненні до цієї теми. Доведено, що серед причин швидкої алкоголізації русинів Лемківщини часопис акцентував соціально-психологічну складову: мешканець гірського села, обтяжений безземеллям, свавіллям чужонаціональної бюрократії і непідйомними податками, втрачав сенс власного існування. Використовуючи тогочасні напрацювання активістів європейського й українського руху за тверезість, «Наш лемко» системно підійшов до справи популяризації здорового способу життя у середовищі своїх читачів. Апелюючи до їх розуму промовистими даними статистики та кримінальної хроніки, газета разом із тим непокоїла уяву русина багатьма засобами художнього впливу. Наслідками такої політики, попри її подекуди неприглядні моменти (насамперед, антисемітську риторіку), було зростаюче розуміння серед населення Бескидів, що причинами багатьох негараздів є власне нерозважливе ставлення до алкоголю та нікотину. Підсумовано, що лемки дали гідну відповідь цьому громадському лиху, свідченням чого було стрімке зростання кількості гуртків товариства «Відродження» у гірських селах, що об'єднували дедалі більше русинів-абстинентів. Така консолідація була дуже важливою для лемківської громади напередодні важкого випробування, яким виявилася Друга світова війна.

Ключові слова: часопис «Наш лемко», Лемківщина, русини, протиалкогольна політика, Друга Річ Посполита, товариство «Відродження».

«Прочь отраву из наших домов!»: антиалкогольный дискурс газеты «Наш лемко»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечный³

^{1,2} Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко

Украина, 82100, г. Дрогобыч, ул. И. Франко, 24

E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Киевский национальный университет культуры и искусств

Украина, 01601, г. Киев, ул. Е. Коновальца, 36

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторское резюме

В статье исследована антиалкогольная политика редакции газеты «Наш лемко» (Львов, 1934–1939). Выяснены главные сюжеты при обращении к этой теме. Доказано, что среди причин быстрой алкоголизации русинов журнал называл социально-психологическую составляющую: житель горного села, обременённый безземельем, произволом инациональной бюрократии и неподъёмными налогами, терял смысл собственного существования. Используя тогдашний опыт активистов европейского и украинского движения за трезвость, «Наш лемко» системно подошёл к делу популяризации здорового образа жизни среди своих читателей. Апеллируя к их разуму красноречивыми данными статистики и криминальной хроники, газета вместе с тем тревожила воображение русинов многими средствами художественного воздействия. Последствиями такой политики, несмотря на её местами неприглядные моменты (прежде всего антисемитскую риторику), было растущее понимание среди населения Бескидов, что причинами многих проблем является собственное безрассудное отношение к алкоголю и никотину. Сделан вывод, что лемки дали достойный ответ этой общественной беде, свидетельством чего стал стремительный рост количества кружков общества «Возрождение» в горных сёлах, которые объединяли всё больше русинов-абстинентов. Такая консолидация была очень важна для лемковской общины накануне тяжёлого испытания, коим оказалась Вторая мировая война.

Ключевые слова: газета «Наш лемко», Лемковщина, русины, антиалкогольная политика, Вторая Речь Посполитая, общество «Возрождение».

“Down with Poison in our Houses!”: Anti-Alcohol Discourse of *Nash Lemko* Newspaper

V.V. Telvak¹, V.P. Telvak², V.M. Nakonechnyj³

^{1,2}Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University

24 Ivan Franko Street, Drohobych, 82100, Ukraine

E-mail: telvak1@yahoo.com

³Kyiv National University of Culture and Arts,

36 Konovalcia Street, Kyiv, 01601, Ukraine

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Abstract

The article examines the anti-alcohol policy of *Nash Lemko* newspaper (Lviv, 1934–1939) to determine its main aspects. According to the materials of the newspaper, the rapid intoxication of Rusins had a socio-psychological nature: burdened with landlessness, foreign bureaucracy arbitrariness and raising taxes, a typical resident of a mountain village lost the purpose of existence. Drawing on the experience of activists of the European and Ukrainian temperance movements, *Nash Lemko* systematically promoted a healthy lifestyle among its readers, appealing to their minds both with statistics and criminal chronicles and by means of artistic influence. Despite the unsightly moments (primarily anti-Semitic rhetoric), this policy resulted in a growing understanding among the Lemkos that their problems were mainly caused by their own reckless attitude towards alcohol and nicotine. The authors conclude that the Lemkos adequately responded to this social problem, as was evidenced by the rapid growth in the number of the “Revival” circles in mountain villages, which united Rusins-abstainers. This consolidation was very important for the Lemko community on the eve of the Second World War.

Keywords: Nash Lemko, Lemkivshchyna, Rusins, anti-alcohol policy, Second Polish Republic, The Revival Society.

Дослідники історії лемківського субетносу практично одноставні в переконанні про важливість міжвоєнного періоду для кристалізації національного самоусвідомлення представників цієї найзахіднішої гілки українства. Саме цим здебільшого можна пояснити виразне кількісне домінування літератури, у якій висвітлюються різні аспекти життя русинів у Другій Речі Посполитій. Тож завдячуючи працям І. Ваната, А. Ковача, І. Любчика, М. Мушинки, М. Саполиги та ін. [9: 28–41], сьогодні ми доволі добре поінформовані про культурне та

економічно-господарське життя лемків, а також їхню важку боротьбу з тогочасними викликами, насамперед антиукраїнською політикою польських урядів, що легковажили національним вибором своїх громадян, як і масовою еміграцією, унаслідок якої стрімко змінювався етнічний склад населення Бескидів.

Утім, майже нічого на сьогодні не написано стосовно реакції лемківських активістів на ті проблеми, корені яких криються в самому русинському середовищі. Йдеться насамперед про епідемічний характер ширення алкоголізму, що зсередини руйнував лемківську громаду. Про його загрозливість свідчить постійно зростаюча увага русинської періодики, на шпальтах якої стрімко алкоголізація лемків маркована найбільшим суспільним лихом того часу. Тим часом у сучасних дослідженнях руху тверезості на західноукраїнських землях (насамперед загадаємо добре знані опрацювання Б. Савчука, В. Лаби та Я. Стасіва [14: 11–14]) регіональний лемківський аспект вочевидь недооцінений. Його легковаження унеможлиблює не лише цілісну реконструкцію картини боротьби з алкоголізмом у Другій Речі Посполитій, але й комплексне осмислення русинського феномену міжвоєнної доби.

Як перший крок до висвітлення згаданої теми відтворимо протиалкогольний дискурс одного з популярних серед русинів Другої Речі Посполитої часопису «Наш лемко», котрий виходив що два тижні у Львові впродовж 1934–1939 рр. З огляду на особливу вагомість цього часопису як історичного джерела до реконструкції історії русинів 1930-х рр., про нього неодноразово згадується в історіографії лемкознавства [16]. Водночас поки що бракує самостійних студій, де б з'ясовувалася евристична цінність матеріалів часопису для реконструкції протиалкогольної боротьби на Лемківщині у міжвоєнний час. Опрацьовуючи численні матеріали часопису, ми використали такі методики та підходи, як-от систематичний, порівняльний і критичний аналіз джерельної бази, представленої великими текстовими масивами. Здійснити коректну інтерпретацію різножанрової газетної інформації уможливило застосування методики контент-аналізу.

Насамперед стисло змалюємо генезу абстинентського дискурсу русинської періодики міжвоєнного часу. З огляду на зростаючу загрозливість темпів поширення алкогольної залежності в лемківському середовищі, починаючи від останніх десятиліть XIX ст. на теренах українських Бескидів дедалі активнішим ставав рух за тверезість. У той час його очолювали греко-католицькі священники, що були чи не єдиними представниками русинської інтелігенції. Особливо активним на полі громадської боротьби з алкоголізмом був знаний русинський інтелектуал священник Антон Бескид [7: 3].

Тож не повинно дивувати, що коли його онук Юліан Тарнович очолив редакцію авторитетного русинського двотижневика «Наш лемко», він перетворив газету на рупор активного руху за тверезість у середовищі своїх земляків.

Передовсім автори часопису вдалися до діагностики цієї, на їхню справедливу думку, «виразки» громадського життя, сягнувши витоків проблеми алкоголізації русинів. З'ясовуючи ґенезу питання, «Наш лемко» дійшов парадоксального висновку, що здобуття особистої свободи в 1848 р. «мало дуже важкі наслідки для нашого народу, а між іншим і для його тверезости» [8: 8]. Йшлося про те, що перед тим алкогольню залежний селянин міг пропивати тільки те, що заробив, але позбутися хати й землі йому було складно, оскільки це потребувало дозволу пана й багатьох заходів. Ставши повновласним господарем своєї оселі, саду й поля, селянин отримував у шинкаря великий кредит і міг пити доти, доки не пропивав власної нерухомості й перетворювався на жebraка. «І справді від 1848 року, – твердить дописувач газети, – п'янство поширюється знов ще більше серед нашого народу; горільні, шинки множаться ще більше, а тисячі наших селян пропивають легкодушно весь свій маєток, який переходить в чужі руки» [8: 8]. Стрімке поширення пияцтва серед лемків дописувачі також пояснювали матеріальною зацікавленістю дідичів і шинкарів, яким продаж горілки й тютюну приносив небачені раніше зиски. Доходило навіть до того, що в 1870–1880-х рр. у багатьох околицях Лемківщини популярним був заробіток не грішми, а горілкою і тютюном, що ще більше ширило пияцтво серед селян.

Помітно зросли масштаби цього лиха в міжвоєнний час. Тоді хімічна промисловість збагатилася винаходом відносно дешевого технічного спирту для побутових потреб. Оскільки цей виріб не належав до харчових продуктів, поліція тривалий час не цікавилася особливостями його використання й поширення. Тим часом різноманітні ділки навчилися з нього робити сильнодіючий алкогольний денатурат, котрий у лемків отримав декілька назв – «шпіритайка», «етер» і «кропка». Його токсичність виявилася значно вищою порівняно зі звичайною горілкою, призводячи до швидшого звикання (особливо в разі ослабленого хронічним недоїданням організму) та до чималої інвалідизації внаслідок незворотного ураження органів травлення, зору та психіки. З огляду на це лемківська періодика забила на сполох, на багатьох прикладах показуючи своєму читачеві згубність новомодного трунку. Так, «Наш лемко» пояснював: «Змішаний з горівкою етер має ту прикмету, що людей скорше, як горівка оп'янює. Рівночасно п'ючі етер дуже скоро впадають у наліг п'янства і т. зв. наркоманії, з котрого їх треба опісля лічити аж у відповідних шпиталях» [18: 1].

Осмислюючи причини такої популярності алкоголю у тогочасному русинському середовищі, «Наш лемко» слушно підмітив, що це є одним із наслідків фрустрації, невтілених життєвих планів. Йшлося про те, що мешканець гірського села, обтяжений безземеллям і великими податками, відчував також власну безпорадність перед свавіллям чужонаціональної бюрократії, котра трактувала його як людину нижчого ґатунку. У цій ситуації екзистенційної безвиході люди зі слабкою психікою обирали втечу від непривабливої реальності та дедалі частіше віддавали перевагу станові зміненої алкоголем свідомості. Прикметно, що автори часопису показували цю проблему в загальнонаціональному масштабі, наголошуючи на незагоєній історичній травмі українців. «Жадному народові обі отрути не нанесли в минулому і не приносять в теперішності стільки лиха, що українському, – наголошував дописувач “Нашого лемка”. – Може тому, що він найдовше зі всіх був і є в неволі, що висмоктує з нього найкращі сили й нищить його відпорність. І тому наш нарід перед іншими повинен боротися з отрутами, що загрожують його життя й ломлять його силу» [3: 7].

Усвідомлюючи загрозовість алкоголізму для самої екзистенції лемківського світу, русинські активісти, а серед них і автори «Нашого лемка», розгорнули широку кампанію з інформування своїх земляків про небезпеку зловживання горілкою. Насамперед на озброєння було взято особливо чутливий для пересічного зубожілого русина економічний аргумент. Використовуючи державну статистику, «Наш лемко» промовисто демонстрував, що, незважаючи на хронічну господарську кризу, населення Другої Речі Посполитої не скорочує свої видатки на шкідливі звички. Ілюструючи значні обсяги таких витрат, часопис твердить: «Жахливі цифри говорять самі за себе: 120 мільйонів злотих на алкоголь і 60 мільйонів на тютюн! Сама ця цифра 180 мільйонів злотих, виданих щорічно, заперечує, наче б в нас не пили та не курили, бо нема за що... Ці страшні цифри хай струснуть приспанім сумлінням громадянства, та звернуть йому увагу» [6: 4]. Переходячи від наведених цифр державної статистики до щоденних витрат селянина, в одному з чисел «Нашого лемка» наводилася показова інформація, що за одну чарку горілки можна на вибір придбати 6 склянок молока, 3 яйця, кілограм хліба, 12 булок, 350 г сиру чи 4 кг картоплі [22: 4].

Економічні резони на сторінках газети підсилювалися змалюванням численних особистих і суспільних негараздів, котрі ніс у лемківське середовище алкоголізм. Так, один із активних дописувачів газети, котрий заховався під псевдонімом «Відродженець», надзвичайно докладно систематизував ті лиха, котрі завдає людині пияцтво. Насамперед, твердить він, алкоголь нищить людину духовно, адже за-

дурманює її розум, відбирає свідомість, ослаблює опірність поганим впливам, вкорочує пам'ять, знищує рівновагу духу, штовхаючи до авантур і напастей. Знищуючи людей фізично, продовжує автор допису, алкоголь завдає непоправної шкоди її потомству, «наносючи великі духові спустошення». Окрім цього, вказує «Відродженець», пияцтво руйнує людину матеріально, пускаючи на вітер важко зароблений гріш і полишаючи на голодне існування сім'ю. Зрештою, акцентується в дописі, алкоголь нищить так само людину суспільно. Йдеться про те, що віддана пияцтву людина стає нездатною до будь-якої позитивної громадської праці й активного життя. «Навпаки! – наголошує автор, – Вона стає тягарем для суспільности, котра для забезпечення себе перед нею мусить удержувати сторожів прилюдної безпеки, кримінали, лічниці та суди!» [5: 3]. Таким чином, підсумовує «Відродженець», від алкогольної залежної особистості, через знемагаючу від злиднів родину пияка руйнується лемківська громада, адже вона втрачає сили до культурного поступу. Показавши небезпеку алкоголізму з різних аспектів, автор закликає свого читача: «Тому вистерігаймося алкоголю та споріднених з ним отруйних напиків, як грізного і небезпечного, так приватного і родинного, як теж і національного ворога, котрий уже не раз намагався знищити наш нарід [...]» [5: 3].

Від змалювання численних нещасть, котрі супроводжує алкоголізм, «Наш лемко» перейшов до пояснення своєму читачеві позитивної програми подолання цього суспільного лиха. Зазначимо, що головні її пункти були випрацювані діячами авторитетного на західно-українських теренах Українського протиалкогольного товариства «Відродження»¹, а лемківська газета адаптувала їх до реалій життя свого читача. Насамперед «Наш лемко» вповні виправдано звернув увагу на молоду частину своєї аудиторії, у якій динаміка алкоголізації була особливо загрозливою. Так, часопис виступив з ініціативою закладання протиалкогольних гуртків у старших класах сільських шкіл, щоб у такий спосіб відвернути молодь від згубних звичок старшого покоління. Задля успішності цієї важливої справи, на переконання «Нашого лемка», нею мали б опікуватися чиновники від освіти. «[...] Шкільна влада повинна подбати, – читаємо на сторінках газети, – щоб у всіх – без різниці – школах засновувано протиалкогольні кружки та відповідними відчитами для молоді й старших навчати, як вести протиалкогольну працю серед сільського населення» [21: 7].

Іншою важливою ініціативою, з якою виступив перед своїм читачем лемківський двотижневик, була ідея проведення безалкогольних свят. На шпальтах «Нашого лемка» бачимо численні заклики до тверезого відзначення весіль, іменин, хрестин, різдвяних і великодніх свят. Для емоційного підсилення свого звернення автори часопису проти-

ставляли описи численних негараздів, котрі траплялися на гуляннях з алкоголем, змалюванню безжурних веселоців абстинентів. Так, у рубриці інформаційних повідомлень незрідка наводилися свідчення про бійки, вбивства, пограбування та смерті від отруєння денатуратом на лемківських гостинах. Такі звістки супроводжувалися очікуваною настановою: «Час уже розум мати нашим селянам і не стягати біду собі і людям» [13: 7].

На противагу подібній інформації, у зовсім іншій тональності наводилися описи безалкогольних святкувань – традиції, що поступово набувала популярності в лемківських селах. Подекуди такі тексти містилися на першій шпальті, що підносило їх значущість в очах читача. Наприклад, із емоційним захопленням на сторінках «Нашого лемка» згадані безалкогольні весілля у селах Рябім та Матвієва. Часопис інформував, що під час цих урочистостей свідомі лемки збирали кошти для українських інвалідів та на товариство «Рідна школа». «Честь свідомим братам!», – заохочував до наслідування очевидець подій [10: 1]. З неменшою експресією змальовувалися безалкогольні відзначення різдвяних і пасхальних днів. Присвячені їм святкові числа «Нашого лемка» неодмінно містили заклики утриматися від споживання міцних напоїв. Для більшої авторитетності такі заклики підписувалися знаними релігійними чи світськими діячами. Часопис переконував: «Тільки тверезі свята дадуть Вам вдоволення і залишать Вам найкращий спомин. [...] Проганяйте отруту зі святочного стола! [...] Алкоголь і тютюн нищить здоровля і руйнує майно! Вони наші вороги, і ми не дозволимо їм порушити святість різдвяних днів!» [15: 2].

Також із виразною агітаційною метою «Наш лемко» знайомив свого читача з минулим і сучасним станом протиалкогольної боротьби в різних куточках світу. Сягаючи її витоків, часопис інформував, що перше товариство тверезості було засноване в Північній Америці в містечку Моро у 1808 р., друге постало в Бостоні 1813 р., а згодом такі осередки почали виникати в інших містах США. Уже в 1865 р. було засноване Американське товариство тверезості. В Європі найстаріше таке товариство було засноване в Шотландії в 1826 р., а потім у Швеції в 1837 р. Не відставали від західноєвропейців за рівнем свідомості й українці, заснувавши за почином кардинала Михайла Левицького таке товариство в 1844 р. Дещо згодом подібні організаційні осередки виникли в Норвегії 1850 р., Німеччині 1883 р., Австрії 1887 р. тощо [17: 2].

Очікувано, що найбільше уваги часопис приділив висвітленню розгортання протиалкогольної боротьби на українських півдавстрійських теренах. Її особливість полягала в значному заангажуванні цієї справою греко-католицького духовенства: «Провідниками тверезости

та борцями з п'янством були священики українці, які працювали для поліпшення морального та етичного стану українського села» [17: 2]. Лише на початку ХХ ст. протиалкогольну боротьбу очолили представники світської інтелігенції, котрі в 1909 р. заснували згадуване Українське протиалкогольне товариство «Відродження», котре відтоді стало флагманом руху за здоровий спосіб життя. Його популярність серед українців засвідчував факт, що в 1914 р. товариство налічувало 6 регіональних філій і 50 гуртків із понад тисячею діяльних членів.

Доволі багато уваги «Наш лемко» приділив демонстрації тогочасних, іноді доволі радикальних практик боротьби з пияцтвом. Так, часопис інформував свого читача, що в Німеччині поліція водила вулицями міст хронічних алкоголіків із табличками на шиї з написом «Я пропив увесь свій заробіток» [11: 3]. Австралія рішенням парламенту постановила висилати алкоголіків на далекі острови, де вони мали важко працювати під суворим наглядом охорони аж поки не позбудуться залежності [1: 12]. Чимало для боротьби з алкоголізмом, твердить «Наш лемко», робиться в Другій Речі Посполитій. Так, на сторінках газети містився докладний опис діяльності міжнародного протиалкогольного конгресу у Варшаві за участі прем'єр-міністра Феліціяна Складковського [4: 3]. У дописі «Америка розпивається» часопис різко розкритикував знесення «сухого закону» в США [2: 3].

Навернути свого читача до здорового способу життя «Наш лемко» намагався також силою художнього слова. Наприклад, у часописі були опубліковані оповідання популярного русинського письменника Івана Шевчика-Лукавиченка «Палюнка» і «Файка». Низку оповідань на антиалкогольну тематику опублікував у газеті також її редактор Ю. Тарнович. Шпальта видання рясніли мотивуючими гаслами на кшталт: «Ухо п'яного раба не чує брязкоту кайдан, у які він закований», «Пропитий і прокурений гріш – це гріш, кинений у болото!», «Не ходіть до коршми – але йдіть до читальні!», «Побіда належить тверезим, п'яницям – неволя», «До корчми входить багатство, а виходить нужда» та под. Абстинентські настрої у свого читача «Наш лемко» пробуджував також силою візуального образу, уміщуючи відповідні тематичні малюнки, у яких тема шкідливих звичок поєднувалася зі смертю та руїною.

Слушно вбачаючи запорукою успішності протиалкогольної боротьби на Лемківщині системний характер її проведення, русинський часопис ініціював широку кампанію закладання осередків товариства «Відродження» в гірських селах. Ця планомірна робота велася під загальним гаслом: «Ширім ідеї Товариства "Відродження" на Лемківщині!». «Наш лемко» переконував читачів творити у своїх селах гуртки абстинентів і провадити посильну агітацію серед земляків. Про її ре-

зультативність свідчать численні дописи русинського часопису, що із хронікальною точністю відновлював усі заходи поборників тверезого життя. До найпопулярніших належали урочисті записи в церкві «відродженців», що обіцяли назавжди зректися шкідливих звичок [12: 8]. Такі інформаційні зведення зазвичай підсумовувалися в подібний спосіб: «Всі записані лемки вступають до товариства “Відродження” і пильно читають протиалкогольну літературу. Прохаємо Вас всіх, брати лемки, закладайте у Ваших селах кружки “Відродження”, залишіть вже раз тоту спірїтайку [...]. Ми дбаймо здоровим розумом про наше майбутнє – до кращого завтрашнього нашого народу» [12: 8]. Зазначимо, що найбільше протиалкогольних акцій припадало на лютий, котрий був міжнародним місяцем боротьби з пиятикою.

Популяризація діяльності «Відродження» українською пресою Другої Речі Посполитої і, зокрема, «Нашим лемком», виявилася доволі результативною. Згідно зі звітом самого товариства, в 1936 р. організація суттєво інтенсифікувала свою працю порівняно з попереднім роком. Якщо в 1935 р. товариство мало в обороті 36 527 зл., то в 1936 р. – 57 145 зл.; популяризаційних видань у 1935 р. вийшло 122 500 примірників, а в 1936 р. – 136 000 примірників; преса розмістила в 1935 р. 500 протиалкогольних матеріалів, у 1936 р. – 950. Цього ж 1936 р. кількість філій збільшилася до 13, а гуртків – до 115 [19: 4].

Водночас простежувалася певна непослідовність «Нашого лемка» у боротьбі зі шкідливими звичками серед русинів. Так, часопис постійно наголошував, що не менш небезпечною від алкогольної залежності є тютюнова. З цього приводу чимало сюжетів було відведено демонстрації того, які небезпеки для окремої людини та цілої громади несе із собою тютюнопаління [20: 7]. Зрештою, популяризоване русинським часописом товариство «Відродження» фокусувалося також на боротьбі з цим багатолітнім ворогом здорової людини. Закликаючи позбутися ніотинової залежності, «Наш лемко» водночас друкував рекламу цигарок українських виробників. За іронією, ці взаємно суперечливі матеріали незрідка містилися на одній шпальті! Така нелогічність у редакційній політиці русинського часопису пояснюється, вочевидь, гострою потребою фінансового виживання хронічно дотаційного видання.

Помітною тінню на протиалкогольну політику «Нашого лемка» лягли сумнівні пошуки часописом винних у швидкому поширенні шкідливих звичок серед русинів. Цілковитим підпавши антисемітській риториці частини тогочасних польських політиків [23: 168–222], часопис визнав єврея-шинкаря чи не головним винуватцем алко-голізації населення гірських теренів. На сторінках «Нашого лемка»

частими є висловлювання на кшталт «жид-пиявка» чи «жид-нахаба». Цікаво, що для виправдання цих відверто ксенофобних інвектив русинський часопис вдався до іншого поширеного прийому тогочасної публіцистики, химерно поєднавши в особі єврея головні загрози для лемків як економічного, так й ідеологічного плану. Тож зі шпальт газети євреї постають чи не єдиним джерелом поширення не лише алкогольного, але й комуністичного дурману. Відзначимо, що згаданий сюжет потребує спеціального осмислення в широкому контексті трансформації культурних стереотипів європейської публіцистики міжвоєнного часу.

Підсумовуючи аналіз протиалкогольної проблематики на сторінках «Нашого лемка», вкажемо на її насиченість і полісюжетність, що корелювало з дійсними масштабами цієї загрози для русинів у міжвоєнне двадцятиліття ХХ ст. Використовуючи тогочасні чималі напрацювання активістів європейського й українського руху за тверезість, часопис підійшов доволі системно до справи популяризації здорового способу життя в середовищі своїх читачів. Апелюючи до їхнього розуму промовистими даними статистики та кримінальної хроніки, видання, водночас збурювало уяву русина багатьма засобами художнього впливу. Наслідками такої політики, попри її подекуди непривабливі моменти (насамперед, антисемітську риторику), було зростаюче усвідомлення населенням Бескидів, що причинами багатьох негараздів є власне нерозважливе ставлення до алкоголю та нікотину. Лемки, загалом, дали гідну відповідь цьому громадському лихові, свідченням чого була позитивна динаміка закладання гуртків товариства «Відродження» у гірських селах, що об'єднували дедалі більше русинів-абстинентів. Така консолідація була дуже важливою для лемківської громади напередодні важкого випробування, яким виявилася Друга світова війна.

ПРИМІТКА

1. «Відродження» – українське товариство, метою якого була боротьба проти вживання алкоголю й нікотину. Засноване 1909 р. у Львові. У 1930-х рр. мало 18 філій та 122 гуртки, які охоплювали 6400 членів. Товариство організовувало у містах і селах Галичини протиалкогольні курси, лекції, влаштовувало віча, видавало у м. Рогатин ілюстрований місячник «Відродження» (1928–1939) і додаток «Ми молоді» (1930–1939), випустило низку брошур.

ЛІТЕРАТУРА

1. Австралія бореться з алкоголізмом // Наш лемко. 1937. Ч. 6 (78). С. 12.
2. Америка розпивається // Наш лемко. 1934. Ч. 1. С. 3.
3. Бережіться денатурату, бо він смерть і каліцтво! // Наш лемко. 1937. Ч. 4 (76). С. 7.
4. Боротьба з алкоголізмом // Наш лемко. 1937. Ч. 19 (91). С. 3.
5. *Відродженець*. Шкідливість алкоголю й пиячення // Наш лемко. 1937. Ч. 9 (81). С. 3.
6. До найшляхетнішої боротьби // Наш лемко. 1936. Ч. 4 (52). С. 4.
7. За тверезість // Наш лемко. 1934. Ч. 22. С. 3.
8. За тверезість. Часи знесення панщини // Наш лемко. 1935. Ч. 1 (25). С. 8.
9. *Любчик І.Д.* Етнополітичні процеси на Лемківщині наприкінці ХІХ – 30-х роках ХХ століття: проблема національного самоусвідомлення. Івано-Франківськ: Тіповіт, 2009. 213 с.
10. На безалкогольнім весіллі // Наш лемко. 1936. Ч. 4 (52). С. 1.
11. Новий спосіб на алкоголіків // Наш лемко. 1935. Ч. 2 (26). С. 3.
12. *П.Г. Відродженець*. Протиалкогольне Т-во «Відродження» в Риманівщині // Наш лемко. 1935. Ч. 1 (25). С. 8.
13. Палінка, шалінка зрадила шугайка // Наш лемко. 1935. Ч. 18 (42). С. 7.
14. *Савчук Б.П.* Корчма: алкогольна політика і рух тверезості в Західній Україні у ХІХ – 30-х роках ХХ ст. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2001. 245 с.
15. Святкуймо без алкоголю! // Наш лемко. 1937. Ч. 1 (73). С. 2.
16. *Тельвак В., Наконечний В.* Становище русинської меншини в Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко» // Русин. 2020. № 61. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10
17. Товариства тверезості в інших народів // Наш лемко. 1935. Ч. 15 (39). С. 2.
18. Троїли «кропкою» // Наш лемко. 1934. Ч. 16. С. 1.
19. Український протиалкогольний і протиникотинний рух у 1936 році // Наш лемко. 1937. Ч. 19 (91). С. 4.
20. Чому не треба курити тютюну? // Наш лемко. 1934. Ч. 18. С. 7.
21. Ще про денанатурку // Наш лемко. 1936. Ч. 8 (56). С. 7.
22. Що можна купити за одну чарку горівки? // Наш лемко. 1938. Ч. 4 (100). С. 4.
23. *Tomaszewski J.* Żydzi w II Rzeczypospolitej. Warszawa: Neriton, 2016. 444 s.

REFERENCES

1. *Nash lemko.* (1937a) Avstraliya boret'sya z alkogolizmom [Australia fights alcoholism]. 6(78). p. 12.
2. *Nash lemko.* (1934a) Amerika rozpivaet'sya [America is getting drunk]. 1. p. 3.
3. *Nash lemko.* (1937b) Berezhit'sya denaturatu, bo vin smert' i kalitstvo! [Beware of denatured alcohol, for it is death and mutilation!]. 4(76). p. 7.

4. *Nash lemko.* (1937c) Borot'ba z alkogolizmom [Fight against alcoholism]. 19(91). p. 3.
5. Vidrodzhenets. (1937) Shkidlivist' alkogolyu y piyachennya [Harmfulness of alcohol and drinking]. *Nash Lemko.* 9(81). p. 3.
6. *Nash lemko.* (1936a) Do nayshlyakhetnishoi borot'bi [To the noblest struggle]. 4(52). p. 4.
7. *Nash lemko.* (1934b) Za tverezist' [For sobriety]. 22. p. 3.
8. *Nash lemko.* (1935a) Za tverezist'. Chasi znesennya panshchini [For sobriety. Times of serfdom demolition]. 1(25). p. 8.
9. Lyubchik, I.D. (2009) *Etnopolitichni protsesi na Lemkivshchini naprikintsi XIX – 30-kh rokakh XX stolittya: problema natsional'nogo samousvidomlennya* [Ethnical and political processes in Lemkivshchyna in the late 19th – first third of the 20th century: the problem of national consciousness]. Ivano-Frankivsk: Tipovit.
10. *Nash lemko.* (1936b) Na bezalkogol'nim vesillyu [Alcohol-free wedding]. 4(52). p. 1.
11. *Nash lemko.* (1935b) Noviy sposib na alkogolivik [A new way for alcoholics]. 2(26). p. 3.
12. Vidrodzhenets, P.H. (1935) Protialkogol'ne T-vo "Vidrodzhennya" v Rimanivshchini [Anti-alcohol society "Revival" in Rymaniv region]. *Nash lemko.* 1(25). p. 8.
13. *Nash lemko.* (1935c) Palinka, shalinka zradila shugayka [Palinka deceives young men]. 18(42). p. 7.
14. Savchuk, B.P. (2001) *Korchma: alkogol'na politika i rukh tverezosti v Zakhidniy Ukraini u XIX – 30-kh rokakh XX st.* [A tavern: alcohol policy and sobriety movement in Western Ukraine in the 19th – 1930s]. Ivano-Frankivsk: Lileia-NV.
15. *Nash lemko.* (1937d) Svyatkuymo bez alkogolyu! [Let us celebrate without alcohol]. 1(73). p. 2.
16. Telvak, V. & Nakonechnyj, V. (2020) The Rusin minority in the Second Polish Republic according to *Nash lemko* newspaper. *Rusin.* 61. pp. 166–182 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/61/10
17. *Nash lemko.* (1935d) Tovaristva tverezosti v inshikh narodiv [Temperance societies of other people]. 15(39). p. 2.
18. *Nash lemko.* (1934c) Troili "kropkoyu" [Poisoning with "kropka"]. 16. p. 1.
19. *Nash lemko.* (1935e) Ukraïns'kiy protialkogol'niy i protinikotinniyy rukh u 1936 rotsi [Ukrainian anti-alcohol and anti-nicotine movement in 1936]. 19(91). p. 4.
20. *Nash lemko.* (1934d) Chomu ne treba kuriti tyutyunu? [Why should you quit smoking?]. 18. p. 7.
21. *Nash lemko.* (1936c) Shche pro denaturku [More details about denatured alcohol]. 8(56). p. 7.
22. *Nash lemko.* (1938) Shcho mozhna kupiti za odnu charku gorivki? [What can you buy for 1 glass of vodka]. 4(100). p. 4.
23. Tomaszewski, J. (2016) *Żydzi w II Rzeczypospolitej* [Jews in the Second Polish Republic]. Warsaw: Neriton.

Тельвак Виталий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Тельвак Віталій Васильович – доктор історичних наук, професор кафедри всевітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Vitalii V. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: telvak1@yahoo.com

Тельвак Виктория Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Тельвак Вікторія Петрівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всевітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Viktoria P. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: telvak1@yahoo.com

Наконечный Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Киевского национального университета культуры и искусств (Украина).

Наконечний Володимир Михайлович – кандидат історичних наук, доцент кафедри міжнародних відносин Київського національного університету культури і мистецтв (Україна).

Volodymyr V. Nakonechnyj – Kyiv National University of Culture and Arts (Ukraine).

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

УДК 94(437)“1918/38”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/4

Подкарпатская Русь на страницах чехословацкой прессы 1919–1938 гг.*

В. Штастна¹, П. Кокайсл²

Чешский университет естественных наук
Чехия, 16521, г. Прага, ул. Камыцка, 129

¹ E-mail: veru-nemcova@seznam.cz

² E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Авторское резюме

Рассматриваются положение русинов и политические и социальные условия в Подкарпатской Руси в 1919–1938 гг. с точки зрения чехословацкой прессы, а именно двух основных ежедневных газет – с левой и правой стороны политического спектра. Проанализированы дискурсивные элементы чехословацкой прессы того времени: «Lidové noviny» / «Народная газета» (правая пресса, в основном проправительственная) и «Rudé právo» / «Красный закон» (левая, почти всегда антиправительственная). Подкарпатская Русь была одним из субъектов мирных переговоров после распада Австро-Венгрии в результате Первой мировой войны, а её территория была присоединена в 1919 г. к недавно образованной Чехословацкой Республике. Политическое представительство русинов в Америке внесло значительный вклад в это решение. Частью договорённостей на международном уровне была гарантия автономных прав Подкарпатской Руси в Чехословакии, что было закреплено в чехословацкой Конституции. В действительности, однако, Подкарпатская Русь автономию не получила.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, русины, чехословацкая пресса, медиа-анализ, дискурсивный анализ, национальные меньшинства.

* Исследование поддержано IGA PEF ČZU Prague, № 2020A0013.

The Czechoslovak Press of 1919–1938 about Subcarpathian Rus*

V. Šťastná¹, P. Kokaisl²

Czech University of Life Sciences
129 Kamýcká, Prague, 165 21, Czech Republic

¹ E-mail: veru-nemcova@seznam.cz

² E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Abstract

The article examines the position of the Rusins as well as political and social conditions in Subcarpathian Rus in 1919–1938 as reflected by the Czechoslovak press, namely the two main dailies on the left and right side of the political spectrum. The authors analyze the discursive elements of the Czechoslovak *Lidové noviny* (a right-wing pro-government newspaper) and *Rudé právo* (a left-wing, predominantly anti-government newspaper). Subcarpathian Rus was a subject of peace negotiations after the collapse of Austria-Hungary in WWI, and its territory was annexed in 1919 to the newly formed Czechoslovak Republic. The political representation of the Rusins in America made a significant contribution to this decision. The agreement at the international level implied a guarantee of the autonomous rights of Subcarpathian Rus in Czechoslovakia, which was enshrined in the Czechoslovak Constitution. In fact, however, Subcarpathian Rus did not receive autonomy.

Keywords: Subcarpathian Rus, Rusins, Czechoslovak press, media analysis, discourse analysis, national minorities.

Введение

В межвоенном периоде Чехословацкая Республика была очень разнообразной этнически. Однако межвоенные правительства Чехословакии совершенно по-разному относились к отдельным национальным меньшинствам: с одной стороны, были меньшинства, которые не получали поддержки (в основном венгры и немцы), с другой – которые воспринимались государством (и большинстве в обществе) положительно. Среди последних, несомненно, были русины. В этом контексте цель данной публикации – показать, как в межвоенной Чехословакии подходили к национальному вопросу и с точки зрения правительства, и оппозиции. В то же время мы стремились ответить на вопрос, насколько симпатии (или антипатии) общества к

* This research is supported by IGA PEF ČZU Prague, Nr. 2020A0013.

той или иной этнической группе имеют рациональную основу и какие факторы могут влиять на формирование общественного мнения по отношению к этническому меньшинству.

Методология

В статье фокус внимания сосредоточен на анализе отношений в социально-политическом пространстве – как элиты используют текущее положение дел в своих интересах. Возможно, они в первую очередь идеологически ущемляют, даже провоцируют нетерпимость по отношению к меньшинствам, социальным классам, а в других случаях могут действовать противоположным образом (идеологическое благоприятствование определенным группам). Этот критический дискурсивный анализ описан Ван Дейком, который связывает дискурс (способ формирования и организации знания), познание и общество. По его словам, анализ может происходить на уровне текста, где люди манипулируют этими формами. Он также подчёркивает социальный подход к власти, поскольку коммуникация может негативно влиять именно в контексте власти [31: 361].

В межвоенном периоде наиболее распространёнными средствами массовой информации были печать, радио, а позднее и кино. Газеты освещали широкий круг тем: политические события, экономику, сельское хозяйство и промышленность, повседневную жизнь, события культуры и спорта, а также деятельность Красного Креста, общины «Сокол» и туристического клуба, которые принимали участие в мероприятиях непосредственно в Подкарпатской Руси.

Многие темы были взяты за основу сюжетов чешской литературы, принадлежавших, например, И. Ольбрахту, С.К. Нойману и К. Чапеку. Романтические черты местного пейзажа характерны для описания Карпатского края в романах: это очень бедный район, не тронутый влиянием цивилизации. Это в значительной степени сказочный мир, где различные сверхъестественные существа всё ещё обычны, и случаются такие вещи, которым мы улыбаемся только потому, что этого не происходило в нашей стране на протяжении столетий [20: 7].

Коммунистические писатели (Ольбрахт, Нойман) часто включали в этот романтический мир истории о бедности местных жителей, эксплуатируемых еврейскими купцами. Характеризуя среду Подкарпатья, Карел Чапек подчёркивал её патриархальный характер и закрытость от внешнего мира [1: 48]. Он описывал также столкновение двух разных миров, когда, например, поведение благочестивых (и суеверных) русинов было непонятно рациональной чешской жандармерии, но в то же время вызвало у них уважение [2].

Это отразилось на взглядах населения и Подкарпатской Руси, и Чехословакии. Подкарпатская Русь была воспринята очень положительно, и никогда не было публичных жалоб на огромную финансовую поддержку государством слабо развитого региона. Конечно, положительный настрой не был всеобщим – Подкарпатская Русь не была предпочтительной для госслужащих и полиции из-за её отсталости, скорее, это было место, куда их отправляли в наказание.

Что касается репортажей из Подкарпатской Руси о политической ситуации в регионе, журналисты писали в основном в соответствии со взглядами партии, с которой было связано издание конкретных ежедневных газет. Независимые газеты часто пытались более позитивно освещать события в Подкарпатской Руси, в т. ч. в отношении политики правительства. С другой стороны, левые периодические издания больше фокусировались на проблемах региона и часто использовали оппозиционную риторику в форме критики вмешательства государства.

Этнические, социокультурные и религиозные различия между чехословаками и русинским меньшинством – это то, что было выбрано чехословацкими периодическими изданиями. В то же время анализ двух типов газет противоположного политического спектра также потенциально полезен в отношении идеологического контекста в политическом смысле. В связи с тематическим освещением исследуемых вопросов в период с 1919 по 1939 г. для анализа была взята подборка статей из правой газеты «*Lidové noviny*» («Народная газета») и левой газеты «*Rudé právo*» («Красный закон»). Выбранные периодические издания отражают публичные события противоположного политического спектра.

«*Lidové noviny*» – периодическая газета, основанная в конце XIX в. Во время существования Первой Чехословацкой Республики «*Lidové noviny*» служила Пражскому Граду, т. е. двум президентам Первой Республики Т.Г. Масарику и Э. Бенешу. Их деятельность косвенно субсидировалась канцелярией президента. В отличие от большинства чешских ежедневных газет, где новости о Подкарпатской Руси (и Словакии) были случайными, ежедневная газета «*Lidové noviny*» имела филиалы на востоке страны. В этой газете упоминания о русинах появились ещё в австро-венгерский период. Эти сообщения в основном связаны с политическими событиями, решениями национальных проблем и неоднократным требованием создания Русинского университета: «Русинский университет – русины призывают депутатов парламента поставить вопрос о Русинском университете в повестку дня предстоящей парламентской сессии из-за нелояльности поляков» [7: 8].

Газета «Rudé právo» издавалась Коммунистической партией Чехословакии. Она была направлена против капиталистического управления, политических условий в Чехословакии и часто критиковала решения правительства и администрацию страны в целом. Положение русинов в Подкарпатской Руси также не оставалось вне поля зрения газеты, хотя журналисты больше уделяли внимание рабочему классу Чехословакии.

Интересным временем с точки зрения национальных вопросов для газеты является период с 1922 по 1931 г. Более поздние упоминания о русинах носят характер маргинальный.

Территориальная автономия и политико-экономическое положение русинов

Подкарпатская Русь присоединилась к Чехословакии в 1919 г. На площади 12 617 км² располагалось 487 муниципалитетов, в которых проживало около 600 тыс. чел. (согласно переписи 1921 г.). Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике было осуществлено иностранным русинским политическим представительством, действовавшим в основном в США и Канаде. Другая территория, населённая русинами, после Первой мировой войны досталась Польше (Галиция и Лемковщина), Румынии (Буковина) и лишь небольшая часть – Венгрии.

Окончательная форма чехословацкой государственной границы была определена только Трианонским договором (1920 г.), по которому Подкарпатская Русь именуется *русинской территорией государства Чехословацкого*. Это искусственно созданное и упрощённое впечатление об этническом единстве Подкарпатской Руси в значительной степени сохранялось, по крайней мере, среди широкой публики, на протяжении всего существования Чехословакии и даже после её разделения.

Ещё одним дестабилизирующим фактором стала неспособность определить чёткую границу между Восточной Словакией и Подкарпатской Русью. Кроме того, были активисты (даже за границей), которые пытались добиться автономии на уровне международного права через Лигу Наций [19: 21–22].

В связи с политической ситуацией, культурными и общественными событиями появился на первой полосе «Лидовых новин» репортаж «Праздник Подкарпатской Руси». В Ужгороде 2 декабря 1920 г. с торжественной речью на русинском языке выступил губернатор области Жаткович и выразил гордость за участие в освобождении Подкарпатской Руси. Речь шла о присоединении к Чехословакии,

переговорах с Масариком, Вильсоном, Центрально-Европейском союзе и о том, что на тот момент 67 % избирателей высказались за присоединение к Чехословацкой Республике, включая поддержку русинской общины в Америке. Мероприятие было очень позитивно воспринято тысячами русинов, которые приехали на празднование из разных мест [9: 1].

Даже после 1921 г., когда проблема региональных границ всё ещё решалась, Жаткович выступал за выборы в Подкарпатской Руси и призывал не делить русинов в рамках делимитации словацко-русинской границы. Тогдашняя граница была временной и впоследствии скорректирована по результатам переписи 1921 г. [9: 3].

Напротив, ситуация в июне 1921 г. в контексте обозначенных событий изменилась, а вместе с ней и отношения с доктором Жатковичем, которого подозревали в манипулировании новостями из американской среды в журнале в Кошицах и в обмане венгерских читателей ежедневными «неуместными и подозрительными исками» в отношении автономии Подкарпатской Руси. В статье также критиковались русины по отношению к Жатковичу: «Американские русины не безграмотны, как, к сожалению, подавляющее большинство подкарпатских русинов. <...> Пропаганда Жатковича, основанная на лжи, может проникнуть в мир, но правда, в конце концов, восторжествует.

И правда в том, что невозможно сразу провести выборы среди русин Подкарпатья, столь же неграмотных и сильно заброшенных после венгерского режима. Этому народу нельзя передать управление страной, потому что оно было бы сразу отобрано венгерскими и другими нечистыми элементами и остановило бы всю культурную и экономическую работу, которая происходит в Подкарпатской Руси» [10: 2].

Помимо границ, автономия Подкарпатской Руси была серьёзной проблемой с момента основания Чехословакии. Доктор Каминский защищал интересы русинов, обвиняя пражское правительство и чешское общественное мнение в невыполнении по непонятным причинам своих обязательств перед Подкарпатской Русью в отношении автономии территории. Обещание президента Масарика о необходимости строительства учебных заведений, медицинских учреждений и проведения земельной реформы до автономии было приятным, но никоим образом не оправдывающим. Подход Каминского критикуют в газете «Lidové noviny»: «Это правда, что русняки жили в конституционной монархии до переворота, но то, как это выглядело с осуществлением их политических прав, он, д-р. Каминский, мог бы лучше всего объяснить, если бы захотел. Он наверняка очень хорошо помнит коварные суды за неприятные проявления

национальной жизни, выпитые на выборах бочки рома, кордоны венгерских жандармов и т. д. Как и в случае с муниципальной автономией, в которой русины принимали активное участие, венгерские протоколы районных нотариусов и муниципальных собраний могли лучше всего нас убедить в этом. Постреволюционной Русской Краиной тогда руководили русняки-территориалисты, не революционеры и не убеждённые. Родной язык не русский, и это большая разница, на которую следует обратить внимание. Настоящие русняки, обладающие здравым смыслом и врожденным интеллектом, осознают, что им нужно, прежде всего, правильное образование, здоровая земельная реформа и обеспечение условий жизни в целом...» [11: 2].

В 1922 г. проявились результаты четырёхлетней чехословацкой деятельности в Подкарпатской Руси по сравнению с управлением венгерской территорией. Русины могли активно влиять на собственную судьбу, имели свободу слова, выбор политической принадлежности, наблюдалось экономическое развитие (появились производственные кооперативы, сберегательные кассы и земельная реформа). Русины из круга доктора Каминского должны были оценивать то, что строилось совместно с чехами с 1919 г. Также наблюдался интерес к образованию и рост посещаемости школ, высшее образование охватывало гимназии и профессиональные училища: «При венграх простая кириллица была исключена из начальных школ. Те, кто сегодня называют себя русинами, охотно этому помогали. Эти русины хотят попасть на первые места, хотя в ноябре 1918 года и понятия не имели о своём русинстве. Нельзя также сказать, что органы самоуправления препятствуют развитию людей. Верно прямо противоположное. Однако у нынешнего режима много недостатков, но необходимо помнить о запущенной ситуации, которую республика взяла на себя в Подкарпатской Руси во всех сферах, так что проделанная работа тем более выделяется» [12: 2].

Автономия Подкарпатской Руси была также важной темой газеты «*Rudé právo*» того времени в связи с созванным американскими русинами Всеобщим русским конгрессом в Америке. Чехословацкое правительство должно было выполнить то, что обещало русинам и заявило в Конституции, а именно урегулирование границ и немедленное объявление выборов [23: 3]. Точно так же «*Rudé právo*» неоднократно упоминает проблемы, которые сохраняются в Подкарпатской Руси. Среди основных снова был вопрос национальности. Однако он тесно связан с русофильскими и украинофильскими движениями, разобщённостью русинов как нации, плохими социальными условиями и недостаточной образованностью населения Подкарпатской Руси.

«*Rudé právo*» критикует чехословацкое правительство в Подкар-

патской Руси за создание в некотором роде чехословацкой колонии, потому что места чиновников, жандармов, полицейских и других административных лиц были заняты исключительно чехами, а не местными русинами, венграми и евреями. Эта ситуация вызвала недовольство местных жителей и чехов, которые много раз бывали здесь по официальному распоряжению, а не по собственной воле. Также в этом контексте возникает мнение, что проблемы, касающиеся национальности русинов, касались чехов, русских иммигрантов и украинцев [24: 2].

В контексте развития и управления в регионе зависимость Подкарпатской Руси от государственной помощи Чехословакии в целом подвергалась критике в СМИ. Эта экономическая зависимость была тоже аргументом в пользу того, что территория не может получить автономию. Ситуацию иллюстрирует, например, статья, где пишут о бездействии в экономической сфере, которая не на первом месте из-за вопросов национальности, языковых и религиозных споров – политизация без прочной экономической базы и разделения труда ничего русинам не принесет: «О голоде в Верховине пишут, что неграмотность ещё полностью не ликвидирована, что эмиграционные потоки за границу не уменьшаются, особенно в Америку. В районе, известном своим природным неисчерпаемым богатством, всё ещё наблюдается безработица и все связанные с ней явления, что простые люди живут ужасно, что они убивают себя самогонкой».

Директор Подкарпатского банка в Ужгороде К. Грабар и его сотрудники запланировали проект в рамках независимого экономического развития в сотрудничестве с американскими русинами, которые будут вкладывать средства на своей исконной родине независимо от чехословацкого правительства. Впоследствии был создан Американский экономический совет для поддержания экономических контактов с Подкарпатьем и предоставления капитала для начала бизнеса, включая культурную поддержку. Русины считали, что леса Подкарпатской Руси были их национальным достоянием: «Таким образом, в Америке русинам удалось объединиться, хотя существуют те же религиозные, языковые и политические противоречия, что и в старом регионе. В целом можно оценить капитал американских русинов, который может быть мобилизован, если потребуется, в размере от 300 до 400 миллионов крон. Американские русины представляют экономическое сотрудничество с Подкарпатской Русью в основном в промышленной сфере, до сих пор неизвестной русинам. Они намерены постепенно создавать деревообрабатывающие предприятия, наладить добычу руды, каолина, угля, использовать богатства минеральных вод и т. д.» [13: 3].

Однако в 1920-е и 1930-е гг. проблема сохранялась: американские русины были заинтересованы в сотрудничестве на нескольких уровнях, но в Подкарпатской Руси практического осуществления этого не было, что видно из прессы, критиковавшей методы обработки, ведения хозяйства и ухода за землей. Другой проблемой для бедных в Подкарпатье было финансовое положение и ростовщичество, где проценты составляли половину суммы задолженности, а некоторые русины и вовсе лишились своей собственности или полностью зависели от ростовщиков [14: 1].

В 1925 г. рассматривалось изменение Конституции, чтобы сохранить квалифицированное большинство чехословацких политиков в Палате депутатов и в решающих вопросах, касавшихся избирательного порядка. Газета «*Rudé právo*» считала это шагом против национальных меньшинств Чехословакии, включая русинов [25: 1]. Также было названо пять ключевых проблем: «1. Подкарпатской Руси не была предоставлена автономия. 2. Органы самоуправления не созданы или созданы формально. 3. Губернатор Подкарпатской Руси исполнительной власти не имеет. 4. Сегодняшние границы не совпадают с национальными границами... 5. Перепись населения фальсифицируется с применением силы, использование местного языка запрещено» [26: 4].

Обещание автономии Подкарпатской Руси не было выполнено, потому что чехословацкая сторона по-прежнему подчёркивала недостаточность местных политических, экономических и социальных условий. Этот аргумент, несомненно, был верен, но причины нежелания предоставить Подкарпатской Руси автономию, вероятно, гораздо больше заключались в страхе, что аналогичной автономии потребуют немцы или венгры, жившие в приграничных районах Чехословакии. Таким образом, правительство оправдывало отсталость региона своим формальным суверенитетом над управлением территорией и защищало свои действия перед тогдашней общественностью и общественным мнением через средства массовой информации.

1938 г. отмечен тем, что некоторые представители Подкарпатской Руси активизировали свои усилия по автономии области [5]. Это не отвечало интересам чехословацкого правительства, которое ссылалось на фрагментацию карпатских русинов в лингвистической, религиозной и культурной сферах. Хотя автономия была закреплена в Конституции и международных договорах, правительство по-прежнему утверждало, что автономия территории не должна нарушать государственное единство Чехословакии. Американские русины стремились объединить русинов на их родине как в политическом, так и в культурном плане, но переговоры не увенчались успехом. Об

этом пишет газета «Lidové noviny»: «Национальная раздробленность ведёт к радикализму: Подкарпатская Русь – это не Хорватия или Финляндия. Практически полное единство автономистского максимализма было похоронено раздробленностью национальностей, противоречиями русской и украинской концепций национального самоопределения подкарпатских русинов. С геополитической точки зрения, подкарпатские русины – единая нация, но, с этнографической точки зрения, зародыш будущей объединённой нации или двух наций развивается» [16: 2].

Первый и пока последний прорыв произошёл в конце 1938 г., когда была испытана автономия региона. Первое подкарпатское правительство было назначено в Праге 11 октября 1938 г. (до т. н. Венского арбитража, но после потери Судетской области, вызванной Мюнхенским соглашением) по рекомендации властей Подкарпатья. Кабинет из шести человек во главе с Андреем Броды (чехословацкая пресса использовала вариант Броды вместо русинского варианта Броди, Бродий, Бровдий) был прорусинским (в терминологии того времени это были русинофилы и русофилы). Однако всего за 14 дней чехословацкое правительство обвинило некоторых членов правительства (в т. ч. Броды) в шпионаже в пользу Венгрии и Польши. С назначением нового правительства во главе с греко-католическим священником Августином Волошиным чехословацкое правительство в Праге обратилось к представителям т. н. украинофильства.

Переломным моментом можно считать начало ноября 1938 г., когда после Венского арбитража Ужгород и Мукачево, два важнейших административных и культурных центра, были заброшены в результате создания Венгерского национального комитета и его надзорных органов, отправленных на улицы. Это произошло в контексте трансформации демаркационной линии и границы с Венгрией. Часть населения бежала из городов, прежде чем они продали хотя бы часть своей собственности. Статья в газете «Lidové noviny» рассказывает о внезапной смене политических взглядов и мнений некоторых жителей: «Подкарпатская Русь теряет два важных центра культуры, экономики и общения. Прервано автомобильное, железнодорожное, телеграфное и телефонное сообщение с западом республики... Эти дни – ещё и проверка русского и украинского патриотизма. Многие исповедовали этот патриотизм только в хорошие времена. Теперь многие открыли для себя чисто венгерский дух. Точно так же некоторые из вчерашних коммунистов забыли свое прошлое и предстают перед изумлённым взором публики как венгерские фашисты. Все слухи о добровольном присоединении страны к Венгрии или Польше – выдумка» [18: 1].

Резиденция правительства была перенесена в Хуст. Карпатско-украинское собрание провозгласило независимость 15 марта 1939 г., когда немецкие оккупационные войска маршировали через Прагу, и тот же день венгерские войска вошли в Хуст и в течение нескольких дней получили контроль над всем Подкарпатьем [21: 140].

Национальный и языковой вопрос

Проблемы с национальным вопросом были очевидны уже при создании новой объединённой национальности – чехословацкой, поскольку наблюдалось явное преобладание славянского населения над германской и венгерской нациями. Большинство составляли чехи и словаки (включённые в переписи 1921 и 1930 гг. под одним этнонимом – чехословаки), меньшинство составляли немцы (36 % в 1921 г.), венгры (9 %), русские (5 %) (этот этноним включал великорусскую, украинскую и карпатскую национальности), а другими менее многочисленными меньшинствами были, например, евреи и поляки [30: 60].

Хотя население Подкарпатской Руси в Чехословакии обычно называлось русинами (включая договор, подписанный в Сен-Жермене в 1919 г., где Чехословакия обязалась предоставить русинам территориальную и политическую автономию), русинская национальность официально не упоминалась в переписи населения. Таким образом, у русинов была своя собственная географическая область, известная как Подкарпатская Русь, но, с другой стороны, велись горячие дискуссии об их назначении или их официальном языке. По этому поводу были значительные разногласия.

В газете «*Lidové noviny*» рассказывается о национальных проблемах, которые сохранились и после присоединения русинов к Чехословакии: «Из чешско-русского единства: с присоединением карпатских русских к нашей республике у нас появилась новая обязанность уделять должное внимание этой славянской ветви и прежде всего получать о ней отличную информацию. В рамках чешско-русского единства был создан специальный комитет по Карпатской Руси... Также необходимо интерпретировать просьбу самих русских из бывшей Венгрии, чтобы их правильно называли карпатскими русскими, а не венгерскими русинами и так далее, как мы часто неправильно читаем и слышим» [8: 6]. Тем не менее название «русины» продолжает появляться в «*Lidové noviny*» без дальнейших оговорок и довольно часто в контексте Подкарпатской Руси.

Не только чехословацкое правительство, но и почти все учреждения Чехословакии понимали Подкарпатскую Русь как страну русинов, хотя их доля не достигла даже двух третей населения, и обозначение

русинов не вошло в число официальных национальностей при переписи. Остальные этнические группы в управлении Подкарпатской Руси практически не учитывались – в основном это были венгры (с долей 17 %) и еврей-хасиды (13 %), в приграничной зоне проживало около 13 тыс. румын (данные 1930 г.) [6: 136] и более 10 тыс. немцев [30: 60], живших в Подкарпатской Руси с конца Средневековья.

Политические отношения между представителями русинов в Восточной Словакии и Подкарпатской Руси обострились между 1919 и 1922 гг. [4]. Конфликтная ситуация ухудшилась ещё из-за того, что результаты переписи населения 1921 г. подверглись сомнению, по причине чего количество русинов (во время переписи карпаторусов) значительно сократилось при сравнении с 1910 г.

Перепись 1921 г. оказалась проблематичной в новообразованной республике, затем, в 1922 г., она уже содержала информацию о национальном составе страны. Например, в этом контексте газета «*Rudé právo*» отметила противоречие по поводу представленных статистических данных, единственное согласие было только с русинами: «Немцы прибыли на мирный конгресс в Праге со следующими цифрами об этническом составе Чехословацкой Республики: чехи – 5 800 000, словаки – 1 950 000, немцы – 3 747 000, венгры – 1 071 000, русины – 432 000, поляки – 166 000. С другой стороны, чешские делегаты представили следующие официальные цифры: чехословаков – 9 400 000, немцев – 3 100 000, венгров – 500 000, русинов – 432 000, поляков – 100 000» [22: 2].

Языковые проблемы касались вопроса национальности и неоднозначности национального статуса из-за русофильских и украинофильских движений среди русинского населения. С годами эта проблема распространилась и на систему образования, в частности в форме языковых вариаций учебников в Подкарпатском регионе, где была сделана попытка обучать детей русинскому языку. Но она была осложнена указанными выше движениями: «Две языковые школы яростно борются друг с другом за подкарпатских русинов. Русские не признают и не отвергают украинцев; они говорят, что есть только одна русская нация в мире... Пусть русины говорят, как хотят, но им надо только выучить русский язык! Приверженцы русского направления требуют свои, то есть русские учебники для школ Подкарпатья. Долой учебники, написанные позорным жаргоном!» [15: 9]. В статье в газете «*Lidové noviny*» содержится пример русинского текста из учебника для детей, так что язык хотя бы представлен чешскому читателю.

В 1925 г. журналисты газеты «*Rudé právo*» восприняли ситуацию с населением в Подкарпатской Руси как политическое и экономическое угнетение по примеру колонизированных стран, подчеркнув, что до

сих пор не решены вопросы о границах со Словакией, об административных и официальных должностях, занимаемых преимущественно чехами в интересах пражского правительства. Было отмечено, что образование находится в плачевном состоянии, 30 народных школ было закрыто, а русинов часто учили на трёх языках [25: 3–4].

Проблема с границами также возникла в 1927 г. (статья снова напоминает о том, что происходило в Словакии во время переписи 1921 г., когда было указано, что русинов в Словакии нет, и об отставке губернатора Жатковича). Газета описывает положение русинов в Словакии: «Русины (в Словакии) не имеют единой средней школы, а преподавание и религия также ведутся на словацком языке, русинское меньшинство не имеет таких же прав, как венгры и немцы» [27: 2].

Следующая статья 1927 г. в газете «*Rudé právo*» снова критикует несоблюдение Конституции, национальное самоопределение и сохраняющиеся проблемы в Подкарпатской Руси. Возникла новая проблема с названием территории, а именно что она должна называться Закарпатской Украиной (в соответствии с советской политикой), и что эта территория не была свободно присоединена к Чехословацкой Республике. По словам русинского депутата Волошина, русины были словакизированы в Словакии, литургия и обучение на русинском языке не поддерживались, не хватало среднего образования, а граница между Подкарпатской Русью и Словакией всё ещё была временной. Согласно газете, эту ситуацию могла бы разрешить революция: «Действующая администрация в Подкарпатском регионе неконституционна, и, согласно Конституции, реформа государственного управления вообще не могла распространяться на Подкарпатский регион... Подкарпатье управляется независимо от закона... Только победоносная пролетарская революция принесёт нациям право на самоопределение и честное государственное управление, свободное от всякого влияния бюрократии» [27: 2].

Русины как народ назывались по-разному, и в отношении русинов, ориентированных на русофильство и украинофильство, сложилась неоднозначная ситуация. «*Rudé právo*» начала 1930-х гг. ставит под сомнение русинскую нацию (опять же в полном соответствии с советской политикой в отношении национальности): «Как известно, Закарпатье является домом для части этнической группы, которая также проживает в Советской Украине, Бессарабии, Буковине и Восточной Польше. В других странах они украинцы, но Австрия называла их “*Ruthenen*”, а Чехословакия русинами. И “*Lidové listy*”, которые мы цитируем, придумали название “карпаторусы”... Самой острой проблемой русинов кажется языковой вопрос... Карпаторусы-русины говорят на русинском диалекте, они не считают себя украинцами и

вместо образования на русском или украинском считают, что лучше дать детям учить чешский язык. В первую очередь это дети карпатских горцев, лесорубов и поденщиков на крупных фермах, которые в Закарпатье получают от 2,50 до 5 чешских крон в день. Они хотят, чтобы эти дети, которые ходят в одной рубашке или голыми зимой и летом, поступили в университет» [28: 5]. В Подкарпатье были вполне очевидные долгосрочные проблемы, когда русинское население рассматривалось как социально слабое, бедное и де-факто неграмотное.

Газета «*Rudé právo*» не имела единой позиции по вопросу русинской национальности. Газета писала о русинах по-разному, в основном называя их украинцами (в соответствии с национальной политикой СССР), например, в статье «Непонятые украинцы» от октября 1931 г. Здесь автор статьи отвечает на редакционную статью о Подкарпатской Руси в конкурирующей газете «*Právo lidu*». Последняя решала этническую ситуацию между малорусами, русинами, угрорусами и подкарпаторусами в связи с языковыми проблемами, а также вопрос о том, должны ли эти народы называться в устной и письменной форме на их родном языке или на великорусском. Обе газеты резко критиковали ситуацию, говоря, что все эти этнические споры бессмысленны, потому что все они украинцы и это тоже проблема переписи населения. Согласно газете «*Rudé právo*», это политическая проблема, сознательно поставленная буржуазией: «Есть ещё судьи, русские эмигранты, ненавидящие украинцев, и чешские учителя, национализирующие украинских детей, поэтому языковая борьба возникла не сама по себе» [28: 6].

Проукраинская тенденция прослеживалась и в последующие годы в связи с переписью 1930 г.: в статье «Украинцы были украдены» были представлены только результаты обработки для Подкарпатской Руси. «*Rudé právo*» в то время однозначно считала территорию Закарпатьем: «Пока газета «*Lidové poviny*» публикует часть этой обработки, и, по её словам, в Закарпатье проживает 709 315 чехословацких граждан, из которых 447 182 – русские. Русские? Вы будете поражены, откуда они взялись. Затем газета объясняет в скобках, что это великорусы, малорусы или белорусы. Насколько нам известно, переписчики говорили многим, что они должны записаться как русины, но их вообще нет в статистике, и украинцы совершенно потерялись. Из писем рабочих корреспондентов мы знаем, что многие из них испытывали определенные неудобства из-за того, что их вносили в переписные листы как украинцев, и что их было много» [28: 5].

В 1938 г., через двадцать лет после образования Чехословакии, газета «*Lidové poviny*» обратила внимание на сохраняющуюся разобщенность русинов по языковому вопросу: «Даже в языковом

отношении среди русинов нет единства. Споры возникли до войны и возобновились после государственного переворота из-за вмешательства русских и украинских иммигрантов и, как правило, неподходящего партийно-политического влияния. Развитие больше направлено на многоязычие, и, что еще хуже, первоначальная языковая борьба, вероятно, превратилась в борьбу за русскую, украинскую и русинскую национальную ориентацию» [17: 1].

Дело в том, что, несмотря на демократичность в межвоенной Чехословакии, политический режим адаптировал ситуацию так, чтобы его власть была узаконена и защищена с позиции правящей элиты. Перепись – один из примеров нежелания предоставить Подкарпатской Руси обещанную и провозглашённую Конституцией автономию.

Религиозное положение

Этническое разнообразие Подкарпатской Руси нашло отражение и в религиозном вопросе. Доминирующее положение и влияние в этом районе сохранила греко-католическая церковь с 359 тыс. верующих. Часть русинов придерживалась православной веры, но число верующих было менее трети от числа греко-католиков [3: 33].

Религиозный вопрос стал постепенно весьма проблематичным. Чехословацкое правительство очень неохотно поддерживало греко-католическую церковь, которая, однако, была одним из немногих местных учреждений, внедрявших в своих церковных школах образование. Однако уровень образования и большое количество неграмотных в Подкарпатской Руси было значительно большей проблемой, чем в остальной Чехословакии. Высокая неграмотность – это задача, которую было необходимо решать в первоочередном порядке.

Образование в Подкарпатской Руси было тесно связано с религией и греко-католической церковью, которая обеспечивала базовое образование. Однако политика чехословацких правительств часто строилась на антицерковной идеологической основе, которая проявлялась в яростном антикатолицизме. Поэтому школы греко-католической церкви не поддерживались в регионе; вместо этого чехословацкое государство открыло свои собственные школы. Но это были чешские школы, и чешские учителя преподавали на чешском, а не на русинском языке. Этот языковой барьер усугубил социальное неравенство, но не дал чёткого решения существовавших проблем [29: 238]. Поскольку греко-католические церкви и местное духовенство исторически были главными носителями своей специфической культуры и благодаря им русины могли получать образование, борьба чехословацкого правительства против церковных школ встретила немалое сопротивление, и вся политика правительства была оценена негативно.

Согласно газете «Rudé právo», в данной ситуации виноваты были как чехословацкое правительство, так и влиятельная Аграрная партия, которая участвовала в лесозаготовках и пропаганде православной веры: «Сегодня Подкарпатская Русь религиозно разделена, люди обнищали, уничтожены алкоголем и венерическими болезнями – и всё это благодаря Аграрной партии, превратившей Подкарпатскую Русь в свою золотую жилу» [28: 5]. Это усугублялось политической ситуацией в Чехословакии, когда Аграрная партия потребовала роспуска Коммунистической партии, которая сочла совершение действий в Подкарпатье формой государственной измены и потребовала увольнения местных чиновников, назначенных из числа членов Аграрной партии.

Религиозные вопросы в Подкарпатской Руси, однако, были темой, которая очень редко появлялась в чехословацкой прессе в межвоенный период.

Выводы

Положение русинского населения в современной прессе, сосредоточенной на национальных вопросах, религии, политической ситуации и других социокультурных различиях, отражает уникальную перспективу двух идеологически противоположных газет: левой – «Rudé právo» («Красный закон») и правой – «Lidové noviny» («Народная газета»). Помимо политики, общий медийный имидж Подкарпатской Руси был единообразен в прессе – нетронутая природа Карпат и население, к которому чешская общественность по разным причинам выражала большую симпатию. Некоторые серьёзные проблемы сохранялись на территории со времен Австро-Венгрии, когда часть населения столкнулась с венгеризацией, а русины не имели государственной поддержки. Таким образом, после присоединения к Чехословацкой Республике регион был более отсталым по сравнению с остальной частью государства. Отсталость проявилась как в экономическом плане, так и в сфере образования и культуры.

Ситуация усугублялась также политической разобщённостью русинского большинства – кто-то полагался на политически вовлечённых американских русинов, кто-то был русофильски ориентирован, а кто-то являлся украинофилом. В средствах массовой информации этот аргумент был использован для отказа от автономии Подкарпатской Руси. Действия чехословацкого правительства против введения обещанной автономии были защищены и узаконены правой прессой («Народная газета»). При обсуждении положения русинов под властью Венгрии делался вывод, что им значительно лучше в Чехословакии.

Левая пресса («Красный закон») указывала на бедность сельской местности, проблемы со здоровьем, неграмотность местного населения по причине отсутствия доступа к обучению в школах и образованию в целом. СМИ связывали эти проблемы с критикой зависимости Подкарпатской Руси от чехословацкого правительства и государственных инвестиций, а также с неспособностью использовать потенциал предлагаемой помощи и экономические возможности американских русинов. С точки зрения меньшинств, правые ежедневные газеты представляли собой элемент разграничения по отношению к ним и видение многих проблем с точки зрения большинства и его культурных рамок. Левая пресса предпочитала решать национальный вопрос, ориентируясь на советскую модель.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Budín V.* Podkarpatská Rus očima Čechů. Praha: Česká expedice, 1996.
2. *Hořec J.* Země naděje: o minulosti a současnosti Podkarpatské Rusi. Praha: Česká expedice, 1995.
3. *Kokaisl P., Štolfová, A., Fajfrlíková P. et al.* Po stopách Rusínů v Evropě: Ukrajina, Slovensko, Srbsko, Polsko a Maďarsko. Praha: Nostalgie, 2020.
4. *Kokaisl P.* Transformation of the ethnic identity of the Rusin minority in Slovakia // *Rusin*. 2018. № 52 (2). P. 238–257. DOI: 10.17223/18572685/52/17
5. *Konečný S.* Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2008.
6. *Kozauer N.G.* Die Karpaten-Ukraine zwischen den beiden Weltkriegen. Esslingen: Bruno Langer, 1979.
7. *Lidové noviny*. 1913. Vol. 21. № 253. С. 8
8. *Lidové noviny*. 1919. Vol. 27. 8 мая. № 127. С. 6.
9. *Lidové noviny*. 1920. Vol. 28. 6 декабря. № 608. С. 1.
10. *Lidové noviny*. 1921. Vol. 29. 3 июня. № 273. С. 2.
11. *Lidové noviny*. 1922. Vol. 30. 22 марта. № 151. С. 2.
12. *Lidové noviny*. 1922. Vol. 30. 21 августа. № 417. С. 2.
13. *Lidové noviny*. 1923. Vol. 31. 4 ноября. № 553. С. 3.
14. *Lidové noviny*. 1930. Vol. 38. 7 февраля. № 69. С. 1.
15. *Lidové noviny*. 1932. Vol. 40. 21 октября. № 533. С. 9.
16. *Lidové noviny*. 1938. Vol. 46. 17 июня. № 302. С. 2.
17. *Lidové noviny*. 1938. Vol. 46. 1 июля. № 327. С. 1.
18. *Lidové noviny*. 1938. Vol. 46. 5 октября. № 557. С. 1.
19. *Lukáč M.* Reflection of the situation of Rusyns in the 1920s in the Slovak Historiography after 1989 // *Individual and Society*. 2014. Vol. 17. № 4.
20. *Olbracht I.* Nikola Šuhaj loupežník. Praha: Svoboda, 1950.
21. *Pop I.* Malé dejiny Rusínov. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska, 2011.

22. Rudé právo. 1922. Vol. 3. 8 июня. № 129. С. 2.
23. Rudé právo. 1922. Vol. 3. 14 ноября. № 258. С. 3.
24. Rudé právo. 1924. Vol. 5. 10 августа. № 188. С. 2.
25. Rudé právo. 1925. Vol. 6. 13 июля. № 156. С. 1.
26. Rudé právo. 1925. Vol. 6. 13 августа. № 188. С. 4.
27. Rudé právo. 1927. Vol. 8. 7 июня. № 134. С. 2.
28. Rudé právo. 1931. Vol. 12. 2 июня. № 258. С. 5.
29. Rychlík J. Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016.
30. Sčítání lidu v republice Československé ze dne 15. února 1921. Československá statistika, 1924. Vol. 9.
31. Van Dijk T.A. Discourse and Manipulation // Discourse & Society, 2006. Vol. 17 (2). P. 359–360. DOI: 10.1177/0957926506060250

REFERENCES

1. Budín, V. (1996) *Podkarpatská Rus očima Čechů* [Subcarpathian Rus through the eyes of Czechs]. Prague: Česká expedice.
2. Hořec, J. (1995) *Země naděje: o minulosti a současnosti Podkarpatské Rusi* [Land of Hope: about the past and present of Subcarpathian Rus]. Prague: Česká expedice.
3. Kokaisl, P., Štolfová, A., Fajfrlíková, P. et al. (2020) *Po stopách Rusínů v Evropě: Ukrajina, Slovensko, Srbsko, Polsko a Maďarsko* [Following Rusins in Europe: Ukraine, Slovakia, Serbia, Poland, and Hungary]. Prague: Nostalgie.
4. Kokaisl, P. (2018) Transformation of the ethnic identity of the Rusin minority in Slovakia. *Rusin*. 52(2). pp. 238–257 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/17
5. Konečný, S. (2008) *Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.
6. Kozauer, N.G. (1979) *Die Karpaten-Ukraine zwischen den beiden Weltkriegen* [The Carpathian-Ukraine between the two world wars]. Esslingen: Bruno Langer.
7. *Lidové noviny*. (1913) 21(253). p. 8
8. *Lidové noviny*. (1919) 8th May. p. 6.
9. *Lidové noviny*. (1920) 6th December. p. 1.
10. *Lidové noviny*. (1921) 3rd June. p. 2
11. *Lidové noviny*. (1922a) 22nd May. p. 2
12. *Lidové noviny*. (1922b) 21st August. p. 2
13. *Lidové noviny*. (1923) 4th November. p. 3
14. *Lidové noviny*. (1930) 7th February. p. 1.
15. *Lidové noviny*. (1932) 21st October. p. 9
16. *Lidové noviny*. (1938a) 17th June. p. 2.
17. *Lidové noviny*. (1938b) 1st July. p. 1.
18. *Lidové noviny*. (1938c) 5th October. p. 1.
19. Lukáč, M. (2014) Reflection of the situation of Rusyns in the 1920s in the Slovak Historiography after 1989. *Individual and Society*. 17(4). pp. 19–29.

20. Olbracht, I. (1950) *Nikola Šuhaj loupežník*. Prague: Svoboda.
21. Pop, I. (2011) *Malé dejiny Rusínov*. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska.
22. *Rudé právo*. (1922a) 8th June. p. 2
23. *Rudé právo*. (1922b) 14th November. p. 3
24. *Rudé právo*. (1924) 10th August. p. 2
25. *Rudé právo*. (1925a) 13th July. p. 1
26. *Rudé právo*. (1925b) 13th August. p. 4.
27. *Rudé právo*. (1927) 7th June. p. 2.
28. *Rudé právo*. (1931) 2nd June. p. 5.
29. Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946* [Subcarpathian Russia in the history of Czechoslovakia, 1918–1946]. Prague: Vyšehrad.
30. Czechoslovak Republic. (1924) Sčítání lidu v republice Československé ze dne 15. února 1921 [Census in the Czechoslovak Republic of 15 February 1921]. *Československá statistika*. 9.
31. Van Dijk, T.A. (2006) Discourse and Manipulation. *Discourse & Society*. 17(2). pp. 359–360. DOI: 10.1177/0957926506060250

Штастна Вероника – аспирант Чешского университета естественных наук в Праге (Чехия).

Veronika Šťastná – Czech University of Life Sciences Prague (Czech Republic).

E-mail: veru-nemcova@seznam.cz

Кокайсл Пётр – доктор культурной и социальной антропологии, доцент кафедры психологии и исследований культур Чешского университета естественных наук в Праге (Чехия), почётный профессор Ошского гуманитарно-педагогического института (Кыргызстан).

Petr Kokaisl – Czech University of Life Sciences Prague (Czech Republic).

E-mail: pkokaisl@seznam.cz

УДК 82.091;821.163.2;821.161.2(477.87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/5

Виміри національної ідентичності в болгарській та русинській літературі (на прикладі творчості Христо Ботева та Олександра Духновича)

О.Ю. Сайковська

Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова

Україна, 65082, м. Одеса, вул. Дворянська, 2

E-mail: bgfantastika@gmail.com

Авторське резюме

Стаття присвячена вивченню основних вимірів національної ідентичності, які представлені у поетичних доробках будителя болгарського народу Христо Ботева та визначного діяча українського народу Закарпаття (русинів) Олександра Духновича. Визначальним є багаторівневий підхід до розгляду вимірів національної ідентичності – психологічний, культурний, територіальний, історичний та політичний. Основні компоненти національної ідентичності, які представлені творчими доробками болгарського поета Х. Ботева та українського будителя О. Духновича й наділені унікальними рисами, розкриваються через народну пісню, фольклор, міфологію, вірування, територіальні виміри, побут, народних героїв, національні характери. Доміnantними темами поезій обох авторів є теми Батьківщини, національно-визвольної війни, героїзму та патріотизму, народу та ворогів, протистояння добра й зла, життя та смерті, свободи та рабства. Основні образи поезій Х. Ботева: жінка-матір, кохана дівчина, чоловік-гайдук, гайдуцька пісня, болгарський народ, патріот; традиційні образи поезії О. Духновича: матір, мила, руські сини, матір Русь, єднання, сокіл, незабудка; спільні образи: свобода, вітчизна, народ, сон.

Ключові слова: компаративістика, імагологія, національна ідентичність, відродження, болгарська література, Христо Ботев, русинська література, Олександр Духнович, поезія.

Основы национальной идентичности в болгарской и русинской литературе (на примере творчества Христо Ботева и Александра Духновича)

Е.Ю. Сайковская

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Украина, 65082, г. Одесса, ул. Дворянская, 2
E-mail: bgfantastika@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена изучению основных проявлений национальной идентичности, которые представлены в поэтическом творчестве будителя болгарского народа Христо Ботева и выдающегося деятеля украинского народа Закарпатья (русинов) Александра Духновича. Определяющим является многоуровневый подход к рассмотрению основ национальной идентичности – психологический, культурный, территориальный, исторический и политический. Основные компоненты национальной идентичности, которые выявлены в поэзии виднейшего представителя болгарского возрождения Х. Ботева и русинского будителя А. Духновича, наделены своими уникальными чертами и раскрываются через народную песню, фольклор, мифологию, верования, территориальные измерения, быт, народных героев, национальные характеры. Доминирующими темами стихотворений обоих авторов являются темы Родины, национально-освободительной войны, героизма и патриотизма, народа и врагов, противостояния добра и зла, жизни и смерти, свободы и рабства. Традиционные образы поэзии Х. Ботева: женщина-мать, любимая девушка, мужчина-гайдук, песня гайдука, болгарский народ, патриот. Основные образы и образы-символы поэзии А. Духновича: мать, милая, русские дети, мать Русь, единение, сокол, незабудка. Общие образы: свобода, родина, народ, сон.

Ключевые слова: компаративистика, имагология, национальная идентичность, возрождение, болгарская литература, Христо Ботев, русинская литература, Александр Духнович, поэзия.

Fundamentals of National Identity in Bulgarian and Rusinian Literature (Based on the Works by Hristo Botev and Alexander Dukhnovych)

O.Yu. Saikovska

Odessa I.I. Mechnikov National University
2 Dvorianska Street, Odessa, 65082, Ukraine
E-mail: bgfantastika@gmail.com

Abstract

The article focuses on the manifestations of national identity in the poetry of “*bu-ditel*” (a metaphor of spiritual awakening; i.e. enlightener, awakener) of the Bulgarian people Hristo Botev and the outstanding figure of the Ukrainian people of Transcarpathia (Rusins) Alexander Dukhnovych. The analysis of the national identity foundations is determined by a multilevel approach, which addresses the psychological, cultural, territorial, historical, and political constituents. The main components of national identity, identified in H. Botev’s and A. Dukhnovych’s poetry, are folk song, folklore, mythology, beliefs and everyday life, folk heroes, national characters, and language. The dominant themes of the poetry of both authors are Motherland, national liberation war, heroism and patriotism, people and enemies, confrontation between good and evil, life and death, freedom and slavery. Traditional images in H. Botev’s poetry are those of woman-mother, beloved girl, man-haiduk (rebel), the haiduk’s song, Bulgarian people, patriot. The main images and images-symbols in A. Dukhnovych’s poetry are those of mother, beloved girl, Russian children, Mother-Russia, unity, falcon, forget-me-not. The common images are freedom, homeland, people, dream.

Keywords: comparative studies, imagology, national identity, Renaissance, Bulgarian literature, Hristo Botev, Rusinian literature, Alexander Dukhnovych, poetry.

Ідентифікаційний код нації формується протягом усього її розвитку. Кожна національна культура подарувала світові письменників і твори, які приречені не лише на вічне життя, а й на постійне повторне відкриття. У народній долі вони неминуче породжують модель національної поведінки. Кожен творець усвідомлює свою належність до конкретного народу, ідентифікує себе з національним цілим.

Імагологічний підхід до вивчення національної літератури на сьогодні є надзвичайно актуальним, оскільки дає можливість виокремити особливості національної літератури (ширше – національної ідентичності) в полікультурному суспільстві. Наша

наукова розвідка присвячена вивченню одного з основних питань літературної імагології, а саме: дослідженню проблеми ідентичності.

Існує багато потрактувань поняття «ідентичність», проте основні його компоненти залишаються сталими: визнання народом самого себе, знання своєї історії, національної культури, території та повага до них, усвідомлення народом власних особливих рис, визначення членами національної групи своїх інтересів, прагнень, цілей, ідеалів, потреб тощо. Вимірами національної ідентичності професор Кембриджського університету М. Гібернау вважає психологічний, культурний, територіальний, історичний та політичний [4]. Виокремлення основних вимірів національної ідентичності у поетичній творчості будителя болгарського народу Х. Ботева та визначного діяча українського народу Закарпаття (русинів) О. Духновича є метою цього дослідження.

Формування болгарської національної ідентичності історики літератури пов'язують із періодом болгарського відродження, додаючи компонент «національне» до термінологічної бази цього періоду (болгарське національне відродження). С. Ігов у книзі «Історія болгарської літератури» зазначає: «Болгарське відродження – це історична епоха народного пробудження і формування національної свідомості, створення національної культури та боротьба за національне визволення»¹ [5: 151]. На відміну від європейського антропоцентричного підходу, болгарське відродження має етноцентричний (національно-визвольний) характер. Емблематичними стають такі категорії болгарського відродження, як-от історизм, народність, демократизм, болгарська мова, належність до слов'янських народів, освіта, болгарська школа, просвіта.

Відомі літературознавці (А. Аліпієва, Н. Аретов, С. Ігов, Е. Налбантова, І. Пелева) спрямовували наукові розвідки на розкриття закономірностей та особливостей болгарського літературного відродження, привертаючи увагу до окремих постатей цієї епохи (Паїсій Хілендарський, Софроній Врачанський, Григорій Цамблак, брати Димитр і Костянтин Міладинови, Георгій Раковський, Василь Левський, Христо Ботев, Любен Каравелов, Добрі Чінтулов, Іван Вазов). Інтерес до теми національної ідентичності простежуємо і в працях відомих болгарських істориків Д. Ангелова, І. Стоянова, де висвітлено роль національної ідентичності як елементу переходу народності в націю.

Постать Х. Ботева (1849–1876) та його літературний доробок у контексті аналізу особливостей болгарської національної ідентичності обрано не випадково: він є одним із найвизначніших

будителів болгар, його традиційно називають «найвищою вершиною в історії болгарського духу», а його творчість – мірило геніальності.

На той же історичний період припадає активна діяльність іншого будителя (вже українського народу Закарпаття), педагога, світського та церковного діяча О. Духновича (1803–1865), чий творчий доробок надихає на всебічний аналіз, зокрема й у контексті виокремлення рис національної ідентичності. Його педагогічної діяльності, організації народного шкільництва присвячені роботи багатьох науковців і педагогів. Так, у 2020 р. була захищена кандидатська дисертація М. Тимчик, педагогічну та освітню спадщину досліджували М. Коваль, Т. Надім'янова, Ф. Науменко, О. Сухомлинська, В. Туряниця та ін.; громадсько-політичну діяльність О. Духновича вивчали О. Мишанич, Д. Федака; на значенні його ролі в національному русі у Закарпатті акцентовано в роботах Р. Майора, С. Суляка та ін.; концептуалізація етноніма «русин» у поезії О. Духновича стала об'єктом дослідження С. Зеленка. Виміри національної ідентичності закарпатських русинів, втілені в поетичних творах О. Духновича, спонукають до подальшого вивчення та компаративного аналізу.

У болгарській літературі національним ідейним просвітителем справедливо називають великого будителя Х. Ботева. Через передчасну смерть (у 28 років) його життя часто порівнюють із блискавкою, яка освітила болгарську землю наприкінці темної ночі свого п'ятисотлітнього поневолення. Д. Павличко зазначає, що його поетична творчість, могутня в дії та ідейно-мистецькому значенні, не співмірна з кількісним своїм виявом: двадцять віршів Х. Ботева – найяскравіший приклад того, що в літературі тільки якість береться до уваги. У вірші «Гайдуки» («Хайдути») поет вдається до самоідентифікації, ніби неумисне характеризуючи себе через образ повстанського сина:

...бунтарське у мене серце,
а голос – міцний, суремний;
як люди мене не вчують,
то пісня моя полине
по горах і по дібровах...² [2: 59].

Ідея національної ідентичності була однією з провідних і у творчості О. Духновича. Народний будитель, переслідуваний угорським урядом, із перших рядків поезії «Вручаніє» на весь голос заявляє про себе і свій рід:

Я русин бил, єсмь і буду,
Я родився русинóm,
Чесний мій рід не забуду,

Останусь єго синѠм;
Русин бил мій отець, мати,
Руськая вся родинá,
Русини сестри і брáти
І широка дружинá;
Великий мій рід і главний
Миру єсть современний,
Духом і силою славний,
Всім народам приємний [10: 517–518].

О. Духнович у цій поезії представляє свій проєкт ідентифікації: він визначає себе русином, членом великої русинської родини, відомої й шанованої багатьма іншими народами.

Як один із компонентів національної ідентичності, оприявлений на культурному рівні, можемо виокремити народну пісню, яка є провідником у світ традицій народної культури. Виховуючись годувальницею «бабою Гарайдихою», О. Духнович із ранніх років відчував і вбирав красу народної мови, пісні, фольклору. Через пісню поет формулює заповіт майбутнім поколінням, висловлює свої найщиріші бажання, створює пісенну традицію закарпатських русинів («Послідня моя піснь», «Піснь о придворній житні», «Піснь простонародна», «Піснь о свободі»); пісня, за О. Духновичем, це не лише мова простого люду, але й мова, якою можна звертатися до Бога («Мысль о Бозѣ», «Пѣснь земледѣльца весною»).

Болгарський поет Х. Ботев також часто звертається до пісні у своїх поетичних творах. З. Стоянов пояснює геній Х. Ботева впливом материнської пісні [12]. Сам поет згодом підтверджує цей факт у своєму вірші «На прощання» («На прощаване»):

Та що я робити маю,
як серце бунтарське, чесне
дала ти мені, матусе...»³ [2: 51].

Натхнення Х. Ботева часто віднаходив у народних піснях, які слугували йому і колісковою, і розрадником, і провідником у світ традицій болгарської культури. З поезій Х. Ботева стає зрозуміло, що саме через спів болгарам легше висловити свій душевний поклик. Поет і сам не раз удається в поезіях до пісенної традиції своєї країни, як, наприклад, у вірші «До моєї першої коханої» («До моего първо либе»):

Питво зготувавши криваве,
я сам собі буду співати
ту пісню свою соколину
про те, що роблю до загину!⁴ [2: 49]

У поезії Х. Ботева «Юріїв день» («Гергьов ден») люди співають

у свято: «...хвалу співайте цареві й богу...»; в «Хаджі Димитр» лунає вже інша мелодія: «Пісню, рабине, скорботну зтягуй!»; у поемі «Гайдуки» чується пісня самого поета: «...а я заспіваю пісню, гайдуцьку, бунтарську пісню, пісню про давніх войоводів...».

Вихований у найкращих народних традиціях, виплеканий з войовничою болгарською народною піснею, Х. Ботев створював справжню музику у своїй поезії. Адже співали в його віршах не лише люди. У поемі «Гайдуки» і гори повторюють пісню, а в поезії «На прощання» мати чує, що кулі в селі співають.

Пісні у поезії Х. Ботева звучать у супроводі національних болгарських інструментів – кавалу та гайди. Також трапляються згадки про традиційний болгарський танець – хоро. Поет відстоював збереження звичаїв та усної народної творчості Болгарії, адже в період поневолення в народі забирали його найкращий скарб – материнську мову та національні традиції. Поезії «Юріїв день» («Гергьов ден»), «На прощання» («На прощаване»), «Гайдуки» («Хайдути»), «На смерть Василя Левського» («Обесването на Васил Левски»), «Хаджі Димитр» («Хаджи Димитър»), «Їй» («Ней») розкривають традиційну пісенну культуру болгар. Музичні інструменти, національний танець, народні вірування та звичаї також розглядаємо як культурний пласт національної ідентичності болгар.

Іншим виміром національної ідентичності є фольклорні образи. Квіти («бръшлян» – плющ, «зравец» – герань) й тварини (вівці, кози, вовки, собаки, леви, голубки, соловей, дикі гуси, орлиця, круки, сокіл), фантастичні істоти з болгарських народних казок (самодіви, самовіли) й національні герої (Чавдар-войвода, Петко Страшник, Василь Левський, Караджа, Пищурка, Сапунов, Владикін, Войніков, Славейков) допомагають окреслити народні вірування і побут болгар.

Вершиною поетичної спадщини Х. Ботева є балада «Хаджі Димитр», яку вважають своєрідним заповітом автора. Хаджі Димитра ототожнено з образом народного героя, борця за Болгарію. У баладі змальована солідарність усього живущого з пораненим юнаком: не тільки орлиця робить йому затінок, але й вовк зализує криваві рани; гори Балкани, зворушені героїзмом народного воїна, грають йому «гайдуцьку пісню»; вечірнє небо нахилиється над його обличчям; казкові дівчата зринають у видавах гарячки – ніби ті часи, коли народна фантазія створювала ці міфологічні істоти, оживають у його підсвідомості. Усе допомагає героєві боротися зі смертю, лише сумний голос рабині – пісня жниці придавлює й знекровлює його тіло. Болгарський літературознавець С. Ігов стверджував, що поезія Х. Ботева була геніальним стрибком від фольклору до літератури для реалізації болгарського слова в період відродження⁵ [6: 241].

Фольклорний образ квітки незабудки (серед інших українських народних назв відомі «незабудь-мене», «любиме-мене-не-покинь», «павині вічка», «жабині очка», «жаб'ячі очка»), що є наскрізним у поезіях О. Духновича «Тоска на гробі милої», «Незабудка», репрезентує тему вічного кохання, непідвладного часу:

Да кождий, увидя
Дерновий той покров,
Скажет, пожалуй:
«Се тут лежит любовь» [10: 532].

Автор зображує любов, оспівану в українських народно-поетичних романтичних традиціях. Поезія «Тоска на гробі милої» має баладні сентиментально-романтичні риси.

У поезії «Надгробнеє О. Духновича» з'являється образ тополі, цей символ виступає у ролі колиски. У поезії «Храм любові» знаходимо традиційні українські фітоніми – берізка, барвінок, нарциси, троянди, незабудки; зооніми – голубка, горличка, віл.

Образ сокола, традиційний як для болгарського, так і для українського фольклору, репрезентований у поезіях О. Духновича «Послідня моя піснь», «Радуйтеся, соколята». Але якщо в Х. Ботева сокіл – птах повстання, боротьби, то в О. Духновича сокіл – птах оновлення, продовження роду:

Так же, братя-соколята,
Підлітайте, весна тут,
Змагайтеся на крилята,
Вам стелиться новий путь! [10: 539].

Територіальний вимір національної ідентичності втілюється в болгарській літературі за допомогою образів Балкан, Ірин-Пірину, Странджарського краю. Природа особливо чуттєва й у творчості болгарського поета. Переживаючи разом зі своїми дітьми душевну тугу, вона ніби підспівує їм у важкі часи: «Зима співає недобру пісню, вітри студені гасають полем...» («На смерть Василя Левського»); «...пісню гайдуцьку грають Балкани!», «Діви прекрасні в білій одежі...співи заводять дивні й бентежні...» («Хаджі Димитр»); «Соловейко залящав, днину радо він стрічав...» («До неї»); «За те ж то й йому співають Странджарські ліси зелені і трави Ірин-Пірину...» («Гайдуки»). Гори Болгарії (Балканські, або Стара Планина, Пирин, Странджа) є «місцем сили» гайдуків, адже вони захищають болгарських воїнів, а гірський ліс допомагає сховатися від турків і боротися за омріяну свободу. Саме вертикальна модель світосприйняття болгар (гори/гірський ліс – низовина) знайшла відображення у болгарській мові (наприклад, лексема «горе-долу», еквівалентом якої в українській мові є лексема «більш-менш»).

Маркерами територіального виміру національної ідентичності в поезії О. Духновича найчастіше постають образи луків, берегів, дібров і гір (поезії «Убѣгша свобода», «Свобода», «Храмъ любви»). Українська природа карпатського краю виконує схожу до болгарської функцію: розділяє настрої ліричного героя. Однак вона не «співає», а виступає фоном для «звучання» думок і переживань ліричного героя:

Безъ друга и безъ милой
Самъ брожу по лугах,
Сердцемъ, душой унылой
Одинъ по берегахъ... [11: 29]

У поезії «Храмъ любви» надзвичайно експресивно зображено рідний край: ліричний герой знаходиться «...на прекрасной дебрицѣ, между пестрыми цвѣтами, во прелестной рощицѣ...», він «довольствиемъ восхищень весь/ благовонный воздухъ ссалъ,/ горѣлъ непонятным огнемъ,/ сердцемъ, дешою плясалъ». У поезії О. Духновича знаходить своє відображення горизонтальна модель сприйняття довколишнього світу (усі зображувані природні об'єкти знаходяться в одній горизонтальній площині – діброви, луки, береги річок), тоді як у болгарській картині світу спостерігається вертикальна модель сприйняття (гори або гірські ліси – низовини), що зумовлено природними особливостями країни.

Ліричні герої О. Духновича та Х. Ботева є втіленням національних рис кожного з народів – українського та болгарського. У цій розвідці розкриємо лише кілька образів, продуктивних для порівняльного аналізу, – жінки-матері, дівчини-коханої та чоловіка-визволителя. Х. Ботев створив цілу палітру національних характеристик болгар. У своїх традиційних монологах-звертаннях до матері він описав усенародний образ стражденної болгарської жінки. Трагізм материнської долі поет розгортає у вірші «До моєї матері» («Майце си»):

Тобі єдиній я сповідаюсь,
моя ти віро, любове, раю,
та вже, матусе, не сподіваюсь
тебе любити – я догоряю!⁶ [2: 37]

Мужність болгарських матерів більша за мужність самих гайдухів⁷. Х. Ботев порівнює материнство зі святістю та мучеництвом. Він називає своїх соратників у бою братами, тому втрату болгарських матерів розділяє так само болісно. Поезія Х. Ботева створює образ болгарської жінки: нещасної, стражденної, але сильної духом, як і її сини-герої. А. Аліпієва зауважує, що в період відродження не було «матері моєї чи твоєї, чи його», у літературі тієї епохи була лише «болгарська мати» [1: 84].

На відміну від жертвовної болгарської матері Х. Ботева, у поезії О. Духновича репрезентований абсолютно інший образ матері. Для русинського поета надзвичайно важливим є те, щоб поряд із кожною людиною була матір і щоб з нею був завжди духовний зв'язок. У поезії «Сирота въ заточении» ліричний герой згадує свою матір з ніжністю та щирою любов'ю, адже вона його виносила, народила, вигодувала, заколисувала у своїх обіймах, матір заспокоювала дитячий плач і була для ліричного героя цілим світом:

Мамчинь глась! О страстная мысль,
Сладкое слово: мати!
Проникаеть внутренну жизнь,
Мысль полна благодати;
Мати!... [11: 25]

Навіть перебуваючи у полоні, син «відчуває» свою матір, бачить усюди її образ, постійно про неї думає й обіймає уві сні, але, прокинувшись, розуміє, що між ними – «велика широта». Ліричний герой робить висновок, що хоча він і має матір, однак він сирота, і це завдає йому невимовного болю. О. Духнович зображує матір не як стражденну мученицю жінку-героїню, а як жінку люблячу, ніжну, чутливу.

Якщо образи матері в поетів представлено по-різному, то образ коханої має схожі риси. У творах обох поетів образ коханої дівчини позбавлений щастя. У поезії Х. Ботева «До моєї першої коханої» («До моего първо либе») ліричний герой просить забути молоду дівчину про кохання, адже у нього любов може бути одна – до Батьківщини; горе в душі ліричного героя спричинене горем його народу, і тільки смерть може згасити його муку.

У поезії О. Духновича «Любов милой і отечества» ліричний герой наказує коханій його забути, оскільки його серце вже охолело, їх розділяє межа, йому вже «не вільно» любити. Ліричний герой просить:

Не мучись тоской напрасно,
Для нас уже любви нѣт,
Мене-бо пламень знатнѣйший
Палить, і превосходнѣйший
Невгасимий его жар,
Мене звет сила природна,
Исторнет любовь народна,
Я ей пожертвився в дар [10: 528]

Образ милої, без якої залишився ліричний герой, фіксуємо в поезіях «Самотність», «Тоска на гробі милої».

Цікавою є поезія «Незабудка», створена у народно-пісенній традиції. Тут оповідь ведеться від імені дівчини, яка розповідає про своє кохання. Єдиним свідком взаємного почуття героїв стала

квіточка незабудка, про яку кохані вирішили пам'ятати, допоки не будуть разом. У поезії не сказано прямо, де коханий ліричної героїні, чому він не з нею, але з перших рядків стає зрозуміло, що закохані не разом, оскільки дівчина йде на пошуки квіточки-символу їхнього кохання – незабудки. Х. Ботев не вдається до використання символів на позначення кохання у своїй поезії, оскільки для нього провідною є ідея визволення Болгарії.

Віра є одним із основних компонентів національної ідентичності. Обидва поети відстоюють право своїх народів на християнську церкву.

О. Духнович через свою поезію втілював бажання, аби його «народ любимий» зостався завжди набожним, бо від християнської віри чекав кращого майбутнього для русинів. Образ Бога наявний у багатьох його поезіях «Отечество», «Вручаніє», «Пом'яник», «Що бивало – єсть і нині!», «Радуйтеся, соколята», «Наdejда в Бога»:

И такъ, братъ мой, коль нападеть,
На тебя лиха бѣда,
Не одчайя, то пропадетъ.
У Бога єсть побѣда [11: 73].

Не випадково збірку поезій, видану 1922 р., О. Духнович відкриває твором «Мысль о Бозѣ», який можна вважати молитвою автора. Образ Всевишнього наділений рисами помічника, переможця, милосердного покровителя; Бог є мудрість і «предвѣчная любов». У поезії О. Духновича також наявний образ служителя Божого. Поезію «Голось радости» (від угорських русинів) О. Духнович створив на честь обрання нового митрополита Львівсько-Галицького Григорія Барона Яхимовича, про що зазначив у підзаголовку. Через образ митрополита поет втілює ідею про об'єднання русинів, бо «Русь єдина, мысль одна у всѣхъ въ души...», про захист русинського народу і церкви.

Приділяв будитель увагу і християнському вихованню молодого покоління. «Книжиця читальная для начинающих» містить молитви і моральні настанови для дітей.

У Х. Ботева збереження християнської віри та уникнення «потурчення» виступає одним із провідних мотивів повстанського руху (голос Божий – це народний плач). У вірші «До мого брата» («Към брата си») він висловлює не тільки свій розпач з того приводу, що брат не чує «голосу божого – плачу народного», але й невдоволення тим, що його любов до Вітчизни наче знесилюється непримиренністю до глупоти людської і духовної нікчемності. І. Пелева називає поезію Х. Ботева сповіддю самотності ліричного героя, адже від облудного сну прокинувся лише він, а народ усе спить [9: 58].

Християнська віра в Х. Ботева нерозривно пов'язана з образами простих людей, які обирають свій шлях. У його поезії ненависті до «своїх» гнобителів іноді більше, ніж до чужих. Твір, де зображений образ катованого народу, якому «хреста забито в живе тіло», названо іронічно «Елегією» («Елегия»):

Народ німує!

Лиш глухо й страшно гримлять кайдани.

В них дзвону волі народ не чує...⁸ [2: 43].

Х. Ботев найглибшу відразу відчував до «патріотів, які люблять виступати посередниками між народом і урядом», до пристосуванців, болгарських чорбаджіїв, лицемірних і відвертих примиренців, які згодилися зі своїм «скотячим» рабським становищем. У творчому доробку поета є вірш «Патріот» («Патриот»), спрямований на висміювання псевдопатріотів Болгарії – тих, кого за життя ненавидів Х. Ботев:

Патріот – він душу дав би

за науку, за свободу,

та не свою душу, браття –

душу бідного народу⁹ [2: 91].

Подібний образ псевдопатріота бачимо й у сатирі О. Духновича «Отечество», де представлено авторську візію образу громадянина без вітчизни, який постає перед читачем як обірваний волоцюга, голий, босий, нечесаний, небритий, немитий, без дому, у якого замість вітчизни – цілий світ. У поезії «Любов милой і отечества» описаний душевний біль, який настиг русина втратою надії на народну свободу:

Судьба, судьба, о нещасна,

Таж мене осудила;

О свирепа, о ужасна,

Невинну погубила... [10: 529].

У поетичній спадщині О. Духновича концепт свободи посідає чільне місце, він є заголовним у поезіях «Свобода», «Убѣгша свобода». О. Духнович, як і Х. Ботев, прагне пробудження свого народу від «глибокого сну». У рядках твору, який став гімном Закарпаття, «Гимнь подкарпатскихъ русиновъ» автор закликає своїх братів прокинутися:

Подкарпатскіи русины,

Оставьте глубокой сонь!

Народный голось зоветь вась:

Не забудьте о своемъ! [11: 84].

А вже в поезії «Руський марш» ліричний герой радіє від пробудження, оновлення, духу свободи:

Русски дѣти, вамъ свѣтаеть

Ужь зорничка всходитъ вамъ,

Слава мати вась витаєть
І зовєть кь своїмь рядамь...
Слава, Слава, наша мати
Пробудилась оть сна сновь,
Зачинаєть царствовати
Взываеть храбрыхь сыновь [11: 66].

Патріотичні мотиви звучать у таких поезіях О. Духновича, як «Підкарпатські русини», «Любов милой и отечества», «Руський марш», «Отечество». Патріот-русин – це людина, яка прагне свободи, єднання, оновлення.

У болгарському літературному дискурсі доби відродження патріот – це, передусім, гайдук, який уже народжувався з ідеєю про національну справедливість, брав участь у кривавих боях та співав пісні, що оспівували подвиги повстанців. Відома болгарська дослідниця І. Пелева висловила думку, що образ героя-гайдука Х. Ботев пов'язує зі своїм уявленням про ідеал – особистість, яка готова пожертвувати собою в ім'я Батьківщини [9: 17]. Апогеєм боротьби за незалежність є рядки балади «Хаджі Димитр»:

Хто за свободу в битві поляже,
той не вмирає: тужать по ньому
звірі, природа, зоряні кряжі;
пісню по ньому зложать потому...»¹⁰ [2: 99].

Самопожертву гайдуків заради вищої мети – вільної Болгарії, поет описує і у своїй поезії «Моя молитва» («Моята молитва»):

А як раб до бою стане,
Ти й моїй руці дай силу
рвати вікові кайдани,
в битві дай знайти могилу!»¹¹ [2: 109].

Ці слова – засвідчення героїзму болгарських юнаків. Адже для них загинути в бою – честь, а змиритись з віковим поневоленням – сором не лише перед родиною, але й перед Вітчизною. Саме тому того, хто кориться власному гніту, хто не борється за незалежність Болгарії, Х. Ботев називає мовчазним рабом. Такі чоловіки в поетовій творчості символізують тих, хто уповільнює визвольну мету гайдуків. У поемі «Гайдуки» Х. Ботев започатковує свою основну тему – доля героїв визвольної війни:

Щасливий, хто вміє стати
до битви за честь і волю,
хто доброму створить благо,
а злого – ножем ударить...»¹² [2: 59].

Одержимий ідеєю визволення рідного народу, він усе підпорядковував цій ідеї. Він висловлює її у своїй поезії «Боротьба» («Борба»):

В тому владарстві крові й падлюцтва,
в царстві розпусти, сліз і скорботи,
битва за щастя вільного людства
буде стрясатися землями доти,
доки не встануть з рабства послулі...
Крикнемо й ми ще: «Хліб або кулі!»¹³ [2: 77].

Життя самого Х. Ботева – це героїчне мучеництво за суспільні ідеали, а його смерть, пророко ним самим описана в баладі «Хаджі Димитр» та вірші «На прощання», – ніби безконечне продовження героїки його життя:

...і хай пам'ятають завжди,
що брат у них був – повстанець,
що згинув той брат за волю...¹⁴ [2: 53].

В антиномії життя і смерті лежить увесь трагічний ліризм Х. Ботева, чий герой відчуває, що повинен умерти за свободу. А. Бурмов зазначає, що Х. Ботев був героїчною натурою, але не визнавав подвигу заради подвигу [3: 21]. С. Ігов зауважує: «Він вистояв на величній сцені світової історії, щоб через свій подвиг пролити світло на подвиги тих, хто помирав у темряві на кривавих балканських роздоріжжях»¹⁵ [6: 246].

Мотив смерті героя у Х. Ботева закономірно представлений через категорію безсмертя. Так, у поезії «На смерть Василя Левського» («Обесването на Васил Левски») оспівано безсмертя героя, що загинув за народну свободу. За трагічним збігом обставин цей реквієм для свого близького приятеля, національного героя Василя Левського, переданий як всепоглинаючий нездоланий біль, стає таким і для самого автора. На думку Е. Налбантової [8], ця поезія є «поетичною трагедією», а не трагічною баладою.

У статті «Народ вчора, сьогодні й завтра» («Народът вчера, днес и утре») Х. Ботев, пророкуючи незалежність, мріючи про визволення болгар, указуючи на основні риси болгарського народу, пише: «Наш народ має своє особливе життя, особливий характер, особливу фізіономію, яка його відрізняє як народ – дайте йому розвиватись своїм народним шляхом і побачите, яку частину суспільного життя він розвине; дайте, або хоча б не заважайте йому звільнитись від того варварського племені, з яким він не має нічого спільного, й побачите, як він організується»¹⁶ [7: 545]. Батьківщина і народ є найвищими цінностями Ботевської поезії, перед якими поет схиляється через самопожертву в ім'я надособистої мети.

О. Духнович також вірить у незалежність та єдність Руської землі. У його поетичній творчості мотив активного збройного протистояння відсутній. Патріот (справжній русин) – це не воїн зі зброєю в руках,

а інтелігент, працьовитий землероб, селянин, відданий своєму народові. У поезії «Вручання» герой-патріот обіцяє бути вірним русином до смерті:

Кленуся живим богом,
За печальний піт і труд твій
Повинуюся долгом.
І оддам ти, колько могу...;
– я твій буду,
Твоїм другом і умру [10: 518].

На схилі літ він звертається з напутніми словами до молоді, до своїх нащадків через поезії «Дума на 60-літній день», «Послідня моя піснь», «Радуйтеся, соколята», які сповнені віри у щасливе, вільне майбутнє прийдешніх поколінь, «будучих рідних внуків», які матимуть бажання жити «з мислю о горній жизни» на «благо для отчизни».

Поетичне слово будителів народних належить не лише їхнім народам (українському та болгарському), а й усім народам світу. Воно народилося не з одного національного кореня, його жили передусім глибини світового письменства, передової слов'янської культури.

Основні компоненти національної ідентичності представлені творчими доробками болгарського поета Х. Ботева та русинського будителя О. Духновича через народну пісню, фольклор, міфологію, вірування і побут, національних героїв, мову на всіх рівнях – психологічному, культурному, територіальному, історичному, політичному.

Пісня у творчості поетів виконує різні функції: у О. Духновича вона є уособленням духовного, вищих сил (заповіт, молитва до Бога, Боже слово); у Х. Ботева її основна мета – заклик до боротьби за свободу.

Поетична спадщина поетів представляє різні фольклорні образи. Дещо відрізняється змальований поетами тваринний світ: вівці, кози, вовки, собаки, леви, голубки, соловей, дикі гуси, орлиця, круки, сокіл представлені у поезії Х. Ботева; голубка, горличка, віл, сокіл – у О. Духновича (образ сокола має різні функції: птах повстання і боротьби – для болгарського народу; птах оновлення, продовження роду – для українського). У творах болгарського поета фіксуємо такі фітоніми, як-от плющ, герань. О. Духнович використовує традиційні українські фітоніми – берізка, барвінок, нарциси, троянди, незабудки.

Унікальним є використання Х. Ботевим образів героїв народних казок, національних героїв та міфічних істот.

Територіальна ідентифікація зумовлена світосприйняттям обох народів: вертикальною орієнтацією (гори/гірські ліси – низовини) у болгар та горизонтальною (луки, діброви, береги річок) – в українців.

Концепт віри також реалізовано по-різному: для болгарського поета християнська віра є основою повстанського руху, заклик до активного супротиву, для О. Духновича віра має функцію об'єднання русинського народу та збереження його в єдності.

Національні риси кожного з народів мають свої особливості. Образ матері-болгарки завжди пов'язаний із мотивом жертвності, героїзму, святості та мучеництва. Українська матір – жінка ніжна, чутлива, завжди поряд зі своєю дитиною. Образ коханої дівчини в обох поетів нещасливий: для болгарина-гайдука немає іншого кохання, ніж любові до Батьківщини; образ коханої у О. Духновича часто пов'язаний із самотністю і смертю (хоча мотив вічного кохання присутній у поезії та реалізований через символ квітки-незабудки). Образ героя-патріота кожного народу також має свої відмінності: патріот О. Духновича – відданий своєму народові інтелігент-русин; патріот Х. Ботева – гайдук зі зброєю в руках і піснею на вустах.

Домінантними темами поезій обох авторів є теми Батьківщини, національно-визвольної війни, героїзму та патріотизму, народу та ворогів, протистояння добра і зла, життя та смерті, свободи та рабства.

Основні образи поезій Х. Ботева: жінка-матір, кохана дівчина, чоловік-гайдук, гайдуцька пісня, болгарський народ, патріот. Традиційні образи поезії О. Духновича: матір, мила, руські сини, матір Русь, єднання, сокіл, незабудка. Спільні образи: свобода, Вітчизна, народ, сон.

Можемо стверджувати, що тема національної ідентичності є важливим компонентом у творчості будителів Х. Ботева та О. Духновича. Автори подають власний ідентифікаційний проєкт, проблематизуючи національну ідентичність, що спонукає до подальшого наукового пошуку.

ПРИМІТКИ

1. Българското възраждане е историческата епоха на народностното пробуждане и формиране на национално съзнание, на създаване на национална култура и борба за национално освобождение (переклад з болгарської на українську О. Сайковської).

2. ...аз нося сърце юнашко,/ глас имам меден загорски,/ та ко ме никой не чуе,/ песента ще се пронесе/ по гори и по долища...(переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

3. Но кажи какво да правя,/ кат ме си, майко, родила/ със сърце мъжко, юнашко...(переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

4. Кървава да вдигна напивка,/ от коя и любов немее,/ пък тогаз и сам ще запая/ що любя и за що милея!...(переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

5. Поезията на Ботев е гениалният скок, който осъществи българското слово през Възраждането от фолклора към литературата (переклад з болгарської на українську О. Сайковської).

6. Освен теб, мале, никого нямам,/ ти си за мене любов и вяра;/ но тука вече не се надявам/ тебе да любя: сърце догаря! (переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

7. Гайдуки – болг. «хайдути» – члени збройного народного супротиву проти існуючої османської влади на българських землях у XV–XIX ст.

8. Мълчи народа!/ Глухо и страшно гърмят окови,/ не чуй се от тях глас за свобода...(переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

9. Патриот е – душа дава/ за наука, за свобода;/ но не своята душа, братя,/ а душата на народа! (переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

10. Тоз, който падне в бой за свобода,/ той не умира: него жалеят/ земя и небо, звяр и природа,/ и певци песни за него пеят...(переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

11. Подкрепи и мен с ръката,/ та кога въстане робът,/ в редовете на борбата/ да си найда и аз гробът! (переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

12. – Блазе му, който умее/ за чест и воля да мъсти – / доброму добро да прави,/ лошия с ножа по глава...(переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

13. И в това царство кърваво, грешно,/ царство на подлост, разврат и сълзи,/ царство на скърби – зло безконечно!/ кипи борбата и с стъпки бързи/ върви към своят свещени конец.../ Ще викнем ние: «Хляб или свинец!» (переклад з болгарської на українську Д. Павличка).

14. ...да помнят и те да знаят,/ че и те брат са имали,/ но брат им падна, загина...(переклад з болгарської на украинську Д. Павличка).

15. Той се изправи с цял ръст върху величествената сцена на световната история, изведе на историческата светлина чрез своя подвиг подвига на онези, които бяха гинали в тъмнината на кървавия балкански кръстопът (переклад з болгарської на украинську О. Сайковської).

16. Нашият народ има свой особен живот, особен характер, особена физиономия, която го отличава като народ – дайте му да се развива по народните си начала и ще видите каква част от обществения живот ще развие той; дайте му или поне не бъркайте му да се освободи от това варварско племе, с което той няма нищо общо, и ще видите как той ще се устрои (переклад з болгарської на украинську О. Сайковської).

ЛІТЕРАТУРА

1. Алипиева А. Национална идентичност в българската литература. Пловдив: Макрос, 2001. 1999. 107 с.
2. Ботев Х. Поезії / Пер. з болг. та передм. Д. Павличка. Київ: Дніпро, 1977. 119 с.
3. Бурмов А. Христо Ботев и неговата чета. София: Наука и изкуство, 1974. 790 с.
4. Гібернау М. Ідентичність націй. Київ: Темпора, 2012. 304 с.
5. Игов С. История на българската литература. София: Ciela, 2002. 879 с.
6. Игов С. Кратка история на българската литература. София: Захарий Стоянов, 2005. 496 с.
7. История на българската литература в четири тома. Литература на Възраждането. Т. 2. София: Издателство на БАН, 1966. 659 с.
8. Налбантова Е. Възрожденският човек – утопии и реалности. Велико Търново: Св. Кирилл и Методий, 2001. 219 с.
9. Пелева И. Ботев. Тялото на национализма. София: Кралица Маб, 2015. 380 с.
10. Письменники Західної України 30-50-х років XIX ст. Київ: Дніпро, 1965. С. 513–544.
11. Поезії Александра Духновича. Перше видання. З перводруков собрав, житєпись написав і поясненя додав др. Франтішек Тихій. Ужгород: Книгопечатня акційного ТОВ «УНЮ», 1922. 87 с.
12. Стоянов З. Христо Ботйов. Опит за биография. София: Ciela, 2018. 400 с.

REFERENCES

1. Alipieva, A. (1999) *Natsionalna identichnost v b'lgarskata literatura* [National identity in Bulgarian literature]. Plovdiv: Makros 2001.
2. Botev, H. (1977) *Poezii* [Poetry]. Translated from Bulgarian by D. Pavlichk Kyiv: Dnipro
3. Burmov, A. (1974) *Khristo Botev i negovata cheta* [Hristo Botev and his "cheta"]. Sofia: Nauka i izkustvo.
4. Gibernau, M. (2012) *Identichnist' natsiy* [The Identity of the Nations]. Kyiv: Tempora.
5. Igov, S. (2002) *Istoriya na b'lgarskata literatura* [History of the Bulgarian Literature]. Sofia: Ciela.
6. Igov, S. (2005) *Kratka istoriya na b'lgarskata literatura* [Short History of the Bulgarian Literature]. Sofia: Zakhariy Stoyanov.
7. Bozhkov, S. et al. (1966) *Istoriya na b'lgarskata literatura v chetiri toma. Literatura na V'zrazhdaneto* [History of the Bulgarian literature in four volumes. Literature of Renaissance]. Vol. 2. Sofia: BAN.
8. Nalbantova, E. (2001) *V'zrozhdenskiyat chovek – utopii i realnosti* [A Renaissance Person – Utopia and Reality]. Veliko Tarnovo: Sv. Kirill i Metodiy.

9. Peleva, I. (2015) *Botev. Tyaloto na natsionalizma* [Botev. The Body of Nationalism]. Sofia: Kralitsa Mab.

10. Shashkevich, M. et al. (1965) *Pis'menniki Zakhidnoi Ukraïni 30-50-kh rokiv XIX st.* [The writers of Western Ukraine of 1930-50s]. Kyiv: Dnipro. pp. 513–544.

11. Dukhnovych, A. (1922) *Poezii Aleksandra Dukhnovicha. Pershe vydanya. Z pervodrukov sobrav, zhitepis' napisav i poyasnenya dodav dr. Frantishek Tikhyy* [Poetry of Alexander Dukhnovych]. Uzhhorod: UNIO.

12. Stoyanov, Z. (2018) *Khristo Botyov. Opit za biografiya* [Hristo Botev. An attempt of a biography]. Sofia: Ciela.

Сайковская Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания филологического факультета Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Украина).

Сайковська Олена Юрїївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального та слов'янського мовознавства філологічного факультету Одеського національного університету ім.і І.І. Мечникова (Україна).

Olena Yu. Saikovska – Odessa I.I. Mechnikov National University (Ukraine).

E-mail: bgfantastika@gmail.com

УДК 82:39(=161.2'282.2)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/6

Соціокультурний образ русинів-руснаків у творчості Олександра Гавроша

Т.М. Шевченко

Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова
Україна, 65082, м. Одеса, вул. Дворянська, 2
E-mail: shtn75@ukr.net

Авторське резюме

Мета цієї статті – проаналізувати засади створення соціокультурного образу русинів-руснаків у романі «Блукаючий народ» (2012) українського письменника, журналіста О. Гавроша крізь призму художньої свідомості автора. Досліджено засади авторського ментативу про русинську громаду, котра компактно проживає у Сербії, наголошено на письменницьких акцентах унікальності нащадків карпатських переселенців, яким удалося зберегти й створити особливу етнічну групу в нових для себе умовах. Окреслено дескриптивний дискурс О. Гавроша, простежено особливості художнього й документального опису життя сучасної 15-тисячної русинської громади в Сербії в романі-травелозі, котрий складається з окремих есеїв. У статті наголошено на художніх практиках автора, особливостях відтворення менталітету, зображення побуту, традицій, звичаїв, вірувань, історії, культури, релігії русинів-руснаків, котрі оселилися у Сербії понад 270 років тому і зберегли власну ідентичність до нашого часу. Проаналізовано чинники й обставини русинської самоідентифікації з художнього погляду, зокрема, наголошено на феномені цього народу, котрий практично не асимілювався з іншими народами Європи через низку причин: миролюбну вдачу, толерантне ставлення до представників інших культур і релігій, перевагу звичаєвого права тощо. Об'єктом вивчення постали і персонажі твору, презентовані в конкретних діях, вчинках, спрямованих на збереження й примноження традицій і звичаїв русинів. У результаті аналізу представлені художньо інтерпольовані процеси національної і особистісної самоідентифікації як соціокультурний феномен.

Ключові слова: Олександр Гаврош, роман-травелог, есей, русинська громада, ідентичність, соціокультурний образ, феномен, авторський ментатив, комунікативна стратегія.

Социокультурный образ русинов-руснаков в творчестве Александра Гавроша

Т.Н. Шевченко

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Украина, 65082, г. Одесса, ул. Дворянская, 2
E-mail: shtn75@ukr.net

Авторское резюме

Цель этой статьи – проанализировать принципы создания социокультурного образа русинов-руснаков в романе «Блуждающий народ» (2012) украинского писателя и журналиста А. Гавроша сквозь призму художественного сознания автора. Исследованы особенности авторского ментатива о русинской общине, компактно проживающей в Сербии, отмечены писательские акценты уникальности потомков карпатских переселенцев, которым удалось сохранить и создать особую этническую группу в новых для себя условиях. Определен дескриптивный дискурс А. Гавроша, проанализированы особенности художественного и документального описания жизни современной пятнадцатитысячной русинской общины в Сербии в романе-travelogue, состоящем из отдельных эссе. В статье акцентировано внимание на художественных практиках автора, особенностях отображения менталитета, изображении быта, традиций, обычаев, верований, истории, культуры, религии русинов-руснаков, поселившихся в Сербии более 270 лет назад и сохранивших собственную идентичность до нашего времени. Проанализированы факторы и обстоятельства русинской самоидентификации с художественной точки зрения, в частности, обстоятельства уникальности этого этноса, который практически не ассимилировался с другими народами Европы по ряду причин: это миролюбивый нрав, толерантное отношение к представителям иных культур и религий, преимущество обычного права и т. п. Объектом изучения стали и персонажи произведения, представленные в конкретных действиях, поступках, направленных на сохранение и преумножение традиций и обычаев русинов. В результате анализа представлены художественно интерполированные процессы национальной и личностной самоидентификации как социокультурный феномен.

Ключевые слова: Александр Гаврош, роман-travelogue, эссе, русинская община, идентичность, социокультурный образ, феномен, авторский ментатив, коммуникативная стратегия.

The Sociocultural Image of Rusins-Rusnaks in the Works by Oleksandr Havrosh

T.M. Shevchenko

Odesa I.I. Mechnikov National University
2 Dvorianska Street, Odesa, 65082, Ukraine
E-mail: shtn75@ukr.net

Abstract

The article analyzes the principles of creating a socio-cultural image of Rusins-Rusnaks in the novel *Wandering People* (2012) by Ukrainian writer and journalist O. Havrosh through the prism of the writer's artistic consciousness. The author studies the writer's mentative about the Rusin community, compactly living in Serbia, and the writer's emphasis on the uniqueness of the descendants of Carpathian immigrants, who managed to preserve and create a special ethnic group in new conditions. Outlining O. Havrosh's descriptive discourse in the in the travelogue, which consists of separate essays, the author analyses the specificity of the artistic and documentary description of the life of the contemporary 15,000 Rusin community in Serbia. The article focuses on the writer's artistic practices related to the reproduction of mentality, depiction of life, traditions, customs, beliefs, history, culture, and religion of Rusins-Rusnaks, who settled in Serbia more than 270 years ago and preserved their identity to our time. Having analysed the factors and circumstances of Rusin self-identification, the author emphasizes their uniqueness: being peaceful by nature and showing tolerant attitude to other cultures and religions, they have not assimilated with other European peoples for a number of reasons. The articles tells about the characters of the novel and their specific actions and deeds aimed at preserving and increasing Rusin traditions and customs. The analysis allows speaking about artistically interpolated processes of national and personal self-identification as of a socio-cultural phenomenon.

Keywords: Oleksandr Havrosh, travelogue, essay, Rusin community, identity, sociocultural image, phenomenon, writer's mentative, communicative strategy.

Панівна тема творчості Олександра Гавроша – письменника, журналіста, публіциста, драматурга – життя народів Закарпаття як історико-географічного краю, цього багатонаціонального, полікультурного середовища, що має складну історію, сповнену трагічних і світлих сторін спільного буття. Митець широко обізнаний з традиціями, побутом, віруваннями, історичними перипетіями численних народів колишньої Підкарпатської Русі, що відображено в його журналістських статтях, подорожніх нарисах та есеях, травелогах, п'єсах, сценаріях тощо. І в

документальному фільмі «Маленькі історії Руського Керестура» про закарпатську діаспору в Сербії, і в повістях, присвячених конкретним історичним діячам-вихідцям Закарпаття («Загадковий Духнович», «У пошуках Івана Сили», «Таємниця Ерделі» тощо), і особливо в збірці подорожніх есеїв «Точка перетину» лунає ідея унікальності багатовікового толерантного співіснування представників багатьох культур і національностей на одній території, що є дуже важливим у часи духовного роз'єднання й перебудови світу. Так, у передмові збірки, в якій представлено «індивідуально-авторську есеїстичну транскрипцію теми множинності й взаємодії в сучасній Україні та у світі в цілому» [8: 458], ідеться про лемків, поляків, словаків, циган, німців, волохів, гуцулів, бойків як представників цілого. Автор наголошує на феномені Закарпаття як території, де панує «національне та релігійне розмаїття» [4: 4], підкреслюючи унікальний досвід мирного співіснування народів на цих теренах: «За тисячу років тут не було масштабних національних протистоянь. Ба більше: якщо твій сусід іншої віри чи мови мав свято, то в ці дні теж припиняв роботу, демонструючи повагу до нього» [4: 4].

У спадщині О. Гавроша чимало також є про вихідців Підкарпатської Русі, котрі через різні історичні обставини опинилися за межами України, однак зберегли автентичну мову, традиції, культуру. Автор активно цікавиться українцями-русинами у Словаччині, Сербії, Польщі тощо. Це підтверджують його публіцистичні праці, непоодинокі переклади творів на білоруську, польську, сербську, словацьку мови тощо.

Нашу увагу привернув твір «Блукаючий народ» про українців-русинів у Сербії. Цей роман-травелог написаний на підставі власної подорожі автора до Воєводини, де живуть русини – переселенці з Карпат. Твір покликаний відтворити менталітет, показати побут, традиції, звичаї, вірування, історію, культуру, релігію русинів-руснаків, котрі оселилися там понад 270 років тому. Комунікативна стратегія автора, окреслена на початку твору («я їхав за красивою легендою» [3: 5]), перетворюється насправді на пошук себе, власної самоідентифікації з «блукаючим народом», котрий відкривається очікувано й неочікувано водночас. І йдеться тут не про традиційне для роману-подорожі окреслення концептів «свій» / «чужий», «свій» / «інший» тощо. Ідеться передусім про ідентифікацію на рівні «наш» / «інакший», тобто нам належний і змінений, видозмінений, пересотворений, розчинений, але такий, що зберіг первісне підґрунтя, адже, насправді, точок перетину виявляється більше, ніж автор очікував. Основне завдання книги, яке перед собою поставив автор, – розкрити сутність руснацтва як історико-культурного феномену. Описавши життя 15-тисячної русинської громади в Сербії, котра, на думку автора, представляє одну з

найстаріших українських діаспор, наголошено на тому, що нащадкам карпатських переселенців удалося зберегти й створити особливу етнічну групу в нових умовах. Цей народ має свою мову, культуру, греко-католицьку церкву у переважно православної Сербії – і це справді викликає подив. Митець наголошує на феномені русинів, котрим удалося зберегти власну ідентичність і практично не асимілюватися з іншими народами Європи через низку причин: сумирну вдачу, толерантне ставлення до представників інших культур і релігій, перевагу звичаєвого права тощо.

Відчувається, що подорожі, що стала підґрунтям роману, передувала тривала підготовча робота з вивчення обставин переселення русинів: опанування історичних та етнографічних джерел, публіцистичних праць (М. Вrabель, В. Гнатюк, Я. Рамач, С. Франкль, Я. Югас), вивчення філологічних праць, пов'язаних із русинською мовою та літературою (О. Дуліченко, Ю. Тамаш), фольклором (О. Тимко), знайомство з творами митців-представників русинської громади (О. Духнович, М. Ковач, Г. Костельник, О. Мітрак, М. Шанта), перегляд сьогочасної української, сербської та русинської преси, зокрема, газети «Неділя», часописів «Руське слово», журналів «Руснак» і «Шветлосц», діяльності видавництва «Руське слово», знайомство з науковою спадщиною викладачів кафедри русинської мови і літератури, яка функціонує на філософському факультеті Новосадського університету, перегляд інших джерел, дотичних до проблематики, цікавої українцям і русинам з обох боків кордону.

З метою створення всеохопного образу сербських русинів автор подекуди в текст роману вірші русинською мовою та іншими мовами про русинів, фрагменти прозових творів, публіцистичних праць, пов'язаних із обраною проблематикою тощо. Книга написана українською, однак чимало лексем, висловів, цілих фрагментів тексту введено русинською мовою, багато з них – без перекладу. У низці інтерв'ю, що постають частиною роману, автор подекуди зберігає відповіді мовою оригіналу, лише інколи перекладаючи окремі поняття чи вдаючись до коротких коментарів з метою уникнути непорозуміння. Окремі назви есеїв, що є розділами твору, презентовано русинською, сербською мовами: «Здрaво, Нові Сад! Здрaво, Србiя!», «Горуцо, не?», «Чісті тоті погарі чі не?», «Русинско народно позориште», «Чао, Србiя! До відзена, руснаці!»

Назва всього твору – «Блукаючий народ» – метафорична: латинським висловом «Gens vaga», що означає «народ, що блукає», О. Гаврош окреслив головне ество русинського народу, представники якого є нащадками мешканців Підкарпатської Русі: народ-переселенець, народ-борець за власну ідентичність. Цей народ цілком свідомий,

що через низку зовнішніх і внутрішніх обставин подекуди стає предметом геополітичних суперечностей. Однак зовнішні обставини буття його цікавлять менше. Його виразники більшою мірою зосереджені на внутрішніх аспектах збереження власної тожсамості. Тож ті русини, з яким авторові довелося спілкуватися кілька тижнів і які потім постали персонажами роману з документальним підґрунтям, показані переважно не в політичних протистояннях, а в конкретних діях, учинках, спрямованих на збереження й примноження традицій і звичаїв громади.

Композиційно твір складається з 83 есеїв, об'єднаних єдиною лінією подорожі до Сербії, насамперед до автономного краю Воєводина, де компактно проживають русини. Основні місця подорожі, описані в тексті, – Новий Сад, Дюрдоф, Руський Керестур, Коцур, села в округах Кула та Шид тощо. Не всі з творів можна назвати подорожніми есеями, трапляються й такі, котрі можна віднести до портретних («Суботні бесіди з духовною особою», «Руснацький “Франко”», «Єпископ Карпатської України»), публіцистичних («Поверніть нам кирилицю»), історичних («Що було спочатку?», «Хто намалює історію?», «Gens Vaga» – «Блукаючий народ», «Історичний парадокс», «Холера як порятунок»), науково-популярних («Професор і його школа», «Кривава сорочка з музею старожитностей»), історичних («Руський Керестур: перша кров») тощо. Окрему групу складають есеї, у яких автор удається до коментування чинних праць про життя русинів як у наш час, так і сто років тому. Відтак роман, заявлений автором як художній твір, насправді є поєднанням власне художнього, документального, публіцистичного та наукового письма. Тут сучасні описи мешканців Паннонської долини межують з історично-довідковою інформацією, зібраною з різних джерел, а фрагменти інтерв'ю з конкретними представниками громади переплітаються з вільним переказом чи прямим цитуванням етнографічних та історичних праць минулого про русинів як переселенців, доповнюються авторськими ментативами. Так, автор неодноразово звертається до наукових розвідок Володимира Гнатюка, зокрема до його «Етнографічних матеріалів з Угорської Русі», надрукованої ще 1897 р., намагаючись знайти спільне й відмінне в житті русинів зараз і сто років тому, удаючись до пояснень, коментувань, роз'яснень тощо. Наприклад, О. Гаврош цитує працю В. Гнатюка в есеї «Сторічне полотно видатного майстра»: «Хто нині зайде до руснацької хати, поговорить із домашніми і проведе паралелі із їхніми земплінськими братами та й із нашими галичанами з багатьох сіл, побачить, що бачванці, порівняно з іншими русинами, є європейськими у повному значенні цього слова. Ми можемо тільки прагнути, щоби русини чимшвидше стали рівними бачванськими у багатстві та матеріальній

культури» [3: 139–140]. Потім він коментує слова видатного етнографа, котрий фактично один із перших установив приблизну прикордонну межу в розселенні українців та словаків, про освіченість, вихованість русинів, їх акуратну манеру господарювання, поцінування краси в оздобленні оселі, культуру харчування тощо.

Вивчаючи «Блукаючий народ» як зразок роману-травелогу, Н. Розінкевич пише, що його «сюжет розвивається двома шляхами: екскурс в історію та опис сьогодення українців у Сербії. Двоплановий маршрут (реально-фізичний та уявно-метафізичний) дає можливість перетнути різносторічні часові шари інтертекстуального простору для того, щоб вибудувати темпорально об'ємний образ “блукаючого народу”» [5: 168] – так автор називає українських сербів, які одними з перших переселилися з Карпат до Паннонської рівнини. Підтримуючи в цілому позицію дослідниці щодо таких особливостей розвитку подій, уважаємо все ж за потрібне уточнити, що сюжетна організація роману, підґрунтя якого все-таки документальне, складніша і має дві чіткі лінії розвитку. Так, перший сюжет обертається навколо самих русинів-руснаків (автор описує подорож у 550 км від Ужгорода до Нового Саду, повністю занурюється в історію й сучасність людей, які там проживають, звертається до історичних екскурсів, документальних ілюстрацій сказаного, вкрапляє описи побачених краєвидів і фрагменти інтерв'ю з представниками руснацької діаспори тощо). Другий сюжет, пов'язаний із самим автором-мандрівником, який свідомо чи несвідомо відшукує точки ідентифікації з нащадками великого народу, який не завдяки, а всупереч намагається зберігати мову, розвиває літературу, інші види мистецтва в не найкращих для себе умовах тощо. Це підтверджують численні одкровення автора в книзі на кшталт «я вражений таким феноменом» [3: 121], «я усвідомлю, що балканські нюанси міжнаціональних стосунків для мене все ще малозрозумілі» [3: 32], «я захоплений різними проєктами вченого» [3: 259]. Однак набагато частіше трапляються конструкції «наш», «ми», чим підкреслюється близькість, дотичність автора до сербських русинів: «ми мовчки стоїмо біля плити, під якою покоїться тіло владики Діонізія» [3: 70], собор став «місцем зустрічі багатьох культур, ...двох наших традицій – старої руської (руснацької) та новітньої (української)» [3: 240]. Це підтверджують і окремі назви есеїв травелогу: «Геополітика на двох», «Руська химера Мадярщини», «Руснацький “Франко”», «Чому Гавриіл Костельник став українцем?», «Маленька Сербська Україна» тощо. Сюжетна лінія, пов'язана з гомодієгетичним наратором, від імені якого ведеться оповідь, цікава також обставинами власне мандрівки, переміщення, фіксації побаченого (фестивалі, виставки, школи, музеї, храми, цвинтарі русинів тощо).

Саме на постійному переплетінні двох сюжетних ліній і вибудовується образ соціокультурного сприйняття русинів очима сучасного українського письменника, інакше можна було б говорити про художній, ілюзійний чи інші образи. Феномен їх сприйняття постає результатом потрібної інтенціональності – етнічної, художньої та ідеологічної. Етнічний модус сприйняття в цьому процесі буде первинним актом пересотворення реальності сприймаючою свідомістю, а художній та ідеологічний модуси сприйняття – вторинним і третинним. Відповідно, про об'єктивність відтвореної реальності у романі як художньому творі не йдеться, адже сприйняття відбувається крізь призму художньої свідомості, тобто побачене наживо співвідноситься з його системою цінностей і знань. Однак варто зазначити, образ соціокультурного сприйняття не є винятково художньо-суб'єктивним, адже в романі наведено чимало й документальної інформації, є відсилання до історичних, етнографічних, філологічних праць, фрагментів інтерв'ю тощо. Відтак роман «Блукаючий народ» синтезує художнє й документальне начало та може розглядатися як гібридне утворення, у якому авторська присутність є визначальною (у відборі матеріалу, його систематизації, в оцінці подій, що відбуваються), однак створення власного образу – не самоціль, головне – образ самого русинського народу як унікального феномену в європейській історії: «Я ж згадував перших поселенців, які вгрузалися босими ногами у масну землю... Прийшли чорною біднотою під назвою "блукаючий народ", тягнучи вози на своїх плечах. Але й досі, через два з половиною століття, все ще блукають. У пошуках істини. У пошуках дороги до отчого краю. У пошуках дороги до себе...» [3: 306]. Також підтвердженням того, що образ сербських русинів – першорядний у творі, є факт винесення його метафоричного найменування – «блукаючий народ» – у заголовок роману.

З огляду на це, цілком зрозумілою постає креативна компетенція авторського ментативу, презентована в тексті. Вона в такий спосіб охоплена широким контекстом і зумовлена широкою гамою відчуттів: власною етнічною і культурною приналежністю, історичними знаннями, професією журналіста й письменника, побаченим і переосмисленим, у відповідний спосіб систематизованим. Оповідач не лише інформує про те, що відбувалося з русинами упродовж останніх двох століть, але й за законами жанру неминуче задає адресатові певний кут зору на референтні події, пропонує їх імпліцитну інтерпретацію.

Отже, перша сюжетна лінія – основна у творі. Образ русинів-русаків, як їх сприймає автор-мандрівник, у романі презентовано за допомогою низки чинників: через образи пересічних людей, що живуть буденним життям, ведуть віками усталений спосіб життя, самим

своїм єством утверджуючи власне існування на сербських теренах; через образи видатних представників культури, передусім літераторів, музикантів, істориків, фольклористів тощо, хто свідомо, цілеспрямовано зберігає власну ідентичність у сербському Воєводині та околицях; через образи тих, у кого випала нагода взяти інтерв'ю або просто подискутувати про минуле й сучасне Сербії та України, тож ці образи в соціокультурній презентації русинів цікаві не так по собі, скільки експертною думкою, несподіваними рефлексіями, відкриттями про етнічний, мовний, релігійний, освітній складники буття переселенців з Карпат, історичні чинники їх переселення, адаптації, культурної та соціальної асиміляції тощо. Важливим чинником у створенні образу «блукаючого народу» є історичні екскурси, вкраплення у тканину тексту довідкової, наукової та науково-популярної інформації про нащадків рутенів-русинів-руснаків, доповнення тексту власноруч зробленими світлинами. Так, цілком очевидно, що описане в тексті роману-подорожі походження етнонімів «русин», «руснак», «рутен» [3: 5–6] цілком суголосне позиції дослідників, котрі професійно займаються вивченням історичного буття цього народу. Скажімо, думка О. Гавроша-митця про походження цих понять – це своєрідне повторення позиції відомого історика С. Суляка, котрий писав: «Рутени – середньовічна латинська назва руських, а русини – неправильне утворення множини від однини русин. Самі русини називали себе в однині русин, а в множині – руськими, віру свою – руською, свій народ і мову – руськими... Другий етнонім населення Карпатської Русі – руснак. Населення Карпатської Русі здавна проживало у сусідстві з католиками-поляками. Саме слово “руснак” виникло як протиставлення слову “поляк”. Руснаками (русняками) називали русинів їх сусіди поляки, словаки, чехи» [7: 29–30].

Образ русинського народу, що спершу уявляється мозаїчним, розмитим, вибудовується у цілісність поетапно. Автора цікавлять щонайменші деталі й обставини життя сербських русинів: мовні особливості, народна музика, хореографія, розвиток літератури, живопису, стан шкільництва, просвітництва, преси, музейної справи, фестивальної діяльності тощо. Так, наприклад, спілкування з викладачем керестурської гімназії Владіміром Бессерміні дозволило авторові розповісти, що літературну мову руснаки запровадили від безвиході: на ситуацію наклали відбиток історичні обставини приєднання Воєводини до складу Югославського королівства і обмеженість функціонування церковнослов'янщини, котра перестала задовольняти потреби освіти і культури. Бесіда з танцюристом Юліаном Маліком стала підґрунтям розповіді про руснацьке хореографічне мистецтво. Виявилось, що руснаки фактично не мають його як власного виду творчості, адже пере-

селилися тоді, коли мистецтва танцю як такого не існувало. Натомість мають виразні власні ознаки у порівнянні з іншими народами: руснаки танцюють у парі, тоді як серби стають у коло або лінію і, тримаючись за руки, обличчям до гостей, рухаються в такт мелодії. Скромні здобутки руснаків у мистецтві живопису не заважають авторові милуватися доступними для споглядання полотнами, котрі викликають роздуми. Скажімо, милуючись роботами місцевого самоука Янка Чижмаря, котрий передусім відтворює на полотнах місцеві пейзажі, автор пише: «Його зображення Руського Керестура навіює незабгненну тугу і смуток. Як сказав би отець Малацко: “Я – руснак, а значить – песиміст”. Справді, важко бути оптимістом, коли твій народ зникає на очах» [3: 98]. Деталі руснацького оздоблення оселі, одягу, кухні, традицій громади також стають предметом усебічної обсервації допитливого оповідача. Однак найбільш цікавими є авторські ментативи про етнокультурний менталітет русинів у контексті культурно-цивілізаційних викликів, як-от про сумирну, миролюбну, неконфліктну вдачу русинів («Руснак звик перед силою відступати. Він брав гору своєю гнучкістю, витривалістю, невибагливістю. І виживав» [3: 165]; «в руснацькому фольклорі не зустрінете войовничих ноток. Добрі хлібороби, як правило, погані вояки» [3: 165], природну скромність у власній популяризації («У руснацькій історії мало героїв. Не було в них свого панства чи знаті. Хіба священники та вчителі» [3: 114]); працьовитість, уміння господарювати («руснаки довго живуть, бо увесь час працюють» [3: 64]); схильність до меланхолії як «своєрідне набуття себе в історії» [2: 33] («ось така вона, сучасна руснацька поезія – сумна, меланхолійна, самозаглиблена. Філософська. Екзистенційно-тужлива. Дуже мало в ній веселого. Зрештою, звідки взятися гумору в народу. Якого щораз дедалі меншає» [3: 189]), внутрішня з'єднаність і згуртованість («Я не знаю жодного руснака, який би не був ангажований до громадського життя. Почуття спільноти в нас дуже розвинене, але, на жаль, тільки локально... Багатьом ближча вузька карпаторусинська орієнтація, ніж широка загальноукраїнська» [3: 272]).

Соціокультурна презентація русинів як спільноти в романі О. Гавроша відбувається передусім через відтворення образів людей – конкретних носіїв етнокультури, що передають різноманітний досвід від покоління до покоління. Звісно, автор передусім зупиняється не на описах міст, селищ, природи тощо. Якщо таке й відбувається (наприклад, в описах Руського Керестура), то у вічі авторові впадає передусім те, що стосується знову ж таки життя русинів: школи, музеї, виставки, пам'ятки культури. О. Гавроша насамперед цікавлять люди – представники сербських русинів, які, на його думку, унікальні своєю ідентичністю з українцями та іншими карпатськими народами. Автора

цікавлять як видатні русини, знані у слов'янському та балканському середовищі, так і пересічні громадяни. Друга група чисельніша, адже не всі русини гучно заявляють про себе у світі. Тим не менш із поодиноких голосів, розчинених у тексті, вимальовується більш-менш цілісний образ народу-переселенця, який прагне бути народом, тобто національною та етнічною єдністю, а не етносом, групою, народністю тощо. За художньою логікою автора, його формують фермер Владімір Кочіш і єпископ Юрій Джуджар, адвокат Симеон Сакач і священник Дарко Рац, викладач гімназії Владімір Бессерміні і режисер Владімір Надь, чиновник Желько Ковач і пасічник Микола Шанта, філолог Юліан Тамаш і журналіст Мирон Жирош тощо. Персоносфера роману покликана охопити якнайширші верстви населення, презентувати думку представників інтелігенції, селянства, духівництва тощо. Відтак з конкретної долі, світогляду, переконань кожної окремої людини вимальовуються загальні проблеми русинського народу, котрі автор хоче донести до читача. Тож у зв'язку з цим варто підкреслити, що в романі немає персонажів першого чи другого плану. Усі вони вимальовуються лінійно, адже всі є частиною цілого. Автор не надає перевагу професорам чи фермерам, його однаковою мірою цікавлять сучасні сербські русини і їх далекі предки. Часто думка про того чи іншого представника культури формується на підставі аналізу творів минулого та їх сучасних інтерпретаторів в Україні та Воєводині. Такою є авторська стратегія: накопичений досвід про переконання та спосіб життя русинів-руснаків як представників народу покликані відтворити складність буття цього маленького народу-переселенця, який у тексті названо «працьовитим», «обережним» і «добрим» [3: 154].

Важливо також відзначити, що світогляд, світосприймання і світосприйняття русинів у Сербії, їх міркування, задіяність у дискусіях, їх бажання заявити про себе ужгородському письменнику в сукупності створюють народне світовідчуття у свідомості митця. Усі вони ідентифікують себе тою чи тою мірою з русинами / українцями, усі вони усвідомлюють складність цих процесів на сербських теренах. Так, викладачка музики Лідія Пашо, міркуючи про вкрай скромну гастрольну діяльність українсько-руснацького гурту «Рома», зауважує: «Нас немає стільки, щоб мати постійну публіку... Ми у вічній боротьбі за збереження своєї ідентичності. Тож про кар'єру чи бізнес на цій ниві не може йтися» [3: 112]. А письменник Михайло Ковач, міркуючи про власну ідентичність, констатує: «Маємо русинів, які не хочуть бути українцями, і українців, які не хочуть бути русинами. Але переважна більшість людей вважають себе русинами-українцями. Чи не ганьблюся своєї прадавньої назви, як не соромився свого русинства ні Іван Франко, ні Василь Стефаник, ні Ольга Кобилянська, ні Василь

Гренджа-Донський. Всі вони називали себе русинами. Адже стара Русь – ядро слов'янства» [3: 204].

Русинам, що залишили помітний слід в історії та культурі народу, автор присвячує окремі розділи. Так, у розділі «Руснацький “Франко”» ідеться про Михайла Ковача, відомого письменника, газетяра, активного громадського діяча. Портретний есей цього митця створено з урахуванням його творчості та згадці автора про особисту зустріч із ним в Ужгороді 1999 р. О. Гаврош порівняв русинського митця з Іваном Франком, тоді як самі русини шанобливо називають його «Учителем». Митець усебічного обдарування, творець у різних жанрах, перекладач, «найплодовитіший бачванський літератор» – таку характеристику надано русинському письменнику в есеї. Здійснюючи огляд його спадщини, автор з сумом констатує, що «чудові за силою мовленого слова і трагічні за правдою життя оповідання Михайла Ковача про бачванських руснаків так і не стали частиною українського літературного дискурсу, хоча вже десять років існують в українському перекладі. Бачкай далі залишається невідкритим островом в океані української діаспори» [3: 205].

В есеї «Єпископ Карпатської України» ідеться про владика Діонізія Няраді, видатного подвижника русинського народу. Автор детально зупиняється на біографії цього діяча, розповідає про обставини його навчання та власну освітню та організаторську діяльність за несприятливих обставин угорської окупації. Особливий акцент у творі зроблено на культурній діяльності владики, його прагненні постійно підвищувати рівень освіти священиків, заснувати греко-католицький тижневик. Побіжно торкається автор обставин його смерті, котрі до кінця не з'ясовані: є версія, що єпископа отруїли. «Одне слово, людина епоха. І якщо може надатися якесь порівняння, то єпископ Няраді був для руснаків тим, ким для закарпатців сто років до згаданих подій був єпископ Андрій Бачинський, з якого розпочався “золотий вік” Срібної землі – епоха просвітництва і культури» [3: 197].

Також автор в окремому творі створює опуклий образ Гавриїла Костельника, називає його «трагічною постаттю». В есеї, спеціально присвяченому цьому діячу мови, літератури та історії, ідеться про життя та обставини смерті «ерудованої особистості із запальним, гарячим темпераментом» [3: 179], діяча, «що здобув славу видатного проповідника» [3: 179]. Будучи спершу греко-католиком, змушений був стати протопресвітером Російської православної церкви з метою збереження життя і вірян церкви 1946 р. Спеціально наголошено, що він займався літературною, перекладацькою діяльністю. У творі описано складний життєвий шлях людини, котра неодноразово змушена була обирати між громадськими інтересами та особистими вподобан-

нями на користь перших. Найбільша заслуга Гавриїла Костельника в тому, що він написав «Граматику бачванско-рускей бешеди» (1923), де, поряд із розглядом проблем морфології та синтаксису руської літературної мови, було чи не вперше в історії її існування кодифіковано графічну систему та визначено основні принципи орфографії. Окремі розділи цієї праці було присвячено проблемам фонетики, словотворення та лексикології руської мови.

Відтворені образи конкретних представників русинського народу потрібні авторові насамперед для того, щоб, по-перше, відшукати й озвучити справжні причини й обставини збереження власної унікальності, адже цей досвід може бути корисним для інших численних народів-переселенців у Європі, і, по-друге, назвати сучасні проблеми цілісності і повноти діяльності русинів у Сербії, спричинені процесами глобалізації, постіндустріальними викликами, змінами геополітичних управлінських компетенцій тощо. Так, Н. Розінкевич, аналізуючи загальну проблематику роману, називає такі причини збереження ідентичності руснаків: греко-католицька віра, мова, кириличне письмо, національна свідомість, підтримка шлюбів у межах громади тощо. Наприклад, говорячи про демографічну політику русинів у Сербії, вона спеціально зазначає, що «руснаки дбають про продовження роду» [6: 65]. Названі вище чинники збереження людського капіталу цілком слушні, з огляду на роман як художній і документальний твір. Вочевидь, до названих обставин збереження власної ідентичності варто додати й особливості етнопсихології самого народу, споконвіку націленого на консервативні установки власного існування. Так, К. Бьор серед інших прикмет консерватизму як політичної (національної) доктрини наводить такі: «Консерватор несе службу метогія – службу пам'яті і відданості цій пам'яті, зберігаючи її від забуття. Відданість традиціям – хай навіть у більш сучасній формі – консерватор вважає своєю найважливішою задачею, котру він у той же час розуміє як служіння суспільству, у якому він живе» [1: 14]. Судячи з тексту роману, підґрунтям прихильності віками усталеного способу життя стала природна лагідність, гнучкість русинів, невойовнича налаштованість на співжиття з іншими народами до переселення і після цього, прагнення мирного життя а рiогi. Універсальною обставиною виживання русинів у Сербії як самодостатньої спільноти письменник називає глибинну аполітичність представників цього народу з давніх-давен: «Вони жили на землі, не бралися до влади, до уряду, політики. І по них можна сказати, що щасливим є той народ, який переживає драматичні, важкі моменти. Щасливий народ, який може записати улітописі, що в такий-то рік не трапилося нічого надзвичайного. Він просто щасливий, що живий-здоровий,

що бачить, як сходить вранці сонце і як увечері заходить. Що живе і дає можливість жити іншим» [3: 251].

Образ русинської громади був би неповним, якби автор не озвучив передусім сучасні проблеми існування русинської спільноти у Сербії. Головні з них такі: новітня еміграція за кордон, передусім до Канади; змішані шлюби внаслідок словакізації, мадяризації, сербізації тощо; процеси урбанізації, що спричиняють міграцію молоді до міст, де можливості кроскультурної взаємодії суттєво посилюються, натомість послаблюється переживання власної тотожності з певною етнічною спільнотою. Чи не найважливішими проблемами існування русинів у Сербії як багатонаціональній країні названо недостатню увагу до нацменшин у цій державі, малоефективне впровадження передових практик і досвіду національних рад щодо захисту національних спільнот, зумовлену складною політичною ситуацією в самій країні через сепаратистські настрої та міжетнічні протистояння, що не припиняються до цього часу. Однак докоряє автор і українській владі, котра практично ніяк не допомагає своїй діаспорі у Сербії. Політичні кроки України щодо захисту прав нацменшин, як і захисту прав закордонного українства, митець вважає недостатніми, однак потенціал такої діяльності називає невичерпним. Поодинокі акти на рівні культурних заходів, проведених в українському Закарпатті та сербському Воєводині, автор «Блукаючого народу» вважає радше приємним винятком, аніж традицією. Так, О. Гаврош чимало розповідає про спільні проекти, фестивалі, літературну і мовознавчу співпрацю, видавничі здобутки тощо. Однак про повноцінну, належну підтримку України (економічну, правову, політичну, культурну) русинів у Сербії не йдеться, тож автор закидає українським можновладцям бездіяльність у збереженні русинів як народу (нацменшини): «Я ще довго гортаю книжки, думаючи про цих 15 тисяч людей, “горстку, маленьку щопту”, яка ділиться на два протилежні ідеологічні табори... І Україна теж у цьому винна. Бо майже ніяк не дає про себе знати. Важко вірити в батьківщину, яка навіть не знає про твоє існування. Ба, навіть не здогадується» [3: 53–54]. Звісно, вважає автор, роботу держави з представниками діаспори має бути переглянута і визначено нові принципи співпраці.

Отже, створений образ русинів у романі-травелозі О. Гавроша «Блукаючий народ» постає всебічним і всеохопним, адже автор наголошує на сильних та слабких аспектах буття цього народу за сучасних обставин, побачених наживо. Головний соціокультурний акцент автора – унікальність сербських русинів, котрі майже три століття зберігають свою ідентичність, будучи відмежованими від кореневого простору. Роман, що поєднує документальне і художнє

начала, спонукає письменника вивести своєрідний код збереження й примноження цієї тожсамості й надалі, виведений засобами художнього письма: створення правових умов, котрі закріпили б статус русинської етнічності в усіх місцях їх компактного проживання, з огляду на сучасні умови їх існування, а не лише історичні обставини; створення й активне поширення інформаційно-змістовного поля, включаючи широкий суспільний дискурс про проблеми й можливості розвитку русинів; створення й популяризація нових фінансово-економічних, культурних, освітніх практик, необхідних для добробуту русинської громади; активне використання сучасних інформаційно-комунікативних технологій, віртуального середовища для відтворення етнопсихології, культури, мови русинів; підтримка розвитку художніх та мовно-освітніх практик усередині громади і, головне, поза нею; використання соціальних технологій для підтримки сімейного виховання, як і технологій адаптації та інкультурації мігрантів та емігрантів, котрі приєднуються до русинської громади за сучасних обставин тощо.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бер К. Консерватизм: многогранное понятие. Попытка описания и ограничения – поиски следов // Исторические исследования. 2016. № 5. С. 10–28.
2. Будрайтскис И., Галкина А. Революционная меланхолия // Художественный журнал. 2010. № 75/76. С. 33–34.
3. Гаврош О. Блукающий народ. Київ: Нора-Друк, 2012. 312 с.
4. Гаврош О. Точка перетину. Київ: Грані-Т, 2009. 168 с.
5. Розінкевич Н.В. Українська мандрівна проза початку ХХІ століття: тематика, проблематика, поетика: дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2019. 252 с.
6. Розінкевич Н. Національна та громадянська ідентичність у травелогі «Блукающий народ» Олександра Гавроша // Проблема ідентичностей у сучасній українській літературі: виміри «Коронації слова / Наук. ред. Н.І. Богданець-Білооскаленко, О.О. Бровко. Чернівці: Видавничий дім «Бук рек», 2018. С. 56–74.
7. Суляк С. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.
8. Шевченко Т. Есеїстика українських письменників як феномен літератури кінця ХХ – початку ХХІ ст. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019. 584 с.

REFERENCES

1. Boehr, C. (2016) Conservatism: an opaque and shimmery notion. Outlines of a description of a notion and an enclosure of meaning. *Istoricheskie issledovaniya – History Studies*. 5. pp. 10–28.
2. Budraytskis, Y. & Galkina, A. (2010) Revolyutsionnaya melankholiya [A revolutionary melancholy]. *Khudozhestvennyy zhurnal – Moscow Art Magazine*. 75/76. pp. 33–34.
3. Havrosh, O. (2012) *Blukayuchiy narod* [Wandering People]. Kyiv: Nora-Druk.
4. Havrosh, O. (2009) *Tochka peretinu* [The Point of Intersection]. Kyiv: Grani-T.
5. Rozinkevich, N.V. (2019) *Ukraïns'ka mandrivna proza pochatku XXI stolittya: tematika, problematika, poetika* [Ukrainian traveling prose in early 21st century: themes, problems, poetics]. Philology Cand. Diss. Kyiv.
6. Rozinkevich, N. (2018) Natsional'na ta gromadyans'ka identichnist' u travelozi "Blukayuchiy narod" Oleksandra Gavrosha [National and civil identity in the travelogue "Wandering People" by Oleksandr Havrosh]. In: Bogdanets-Biloskalenko, N.I. & Brovko, O.O. (eds) *Problema identichnostey u suchasniy ukrains'kiy literaturi: vimiri "Koronatsii slova"* [Identity problem in modern Ukrainian literature: Dimensions of "Word Coronation"]. Chernivtsi: Buk rek. pp. 56–74.
7. Sulyak, S. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.
8. Shevchenko, T. (2019) *Eseïstika ukrains'kikh pis'mennikiv yak fenomen literaturi kintsya XX – pochatku XXI st.* [Essays of Ukrainian writers as a literary phenomenon in the late 20th – early 21st century]. Kyiv: Vidavnychiy dim Dmitra Burago.

Шевченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой украинской литературы Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Украина).

Шевченко Тетяна Миколаївна – доктор філологічних наук, завідувач кафедри української літератури Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова (Україна).

Tetiana M. Shevchenko – Odessa I.I. Mechnikov National University (Ukraine).

E-mail: shtn75@ukr.net

УДК 81'27;81'373.45

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/7

Историческая языковая личность XVIII в. сквозь призму ксенолексики (на материале писем А.В. Суворова)

И.Я. Конончук¹, Ю.В. Филь²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: ineskon@mail.ru

² E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

А.В. Суворов – крупнейший исторический деятель, известный прежде всего своими военными достижениями, в т. ч. числе на славянских территориях (службой в Люблинском районе, участием в военных действиях в Польше, походе на Брест и др.), яркий представитель культурной элиты русского общества XVIII в. Исследование выполнено на стыке лингвоперсонологии и исторической лексикологии и посвящено проблеме описания исторической языковой личности (в данном случае А.В. Суворова), которая рассматривается как отражение, с одной стороны, конкретной личности с её языковым потенциалом, типом языковой рефлексии, с другой – эпохи в целом с присущими ей языковыми чертами и тенденциями. Таким образом, процессы, протекающие в языке в данный временной период, проявляются и в языке отдельной личности. В исследовательском фокусе оказывается заимствованная лексика, отражающая общую нестабильность языковой системы русского языка данного периода, связанную со сложившимся многоязычием представителей русской нации, значительным приростом иноязычной лексики в языке, сменой языковых норм. В ходе исследования сквозь призму ксенолексики, нашедшей отражение в письмах русского полководца, описываются черты А.В. Суворова как языковой личности, отмечается его широкий кругозор, свободное владение лексическим запасом родного и иностранных языков, языковая интуиция, новаторский характер использования единиц родного и иностранных языков.

Ключевые слова: историческая языковая личность, русский язык XVIII в., А.В. Суворов, эпистолярный, заимствованная лексика.

Historical language personality of the 18th century through the prism of xenolexis (based on A.V. Suvorov's letters)

I.Y. Kononchuk¹, Y.V. Fil²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: ineskon@mail.ru

² E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

The article focuses on the linguistic personality of A.V. Suvorov – one of the most important historical figures famous for his military achievements, including his service and warfare in Slavic territories (military service in the Lublin region, participation in hostilities in Poland, the Battle of Brest, etc.), a prominent representative of the Russian cultural elite in the 18th century. The study employs methods of linguopersonology and historical lexicology. It aims to describe a historical language personality, viewed as a reflection of both an individual with a linguistic potential, a type of specific linguistic reflection, and of the era as a whole with its inherent linguistic features and tendencies. Processes in the language at a given time period are also manifested in the language of an individual. The study focuses on the borrowed lexis, reflecting the general instability of the Russian language system of the period, which resulted from the prevailing multilingualism of the Russian nation, a significant increase in foreign words in the Russian language, and a change in linguistic norms. Through the prism of xenolexis, the authors describe Suvorov's language personality reflected in his letters to note his broad outlook, fluency in native and foreign languages, linguistic intuition, innovative use of units of native and foreign languages.

Keywords: historical language personality, Russian language of the 18th century, Alexander Suvorov, epistolary works, borrowed lexis.

Последовательный опыт обращения современных лингвистов к исследованию языка конкретных личностей оказался научно продуктивным и дал возможность рассматривать язык как действующий механизм, детерминированный не только внутренними законами развития и функционирования языка, но и внешними факторами, которые являются определяющими для речевой способности той или иной языковой личности. В этой связи языковая личность представляется, с одной стороны, непосредственным объектом лингвистического

внимания, позволяющим изучить общие тенденции существования языка на материале речи отдельного человека, обращаясь к его способности владения языком и рефлексии по поводу данного языка; выявить языковой потенциал данной личности; определить её черты. С другой стороны, языковой материал, порождённый определённой языковой личностью, может рассматриваться как источник изучения отдельных процессов, протекающих в языке и эксплицированных в речи языковой личности.

Наряду с современными языковыми личностями в фокусе внимания лингвоперсонологии находится историческая языковая личность, рассматриваемая как особый тип личности, характерный для определённого временного периода, детерминированный общими чертами этого периода, накладывающими свой отпечаток на языковую и иную деятельность представителей эпохи. Пока в исследованиях превалирует «абстрактный подход к говорящему субъекту», обращения к конкретным языковым личностям редки [8: 5], однако среди работ, посвящённых исследованию исторических личностей, отмечаются описания отдельных личностей: князя А.М. Курбского, Петра Великого, Ивана IV, автора «Повести временных лет», В.И. Даля, князя Воронцова, А.Н. Демидова, Ф.М. Достоевского.

Данная работа посвящена изучению языковой личности Александра Васильевича Суворова (1730–1800) и продолжает ряд исследований, направленных на описание суворовского наследия с лингвистической точки зрения и отмечающих характерные черты его антропотекста.

Среди подобных работ отметим исследование А.И. Горшкова, принятое для изучения иностранных слов, употреблённых Суворовым в «Науке побеждать» [3]. Автор полагает, что, несмотря на свойственное суворовской эпохе чрезмерное увлечение иностранными словами, сам Суворов в выборе иностранных слов был осторожен и нередко проявлял стремление к замене их русскими единицами.

Анализируя субстантивное словообразование в суворовском эпистолярии, И.А. Вотякова утверждает, что, с одной стороны, в нём имеют место те процессы и тенденции, которые характерны для именного словопроизводства XVIII в., с другой стороны, сам А.В. Суворов проявляет себя как личность, способная и склонная к словотворчеству [2], умеющая словом не только передать суть явления, но и показать своё отношение (в том числе иронию) к нему.

О словообразовательных инновациях Суворова говорит О.В. Никитин, характеризуя его речь как индивидуальное проявление деловой речи XVIII в., считая использование единиц, «отсутствующих в словарях и не подтвержденных книжной практикой» [12: 231],

лингвистическим «эпатажем» и проявлением ораторского мастерства А.В. Суворова, поражающего «своей исключительно языковой и в целом семантико-стилистической энергетикой» [12: 232].

Эпистолярный А.В. Суворова используется как источник изучения заимствованной лексики и процессов её освоения в работе И.Я. Конончук, в которой делаются выводы о семантике, хронологии и источниках заимствования в русский язык иноязычных единиц, отраженных в письмах полководца [9].

Таким образом, в научных источниках отмечены некоторые черты рассматриваемой языковой личности, свидетельствующие об использовании им ксенолексики, окказионализмов, о способности к языковой игре, однако отсутствуют работы, направленные на описание личности А.В. Суворова в лингвоперсонологическом аспекте. Целью данного исследования является анализ исторической языковой личности А.В. Суворова сквозь призму иноязычной лексики, зафиксированной в его письмах (1764–1799).

Обращение именно к данной языковой личности мотивировано тем, что Суворов представляет собой яркое явление в российском обществе второй половины XVIII в. Он принадлежал к наиболее образованным, интеллигентным кругам общества, которые являлись носителями передовых идей и проводниками на русскую почву новых тенденций в разных областях жизни. Значимость А.В. Суворова для истории России определяется его военной (участие во взятии русскими войсками Берлина, Русско-турецкой войне, в Крымском походе; подавление восстания в Польше и т. д.), а также военно-теоретической и педагогической деятельностью. Опираясь на вековые военные традиции России, хорошее знание фортификации, знакомство с состоянием современных иностранных армий, Суворов возродил и развил прогрессивные идеи петровской армии в области её организации, создал оригинальную систему взглядов на способы ведения войны и боя, обучения военному делу и основал прогрессивную школу военного искусства. Он внимательно следил за ходом военных и политических событий в Западной Европе, являясь постоянным подписчиком иностранных газет, журналов, научных изданий, владел немецким, французским, итальянским, польским, турецким, частично арабским, персидским и финским языками, вёл переписку официального и частного характера с царствующими особами и высшими должностными лицами русского государства, общался с представителями иностранных государств и ведомств. Среди адресатов писем Суворова выделяются Екатерина II, Павел I, польский король Станислав Август, император Франц, П.А. Румянцев, Г.А. Потёмкин, Г.Р. Державин, П.И. Багратион, М.И. Кутузов и другие

выдающиеся современники генералиссимуса. Как представляется, богатая на события жизнь, общение с людьми разных сословий, неординарный характер рассматриваемой личности, аккумулировавшей в себе традиции и инновации эпохи, нашли отражение в его письмах.

Следует отметить, что в качестве материала для изучения языковых личностей определённого исторического периода исследователи часто используют именно деловую и частную переписку, дневники, записки. Подобные письменные тексты представляют собой значимый источник фактической информации «о жизни, литературной и издательской деятельности, идеологических установках, этнической и языковой самоидентификации» авторов эго-документов [5: 15]. Непринуждённый характер писем, в котором отражается стремление к коммуникации и личностной реализации языковой компетенции, делает их незаменимым источником лингвоперсонологии, даёт возможность проследить реальное функционирование языка личности, новейшие тенденции в использовании языковых единиц, начиная от фиксации авторами эпистолярия новых реалий, ранее не характерных для данного народа, и заканчивая использованием только что появившихся (в т. ч. заимствуемых из других языков) моделей и единиц, образованных в соответствии с ними, для называния реалий окружающего мира и их характеристики. Так, например, эго-документы XVIII в. позволяют судить «об истинном характере функционирования, степени освоенности, семантических свойствах, сочетательных возможностях иноязычного слова» [1: 61]. Это объясняется тем, что данный период истории России (и, как следствие, русского языка) характеризуется переменами во всех сферах деятельности русской нации, что связано с ростом производственных, научных, культурных, торговых связей России с Западом, с развитием морского дела, ростом книгопечатания и письменной традиции в целом, с созданием словаря и грамматики русского языка. Кроме того, в тот период отмечались своеобразное многоязычие представителей некоторых слоёв русской нации, смена языковых норм во всех подсистемах языка, которая объясняется в т. ч. и усилившимися контактами с европейскими и восточными государствами и массовыми заимствованиями из языков этих стран. Немаловажным параметром языкового портрета носителя языка того периода следует признать чувствительность той или иной языковой личности к иноязычиям, её способность принимать и адаптировать к условиям коммуникации на родном языке заимствуемые в язык элементы.

Таким образом, в фокусе данного исследования находится заимствованная лексика, которая рассматривается как своеобразный маркер

языка русской личности XVIII в., отражающий общую нестабильность и вариативность языковой системы русского языка данного периода, её склонность к восприятию и переработке иноязычных элементов, а языковая личность Суворова оценивается сквозь призму ксенолексики, зафиксированной в его письмах. По нашему мнению, обращение к данному лексическому срезу языка личности позволит, с одной стороны, проследить черты, общие для языка русской интеллигенции второй половины XVIII в., а с другой стороны, выявить специфические черты языковой личности А.В. Суворова.

В используемых источниках представлено 690 писем А.В. Суворова, большинство которых (584) написаны на русском языке [4; 15]. При этом потенциал языковой компетенции Суворова прежде всего демонстрируют его письма, написанные на иностранных языках: 88 – на французском, 2 – частично на французском, 13 – на немецком, 1 – частично на немецком и 1 – на итальянском [15]. Кроме того, вкрапления в русский текст фрагментов на английском, итальянском, латинском, немецком языках [4; 15] позволяют говорить о реальном многоязычии автора писем, о его способности отражать объективную действительность и своё отношение к ней, используя одновременно разные языки, о его знакомстве как образованного человека с иными культурами, подтверждают его статус неординарной языковой личности.

Зафиксированные в письмах лексемы иностранного происхождения составляют значительный пласт лексики суворовского эпистолярия, насчитывающего около 90 тыс. словоупотреблений. Это 761 единица, при этом некоторые из слов зафиксированы в письмах в нескольких значениях (*вояж*, *гений*, *билет* и т. п.). Степень частотности ксенолексем в тексте писем значительно варьируется (*бард* (1), *тетрадь* (2), *паспорт* (3), *ретирата* (4), *редут* (5), *эскадрон* (6), *газета* (10), *провиант* (14) и т. п.).

Подавляющее количество заимствованных единиц составляют лексемы западноевропейского происхождения: чаще всего в роли источника заимствования выступает французский язык (203 ед.), далее следуют латинский (173 ед.) и немецкий (128 ед.), заимствования из других языков значительно уступают в количественном отношении. Ксенолексемы из славянских языков составляют 12 единиц. Проведённый историко-этимологический анализ рассматриваемых единиц свидетельствует о том, что языковой материал писем А.В. Суворова отражает общую картину состояния лексической системы русского языка (и других славянских языков) конца XVII – XVIII вв.: в качестве наиболее распространённых языков-источников для заимствованной лексики, выявленной в эпистолярии, выступают французский и немецкий языки, в качестве языков-посредников –

польский и немецкий языки, отражающие характерное для носителей русского языка преобладающее количество языковых контактов данного временного периода.

Значимым моментом, который необходимо отметить, исследуя языковую личность А.В. Суворова в историческом аспекте, является её широкий культурно-языковой кругозор, что подтверждают знание автором писем реалий «иноязычной» действительности (начиная от античного мира и заканчивая особенностями быта малых народов России), тематический охват использованной в письмах лексики, чёткое понимание коммуникативной значимости той или иной единицы.

Тематический разброс иноязычной лексики суворовского эпистолярия достаточно широк, он отражает все функциональные сферы современного А.В. Суворову русского общества, а также явления и понятия, находящиеся вне русской действительности, и показывает его «искусным бытописателем эпохи» [12: 242]. Широкий страноведческий, культурный и лингвистический кругозор автора писем представлен в многообразии зафиксированной лексики иностранного происхождения, которую можно разделить на 11 тематических классов разного состава и степени дробности.

Первый класс (одну из самых многочисленных и широко представленных групп иноязычной лексики) составляет лексика функциональной сферы «Военное дело и война», которая распадается на две группы «Армия» и «Флот» (наименования групп тематической классификации см. [1: 334–337]). Внутри первой указанной группы зафиксирована лексика разных тематических подгрупп «Роды войск», «Военная тактика», «Перемещение и размещение войск», «Оружие», «Фортификация», «Чины и звания»: *гвардия, инфантерия, авангард, корволан, эскадрон, абордаж, бомбардировать, дефензиф, ретирада, маневр, фланг, фронт, ордер, рапорт, вахт-парад, волонтер, дезертир, мерсинер, экзерцировать, казарма, кош, шильтгауз, провиант, субсистенция, мушкет, картечь, лафет, мортира, редут, траншея, гренадёр, каптенармус, корпорал* и др.

Иноязычная лексика группы «Флот» распределяется по тематическим подгруппам «Виды кораблей», «Архитектура корабля», «Лоция и навигация»: *бот, брандер, галера, тартана, фелюга (фелюка), вант, киль, клот, гавень, зефир, курс, румб* и др.

Представляется логичным, что для русского полководца, сделавшего исключительную военную карьеру, единицы указанного класса являются преобладающими (257 ед.). Это отражает и общую тенденцию пополнения тематической группы с семантикой «войны» в русском языке иноязычными единицами, связанного в т. ч. и с реформами Петра I, направленными на создание армии по западному

образцу. Единицы данного класса в эпистолярной Суворова наиболее частотны: *казарма* (5), *редут* (5), *волонтер* (5), *рапорт* (6), *провиант* (14) и т. п. Значимость данных единиц при характеристике языковой личности полководца объясняется и тем, что больше половины писем посвящено военным и околовоенным (конвоирование Е. Пугачева, строительство оборонительных крепостей на границах с Финляндией и на юге России и т. д.) событиям. Преимущественно это распоряжения о расположении войск, приказы, сообщения о подготовке к сражению, о начале баталии, о победах и неудачах, поздравления с успехом операций, ходатайства за отличившихся офицеров, сообщения о потерях, благодарности за награды. В ряде писем нашли отражение размышления Суворова о принципах боевых действий и требованиях к офицерской службе, о здоровье солдат. Таким образом, ксенолексика с военной тематикой свидетельствует о главном аспекте исследуемой языковой личности – Суворове-военном.

Вторым по количеству представленных единиц (162 ед.) в письмах Суворова является класс общественно-политической лексики «Государство. Право. Политика. Дипломатия. Юстиция», внутри которого можно выделить многочисленные группы заимствованной лексики «Государственная власть», «Политические партии», «Правовые и имущественные отношения», «Нация, границы», «Государственное управление», «Делопроизводство», «Юстиция»: *император, инсигнии, герцог, конфедерат, триумвират, фракционер, магнат, арнаут, кантон, форштат, коалиция, нейтралитет, агрессор, арбитр, консул, канцлер, сераскер, абшид, вакансия, карьер, нота, паспорт, ревизия, арестовать, юрист* и др.

Данные единицы характеризуют иной аспект языковой личности Суворова – её вовлечённость в основные сферы деятельности государства и человека в нём. Данные единицы находят отражение в письмах (в т. ч. в личных письмах к друзьям и семье), в которых автор рассуждает о государственном устройстве, положении переселённых во время Крымской кампании христиан, о своём желании приносить пользу Отечеству, необходимости поддерживать талант, о засилии в России иностранцев, губительных для армии нововведениях Павла I. При этом многие из указанных ксенолексем используются для называния событий военного характера и оценки участников этих событий, Суворов-военный «преобладает» над Суворовым-государственным деятелем.

Третьим по количеству составляющих иноязычных единиц (94) является класс, объединивший слова функциональной сферы «Общественный и частный быт», внутри которого отмечаются тематические группы «Светские отношения», «Жилище, убранство дома», «Одежда,

обувь, предметы туалета», «Кушанья, напитки», «Путешествия», «Сфера обслуживания»: *визит, гофмейстер, ребронды, банкет, виск, карнавал, ровер, тавлей, фейерверк, мебель, сервиз, штоф, бисер, жупан, шкатула, шлафор, штиблета, десерт, кофей, порция, багаж, вояж, фура, камердинер, лакей, парикмахер* и др.

Данные ксенолексемы разнородны в семантическом и количественном отношении (*кофей* (1), *сервиз* (3), *визит* (4) и т. д.), представлены как нейтральными, так и оценочными единицами и отмечены в личных письмах, в которых полководец пишет о перипетиях отношений с женой, тревоге за судьбу дочери, о придворных интригах, опале после прихода к власти Павла I. Небольшая часть писем, адресованных управляющим его имениями и вотчинами, отразила непосредственную хозяйственную деятельность Суворова. Вопреки ожиданиям и в этих письмах автор использует ксенолексемы, свидетельствующие о подготовленности его адресатов к подобным единицам.

Четвертый класс единиц (83), зафиксированных в письмах Суворова, охватывает лексику функциональной сферы «Обществоведение. Культура. Искусство», в которой выделяются группа «История, хронология, древний мир и народы в древности; мифология», представленная единицами *бард, история, гидра, колосс, нимфа, сирена* и др.; группа «Живопись, скульптура», в которую входят заимствованные лексемы *персона, портрет, профиль* и др.; группа «Литература, филология, книга, книгопечатание, театр, музыка», содержащая единицы *газета, панегирик, пасквиль, трубадур, комментарий, рифма, брулион, грамматика, титл, типография, энциклопедик, балет, каприоль, комик, трагик, кулис, ложа, амфитеатральный валторн, клавикорды, фагот, каданс, нота, хор* и др.

Не менее разнообразна заимствованная лексика пятого класса – «Человек в научном и бытовом освещении» (90 ед.), представляющая физическое сложение, физиологию человека, медицину, мыслительные способности, речь, чувства, поведение: *гигант, пульс, апоплексия, сплин, акушер, карантин, пилюля, диктация, лаконизм, суспиция, экивок, энигма, конфидент, протекция, сентимент, космополит, мизантроп, пацификатор, педантизм, реприманд* и др.

Таким образом, анализ единиц наиболее репрезентативных групп заимствованной лексики в исследуемых письмах демонстрирует следующие аспекты исследуемой исторической языковой личности: военная, государственная, бытовая, научно-культурная личность, позволяющие судить о функциональном масштабе и содержательном разнообразии языковой личности А.В. Суворова.

Шестой тематический класс «Природа в научном и бытовом освещении» в суворовских письмах представлена единицами (50),

отображающими естественно-научные положения о мироздании: *камер-обскура, натуральный, элемент, горизонт, минута, планета, экватор, ландкарта, лиман, локальный, минерал, аргамак, миллефолиум, миндаля* и др.

Иноязычная лексика функциональной сферы «Финансы. Коммерция. Связь» составляет седьмой класс и содержит единицы (42), отражающие коммерцию, связь, средства сообщения, почтовые отправления: *вексель, гульден, ломбард, фунт, гандель, комиссионер, процент, депеша, курьер, пакет, почта, эпистола* и др., причём некоторые из указанных единиц используются в т. ч. в «военных» контекстах – *депеша, пакет, процент* и т. д., свидетельствуют в большей степени о Суворове-военном.

Самыми малочисленными в исследуемом эпистолярии являются иноязычные единицы восьмого – одиннадцатого класса – функциональных сфер «Число, счёт, пространство» (22), «Хозяйство, техника, строительное дело» (24), «Наука, образование» (23), «Религия» (24): *арифметика, миллион, пропорция, кубический, параллель, масштаб, проспект, артель, клепсидр, машина, флер, аллея, архитектор, сераль, академия, факультет, диалектика, пирронизм, софизм, апостол, гека-томба, декалог, литургия, эпитимия, архиерей, архимандрит, ксендз, регент, синод* и др.

Следует отметить, что рассмотренная выше типология иноязычных единиц, используемых А.В. Суворовым, представляет собой не только доказательство культурной образованности, активной жизненной позиции, эрудированности автора писем, но и демонстрацию фрагмента языковой ситуации в России второй половины XVIII в., к которой был непосредственно причастен полководец.

Таким образом, языковая личность А.В. Суворова на лексическом уровне проявляет себя в использовании значительного числа заимствованных слов, т. е. отражает общие тенденции языковой ситуации того периода и в целом может быть охарактеризована как типичная языковая личность русского интеллигента XVIII в., в антропотексте которой отражаются общие закономерности развития и функционирования русского языка. На основе анализа данных единиц можно утверждать, что преобладающими аспектами исследуемой языковой личности являются военный, общественный, бытовой (далее культурно-научный, финансовый и т. д.). Следует отметить, что, несмотря на количественную репрезентативность иноязычных единиц со значением культурных, научных, коммерческих и других реалий, некоторые из них имеют собственно номинативный характер и представлены единичными употреблениями (*рифма в стихах, грамматике учиться, шупать пульс, портрет мой готов* и т. п.).

Отметим, что рассматриваемой языковой личности присущи, как отмечалось ранее, определённые лексические предпочтения, языковая игра, ирония (*трагиком будет дворовый Никитка, Катерина Ивановна появилась с нимфами, филозофов кормят миндалями* и т.д.). Подтверждением ярко выраженного творческого начала языковой личности А.В. Суворова являются случаи использования им заимствованных слов в переносном значении и (или) с другим коннотативным насыщением по сравнению с первоначальным значением [10].

Так, например, существительное *клепсидр* отмечено в письме Суворова В.А. Зубову: «*Сион в клепсидры поедет*» [15: 323]. Анализ семантики приведенной единицы позволяет считать, что рассматриваемое слово употребляется в значении «время, срок»: *Генерал-майор Карл Осипович Оде де Сион едет в Кобрин в тревожное время (т. е. в клепсидры), когда приближается срок выплаты по векселям* [15: 695]. Анализируемая единица заимствована из французского языка в конце XVIII в. в значении «водяные часы» (зафиксировано в словаре в форме мужского рода) [14], по которым определяли время выступления оратора в суде. В данном случае знание Суворовым значения аналогичной французской единицы дало возможность употребить его в ином, вторичном, значении.

В письмах А.В. Суворова отмечаются и другие заимствованные единицы с семантическими сдвигами вследствие развития метафорических и метонимических отношений, не отмеченными в лексикографических источниках.

Существительное *гекатомба* отмечено в следующем контексте: «*Слетя с Олимпа, странствую я по каменной степи, обросшей лесом, который для меня освященный лог для гекатомба премудрому Земному Богу*» [15: 212]. Данное письмо адресовано П.А. Зубову – последнему фавориту Екатерины II и написано в период службы Суворова на границе с Финляндией, где он руководил строительством укреплений. Новое назначение вызывало недовольство Суворова (словно «*слетел с Олимпа*»), он сравнивал своё положение со странствием по обросшей лесом каменной степи, а свою деятельность, лишённую возможности выступить в функции полководца, считал «*гекатомбой премудрому Земному Богу*», т. е. своеобразным жертвоприношением. Слово *гекатомба* пришло в русский язык в значении «жертвоприношение» в середине XVIII в. при посредничестве латинского *hecatombe* – «тожественное жертвоприношение ста животных» или непосредственно из греческого $\epsilon\kappa\alpha\tau\omicron\mu\beta\eta$ 'η – «большая общественная жертва» [11: 165]. Использование данной единицы в новом значении демонстрирует не только культурный кругозор автора письма, знакомого с реалиями античной культуры, но и языковую компетенцию автора

письма, связанную с метафорическим переосмыслением ксенолексем, его ироничность.

Также в письмах Суворова встречается единица *каприоли*, которая зафиксирована в следующем контексте: «*Потворство научит впредь шире заячьи каприоли делать*» [15: 132]. В русском языке это заимствование получило распространение во второй половине XVIII в., используя в значении «прыжок, скачок (например, прыжок лошади, антраша в балете)» [14]. Источником заимствования является итальянское *capriola* – «прыжок, скачок, кувырок» [6: 164], на русской почве существительное *каприоль* получила распространение при посредничестве немецкого *Kapriole* – «скачок, прыжок» [18: 321]. Оценивая своё положение в данном случае, Суворов сообщает адресату о необходимости больше хитрить, изворачиваться и использует для придания фразе иносказательного смысла указанное заимствование в сочетании «*шире заячьи каприоли делать*», т. е., как заяц, убегая от преследователей, запутывать следы каприолями – хитроумными прыжками. Таким образом, полководец прибегает к явной языковой игре, сравнивая себя с загнанным зайцем, вынужденным идти на хитрости, и употребляет единицу в переносном значении «хитрость, изворотливость».

Семантическое переосмысление отмечается и у театрального термина *балет*, получившего широкое распространение в русском языке в середине XVIII в. в значении «театральное представление, состоящее из танцев и мимических движений под музыку» при посредничестве французского *ballet*. Данная единица зафиксирована в письме дочери Н.А. Суворовой: «*У нас все были драки сильнее, нежели вы дерётесь за волосы; а как вправду потанцовали, то я с балету вышел – в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, до подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов через восемь отпустили с театру в камеру*» [15: 122]. Рассматриваемая ксенолексема отражает существенную особенность суворовского лексикона в целом: при описании военных действий и реалий он часто использует единицы, обозначающие понятия и явления, не связанные с войной и военной службой. Письма дочери и близким друзьям особенно отличаются в этом отношении, в них война часто сравнивается с морской бурей или театральным представлением (отметим, что такая метафорическая модель сейчас в целом характерна для русского языка). Приведённый и другие контексты демонстрируют элементы образности, иносказательности, иногда окрашенные тонким суворовским юмором и иронией по отношению к себе и событиям своей жизни, характерные в целом для анализируемой языковой личности. К этому же следует отнести и переосмысление театрального термина *балет*, который в письме

выступает семантически эквивалентным сочетанию *военное сражение* со своими действующими лицами, режиссёром, расстановкой сил и т. п.

Анализ заимствованной лексики суворовского эпистолярия даёт возможность говорить о новаторском характере данной языковой личности. Сопоставление данных разных лексикографических источников, а также данных словарей и материала суворовских писем выявило ряд несоответствий при определении периода вхождения в русский язык некоторых иноязычных слов. Это позволяет корректировать данные о начальном этапе вхождения в русский язык заимствованных единиц, время появления которых датируется словарями более поздним периодом, и судить о языковой личности Суворова как проводника новой иноязычной лексики, которая затем вошла в русский язык и укрепилась в нём, при этом личности с развитым языковым сознанием, «предчувствующей» потенциал ксенолексем в принимающем языке.

Проиллюстрируем сказанное на примере нескольких единиц, функционирующих в письмах А.В. Суворова. Так, прилагательное *тотальный*, согласно данным словарей, в русском языке отмечено в 1837 г. [13: 254], далее лексема получила распространение только в 1920-х – начале 1930-х гг. и с 1940 г. была зафиксирована в словарях [16]. Однако единица *тотальный* встречается в письме Суворова А.К. Разумовскому (датировано 1799 г.) в следующем контексте: «*Тако предательный шпион тот подчинённый, кто тайно правлению относится: для первых Гофкриззрат, я ж от их участи за атмосферой; вторыми ж я столько замучен, что употреблял отзыв – термин от тотального, ежели не исправится*» [15: 363]. В этом письме автор просил об отзыве из армии, исходя из общих, а не из личных интересов, т. е. в данном случае прилагательное *тотальный* употребляется в значении «общий». Источником слова является французское *total* – «весь, полный» [17: 254] (в дальнейшем слово закрепилось в русском языке в значении «всеобщий, полный»). Таким образом, Суворов употребляет рассматриваемую единицу в указанном значении гораздо раньше, чем это принято считать с учётом данных словарей.

Исследование ксенолексем *семестр* (в письме Ф.В. Ростопчину 1799 г.), *трибуна* (в письме Г.А. Потемкину 1790 г.), *оппонировать* (в письме П.И. Турчанинову 1780 г.) и некоторых других единиц также демонстрирует их более раннюю фиксацию в письмах по сравнению с их «официальной», по данным словарей, фиксацией в русском языке. Кроме того, в эпистолярии А.В. Суворова отмечены иноязычные единицы, при определении времени заимствования которых имеет место расхождение данных в разных историко-этимологических и этимологических словарях. Речь идёт о таких словах, как *агрессор*, *активный*,

карьера, кооперация, спутник. Подобные примеры использования заимствованных единиц свидетельствуют о том, что Суворов, в совершенстве владея классическими и рядом современных европейских языков, обладая языковой интуицией, характерной для образованного человека XVIII в., «предугадывал» возможность укоренения этих единиц в русском языке и направления их семантического развития.

Отметим, что для эпистолярия А.В. Суворова характерно значительное количество заимствованных единиц, воспринимаемых автором писем как обычные номинативные средства языка. Если судить по анализируемым письмам, для А.В. Суворова использование ксенолексем наряду с русской лексикой представляется частью естественной языковой компетенции, что, по всей видимости, в целом характерно для носителей русского языка рассматриваемого периода. На аналогичную черту языковой личности указывает Е.Н. Иванова, характеризуя эпистолярий А.Н. Демидова, русского промышленника, основателя горного дела на Урале и в Сибири [7], принципиально отличавшегося от А.В. Суворова сферой деятельности. При этом использование иноязычной лексики нельзя расценивать как массовое и механическое, т. к. для Суворова характерны семантическое переосмысление заимствованных и иноязычных слов, связанное с расширением их семантического потенциала, сменой коннотативной направленности единиц, а также структурным переоформлением данных единиц, замена некоторых заимствованных единиц русскими аналогами, вариативность в использовании иноязычных и русских единиц (*офензив/атака, доктор/медик, коммерция/гандель*). Это демонстрирует проявление развитого языкового сознания рассматриваемой личности. Следует отметить и то, что для А.В. Суворова, как и для А.Н. Демидова, характерно отношение к ксенолексемам как к необходимым средствам языка. Это свидетельствует в пользу того, что в качестве типичной черты исторической языковой личности XVIII в. выступает лояльное отношение к новациям в языке, обусловленное общеязыковой ситуацией в России указанного периода.

Подводя итог сказанному, отметим, что изучение исторической языковой личности посредством обращения к анализу ксенолексики, содержащейся в её эпистолярии, позволяет сделать несколько значимых наблюдений о данной личности. Выделяются следующие черты языковой личности А.В. Суворова: свободное владение лексическими средствами не только родного, но и других языков и их использование для реализации своих коммуникативных намерений, отражающих прежде всего военный, государственный и бытовой аспекты данной языковой личности; широкий кругозор, проявляющийся в спектре реализуемых лексических и стилистических средств языка;

новаторство в использовании иноязычных единиц, расцениваемых автором адекватными для обозначения реалий русской жизни и не нарушающими норм родного языка; образность мышления и способность к языковой игре с опорой на знание действующих языковых закономерностей и моделей. При этом в рассматриваемой языковой личности сочетаются как черты типовой исторической личности XVIII в., так и индивидуальные лингвоперсоналогические черты, требующие дальнейшего всестороннего изучения, в т. ч. в сопоставлении с другими историческими языковыми личностями данного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.

2. Вотякова И.А. Формы имен в русском литературном языке второй половины XVIII века (на материале писем А.В. Суворова): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ижевск, 2000. 203 с.

3. Горшков А.И. Лексика и фразеология «Науки побеждать» А.В. Суворова // Русский язык в школе. 1946. № 5–6. С. 51–57.

4. Данилевский Г.П. Суворовские бумаги, сохранённые в семействе бывшего его правителя дел Куриса. СПб., 1856. URL: <https://www.prlib.ru/item/454163> (дата обращения: 12.09.2021).

5. Зеленко С.В. Эго-документы Александра Духновича как источник информации о некоторых фактах истории русинов // Русин. 2020. № 62. С. 15–31. DOI: 10.17223/18572685/62/2

6. Зорько Г.Ф. Новый большой итальянско-русский словарь. М.: Рус. яз. Медиа, 2004. 1231 с.

7. Иванова Е.Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка: первая половина XVIII века: на материале писем и распоряжений А.Н. Демидова: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 270 с.

8. Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 5–11.

9. Конончук И.Я. Письма А.В. Суворова как источник заимствованной лексики и процессов ее адаптации: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 308 с.

10. Конончук И.Я. Письма А.В. Суворова как источник изучения семантической адаптации заимствованных слов в русском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–63.

11. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2003. 256 с.

12. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 740 с.

13. Ренофанц И.И. Карманная книжка для любителей чтения русских книг газет и журналов. СПб., 1837. 305 с.

14. Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–2004. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 01.09.2021).
15. Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. 808 с.
16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова: М., 1935–1940. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 01.09.2021).
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. 576 с.
18. Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle, 1961. 784 s.

REFERENCES

1. Birzhakova E.E., Voynova L.A. & Kutina, L.L. (1972) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on the historical lexicology of the Russian language in the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka.
2. Votyakova, I.A. (2000) *Formy imen v russkom literaturnom yazyke vtoroy poloviny XVIII veka (na materiale pisem A.V. Suvorova)* [Forms of names in the Russian literary language of the second half of the 18th century (based on A.V. Suvorov's letters)]. Philology Cand. Diss. Izhevsk.
3. Gorshkov, A.I. (1946) *Leksika i frazeologiya "Nauki pobezhdat" A.V. Suvorova* [Lexis and phraseology of A.V. Suvorov's "Science to Win"]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*. 5–6. pp. 51–57.
4. Danilevskiy, G.P. (1856) *Suvorovskie bumagi, sokhranennyye v semeystve byvshego ego pravatelya del Kurisa* [Suvorov's papers, preserved in the family of its former ruler of affairs, Kuris]. St. Peterburg: [s.n.]. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/454163> (Accessed: 12th September 2021).
5. Zelenko, S.V. (2020) Alexander Dukhnovich's ego-documents as a source of information about some facts of the history of Rusins. *Rusin*. 62. pp. 15–31 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/2
6. Zorko, G.F. (2004) *Novyy bol'shoy ital'yansko-russkiy slovar'* [New Comprehensive Italian-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk; Media.
7. Ivanova, E.N. (2008) *Yazykovaya lichnost' v usloviyakh formirovaniya norm russkogo literaturnogo yazyka: pervaya polovina XVIII veka: na materiale pisem i rasporyazheniy A.N. Demidova* [The linguistic personality in the context of forming norms of the Russian literary language: the first half of the 18th century: based on A.N. Demidov's letters and orders]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Ivantsova, E.V. (2006) *Izuchenie yazykovoy lichnosti v Tomskoy lingvisticheskoy shkole* [The linguistic personality studies in the Tomsk linguistic school]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 291. pp. 5–11 (in Russian).
9. Kononchuk, I.Ya. (2007) *Pis'ma A.V. Suvorova kak istochnik zaimstvovannoy leksiki i processov ee adaptatsii* [A.V. Suvorov's letters as a source of borrowed lexis and the processes of its adaptation]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

10. Kononchuk, I.Ya. (2008) A.V. Suvorov's letters as a source of semantic adaptations of borrowings in Russian study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(4). pp. 5–63 (in Russian).

11. Krysin, L.P. (2003) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk.

12. Nikitin, O.V. (2004) *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.)* [Business writing in the history of the Russian language (11th – 18th centuries)]. Philology Dr. Diss. Moscow.

13. Renofants, I.I. (1837) *Karmannaya knizhka dlya lyubiteley chteniya russkikh knig gazet i zhurnalov* [Pocket book for fans of reading Russian books, newspapers and magazines]. St. Petersburg: [s.n.].

14. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–2004) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad: Nauka. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (Accessed: 1st September 2021).

15. Suvorov, A.V. (1986) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Nauka.

16. Ushakov, D.N. (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (Accessed: 1st September 2021).

17. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

18. Paul, H. (1961) *Deutsches Wörterbuch* [German dictionary]. Halle: [s.n.].

Конончук Инесса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inessa Ya. Kononchuk – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ineskon@mail.ru

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/8

Праславянский след в русинской лексике и паремиологии: *потя**

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

Представлен детализированный анализ являющейся наследием праславянского языка русинской лексемы *потя* 'небольшая птица'. Это слово и по форме, и по семантике точно соответствует его праславянскому прототипу, реконструкция которого предлагается в статье. Автор приводит репрезентативный ряд производных этой лексемы (*потята, потятко, потяйтко, потька, потюк, потюх, потич, потак, потячный, потычий* и др.), зафиксированный словарями И. Франко, Д. Попа, И. Керчи, М.И. Онишкевича, М.Д. Матвийива и др., прослеживает её семантическую эволюцию и демонстрирует коннотативные потенции. Это слово сопоставляется с восточнославянскими и словацкими лексемами того же корня с регистрацией семантических сходств и различий. Особое внимание уделяется поговоркам (resp. фразеологизмам) и пословицам с компонентом *потя*. В хронологическом, ареальном и структурно-семантическом ключе характеризуются пять поговорок: *Пѳтя малое береса на свѳи крыла; Вадяться так, што й пѳтя бы на хижу не сіло; Ци сова не пѳтя? Лем пѳтячое молоко му хибить*. Они сопоставляются с украинскими, русскими и другими славянскими или общеевропейскими поговорками. Выявляются как общие, так и различные их особенности. В том же ракурсе даётся детализированная характеристика восьми пословиц: *Пѳтя видко по пірю, а чоловіка по роботі; Впознати потя по пірю; Пѳтяти, што звыкло літати, тяжко на клітку звыкати; Йаке гніздо, такі й потита; Каждое пѳтя любить крихотя; Крихѳтята дай пѳтятам; Серенча ги пѳтя, де хѳче, там и сяде; Едно пѳтя ліс не насвище; Як потя імають, та го гладкають*. Некоторые из них имеют узкорегionalный характер, в то время как ареал других выходит за пределы общеславянского пространства. Приведённые данные доказывают праславянский статус русинской лексемы *потя* (**ръте*) и позволяют отнести его к древнему

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 «Русинская фразеология на славянском фоне: лингвокультурологический комментарий и лексикографическое описание».

языковому и культурному наследию русинов. Сопоставительный и этимологический анализ этого слова убедительно показывает его исконность в родном языке и вместе с тем его уникальность и праславянскую древность. Оно не только сохранило праславянскую форму и семантику, но и постепенно обогатилось фразеологическими и паремиологическими связями. Пословицы и поговорки, смысловым ядром которых стало русинское слово, отражают многослойные межъязыковые связи с другими славянскими и общеевропейскими ареалами, не потеряв при этом своей образной и региональной неповторимости.

Ключевые слова: русинский язык, этимология, праславянская лексика, паремиология, фразеология, пословица, поговорка, сопоставительная паремиология.

Proto-Slavic trace in Rusin lexis and paremiology: *potya**

V.M. Mokienko

St. Petersburg State University

11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article offers a detailed analysis of the Rusin lexeme *potya* ('small bird') inherited from the Proto-Slavic language. The form and semantics of the lexeme fully corresponds to its Proto-Slavic prototype reconstructed in the article. The author cites a representative series of derivatives of this lexeme (*potyata*, *potyatko*, *potyaytko*, *pot'ka*, *potyuk*, *potyukh*, *potich*, *potak*, *potyachnyy*, *pot'ichiy* etc.), fixed in the dictionaries by I. Franko, D. Pop, I. Kercha, M.Y. Onyshkevich, M.D. Matviyiv et al. to trace its semantic evolution and demonstrate its connotative potential. The lexeme is compared with the East Slavic and Slovak lexemes of the same root to register semantic similarities and differences. Particular attention is paid to sayings (resp. phraseological units) and proverbs with the *potya* component. The following five sayings are characterized in terms of their chronology, area, structure and semantics: *Pōtya maloye beresya na svōyi kryla; Vadyat'sya tak, shto y pōtya by na khizhu ne silo; Tsi sova ne pōtya? Lem pōtyachoye moloko mu khibit'*. They are compared with Ukrainian, Russian and other Slavic or common European sayings. Revealed are both common and their various features. The detailed analysis of the following eight proverbs has shown that some of them have a narrowly regional character, while the area of others goes beyond the common Slavic

* The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project Nr. 20-012-00305 "Rusin phraseology against a Slavic background: linguoculturological commentary and lexicographic description".

space: *Pōtya vidko po piryu, a cholovika po roboti; Vpozhati potya po piryu; Pōtyati, shto zvyklo litati, tyazhko na klitku zvykati; Yake gnizdo, taki y potita; Kazhdoye pōtya lyubit' krikhotya; Krikhōtyata day pōtyatam; Serencha gi pōtya, de khōche, tam i syade; Yedno pōtya lis ne nasvishche; Yak potya yimayut', ta go gladkayut'*. The data proves the Proto-Slavic status of the Rusin lexeme *potya* (**pъte*) and allows its attribution to the ancient Rusin linguistic and cultural heritage. A comparative and etymological analysis of the lexeme convincingly shows its originality in the regional language and as well as its uniqueness and proto-Slavic antiquity. It retained the Proto-Slavic form and semantics and gradually enriched with phraseological and paremiological connections. Proverbs and sayings, whose semantic core is the Rusin lexeme, reflect multi-layered interlanguage connections with other Slavic and European areas, without losing their figurative and regional uniqueness.

Keywords: Rusin language, etymology, Proto-Slavic lexis, paremiology, phraseology, proverb, saying, comparative paremiology.

Введение

Предваряя один из своих словарей обширным предисловием, Д. Поп объективно и ярко подчёркивает значение русинского языка для понимания древнего взаимодействия восточнославянского и западнославянского языкового и культурного пространств: «Русины сохранили в своём языке многие элементы языка старых славян. Поэтому русинский язык можем по праву считать ненарушенным лингвистическим островом Центральной Европы, щедро усыпанном древнеславянскими языковыми бриллиантами. Историческая реальность, само геополитическое и географическое положение русинского края сделали этот чудный лингвистический остров контактной границей не только между двумя группами славянских языков – западной и восточной, но фактически и между двумя славянскими мирами – западным и восточным» [22: 33]. Познавательный потенциал и ценностные константы русинской фразеологии и паремиологии особенно рельефно высвечиваются на фоне украинского и русского языков [12; 14]. При этом консервативность (в хорошем смысле) русинского языка в славянском мире убедительно демонстрируется многими фактами, особенно лингвокультурологически заряженными пословицами и фразеологизмами, имеющими разную «дальнобойность», но хранящими инициальную собственно русинскую основу. Таковы, по нашим наблюдениям, паремии, воспроизводящие древний числовой код [2; 3], и соматические фразеологизмы и пословицы, отражающие древние лингвокультурологические представления, иногда уходящие не только в праславянскую, но и в праиндоевропейскую эпоху [13].

Так, русинский язык сохранил одну из реликтовых, древнейших пословиц *Хаща – вухо, поле – воко – лис – вухо*, которая, как и русская *Лес слышит, а поле видит*, предупреждает об опасностях, подстерегающих человека в лесу и безлесом пространстве [13: 121]. А такие пословицы, как, например, *Ворона вороні воко не удовбать* и *Ворон ворону ока не видовбає* имеют широкий иноязычный ареал, выходящий даже за пределы общеевропейского [13: 120]. Праславянские фразеология и паремиология до сих пор исследованы гораздо скромнее, чем праславянская лексика, поскольку методика реконструкции устойчивых словосочетаний этого периода требует специальной разработки [48]. Некоторые русинские фразеологизмы и пословицы с праславянским словом **рътѣ* и его славянскими синонимами по ареалу могут гипотетически быть причислены к праславянизмам.

Изложение основного материала исследования

В № 46 журнала «Русин» опубликована статья словацкой исследовательницы М. Чижмаровой, демонстрирующая паремиологическое богатство языка русинов в сфере анималистических пословиц и поговорок [37]. Действительно, анимализмы являются одним из показателей языкового сходства славянских и неславянских народов Европы [1]. И, разумеется, русинская паремиология здесь не исключение. Наоборот, русинские пословицы с названиями животных убедительно подтверждают высказанное Д. Попом утверждение, что язык русинов являет собой «лингвистический остров, контактную границу... между двумя славянскими мирами – западным и восточным». Даже по анимализмам, ставшим компонентами русинской паремиологии, которую анализирует М. Чижмарова, можно судить о языковом симбиозе восточнославянской – русинской корневой основы с западнославянской – словацкой. Ср. *кунь* (рус. конь) – словацк. *kôň*, диал. и чеш. *kůň*; *кобыла* – словацк. *kobyľa*; *теля* (рус. телёнок) – словацк. *teľa*; *вул* (рус. вол) – словацк. *vôl*, чеш. *vůl*; *свіня/свиня* (рус. свинья) – словацк. *sviňa*; *мачка* (рус. кошка) – словацк. *Mačka*; *коцур* (рус. кот) – словацк. *kocúr*; *когут* (рус. петух) – словацк. *kohút*; *лишка* (рус. лиса) – словацк. *líška*; *заць* (рус. заяц) – словацк. *zajac*.

Эти анимализмы отражают как родство русинского и словацкого языков, так и их различие, позволяющее выявить и паремиологическое взаимовлияние. Так, два последних анимализма образуют пословицы разного происхождения. *Кажда лишка свуй хвуст хвалить* явно заимствована из словацкого языка: *Každá líška svoj chvost chválí* [53, I: 75]; *Každá líška svoj chvost chválí, dokiaľ si ho nepopálí* [54: 13]. Пословица же *Робота не заць, не утікне* – явно восточнославянская, образованная по активной шутливой паремиологической модели:

Робота – не ведмідь, до лісу не втече; Робота – не вовк, до ліса не втече; Робота не заєць, не втече; Робота не заєць, не побіжить [1: 286; 24].

Регистрируя факты такого рода, можно задаться вопросом: раз они демонстрируют своеобразный симбиоз восточно-западного славянского языкового взаимодействия, то можно ли говорить о национальном своеобразии русинской лексики и паремииологии, о собственно русинских языковых единицах?

Утвердительный ответ на этот вопрос позволяет дать, между прочим, и материал, представленный в статье М. Чижмаровой. В ряду её примеров почётное место занимает коротенькое слово *потя* (рус. *птичка*). «В древней мифологии птицы представляются создателями мира; много древних весенних хороводов имеют названия птиц, – пишет словацкая исследовательница, ссылаясь на этнокультурологический справочник В.В. Жайворонка [8: 489]. – С птицами связано бесчисленное количество народных легенд, пословиц, поговорок, сказок; особенно любят в народе перелётных птиц, прилетающих с юга (из рая); они воспринимаются как вестники весны, приплода, урожая, добра, здоровья и счастья. У русинов бытует поговорка: *Як потя їмають, та го гладкають* и др.» [37: 247].

Слово *потя* как наименование птицы действительно вписывается в древние лингвокультурологические представления, характерные для славянских орнитонимов с глубокой древности [4: 345–347; 5: 527–745; 25]. Но при этом оно как оригинальная лексема остаётся знаковым маркером собственно русинского словарного запаса. Она оригинальна и неповторима, ибо отсутствует во всех других славянских языках, сохраняя при этом их древнее корневое ядро. Как увидим ниже, она гораздо древнее многих наименований маленькой птички, птенчика, известных в говорах Галицкой Руси: *пташа*, *птшатко*, *пташеня*, *пташенятко*, *пискля*, *голопупок*, *голопуцьок*, *пуцьковіронок*, *пуцьвіронок* [6, III: 218].

В словаре И. Керчи слово *пoтя* (мн. *пoтята*) ‘птица’ описывается как активная часть слово- и фразообразовательного русинского лексикона: *(*друбнoй*) – пичуга; **пoтята*, што иззобали насіння упалоє на пути. – птицы, что склевали семена, упавшие на дорогу; ***впoзнати пoтя по пірю* – Видно птицу по полёту; **скубсти пoтя, докy вно у вoздусі* – делить шкуру неубитого медведя; *** ум. *Пoтятко* – птичка, пичужка. *Пoтячний* – птичий; **пoтячнoє молоко* (фиг. кул.) – птичье молоко; *все навечур лишив єм... *пoтячу* покaрмoву мiшaнку – я каждый вечер оставлял для него птичью пищевую смесь; *Пoтька* ж. (ласк.) – голубушка, ласточка, лапушка, милочка, касатка; *(зоол. *Cyprinus carpio*) – карп, сазан; *в наших ріках живють всякі риби: ... чуп, бaлiнд,

шуть и мнох ...подуства, кечега, остріж, савог; *потька* ...циганська рыба и клень – В наших реках живёт всякая рыба: чоп, густера, судак и налим, подуст, стерлядь, окунь, ёрш, *карп*, линь и голавль; *Потька-білоплавка* ж. (зоол. *Rutilus pigus*) – плотва; *Потька-черленооциця* ж. (зоол. *Rutilus рutilus*) – плотва; *Потько* – голубчик, лапушка; *Потюк, потюх* – тип; птица, гусь. *ага, то ты *потюк!* – Ага, ты попался! [9: 160].

В словаре Д. Попа слово *потя* сопровождается украинским и русским эквивалентом *птах* – *птица* и производными: *потятко* – пташеня – птенчик; *потячий* – пташиний; *потячое гніздо* – пташине гніздо – птичье гніздо [22: 125].

Находим это слово и в паремиологическом тезаурусе И. Франко, где под вокабулой *потя* приводится типично орнитологический контекст «Коли *потя* їмати на силу? Як заверюха» (Мшан.), а к нему этнографический комментарий: «В заверюху ловляться малі пташки, особливо жовтогрудки та воробці на сильця» (Фр. 2006) [2: 774]. Регистрирует слово *потя* (*потяти*) ‘пташеня’ как диалектизм и Академический словарь украинского языка, приводя контекст из колумийки, записанной в 1969 г.: «Сіло *потя* на ворота» [7: 435; 30].

Активно употребляется русинское слово на Бойковщине. М.И. Онишкевич записывает его в разных словообразовательных модификациях и приводит краткие, но ясные контексты: **Потя**, *потя*, *потяте*, *потяти*, *потяткі*, *потяти*, *потята*, *потятита*, *потета*, *потякіта*. 1. Птах, пташина. «Ой, як рано ранейко *потята* шчебечут. – То вже такого гнізда *по’ти*. Йаке гніздо, такі й *потита*». 2. Горобець; **Потятко** ‘пташина’; **Потяйтко** ‘пташка’. – «Залетіли *потятойки* понад л’іс зубрицький...»; **Потьчий**. Орн. ‘від малого яструба’; **Потьста**. 1. Птахи. 2. Горобці [2: 127; 20]. Ср. также: **Потяк**, **потак**. Назв. мн. *потякы* ‘вид гриба’; **Потячінець**. Биот. Дрібна дика вика, вика лучна (*Briza minor* L.); **Потька** (іхт.) – короп (іхт.) – карп (іхт.) [22: 125]. Ср. подобные выше приведённые ихтиологические наименования и в словаре И. Керчи [9: 160]. Как увидим ниже, слово *потя* и его производные образуют весьма яркие русинские пословицы и поговорки, подтверждающие его активную употребительность.

Характерно, что за пределами собственно русинского пространства это слово обнаруживается лишь в словацких диалектах, причём не в орнитологическом, а в переносном антропоморфном значении: *poťa* пеор. ‘незначительная, невыразительная личность’: «Takú *poťa* ženu ma, со z něj ніč, ľem jazig ma veľiki». Hradisko SAB [53, II: 1036]. Любопытно, что и в калужских говорах русского языка слово *потя* (записанное в 1927 г.) также стало негативным прозвищем мужчины, а в диалектах Починковского района Горьковской области (запись 1973 г.) вошло в состав фразеологизма *Потя шутоломный* ‘недалёкий человек,

недотёпа': «Ты погляди-ка, чего он сделал, *потя шутоломный*, ему говори, не говори, всё одно не понимает, своё сделает» [28; 30: 324].

Квалификация этого слова как довольно узкого славянского диалектизма, однако, была бы неправомерной, что убедительно доказывается этимологическим анализом. Этимологический словарь украинского языка посвящает этому слову особую статью, ссылаясь на приведённую нами выше фиксацию в Академическом словаре и предлагая ряд общих по корнеслову лексем: «**Потя**, Пташеня, курча, *потач* 'приміщення для курей під пічку, клітка для курей', *потич* 'курник; загороджене місце, клітка для курей', *потій* 'півень', *потюк* 'пташеня просянка, *Emberiza calandra* L. (E. Miliaria)', *потюх*, *потяч* 'тс', *потячий* 'стосовний птяшенятущи, курчати; курячий'. – рос. *потка* 'пташка, пташина', др. *пѣтка* (*потка*) 'птах'; – псл. (сх) **рѣтка* 'пташка', пов'язане з *рѣtica*, укр. *птиця* [3: 344–345; 32]. Див. ще птица. – Пор. **пiтя, потак**» [4: 544; 7]. Как видим, русинское *потя* этимологически связано с праславянским словом **рѣтка* 'птица'. «К нему же относят **пiтя** 'курча, пташеня', *нимя* 'молодий півник' – результат контамінації форм *потя* 'пташеня' і *нимель* 'півень' [4: 419; 7], а также **потак** 'чоловічий статевий орган', *потка* 'жіночий статевий орган', *потичка* 'тс'. – рос. *потка* 'чоловічий член', белор. *потка* 'тс'; пол. *potka* 'жіночий статевий орган'; – псл. **рѣтка* 'статевий орган', результат перенесення на орган назви **рѣтка* 'птах'; як семантичну паралель пор. укр. *курка* 'жіночий статевий орган'; пол. *potka* (зам. закономірного **petka*) є, очевидно, запозиченням із східнослов'янських мов» [4: 539; 7].

Сопоставляя чеш. *pták* и родственные ему слова с рус. *птица*, укр. *птиця*, с.-х. *ptica*, В. Махек предполагает, что они являются ум. формой от псл. **рѣта* и рус. диал. (сибирск.) *потка* 'птичка'. «Кажется, – подчёркивает чешский этимолог, – что праславянским словом было **рѣта* в значении 'птенец' (ср. *рѣt-еньсь*, чеш. *ptenec*), а из него развилось зап.-слав. (первоначально, видимо, разговорное) *ptacha* > *ptach* > **pták**» [47: 496]. В этой интерпретации известного чешского этимолога можно, как кажется, достаточно явно усмотреть и полную компатибельность прасл. **рѣта* с современным русинским *потя*. Любопытно в этой связи и «дальнобойное» сопоставление псл. **рѣта* (ст.-сл. *пѣта*, др.-рус. *пѣта*) с др.-инд. *potah* 'молодое животное', восходящим к и.-е. корню **pout-* [46: 510]. На основе таких этимологических сопряжений вполне возможно, что именно русинское *потя* сохранило и древнейшую форму, и древнейшее значение праславянского слова.

Понятно, что в процессе формальной и семантической эволюции это исходное слово претерпевало изменения. На одно из них, как мы видели, особое внимание обращают составители украинского этимологического словаря, подчёркивая, что уже псл. **рѣтка* стало

метафорическим обозначением мужского или женского полового органа. Тот же семантический сдвиг отмечается и для белор. *пoткa* 'penis', который возводится к орнитологическому значению: рус. диал. *пoткa* 'птичка (особенно певчая)', болг. *пaткa* 'утка, гуска' и 'половой орган маленького мальчика', англ. *сoск* 'петух' и 'пенис' и т.д. [38: 304–305]. И в русинском языке, между прочим, запечатлён такой семантический симбиоз: ср. бойк. *пoткa* 'половой орган женщины' [15: 379].

Рассмотрим подобные и иные формальные и семантические мутации праславянского слова **рѣтъ* в некоторых славянских диалектах.

В русской народной речи слово *пoткa* 'птица (не промысловая), птичка, птаха' известно не только в сибирских говорах (как считал В. Махек), но и на гораздо более широком пространстве: Вят. (1845): *Вчерась опять какие-то потки летели*; Киров.: *Ни одной потки не застрелил*; Волог. Твер., Калинин., Новгород., Ярослав., Костром., Уральск. *Птичек много в тайге. Самые маленькие – потки*. При этом в некоторых регионах наблюдаются конкретизация или расширение семантики этого слова: Краснояр. 'певчая птица, птичка'; Вят. (1842–1847), Киров., Волог. 'птица, живущая на болоте'; Волог. (1939) 'птица наподобие сороки'. Некоторые значения весьма далеки от исходного орнитологического, напр., Ленингр. (1937–1940). Вероятно, они являются переносными от названия маленькой птицы: Черепов. Новгород. (1922), Твер. 'мышонок': *Опять потка попала в мышеловку*; Каргоп. Арх. (1928) 'о любимом ребенке' [28; 30: 284–285].

Достаточно давно и широко распространено и уже известное нам «генитальное» значение этого слова: Пск. (1855), Новгород., Лит ССР *пoткa* 'мужской половой член', Твер. (1860), Новгород., Сиб. 'половой член у мальчиков'; Славк. Пек. (1957) 'половой орган коня' [28; 30: 284]. Это значение зашифровано и в загадке *Под полом [подем?] мужик поткой грозит* с отгадкой «квас» (Дмитр. Моск., Садовников – СРНГ 30: 285). То же значение имеет и производное *пoтoчкa* 'половой член маленького мальчика', записанное в Череповецком уезде Новгородской губернии в 1893 г. [28; 30: 300].

Сравним и другие производные этого корня в русских диалектах: Волог. (1896) *пoтoк* 'небольшая птица' [28; 30: 287]; Орл. Вят. (1904), Вят., Киров., Ярослав., Костром., Краснояр., Волог. (1841–1853) *пoтoчкa*. ласк. 'птичка, пташка': *С ветки на ветку перелетала поточка не больше поползня*; Вят. *поточки паньские (царские)* 'певчие птички': *Поточки царски поют песни арски* [райские]; Переясл. Влад. (1849–1851) *съестная поточка* 'птица, мясо которой употребляют в пищу'. Слово зафиксировано также (Киров., 1940) и в значении 'о медлительном человеке', а в составе фразеологизма *хитрая поточка* (Ветл. Костром., 1939) – как ироническая характеристика хитрого человека: *Ты хи-*

тряя поточка. Ср. также Переясл. Влад. (1849–1851), Волог. *поточка* ‘таракан’ [28; 30: 300]. Возможно, к тому же корню относятся и диалектизмы Пск. (1902–1904) *потекуха* ‘птица род куличка’ [28; 30: 271] и *птлядка* ‘молодая курица-несушка’ и др. [28; 30: 273].

Пожалуй, наиболее заметный след в славянских языках слово *потка* оставило в названии *куропатка* – ‘дикая птица семейства куриных’. Оно широко отражено в народных говорах в разных вариантах: *куропоть*, *куропать*, *куроптаха*, *куропатва*, *куропатка*, *куропат*, *куропатёк* и под. Известно это сложное слово не только восточнославянским, но и западнославянским языкам: укр. *куропатва* (диал.), *курінка*; белор. *курапатка*, чеш. *koroptov*, польск. *kuropatwa*. В русском языке оно было известно уже с XVI в. (ср. в XVI в. *куропатина* ‘мясо куропатки’). При этом наряду с формой *куропатка* бытовали и формы *куропоть*, *куропеть* и др. Слово образовано сложением корней *кур-* (ср. *курица*) и *пѣт-* → *пт-*: *пот-* (ср. *потка* из *пѣтка* – ‘пичужка’, ‘певчая птица’). Правда, при этом ожидаемой формой должна была бы стать *куропѣтка*, а не *куропатка*. Такой не вполне закономерный фонетический переход этимологи объясняют результатом смешения форм *пѣтка* и *птаха* (ср. чеш. *pták* и польск. *ptak* ‘птица’) и влиянием таких образований на *-атка*, как *хохлатка* [1: 457–458; 36].

Экскурсы в этимологию славянских слов с корнем **рѣта* подтверждают нашу гипотезу о том, что русинское *потя* – не что иное, как сохранившееся до наших дней праславянское название маленькой птицы, птенца – **рѣтѣ*. И это не реконструкция, а живое, реальное слово из современного русинского лексикона. Живое ещё и потому, что оно входит в состав образных выражений и пословиц, наполняясь особой экспрессией и обогащаясь особыми коннотациями.

Поговорки (resp. фразеологизмы)

В словарях русинского языка слово *потя* и прил. *потячий* входят в состав пять поговорок: *Пѣтя малое береса на свѣї крыла*; *Вадяться так, што й пѣтя бы на хижу не сіло*; *Ци сова не пѣтя*; *Лем пѣтячое молоко мухибить*. Они дают оценочную, экспрессивную характеристику окружающей действительности и человека. Рассмотрим каждую из таких поговорок в сопоставлении с соответствующими украинскими и русскими оборотами.

1. Пѣтя малое береса на свѣї крыла – пташечка літати починає – птенчик летать начинает [23: 75, 194].

Украинский и русский эквиваленты, предложенные Д. Попом, подчёркивают оригинальность русинского выражения. Действительно, точных соответствий ему нет ни в украинских, ни в русских источниках. Но следы близкой по образности фразеологии в восточно-

славянском языковом пространстве найти, тем не менее, можно. В Академическом словаре украинской фразеологии находим оборот *пущатися/пуститися на свої крила* 'начинать самостоятельно жить, заботиться о себе' [31: 588], явно восходящий к орнитологической метафоре. В русском языке также известны подобные разговорные фразеологизмы: *вставать/встать на крыло* 'начинать летать (о птенцах)' 'взлетать (о птицах)', 'приобретать самостоятельность, независимость от других' [35, I: 85]; *поднимать на крыло кого* 'учить летать птенцов' [2: 57; 35]; *подниматься/подняться на крыло* 'начинать летать (о птенцах)' [1: 267; 35]; *становиться/стать на крыло* 'учиться летать (о птицах)', 'становиться самостоятельным' [2: 184; 35]. Подобные обороты зафиксированы и в русских народных говорах – напр., *подниматься/подняться на крыло* в русских говорах Карелии имеет значение 'начинать летать (о птенцах)' [3: 40; 27], в иркутских (1935) – 'полететь снова после линьки (об утках)' [28: 100], а в новгородских – 'обзаводиться хозяйством, строить собственный дом' [19: 468].

2. Вадяться так, што й пѣтя бы на хижу не сіло – лаяться на всі заставки – ругательски ругаются [23: 101]; ругательски ругаются – *вадяться так, што й пѣтя бы на хижу не сіло* – сваряться так, що й птах на хату не сяде [23: 77].

Обращение к украинским и русским источникам убедительно доказывает оригинальность русинской поговорки об интенсивной брани. Украинский эквивалент *сваряться так, що й птах на хату не сяде*, приведённый Д. Попом, является, судя по всему, буквальным переводом русинского оборота, а рус. *ругательски ругаются*, как и укр. *лаяться на всі заставки*, имеет иную структуру и образность (безобразность). При этом в украинском малом фольклоре можно отыскать выражения с близким образом, но иной семантикой: *Про мене кричи, хоть на хату вилізь*¹ (Фр., II, 2: 312) [3: 61; 24]; *Говори й на хату вилізь* (Фр., I, 2: 355) [24, II: 286]; *Сваряться, аж стіни тріщать* (Фр., Ш, 1: 59) [3: 63; 24]; *Нема хатки без звадки* (Н. н., Вол.); *Нема такої хатки, де б не було звадки* (Прип., 232); *Нема тої хатки, де б не було звадки* (Ном., 66; Укр. пр., 1963, 711) [1: 134; 24]; *Нема теї хатки, де б не було звадки* (Ном., 66) [3: 73; 24].

3. Ци сова не пѣтя? – чи сова не птах? – разве сова не птица? [23: 230].

Эта поговорка в словаре Д. Попа приводится лишь один раз, а орнитоним *сова* встречается в сравнении *позерати ги сова – вирячувати очі – тарашить глаза* [23: 84]. Сомнение в «птичьем статусе» совы в каком-то отношении проясняется украинским и русским эквивалентом к русинской пословице *Из пса нигда не буде солонина – хоч би*

сова попід небом літала, а соколом не буде – Сколько утка не бодрись, а лебедем не быть [23: 79].

Действительно, в орнитологической «табели о рангах» сова занимает в славянской паремиологии и мифологии отнюдь не почётное место. По украинским поверьям, сова – вестник опасности, символ страха. В Полесье, например, в совах видят воплощение нечистой силы либо существ, являющихся наполовину птицами, наполовину чертями. Природа совы отражена в пословице *Сова не родить сокола, а такого ж чорта, як сама* [4: 412]. И другие украинские пословицы отражают противопоставление совы «благородным» птицам, прежде всего соколу: *Не пара сова до сокола* (Висл., 307) [1: 221; 24]; *Не уродить сова сокола, а кобила вола* (ІМФЕ, 29–3, 129); *Сова не родить сокола, а такого ж чорта, як сама* [1: 221; 24]; *Сова хоч під небо злетить, то все сова; Сова хоч би літала попід небеса, то соколом ніколи не буде* (Ільк., 86; Закр., 205; Ном., 64; Висл., 205; Укр. пр., 1963, 124); *Як би сова не старалась літати, а соколом не буде* (Н. н., Вол.) [1: 222; 24].

Подобные представления о «неорнитологичности» совы отражает и русский малый фольклор: *Сова не родит сокола, а такого же чёрта, как сама* (Омск. (1976) ФСГ 1983, 185; СРГС 4, 371); *Сова хоть бы под небеса летала, а всё соколом не будет* (Сн. 1848, 378; Твер. ТПП 1993, 57); *Из совы сокол не будет* (Богд. 1741, 84); *Из совы сокола не будет* (Сок., 337); *От совы не рождаются соколы* (Ан. 1988, 248); *От совы не рождаются соловьи* (Сок., 328).

Представленный сопоставительный анализ выявляет смысл русинской вопросительной поговорки *Чи сова не пѣтя?* Собственно, этот вопрос риторический, ибо русины к сове относятся с таким же подозрительным пренебрежением, как и другие славяне, при этом приравнивая её к своей собственной птице – *поте*. Неслучайно эта поговорка – собственно русинская, не известная другим славянским языкам и потому буквально переведённая Д. Попом в качестве украинского и русского эквивалента.

4. Скубсти потя, доку воно у въздузі – делить шкуру неубитого медведя [9: 160]. Хотя И. Керча приводит совсем иной по образности эквивалент к русинской поговорке, подобные обороты можно отыскать в украинских и русских паремиологических сборниках.

Украинские. *Не зловивши, не скуби* (Н. н., Вол.); *Не піймавши, не скуби* (Укр. пр., 1955, 175); *Не скуби, поки не зловиш* (Фр., Ні, 1, 110; Укр. пр., 1955, 179; 1963, 531); *Не скуби, поки не зловив* (Ном., 52); *Єще і то не піймав, а вже скубе; Не поймав, да скубе* (Зін., 224); *Ще не зловив, а вже скубе* (Закр., 162; Ном., 52; Чуб., 300; Укр. пр., 1963, 531); *Ще не зловив, а вже поривається скубити* (Укр. пр., 1955, 175); *Ще не зловив, а вже скубити хоче* (Н. ск., 1971, 153) [1: 269; 24].

Русские. *Не поймав, не щиплют* (Петр. галер. нач. XVIII в., 31; ДП 1, 175); *Не поймавши, не тереби* (Тан. 1986, 105; СР 2, 225; Пск. СПП 2001, 137); *Не поймал, а уж отеребил (потеребил)* (Сн. 1848, 282; В.-рус. Рыбн. 1961, 81; Прок. 1988, 167); *Не подстрелил ясного сокола – рано перья щипать* (Алещенко 2008, 250); *Не подстрелив дичь, рано перья щипать* (Сок., 592); *Курицу не поймал, а уж ощипал* (Рыбн. 1961, 81; Ан. 1988, 157); *Не поймав, курицы не щиплют* (Сн. 1848, 282; Ан. 1988, 222).

Как видим, ориентологический образ подразумевается и в русинской, и в украинской, и русской поговорках. Однако если в украинских паремиях он имплицирован и сам собой подразумевается, то в русских может и имплицироваться, и эксплицироваться, называя разных птиц – как диких, так и домашних. Но лишь русинская поговорка использует обобщающий «птичий» образ, воплощённый в лексеме *потя*.

5. Лем пѣтячоє молоко му хибить – тільки птичого молока йому бракує – только птичьего молока ему недостает [23: 84, 158]. В словаре И. Керчи [9: 160] оборот приводится в форме *пѣтячнѣе молоко* с пометами *фиг. кул.* Видимо, имеется в виду сорт популярных у русских, украинцев, белорусов и поляков конфет. Этот современный кулинарный бренд имеет древнюю фразеологическую историю. Сто лет назад эту русинскую поговорку с компонентом *потячий* включил в свой сборник И. Франко с дефиницией «говорять про жите в достатках»: *там лиш пѣтячого молока не стає* [2: 410; 33; 34: 775], а Л.Г. Скрипник приводит вариант *тільки пѣтячого молока не має* [26: 123].

В отличие от трёх рассмотренных выше поговорок, украинские и русские эквиваленты здесь не являются буквальным переводом, а столь же аутентичны, как и русинская. И это неслучайно: ведь поговорки о птичьем молоке имеют, как увидим, очень широкую ареальную масштабность, выходя даже за пределы индоевропейской языковой общности. Именно потому она активно варьируется как в украинском, так и в русском языках.

Украинские: *пташочого молока забaglia* (Фр., II, 2, 410); *пташиного молока ще йому бракує* (Прип., 207); *птичого молока тільки не знайдеш, а все єсть* (Зін., 243); *хіба птичого молока нема* (Ном., 29); *хіба птичого молока у нього немає* (Укр. пр., 1936, 68) [1: 327; 24]; *все має, крім пташиного молока* (Зак. пр., 10); *все має, хіба що пташиного молока забagliaє* (Ільк., 15; Фр., II, 2, 383); *хіба птичого молока нема* (Укр. пр., 1963, 192) [3: 88; 24]. Ср. также подол. *хіба пташачого молока нема* [10: 206].

Русские: *птичьѣ молоко*. пск., разг. ‘нечто очень редкое, неслыханное, невозможное, предел желаний’ (ДП, 862); *птушачье молоко* смол.

(1914) 'то же' (СРНГ 33: 103), где *птушачий* 'птичий'; *утиное молоко* арх. (2005) 'об отсутствии молока у коровы' (СРГК 6: 650; СРНГ 48: 160); *утичье молоко* волог., кар. (1984) 'о чае (в случае отсутствия молока)' (СРГК 6: 651), где *утичий* – 'утиный'.

Этот фразеологизм входит и в ряд русских пословиц: *Птичьего молока во всей поднебесной не найдёшь* (Д 3, 189); *Птичьего молока не найдёшь* (Сок., 361); *Птичьего молока хоть в сказке найдёшь, а другого отца-матери и в сказке не найдёшь* (ДП 1, 301; Раз. 1957, 118); *В Москве нет только птичьего молока да отца и матери* (Сн. 1848, 54); *В Москве только нет птичьего молока* (Мих. 1, 152).

Сопоставительный анализ показывает, что выражение *птичье молоко* вросло в фольклор многих народов, став в нём народным символом сказочного изобилия. Это интернациональный оборот, известный славянам, грекам, испанцам, итальянцам, татарам, туркменам, венграм и многим другим. Широко распространено было это выражение и в древнем мире: у римлян куриное молоко было символом благосостояния, а в комедии Аристофана (ок. 466–385 гг. до н. э.) «Птицы» герои бахвалятся, что птичьего молока у них хоть отбавляй. Это древняя универсалия, своеобразный сюжет, известный не только всем индоевропейским языкам, но и финно-угорским, семито-хамитским и др. [45]. Оставил он и след практически во всех славянских языках: бел. *птушынае малако, пціччаго (птушынага) малака не хватаць*, болг. *птиче мляко, х/с imati i ptičjeg mlijeka, nemati samo ptičeg mlijeka* и др.

При этом нельзя говорить о заимствовании: такого рода материал свидетельствует об универсальности и исконности «птичьей» структурно-семантической модели, по которой создано выражение [17: 27–29]. Это доказывает и его наличие в русинском языке, где фразеологизм *лем пѣтячоє молоко му хибить*, возможно, такой же древний праславянизм, как и само слово *потя*, от которого образовано прил. *пѣтячоє*. Славянские его варианты отразили, по-видимому, представление о птичьем молоке как о волшебной субстанции, которую птицы приносят из райского источника. Это «райское молоко» – всего лишь овеществлённая вечная мечта человека приблизиться к раю и к самому Богу. Вера в осуществление этой мечты измеряется силой стремления к ней [18: 145–148].

Пословицы

В словарях русинского языка слово *потя* входит в состав девяти пословиц: *Пѣтя видко по пірю, а чоловіка по роботі; Пѣтяти, што звыкло літати, тяжко на клітку звыкати; Йаке гніздо, такі й потита; Каждое пѣтя любить крихотя; Серенча ги пѣтя, де хѣче, там и сяде;*

Як *птя* їмають, та го гладкають и др. Все они отражают народную философию и оценку окружающей действительности и человека. Рассмотрим каждую из таких пословиц с точки зрения их ареальной «дальнобойности» в общеславянское или даже в общеевропейское паремиологическое пространство.

1. Птѣя видко по пірю, а чоловіка по роботі; Впознати птѣя по пірю [9: 260] приводится Д. Попом с украинским и русским эквивалентами *Видно сокола по льоту, а сову з погляду – Видать птицу по полѣту, а молодца по хватке* [23: 194]. В другом месте словаря соответствующим русской и украинской пословицам составитель приводит другой, но, тем не менее, орнитологический эквивалент: *Видать птицу по полѣту, а молодца по хватке – Пава пірьом красна, а чоловік рѣзумом – Видно сокола по льоту, а сову з погляду* [23: 7, 10]. Как видим, здесь Д. Поп в качестве эквивалентов предлагает несколько отличающиеся по образности украинские и русские пословицы. Тем не менее в паремиологических сокровищницах восточных славян можно найти и адекватные в этом отношении параллели, причѣм орнитологический «объект» оперения может конкретизироваться:

Украинские: *Видно птаха по пірю* (Зак. пр., 92); *Пізнати птицю по пірю* (Висл., 321; Прип., 250); *Птаха пізнати по пірю, а пана по халявах* (Фр., Ш., 2, 513); *Птаха мож пізнати по пірю, чоловіка по бесіді* (Н. ск., 1964, 121); *Птицю пізнати по пірї, а чоловіка по бесіді* (Прип., 70) [1: 211; 24]; *Пізнати ворону по пірю* (Ільк., 75; Фр., 1, 2, 264; Укр. пр., 1963, 124) [1: 216; 24]; *Знати сову по пірю* (Фр., III, 1, 142) [1: 221; 24].

Немало, естественно, в украинской паремиологии и пословиц, где отличительным знаком птицы является и её полѣт: *Видно птаха по по льоту* (Н. н., Сумщ.); *Видно пташку по польоту* (Н. н., Вол.); *Пізнати птаха по літанню, а людину по ході* (Зак. пр., 121); *Знати ворону по польоту* (Н. п., Черніг.) [1: 216; 24]; *Видно сову по польоту* (ІМФЕ, 1–5, 461, 189); *Знати сову по польоту* (Чуб., 294); *Пізнати сову по льоту* [1: 221; 24]; *Видно сокола по польоту, а сову по погляду* (Ном., 142; Укр. пр., 1963, 124); *Знати сокола по польоту, а доброго молодця по походці* (Н. н., Сумщ.); в) *Пізнати сокола по його польоту* (Висл., 321); *Знати сокола по лету* (Фр., II, 1, 145) [1: 222; 24].

Русские пословицы. Здесь также выявляется параллелизм образа «перьев» и «полѣта» как основной характеристики птицы: *Знаешь птицу по перьям, а молодца по речам* (Сн. 1848, 146; Д 2, 332; Ан. 1988, 108); *Знать птицу по перьям, а сокола по полѣту* (Кург. 1793, 128; Соб. 1961, 122); *Знать птицу по перьям, а человека по речам* (Ил. 1915, 116); *Птицу знать по перьям, сокола – по полѣту* (Раз. 1957, 74); *Птицу узнают по перьям, а человека по ухватке* (Спир. 1985, 63);

Узнают птицу по перьям, сокола по полёту (Соб. 1956, 49); *Знать сову и по перьям* (Сим., 106; Сн.1848, 146); *Как сову дознать по перьям, совиных детей по перьям* (СРНГ 39: 188); *Ворону знать и по перью*. (Сим., 178; РС нач. XVIII в., 81).

Вариант с компонентом *полёт* в русской паремиологии, как и в украинской, не менее частотен: *Видна птица по полёту* (Мих. 2, 104; Раз. 1957, 71; Жук. 1966, 81–82; Ан. 1988, 45); *Видать птицу по полёту* (Пермяков 1988, 154); *Видно птицу по полёту* (Жук. 1966, 82); *Птицу видно по полёту* (Пск. (Оп.) (СПП 2001, 138)); *Узнают птицу по полёту* (Пск. (Оп.) (СПП 2001, 138)); *Видать (Выдать) сову по полёту* (Жук. 1966, 79), (Кубан. (ППЗК 2000, 18)); *Видать сову по полёту, а девушку по походке* (Рыбн. 1961, 62; Тан. 1986, 28; Ан. 1988, 45); *Видать сову по полёту, а добра молодца по кудрям* (Ан. 1988, 45); *Видеть сову по полёту, а тебя по соплям* (Дон. (Сл. Шолох. 2005, 228)); *Знать сову по полёту* (Тат. нач. XVIII в., 53; Д 4, 254; Жук. 1966, 164); *Сову видно по полёту* (Ан. 1988, 290); *Виден сыч по взгляду, а сова по полёту* (Снег. 1848, 33); *Виден сокол по полёту* (СлРЯ XVIII в. 3, 158); *Сокол сокола по полёту знает* (Ан. 1988, 291); *Видать сокола по полёту* (Пермяков 1988, 154); *Видать сокола по полёту, а доброго молодца по походке* (Раз. 1957, 71); *Видно сокола по полёту* (Под., Зим. 1956, 51); *Видно сокола по полёту, а добра молодца по поступи* (т. е. походке) (Сн. 1848, 32); *Видно сокола по полёту, а молодца по походке* (Ан. 1988, 45); *Знаешь сокола по полёту, а доброго молодца по походке* (Сн. 1848, 146; Д 2, 332); *Знать сокола и по полёту* (Сим., 106; Петр. галер. нач. XVIII в., 28; ПС, 316; СПП 2001, 140); *Знать сокола по полёту, а добра молодца по походке* (Ан. 1988, 108); *Знать сокола по полёту, а молодца по выходке* (Рыбн. 1961, 62); *Знать сокола по полёту, сову по подъёму* (Д 4, 254); *Знать-то ведь сокола по полёту* (Арх. СРНГ 5, 303); *Сокола по полёту узнают* (Ан. 1988, 291); *Сокола узнаешь по полёту, казака – по выправке* (Кубан. (ППЗК 2000, 39)); *Ясного сокола видать по полёту, а молодца – по походке* (Спир. 1985, 56); *О соколе судят по полёту* (Под., Зим. 1956, 51); *Орла узнаешь по полёту, а молодца – по обороту* (Богданович 1785, 3, 8); *Знать ворона по полёту* (Сн. 1848, 145); *Ворону видно по полёту* (Спир. 1985, 63); *Знать ворону по полёту* (Барс. 1770, 85; СлРЯ XVIII в. 21, 165; Ан. 1988, 108); *Как ни наряжайся под голубицу, а беркута по полёту узнают* (Кубан. (ППЗК 2000, 40)); *Коршуна узнают по полёту, ловкого человека – по походке* (Ан. 1988, 141).

Характерно, что один из вариантов совмещает в себе и образ «перьев» птицы, и её «полёт»: *Знать сова и по полёту, и по перьям* (Лексикон 1731, 329; Geyr 1981, 132). Неслучайно, что такой вариант зафиксирован в Вейсмановом «Лексиконе» 1731 г. с европейскими

параллелями. Действительно, эта пословица известна большинству славянских и неславянских языков Европы. Так, к словен. *Ptiča po perju spoznaš* и хорв./серб. *Poznaj se ptica po perju* Й. Павлица приводит нем. *An den Federn erkennt man den Vogel*, фр. *On connaît l'oiseau à son plumage* и англ. *You know a bird by his feather* [51: 428–429]. В. Флайшганс, фиксируя чешскую пословицу *znatř toho ptáka po peří* уже в XVI в. и приводя польские, русские, сербские, немецкие и другие соответствия, подчёркивает, что она «общеевропейская» [2: 322; 44]. Любопытно, что в славянских языках слово «птица» может конкретизироваться названиями её конкретных разновидностей, напр.: белорус. *Відаць сокала па палёту, а саву па погляду*; болг. *Свраката по цвърченето, сокола по хвърченето*; пол. *Orła można z lotu (po locie) poznać*; серб. *Poznaj se petao po kresti* и т. п. [11: 124].

Приведённые параллели убедительно свидетельствуют о том, что русинская пословица *Пѣтя видко по пірю, а чоловіка по роботі* органически вписывается в общеевропейское паремиологическое пространство, сохраняя при этом некоторую образную и дидактическую оригинальность: если птицу ценят по внешнему признаку, то человека – по результатам его трудовой деятельности.

2. Пѣтяти, што звыкло літати, тяжко на клітку звыкати. К этой пословице Д. Поп приводит близкие по образу украинские и русские эквиваленты: *Краще на волі на вітці, ніж у неволі в золотій клітці; Хорошо птичке в золотой клетке, а того лучше на зелёной ветке* [23: 194]. С несущественными отличиями такие пословицы действительно зафиксированы восточнославянскими источниками.

Украинские. Не будучи тождественными по форме, украинские параллели этой русинской пословицы сохраняют и общий её паремиологический смысл, и образную ось *птица – клетка*: *Ліпше пташці на зеленій вітці, ніж у пана в золотій клітці* (Н. н., Ів.-Фр.); *Краще птиці на сухій гілці, ніж у золотій клітці* (ІМФЕ, 1–5, 388, 38) [1: 212; 24]; *Воля пташці краща від золотої клітки* (Перем., 1854, 31) [1: 213; 24]; *Золота клітка солов'я не тішить* (Н. п., Черніг.) [1: 213; 24]; *Ладна птиця лучче золотої клітки* (Фр., II, 2, 333) [1: 213; 24]; *Не потрібна солов'ю золота клітка, краща йому зелена вітка* (Н. н., Сумщ.) [1: 213; 24].

Русские. Русские пословицы о птице и клетке, сохраняя смысловую доминанту и образность, близкие русинской паремии, демонстрируют мощную структурную вариативность. Обращают на себя внимание пословицы, построенные, как и русинская, по принципу рифмовки, что обычно сигнализирует об их национальной специфичности: *Пташечке ветка лучше золотой клетки* (Ленингр. Бах. 1982, 456);

Пташке ветка дороже (лучше) золотой клетки (Д 1, 334; Спир. 1985, 99; Сок., 106); *Птичке ветка дороже золотой клетки* (КМШ 1957, 53; Раз. 1957, 198); *Хорошо птичке в золотой клетке, а лучше того – на зелёной ветке* (Сн. 1848, 435; ППЗК 2000, 51; Сок., 107); *Зачем соловью золотая клетка – лучше ему зелёная ветка* (Сок., 486); *Не надобна (Не надобно) соловью золотая клетка, лучше ему (ему лучше) зелёная ветка* (Сн. 1848, 278; Д 2, 121; Ан. 1988, 219); *Не нужна соловью золотая клетка, а нужна [ему] зелёная ветка* (Раз. 1957, 198; Спир. 1985, 99; Сок., 106); *Не нужна соловью золотая клетка, лучше зелёная ветка* (Соб. 1956, 108). Ср. *Не надобна соловью золотая клетка, лучше ему своя волька* (Барс. 1770, 155; СлРЯ XVIII в. 4, 57).

Рифмовкой образованы и пословицы *Хоть пташкину клетку позолотили, а всё пташку в клетку посадили* (Д 3, 232); *Щебечет соловей в клетке, забыв свои детки* (Сим., 159).

Образную и смысловую «компатибельность» с русинской пословицей сохраняют и нерифмованные русские пословицы: *Воля птичке лучше (дороже) золотой клетки* (Тат. нач. XVIII в., 48; Богд. 1741, 71; Барс. 1770, 22; Сн. 1848, 38; ДП 2, 278; Д 2, 121; Соб. 1956, 97; Раз. 1957, 198; Спир. 1985, 98; Ан. 1988, 49; Сок., 105; Сергеева 2016, 156); *[И] золотая клетка соловью не потеха* (Д 2, 121; Раз. 1957, 198; Спир. 1985, 98; Тан. 1986, 63; Ан. 1988, 109); *В золотой клетке птице не поётся* (Пск., Ленингр. Соловьёва 2001, 38); *Не мила пташке золотая клетка* (Сок., 106); *Не мила птичке золотая клетка* (Тат. нач. XVIII в., 58); *Не от радости и пташка в клетке поёт* (Д 4, 8); *Не от радости птичка (пташка) в клетке поёт* (Спир. 1985, 168; Сок., 106); *По птичке и клетка* (Лексикон 1731, 721; Geyr 1981, 201; ДП 2, 115); *Канарейка в клетке родится – соловей никогда* (Сок., 106).

3. *Йаке гніздо, такі й потита.* Бойк. [2: 127; 20].

Образная пара *птица – гнездо*, естественно, представлена в восточнославянской паремиологии. Однако общий смысловой акцент таких пословиц достаточно ощутимо отличается от значения «Гнездо – отличительный признак птицы», представленного в бойковской паремии. Сравним последнюю с украинскими и русскими пословицами.

Украинские. *Злий то птах, що своє гніздо каляє* (Висл., 288) [2: 362; 24]; *Кожна птаха своє гніздо хвалить* (Укр. пр., 1963, 474) [2: 396; 24].

Русские. *Каждая птица – хозяйка своего гнезда (в своём гнезде)* (Соб. 1956, 99; Сок., 487); *Всякая птаха хлопочет – своего гнезда хочет* (Спир. 1985, 144); *Всякая птица своё гнездо любит* (Сн. 1848, 46; ДП 2, 96; Ил. 1915, 117; Под., Зим. 1956, 25; КМШ 1957, 57); *Погана та птаха, яка своё гнездо не любэ* (Кубан. ППЗК 2000, 73); *Всякая птица своё гнездо хвалит* (Сн. 1848, 46; Ил. 1915, 117); *Глупа та птица, ко-*

торой гнездо своё не мило (Сн. 1848, 69; Д 1, 362; Ил. 1915, 117; Под., Зим. 1956, 24; Раз. 1957, 25; Спир. 1985, 180; Ан. 1988, 62; Кубан. ППЗК 2000, 73; Сок., 485; Твер. ТПП 1993, 18; Акмол. Асенова 2010, 8, 15); *Каждая птица своё гнездо любит* (Ан. 1988, 122); *Каждая птица своё гнездо хвалит* (Твер. ТПП 1993, 18); *Мала птица, а и та своё гнездо бережёт* (Под., Зим. 1956, 42; Ан. 1988, 172); *Где птица ни летает, а своё гнездо знает* (Сок., 485); *Даром птица гнездо строит* (Сок., 160); *Всяка птаха себе пару ищет – гнездо завивать* (С.-рус. Рыбн. 1961, 90).

Сопоставление показывает, что русинская (гесп. бойковская) поговорка является уникальной, национально специфической. Аналогичных паремий нет в других славянских и неславянских языках.

4. Каждое пѣтя любить крихотя. Эту русинскую поговорку также следует признать уникальной и национально специфической уже потому, что её неожиданная и оригинальная образность генерируется чисто формальной, собственно языковой характеристикой – рифмой. Правда, к этой поговорке Д. Поп дважды приводит украинские и русские эквиваленты: *Кожна пташка крихти любить – Всякая птичка крошки любит; Каждая птичка крошки любит* [23: 13, 142]. Однако детализированный просмотр фундаментальных восточнославянских паремиологических источников обнаруживает полное отсутствие не только соответствующих паремий, но и подобных им вариантов. Скорее всего, это буквальный перевод русинской поговорки, что в словаре Д. Попа – достаточно употребимый лексикографический приём, не обозначаемый соответствующей пометой (напр. *букв.*).

Эта диагностика уникальности приведённой русинской паремии подтверждается сопоставлением с типичными украинскими орнитологическими поговорками.

Украинские. *Кожна птиця своїм голосом співає* (ИМФЕ, 29-3, 128, 31); *Кожний птах у свій час співає* (Висл., 277) [1: 211; 24]; *Кожна пташка своїм носиком годується* (Укр. пр., 1936, 112; 1963, 242); *Кожна птичка своїм носиком живе* (ИМФЕ, 8-К2, 14, 46, Яворн.; Укр. пр., 1955, 82); *Кожна птичка своїм носом живе* (ИМФЕ, 14-3, 211, 245) [1: 211; 24].

Сравните также украинские поговорки с компонентом «птица», образованные по диктату рифмы, не имеющие никакой переклички с русинской: *Кожна пташка свою пісню співає, кожна пташка своє гніздо має* (ИМФЕ, 29-3, 122, 31) [1: 211; 24]; *Кожна птиця знайде свого Гриця* (Прип., 270) [1: 212; 24].

Русские. *Всякая птичка своим носиком клюёт* (ДП 2, 95; Д 2, 115); *Всякая птичка своим носиком сыта* (Рыбн. 1961, 125); *Всякая птица своим носом сыта* (Сим., 88; Барс. 1770, 27; СлРЯ XVIII в. 15, 180; Сн. 1848, 46; Ил. 1915, 312; Ан. 1988, 55; ППЗК 2000, 10; Сок., 556);

Каждая птица своим носом кормится (Ан. 1988, 122); *Каждая птица своим клювом клюет* (Сок., 558); *Всякая птичка сети боится* (Богд. 1741, 72; Ан. 1988, 55); *Всякая птица от своего язычка погибает* (Д 4, 675); *Всякая птичка свои песенки поёт* (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 16) и т. п.

5. Крихотята дай пѣтятам. Эта пословица образована рифмовкой входящих в неё компонентов, что нередко является признаком национальной специфичности. И действительно, ни в украинских, ни в русских паремнологических источниках пословиц с подобной структурой не зафиксировано. Именно потому в качестве украинского и русского эквивалентов Д. Поп проводит афоризм иной, библейской, а не разговорной стилистики: *Хай не збідніє рука того, хто дає – Да не осудеет рука дающего* (ср.: Прит. 28: 27), присовокупляя к русскому эквиваленту буквальный перевод «крошки дай птичкам» [23: 155], а в другом месте своего словаря предлагая для русинской части дефиницию *Ко дає, тот не шкодує* [23: 20]. Следовательно, эта паремия – пополнение собственно русинского фонда малого фольклора.

6. Серенча ги пѣтя, де хѣче, там и сяде. К этой пословице Д. Поп приводит тождественные украинский и русский эквиваленты *Щастя мов птах – де хоче, там і сяде* и *Удача, что птица – где хочет, там и сядет* [23: 204–205]. Поскольку в восточнославянских паремнологических сборниках такие пословицы отсутствуют, их следует признать буквальными переводами с русинского языка. При этом и в украинском, и в русском малом фольклоре легко найти варианты, которые по общему смыслу, образу и структуре полностью соответствуют русинской пословице.

Украинские. *Щастя, як вільна пташка: де захотіла, там і сіла* (Н. п., Вол.); *Щастя, як пташка: де захотіло, там полетіло і сіло* (МФЕ, 29-3, 128, 31) [3: 174–24]. Ср. при этом и пословицы с иным (хотя и орнитологическим) образом и структурой: *Щастя – не курка, решетом не накриєш* (Укр. пр., 1963, 182); *Щастя – не перепілочка, решетом не накриєш* (Скр., 104) [3: 174; 24].

Русские. *Счастье – вольная птишка (птица): где захотела, там и села* (ДП 1, 52; Ил. 1915, 354; Раз. 1957, 134; Тан. 1986, 145; Ан. 1988, 296; Сок., 549); *Счастье что вольная птица: где захотела, там и села* (Твер. ТПП 1993, 12). Ср. *Счастье что воробей: на хоромах посидит да й на другие переметнётся* (СРНГ 51, 291); *Счастье не птица: за хвост не поймаешь* (Ан. 1988, 296); *Счастье не птица: само не прилетит* (Ан. 1988, 296; Сок., 549); *Счастье не соловей: в руки не поймаешь* (Помор. Мерк. 1997, 81).

Со словом же *удача*, русский эквивалент к русинской пословице который приводит Д. Поп, источники фиксируют паремии, весьма далёкие по образности от предложенного им буквального перевода:

Удача – брага, неудача – квас (ДП 1, 55; Соб. 1956, 126; Раз. 1957, 135, 168); Удача – кляча: лишь скачи да кричи (Ан. 1988, 311); Удача – кляча: садись да скачи (скачи да кричи) (ДП 1, 54).

Разумеется, сравнение судьбоносного прихотливого счастья или удачи с вольной птицей достаточно универсально. Но именно различие в деталях воплощения этого образа доказывает оригинальность русинской пословицы и близких ей украинско-русских параллелей. Так, в кашубском языке в 1955 г. была зафиксирована пословица *Szczęście (Szczescie je jak ptôch, w klôtce go nie utrzymasz* – букв. Счастье как птица: в клетке его не удержишь) [3: 385; 49]. Образы первой её части в кашубском и русинском языках тождественны. Однако вторая, эксплицирующая этот образ, часть обеих паремий делает их сходство не генетическим, а типологическим.

7. Єдно пѡтя лїс не насвище. И эту пословицу можно назвать собственно русинской, ибо и в украинском, и в русском, и в других славянских языках полный её эквивалент отсутствует. Д. Поп предлагает для неё эквиваленты иной образности и структуры: укр. *З одного квіту вінка не сплетеш* и рус. *Одна ласточка весны не делает* [23: 67, 123].

Любопытно, что если украинская пословица – крайне редкая и, видимо, узкорегionalная (во всяком случае, она не зарегистрирована ни в одном украинском сборнике малого фольклора), то русская широкоупотребительна, известна в разных вариантах и имеет древнюю общеевропейскую «дальнобойность». Ср.: др.-греч. *Μία χελιδών ἐ'αρ ου ποιει*; лат. *Una hirundo non efficit ver*; итал. *Una rondine non fa primavera*; исп. *Una golondrina no hace verano*; фр. *Une hirondelle ne fait pas le printemps*; англ. *One swallow makes no summer (not a spring)*; нем. *Eine Schwalbe macht keinen Sommer* и др. [39: 598–599]. Естественно при этом её регистрация и в украинском, и в русском языках, напр.: **Украинские:** *Одна ластівка не робить весни* (Ільк., 32; Закр., 161; Ном., 102; Фр., III, 2, 470; Укр. пр., 1955, 178); *Одна ластівка весни не робить* (Зак. пр., 69); *Одна ластовиця не чинить весни* (Югас, 58); *Одна ластівка – то ще не весна* (Скр., 42) [24, 1: 219]. **Русские:** *Одна ласточка весны не делает* (Кург. 1777, 117; СлРЯ XVIII в. 11, 125; Сн. 1834, 4, 5; Сн. 1848, 308; Рыбн. 1961, 122; Жук. 1966, 320–321; Спир. 1985, 29; Сок., 131, 447; Пск., Ленингр. Соловьёва 2001, 71); *Одна ластка лета не приносит* (Тат. нач. XVIII в., 59), где *ластка* – ‘ласточка’ и др.

В ряду приводимых украинских пословиц о ласточке один из вариантов – собственно русинский: *Одна ластовиця не чинить весни* [21: 58]. Причём он и самый старый в этом ряду, ибо был записан и помещён в рукописную «Збірку закарпатсько-українських народних приповідок» (1806) Иваном Югасевичем, зафиксировавшим и следующую пословицу *Як потя їмають, та го гладкають*.

8. Як потя їмають, та го гладкають [37: 247]. Эта пословица, употребляемая русинами в Словакии, – яркое свидетельство русинско-словацкого билингвизма, энергетически подпитанного языковым родством. Словацкую печать легко обнаружить в лексическом составе пословицы – ср. *їмають* и словацк. *imať* ‘ловить, поймать’, *гладкають* *hladať* ‘гладить’, ‘ласкать’, ‘льстить’. Слова же *як, та, го* – общеславянское наследие обоих языков, облегчившее адаптацию русинской пословицы в словацкоязычной среде.

В том, что эта пословица именно русинская, сомневаться не даёт главное стержневое её слово – *потя*. Оно – национальный маркер этой пословицы, и словацкая исследовательница М. Чижмарова уверенно зачисляет её в сокровищницу русинского малого фольклора. Но эта пословица одновременно и словацкая. Неслучайно она отсутствует в других восточнославянских языках. Ведь она, вероятно, является калькой словацкой пословицы *Keď vtáčka lapajú, pekne tu pievajú (spievajú)* и её вариантов, давно зафиксированных фольклорными собраниями [52: 88]. Словацко-русский словарь предлагает ей русский эквивалент *Когда человек нужен, ему сулят золотые горы* [29: 606]. Употребляется она и в словацкой диалектной речи (Bošáca TRČ): *Keť ftáčka lapajú, pekne tu spievajú* [53: 28]. Неслучайно именно такой русинский вариант с шутливым расширением *Коли пташка їмають, весело йому співають. А як его уложать до клітки, там сидить узимі й улімі* записал ещё в 1806 г. дьяк-учитель села Невицького (в окрестностях Ужгорода) Иван Югасевич. Он поместил пословицу в свой рукописный сборник «Збірка закарпатсько-українських народних приповідок». Этот первый уникальный памятник начала XIX в. долго оставался неизвестным, пока его не опубликовал в Праге И. Панькевич, поместив в своё издание и названную выше пословицу [21: 62]. Датировка 1806 г., как увидим ниже, весьма значима для истории происхождения русинской пословицы и её связи с аналогичными словацкими и чешскими.

Ни в украинских, ни в русских паремиологических источниках эта пословица не отражена. Ср. рус. *Коли птицу ловят, так её сахаром кормят* (ДП 2, 135; Ан. 1988, 137) и её вариант *Коли птичку ловят, то её сахаром (сахором) кормят* (Пск. СР 2, 221; СПП 2001, 138), где близкая идея выражена иным образом. Следовательно, перед нами русинско-западнославянская паремиологическая изоглосса.

И действительно, пословицу *Když ptáčka lapají, pěkně tu pískají* фиксируют и чешские источники, где она издавна популярна. Известный сборник «Mudrosloví národu slovanského» Фр. Лад. Челаковского в середине XIX в. уверенно квалифицирует её как собственно чешскую [43: 56], а новейший сборник чешских пословиц приводит два

её популярных варианта *Když ptáčka lapají, pěkně tu zpívají* и *Ptáčník sladce píská, když ptáka chce přivábiti*. При этом они ни по образности, ни по структуре, ни даже по общему дидактическому смыслу не совпадают с предложенными составителями этого сборника европейскими эквивалентами, в чём легко убедиться: нем. *Honigrede ist nicht ohne Gift*; англ. *He has honey in the mouth and a razor in the girdle; Fine words dress ill deeds*; фр. *Paroles de saints et griffes de chats; On amuse les enfants avec des images*; лат. *Fistula dulce canit, volucrem cum decipit auceps*; *Habet suum venenum blanda oratio*; рус. *Мягко стелем, да жёстко спатъ*; болг. *На устата мед, зад гърба гроб* и т. п. [40: 224]. Показательно, что другой современный сборник чешских пословиц, определявший на основе ответа респондентов частотной ту или иную паремию, зачислил поговорку *Když ptáčka lapají, pěkně tu pískají* в одну из первых «шеренг» по популярности: её опознали 18 респондентов из 20 [41: 14].

Происхождение чешской, а следовательно, словацкой и русинской пословицы требует ещё специального исследования. В. Флайшганс, приводя вариант *Kdo chce ptáky lapati, musí pěkně pískati a ne bičem práskati*, утверждает, что это перевод хорватской паремии («jest překlad chorvatského») *Koji kani pticu vloviti, nesme z bičem pucati, nego povoljno piskati*. При этом он замечает, что Фр. Лад. Челаковский в своём знаменитом собрании «*Mudrosloví národu slovanského*» (1852) ошибочно принял её за исконно чешскую поговорку «*vzato omylem za původní české přísloví*» в своём сборнике [2: 317–318; 44]. Исконность чешской паремии ставится им под сомнение и для варианта *Kdo chce ptáky chytati, nesmí na ně šohákati*, который он считает заимствованием из польского *Gdy ptaki chytają, to na nich nie szokają* [2: 317; 44].

Более детальный анализ позволяет, как кажется, усомниться в диагнозе происхождения интересующей нас поговорки, предложенном В. Флайшгансом. Во-первых, поговорка *Kdo chce ptáky chytati, nesmí na ně šohákati* в форме *Kiedy ptaka chwytają, to na niego nie szokają* взята им, по данным польского Академического собрания паремий [2: 1147; 49], из сборника чешских пословиц А. Цинцалы [42: 15], следовательно, её нужно считать скорее богемизмом, чем полонизмом. Тем более что, как мы видели, в сборнике Фр. Лад. Челаковского она зафиксирована на четверть столетия раньше именно как чешская. Более того, вариант *Jak ptoka chwytają, to na niego nie szokają* записан в чешском Тешине [50: 56], что ещё больше подтверждает чешско-польскую линию заимствования, а не наоборот.

Вызывает сомнение и квалификация чешской поговорки *Kdo chce ptáky lapati, musí pěkně pískati a ne bičem práskati* В. Флайшгансом как кальки с хорватского *Koji kani pticu vloviti, nesme z bičem pucati, nego*

povoljno piskati. Ведь последняя хорватская пословица употреблена лишь в 20-е гг. XIX в. Томашем Миклоушичем (Томаш (Томо) Mikloušić (1767–1833), т. е. несколько позднее, чем русинский дьяк Иван Югасевич отразил её в своей рукописной «Збірці закарпатсько-українських народних приповідок» 1806 г. Хронология, как и ареал бытования пословицы, здесь весьма важны. Ведь Челаковский при составлении своего «Mudrosloví» пользовался богатыми этнографическими и фольклорными материалами Национального музея в Праге. Неслучайно первое издание его монументального сборника было опубликовано именно издательством «Národní muzeum». И вполне возможно, что ему была доступна и рукопись закарпатского дьяка Ивана Югасевича. А поскольку связи Фр. Лад. Челаковского со славистами Австро-Венгерской монархии того времени известны, русинские и украинские пословицы (которые обозначались им сокращением Mr.) могли войти и в коллекцию хорватского филолога Томаша Миклоушича. Как видим, следы чешской и словацкой пословицы приводят нас в Закарпатскую Русь начала XIX в., где и сейчас бытует русинская пословица *Як потя їмають, та го гладкають*, зафиксированная словацкой исследовательницей.

Заключение

Сопоставительный и этимологический анализ русинского слова *потя* убедительно показывает его исконность в родном языке и вместе с тем – его уникальность и праславянскую древность. Это слово не только сохранило праславянскую форму и значение, но и постепенно обогатилось фразеологическими и паремиологическими связями. Подобно древнему палимпсесту, пословицы и поговорки, смысловым ядром которых стало русинское слово, отражают многослойные межъязыковые связи с другими славянскими и общеевропейскими ареалами, не потеряв при этом своей образной и региональной неповторимости.

«Русины Венгрии (подкарпатские. – В.М.) сумели не раствориться среди иноземных племён Средней Европы, дали достойный наследования пример сохранения своей языковой и этнической самобытности, – писал в своё время известный русинский лексикограф Сергей Панько в своей студии «Русько-мадярські и мадярсько-руські словники до 1945 року (обзор)». – Сохранение это не было достигнуто путём войн или национально-освободительных движений, было оно скорее результатом, если можно так сказать, гражданского неповиновения, крепкой привязанности к своему собственному корню» (цит. по: [22: 39]). Одним из таких древних корней, обеспечивших крепкую

привязанность русинов к своему языковому и культурному наследию и стало, как кажется, коротенькое, но яркое и живое слово *потя*.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт для украинских материалов в академическом четырехтомном сборнике М.М. Пазяка (ПП 1–4), а для русских – в нашем словаре: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты). Коллективная монография (Animalistische Phraseologie in den slawischen Sprachen (Linguistische und linguokulturelle Aspekte) Kollektivmonografie) / Отв. ред. Х. Вальтер (Германия), В.М. Мокиенко (Россия). Greifswald: Universität Greifswald, 2019. 255 с.

2. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198–212.

3. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. Н.Н. Болдырев; Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвящённый памятного юбилею Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. вып. М.Л. Ковшова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 202–212.

4. *Войтович Валерій*. Українська міфологія. Київ: Либідь, 2002. 664 с.

5. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

6. *Гурт А.* Словарь русско-галицкий. Т. 1–4. Вена: тип. А. Яспера, 1896–1899.

7. Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1: А–Г. 631 с.; 1985. Т. 2: Д–Копці. 570 с.; 1989. Т. 3: Кора–М. 549 с.; 2003. Т. 4: Н–П. 656 с.; 2006. Т. 5: Р–Т. 407 с.; 2012. Т. 6: У–Я. 567 с.

8. *Жайворонок В.В.* Знаки української етнокультури. Словник–довідник. Київ: Довіра, 2006. 703 с.

9. *Керча І.* Русинсько-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів. Русинско-русский словарь: в 2 т. Свыше 58 000 слов. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1 (А–Н). 608 с.; Т. 2 (О–Я). 608 с.

10. *Коваленко Н.Д.* Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: ТОВ «Рута», 2019. 412 с.

11. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
12. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–129.
13. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / Под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Slavic-Eurasian research center. Hokkaido University, Sapporo. Vene ja slaavi filologia osakond (=Slavica Tartuensia XI / Slavic Eurasian Studies. № 34). Tartu, 2018. С. 103–128.
14. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.
15. *Матвіїв М.Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь: Ната, 2013. 602 с.
16. *Матвіїв М.Д.* Словник стійких зворотів бойківських говірок. Київ; Сімферополь: Доля, 2014. 176 с.
17. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. СПб.: СПбГУ: Фолио-Пресс, 1999. 462 с.
18. *Мршевић-Радовић Драгана.* Фразеологија – огледало српског народног књижевног језика // МСЦ. Научни састанак слависта у Вукове дане. 30/1. Београд-Нови Сад, 12–17.9.2000. Београд: Међународни славистички центар, 2002. С. 139–148.
19. Новгородский областной словарь (НОС 2010) / Изд. подгот. А.Н. Левичкин, А.А. Мызников; сост. А.В. Клевцова, А.В. Никитин, Л.Я. Петрова, В.П. Строгова; ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
20. *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. 1. 495 с.; Ч. 2. 515 с.
21. *Панькевич І.* Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком збірки закарпатських українських народних приповідок І. Югасевича. Прага: Národní museum, 1947. 78 с.
22. *Поп Д.* Русинсько-українсько-руський и русско-українсько-русинський словари. Ужгород: Ужгород: Повч Р.М., 2007. 312 с.
23. *Поп Д.* Русинсько-українсько-руський и русско-русинсько-український фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
24. Прислів'я та приказки / упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка, 1989. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 479 с.; 1990. Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 524 с.; 1991. Т. 3. Взаємини між людьми. 440 с.; 2001. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. 392 с.
25. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. 584 с.; 1999. Т. 2: Д–К (Крошки). 697 с.; 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка). 704 с.; 2013. Т. 4, 5.
26. *Скрипник Л.Г.* Фразеологія української мови. Київ: Наукова думка, 1973. 280 с.

27. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: изд-во СПбГУ, 1994–2005. Вып. 1–6.
28. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова; гл. ред. С.А. Мызников. Л.; СПб., 1965–2019. Вып. 1–51 (издание продолжается).
29. Словацко-русский словарь / Сост. D. Kolár, V. Dorotjaková, M. Filkusová, E. Vasilevová. Bratislava; Moskva: Русский язык, 1976. 768 с.
30. Словник української мови: в 11 т. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
31. Фразеологічний словник української мови / Уклад. В.М. Білоноженко та ін.; від. ред. В.О. Винник. Київ: Наукова думка, 2003. 1104 с.
32. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. и предисл. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973; 2-е изд. 1986–1987. Т. 1–4.
33. *Франко И.* Галицько-руські приповідки: в 3 т., 6 вип. / Зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко // Етнографічний збірник. Львів, 1901. Т. 10; 1905. Т. 16; 1907. Т. 23; 1908. Т. 24; 1909. Т. 27; 1910. Т. 28.
34. *Франко И.* 2006. Галицько-руські приповідки: у 3 т. / Зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006.
35. Фразеологический словарь литературного языка конца XVIII–XX в. / Под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. Т. I–II.
36. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1993. Т. 1: А–Пантомима. 622 с.; Т. II: Панцирь–Ящур. 560 с.
37. *Чижмарова М.* Паремииологическое богатство языка русинов Словакии: компонентный состав и семантические особенности // Русин. 2021. № 64. С. 240–254.
38. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–2017. Т. 1–14.
39. *Arthaber A.* Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989. 822 p. 1-е изд., 1900. Последующие: 1926, 1929, 1972, 1989, 1991, 2010 и др.
40. *Bachmannová J., Suksov V.* Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub. Praha, 2008. 1 vyd. 384 s.
41. *Bittnerová Dana, Schindler Franz.* Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století. Praha: Karolinum, nakladatelství Univerzity Karlovy, 1997. 315 s.
42. *Cinciata Andzej.* Przysłowia, przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku w księstwie Cieszyńskiem: Cieszyn: PAN Biblioteka Kórnicka. 1885. 127 s.
43. *Čelakovský Ladislav.* Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připomena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s. (Čel.) (1-е изд. 1852).
44. *Flajšhans Václav.* Česká přísloví. Sbírká přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl

I (A–N), díl II (O–Ru). 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. 1-е издание: Флаjšанс, Вáчлав. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovídek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přířloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913.

45. Gerhardt D. «Vogelmilch» – Metapher oder Motiv? // Semantische Hefte. II. Hamburg: Archiv für Vergleichende Semantik, 1975. S. 1–79.

46. Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: August Cesarec, 1993. 832 s.

47. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1971. 866 s.

48. Mokienko V.M., Walter H. Urslawische Phraseologie: Mythos oder Legende?... Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018. Herausgegeben von Sebastian Kempgen, Monika Wingender und Ludger Udolph (= Die Welt der Slaven. Sammelbände • Sborniki 63). Wiesbaden: Harrassowitz 2018. S. 331–340.

49. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969–1978. T. 1–4.

50. Ondrusz Jozef. Przysłowia i przymowiska ludowe ze Śląska Cieszyńskiego. Czeski Cieszyn: SLA-Polski Związek Kult. Oświat. w Czechosłowacji; Polskie Tow. Ludoznawcze, 1954. 346 s.

51. Pavlica, Josip. Frazeološki slovar v peti jeziki. Ljubljana: Postojna, 1960. 688 s.

52. Slovenské ľudové přísloví. Sostavili Andrej Mlicherčík a Eugen Paulínsy použitím «Slovenských přísloví, pořekadel a úřloví» A.P. Záturského. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatury, 1953. 274 s.

53. Slovník slovenských nářečí. Vedecký redaktor Igor Ripka. Bratislava: Veda, 1994; 2006. T. 1–2.

54. Záturský Adolf Peter. Slovenské přísloví, porekadlá a úřloví. Bratislava: Tatran, 1975. 760 s.

REFERENCES

1. Mokienko, V.M., Walter, H., Savchenko, A., Kuznetsova, I.V. & Volodina, T.V. (eds) (2019) *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh (Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty)* (2019) [Animalistic phraseology in Slavic languages (Linguistic and cultural aspects)]. Greifswald: Universität Greifswald.

2. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2020) Russian phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (based on numerative units). *Rusin*. 60. pp. 198–212 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/60/12

3. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021) Chislovoy kod rusinskoy lingvokul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numerical code of Rusin

linguistic culture (based on phraseological material)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 2(45). pp. 202–212.

4. Voytovich, V. (2002) *Ukrayins'ka mifologiya* [Ukrainian mythology]. Kyiv: Libid'.

5. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.

6. Gurt, A. (1896–1899) *Slovar' russko-galitskiy* [The Russian-Galician Dictionary]. Vienna: A. Yasper.

7. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982–2012) *Etimologichnij slovník ukrayins'koyi movi* [Etymological Vocabulary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

8. Zhayvoronok, V.V. (2006) *Znaki ukrayins'koyi etnokul'turi. Slovník – dovidnik* [Signs of the Ukrainian Ethnoculture. A Reference Dictionary]. Kyiv: Dovira.

9. Kercha, I. (2007) *Rusin'sko-rosiys'kiy slovník: u 2 t.* [Rusinian-Russian Dictionary: in two vols]. Uzhhorod: PoliPrint.

10. Kovalenko, N.D. (2019) *Frazeologichnij slovník podil'skikh i sumizhnikh govirok* [Phraseological Dictionary of Podolian and Related Dialects]. Kamianets-Podil'skiy: Ruta.

11. Kotova, M.Yu. (2000) *Rusko-slavyanskiy slovar' poslovits s angliyskimi sootvetstvuyami* [Russian-Slavic Dictionary of Proverbs with English Equivalents]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

12. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3(45). pp. 119–129 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

13. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpathian-Rusinian somatic paremias on the Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Nomachi, M. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic microfilology]. Tartu: Slavic-Eurasian Research Center. pp. 103–128.

14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4(54). pp. 303–317 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

15. Matviyiv, M.D. (2013) *Slovník govirok tsentral'noyi Boykivshchini* [Dictionary of Dialects of the Central Boykovshchina]. Kyiv; Simferopol: Nata.

16. Matviyiv, M.D. (2014) *Slovník stiykikh zvorotiv boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Set-expressions of the Boyko Dialects]. Kyiv; Simferopol: Dolya.

17. Mokienko, V.M. (1999) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Folio-Press.

18. Mrshević-Radović, D. (2002) Frazeologija – ogledalo srpskog narodnog kniževnog jezika [Phraseology as a mirror of the Serbian folk literary language]. *MSTS. Nauchni sastanak slavista u Vukove dane*. 30/1. Belgrade: Međunarodni slavistichki tsentar. pp. 139–148.

19. Klevtsova, A.V. & Petrova, L.Ya. (eds) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. St. Petersburg: Nauka.

20. Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Boyko's Dialects]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

21. Pankevich, I. (1947) *Pokraysh zapisi na zakarpats'ko-ukrayins'kikh tserko-*

vnikh knigakh z dodatkom zbirki zakarpats'kikh ukrayins'kikh narodnikh pripovidok I. Yugasevicha [Notes on the Margins of the Transcarpathian-Ukrainian Church Books with I. Yugasevich's Collection of Transcarpathian Ukrainian Folk Sayings]. Prague: Národní museum.

22. Pop, D. (2007) *Rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i russko-ukrainsko-rusins'kiy slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionaries]. Uzhhorod: Povch R.M.

23. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari*. [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhhorod: [s.n.].

24. Pazyak, M.M. (1989–2001) *Prysliv'ya ta prykazky* [Proverbs and Sayings]. Kyiv: Naukova dumka.

25. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995, 1999, 2013) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

26. Skripnik, L.G. (1973) *Frazeologija ukrayins'koyi movi* [Phraseology of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

27. Gerd, A. S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Regions]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

28. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

29. Kolár, D., Dorotjaková, V., Filkusová, M. & Vasilevová, E. (eds) (1976) *Slovatko-russkiy slovar'* [Slovak-Russian Dictionary]. Bratislava; Moscow: Russkiy yazyk.

30. Bilodid, I.K. (ed.) (1970–1980) *Slovník ukrayins'koyi movi* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

31. Vinnik, V.O. (ed.) (2003) *Frazeologichniy slovník ukrayins'koyi movi* [Phraseological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

32. Fasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

33. Franko, I. (1901–1909) *Galits'ko-rus'ki pripovidki* [Galician-Russian Sayings]. Vol. 10, 16, 23, 24, 27, 28. Lviv: Z druk. Nauk. T-va im. Shevchenka.

34. Franko, I. (2006) *Galits'ko-rus'ki pripovidki* [Galician-Russian Sayings]. Lviv: I. Franko LSU.

35. Fedorov, A.I. (ed.) (1991) *Frazeologicheskij slovar' literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX v.* [Phraseological Dictionary of the Literary Language of the late 18th – 20th centuries]. Moscow: Nauka.

36. Chernykh, P.Ya. (1993) *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

37. Cizmarova, M. (2021) Paremiological wealth of the language of the Slovakian Rusins. *Rusin*. 64. pp. 240–254 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/64/12

38. Martynov, V.U. (ed.) (1978–2017) *Etymalagichny slovník belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Minsk: Navuka i tekhnika.

39. Arthaber, A. (1989) *Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica)*. Milano: Ulrico Hoepli Editore.

40. Bachmannová, J. & Suksov, V. (2008) *Jak se to řekne jinde. Česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky*. Prague: EUROMEDIA – Knižní klub.

41. Bittnerová, D. & Schindler, F. (1997) *Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století*. Prague: Karolinum, nakladatelství Univerzity Karlovy.

42. Cinciata, A. (1885) *Przysłowia, przypowiesci i ciekawsze zwroty jezykowe ludu polskiego na Slasku w ksiestwie Cieszynskiem*. Cieszyn: PAN Biblioteka Kórnicka.

43. Čelakovský, L. (1949) *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Prague: nakl. Vyšehrad.

44. Flajšhans, V. (2013) *Česká přísloví. Sbírká přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

45. Gerhardt, D. (1975) "Vogelmilch" – Metapher oder Motiv? *Semantische Hefte*. II. pp. 1–79.

46. Gluhak, A. (1993) *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb: August Cesarec.

47. Machek, V. (1971) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Prague: [s.n.].

48. Mokienko, V.M. & Walter, H. (2018) *Urslawische Phraseologie: Mythos oder Legende?* Wiesbaden: Harrassowitz. pp. 331–340.

49. Krzyżanowskiego, Ju. (1969–1978) *Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy.

50. Ondrusz, J. (1954) *Przysłowia i przymowiska ludowe ze Slaska Cieszyńskie-go*. Czeski Cieszyn: SLA-Polski Związek Kult.-Oświat. w Czechostowacji; Polskie Tow. Ludoznawcze.

51. Pavlica, J. (1960) *Frazeološki slovar v peti jezikih*. Ljubljana: Postojna.

52. Mlicherčík, A. & Paulíny, E. (1953) *Slovenské ľudové príslovia*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatury.

53. Ripka, I. (ed.) (1994) *Slovník slovenských nářečí*. Bratislava: Veda.

54. Záturecký, A.P. (1975) *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava: Tatran.

Мокієнко Валерій Михайлович – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Санкт-Петербурзького державного університету (Росія).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 81

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/9

Славянские языки перед лицом *challenges*: семантическая и словообразовательная история слов *вызов* и *wuzwanie* (на материале русского и польского языков)

М.Б. Ташлыкова¹, Е.В. Стародворская^{1,2}

¹ Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
E-mail: tashlykoff@mail.ru

² Университет им. Адама Мицкевича в Познани
Польша, 61-712, г. Познань, ул. Венявского, 1
E-mail: ekasta@amu.edu.pl

Авторское резюме

Рассматривается семантическая история группы слов близкородственных языков (рус. *вызвать*, *вызов*, пол. *wyzywać*, *wuzwanie*, *wezwać*, *wezwanie*), связанных друг с другом генетически, но по-разному реализующих похожие значения, а также особенности воплощения этими единицами смысла, который часто описывается как результат семантического калькирования одного из значений английского слова *challenge*. Авторы демонстрируют, что новый тип употребления существительного *вызов* вполне логично и последовательно встраивается в его семантическую историю. Благоприятная почва для нового смысла непосредственно подготовлена «агональным» значением глагола *вызвать*, предполагающим наличие в актантной структуре глагола и отглагольного существительного в позиции контрагента. При этом новое значение существительного *вызов* встречается преимущественно в контекстах, связанных с глобальными силами, несущими угрозу стабильному существованию мира. Блоки смыслов, реализуемые единицами *вызвать* и *вызов*, распределяются между двумя польскими глаголами – *wezwać* и *wyzywać* – и существительным *wuzwanie*. Хотя калькируемое значение представляет собой новшество и для польской семантической системы, польский герундий, как кажется, точнее, чем русское существительное, воплощает идею, стоящую за английским *challenge*, о чём, в частности, свидетельствует намного более свободная сочетаемость польской лексики (она чаще используется в контекстах, связанных с повседневной активностью). В этом случае мы имеем дело с идеальным результатом семантического калькирования.

Ключевые слова: nomina actionis, польский язык, русский язык, семантическое калькирование.

Slavic languages in the face of *challenges*: semantic and derivational history of *vyzov* and *wyzwanie* (based on Russian and Polish languages)

M.B. Tashlykova¹, E.V. Starodvorskaia^{1,2}

¹ Irkutsk State University

1 Karl Marx Street, Irkutsk, 66400, Russia

E-mail: taschlykoff@mail.ru

² Adam Mickiewicz University in Poznań

1 Wieniawskiego Street, Poznań, 61-712, Poland

E-mail: ekasta@amu.edu.pl

Abstract

The article deals with the semantic history of the group of lexical units in closely related languages (Rus. *vyzvat'*, *vyzov*, Pol. *wyzwać*, *wyzwanie*, *wezwać*, *wezwanie*). Despite etymological relationship between these words, they distribute and embody the same meanings differently. Among other things, this concerns the representation of the sense that has been described as a result of semantic calquing of the Eng. *challenge*. It is shown that the latest tendency of the use of *vyzov* is not entirely new and continues, in a logical and consistent way, semantic history of the word. A fertile ground for its new sense has been provided by the "competitive" meaning of *vyzvat'*, which requires the semantic role of "counterpart" within argument structure of the verb. That said, however, the new meaning of *vyzov* is generally found in contexts related to global forces that threaten the stability of the world. The pieces of conceptual structure that are embodied by Russian *vyzvat'* and *vyzov* are distributed between two Polish verbs (*wezwać* and *wyzwać*) and the noun *wyzwanie*. The meaning in question (that one loaned from English), despite its novelty, seems to be conveyed by Polish deverbal noun more accurately than by its Russian equivalent. This is evidenced by its use in more diverse contexts including speaking of everyday activities. All things considered, it appears that in this case the Polish semantic system offers the perfect example of semantic calquing and that the explication of the calqued meaning in Russian requires more caution.

Keywords: nomina actionis, Polish language, Russian language, semantic calquing.

Введение

Непосредственным поводом для написания статьи стало употребление в названии конференции «Славянские языки в условиях современных **вызовов**» (здесь и далее выделено нами. – М.Т., Е.С.) отглагольного существительного, которое неоднократно описывалось как результат калькирования русской лексико-семантической системой одного из значений английского *challenge* (см., в частности, [2; 12; 18]).

Первые употребления такого типа относятся к началу 2000-х гг., ср.: *Стратегический ответ России на **вызовы и угрозы** нового века требует качественно нового подхода к анализу и прогнозированию развития экономики* («Время МН». 2003); *Среди первых в перечне новых **угроз и вызовов** стоит процесс распространения ядерного и другого оружия массового уничтожения* («Воздушно-космическая оборона», 2002); *Подобный позитивный опыт особенно важен в нынешних условиях, когда мы совместно противостоям глобальным **вызовам и угрозам** – терроризму, экстремизму, наркоторговле* («Дипломатический вестник». 2004).

И.Б. Левонтина в статье «Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира» неоднократно подчёркивает совершенную чуждость этого значения для русского языка и в то же время его способность естественно встроиться в семантическую систему: «Вот слово *вызов* жило себе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge*. Но вдруг собралось, и значение это моментально прижилось. **Просто раньше оно не было нужно**, а теперь понадобилось... **Раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что этого не думали**. Как сказано у Цветаевой, “даже смысла такого нет!”» [2: 551].

Насколько справедлив последний вывод? Действительно ли рассматриваемое значение характеризуется абсолютной новизной для русского языкового сознания? Нельзя ли обнаружить в семантической и словообразовательной истории слова *вызов* этапы, подготовившие почву для освоения нового смысла? Как должна выглядеть его экспликация (заметим, что И.Б. Левонтина не предлагает никакого толкования¹)? Так ли моментально прижилось это новое значение, и насколько свободно оно функционирует? В какой степени, наконец, описываемое значение, воплощаемое в особом типе употреблений, уникально на карте славянских языков, и возможно ли обнаружить на этой карте реализацию похожего механизма? Попытка ответить на эти вопросы составляет основную цель настоящей работы.

Фоном для описания механизма семантического развития русского *вызов* в рамках данной статьи станут польские единицы *wyzwanie* и

wezwanie, распределившие между собой набор смыслов, реализуемых русским словом.

Материал анализа извлечен из Национального корпуса русского языка² (НКРЯ) и Национального корпуса польского языка³ (далее – НКРП), а кроме того, включает примеры, обнаруженные при помощи поиска в информационно-поисковой системе Google (<https://www.google.com>). Этот материал представляет собой примеры контекстного употребления русского слова *вызов* и польского слова *wyzwanie*, а также некоторых других лексических единиц, непосредственно или опосредованно связанных с ними словообразовательными отношениями (*вызвать*, *вызывать*, *вызывающий*, *воззвание*, *wyzywać*, *wezwać*, *wezwanie* и пр.).

Таким образом, классический структурно-семантический анализ глагольных и именных лексем с учётом их формальных и содержательных связей опирается на корпусные данные. Этот учёт позволяет обеспечить полноту и объективность выводов.

Предыстория

Общая история описываемых единиц начинается с праславянского глагола индоевропейского происхождения **zvati* (ср. [11: 85]), а также префиксов **vu-* и **vъz-*, которые, вероятно, уже в период существования самостоятельных славянских языков используются для образования глаголов, где приставка сохраняет только опосредованную связь с исходным пространственным значением (ср. [14: 746]). Префиксы в чисто пространственных значениях могли присоединяться к глаголам уже в праславянский период, однако и сами эти глаголы обозначали в первую очередь перемещение, расположение или, во всяком случае, деятельность, осуществляемую в физическом пространстве (см., напр., [5; 9]).

«Первичными значениями были пространственные, чувственно воспринимаемые, но одновременно в них уже формировались абстрактные идеи, семантические “образы” этих приставок, которые делали возможным перенесение этой прототипической семантики на другие, более абстрактные классы действий, отношений и состояний. Эта прототипическая семантика приставок, как правило, сохраняется в виде семантического компонента в многочисленных непространственных приставочных глаголах: <...> *отжить* – “отделительность” субъекта от действия вследствие невозможности его продолжения, *прожить* – направленность процесса вперед, сквозь временной промежуток, *выжить* – результативность, сохраняющая, на наш взгляд, несколько стёртый образ движения изнутри наружу, извлечения» [9: 75].

Отметим, что смысл, связанный с движением наружу, выходом из обжитого и комфортного пространства (правда, в большинстве случаев уже не субъекта соответствующего действия, а его объекта или адресата), будет сопровождать и большинство современных значений глаголов *вызвать* и *wyzywać*, а также образованных от них *powołać*. В этом «воспоминании» об исходном пространственном значении приставки нет ничего удивительного: между изначальным смыслом префикса, связанным с взаимным физическим расположением объектов, и его производными значениями существует естественная связь (см., напр., [1; 8]).

Вызвать

Синтаксический дериват *вызов* естественным образом наследует семантические свойства производящего глагола *вызвать*, а потому невозможно обойтись без описания его семантической структуры (её более подробный анализ см. в [8]).

Словари современного русского языка выделяют у слова *вызвать* от трёх до семи значений⁴. Сосредоточимся на тех из них, которые непосредственно связаны со смыслом, обсуждаемым в статье (так, нас не будет интересовать значение ‘каузировать процесс или состояние’, поскольку это значение не может быть передано существительным, ср. *вызвать гнев, отчаяние, аварию* → **вызов гнева <отчаяния, аварии>*).

Прототипическая ситуация, называемая глаголом *вызвать*, предполагает двух обязательных участников (*X вызвал Y*), выполняющих разные семантические роли (*X* – это субъект действия, его инициатор; *Y* – объект), но обладающих общим семантическим признаком: оба участника – лица (ср. *начальник вызвал заместителя, директор вызвал родителей* и т. п.).

Основные компоненты базового значения (лексема *вызвать* 1) выглядят следующим образом:

- (а) *Y* отсутствовал в определённом месте в определённое время;
- (б) *X* сделал так, чтобы
- (в) *Y* находился в определённом месте в определённое время.

Семантическая специализация *вызвать* происходит в результате добавления к перечисленным компонентам нового – (г):

- (а) *Y* отсутствовал в определённом месте в определённое время;
- (б) *X* сделал так, чтобы
- (в) *Y* находился в определённом месте в определённое время и
- (г) совершил действие *P* или подвергся действию *P*.

Заметим, что в этом случае валентность *Y* может быть заполнена в т. ч. неодушевлённым существительным: *отец вызвал врача/скорую помощь, жители вызвали пожарных/полицию* и пр.

Ядерная конструкция *X вызвал Y-а (Y)* расширяется за счёт дополнительных компонентов – в частности, именной группы с предлогом *на* или *в*. Эта предложная группа может указывать на обстоятельства совершения действия: *сантехника вызвали в третью квартиру, отец вызвал врача на дом, сосед вызвал лифт на пятый этаж* и т. п. Информация о том, каково это действие, имплицирована одним из компонентов семантической структуры слова, заполняющего позицию *Y* (*сантехник ремонтирует оборудование, врач лечит, лифт поднимает и опускает* и т. п.), а потому понимание такого рода формулировок вполне однозначно: сантехника стандартно вызывают не для того, чтобы сыграть с ним в шахматы.

В контекстах, где семантика существительного, называющего *Y*, не содержит информации о характере действия, в которое вовлечен *Y* (ср. *Иванов вызвал Петрова*), эту функцию берёт на себя предложная группа с *на*: *Васькину вызвали на прослушивание* = чтобы прослушать; *вызвали на примерку платья* = чтобы примерить. Неудивительно, что в этом случае группа включает девербатив с процессуальным значением.

Функциональная нагрузка компонента *Y* тем самым увеличивается: теперь *Y* входит в актантную структуру сразу двух предикатных слов: *Y-а вызвали на опознание* → *Y* = объект действия *вызвать* и субъект действия *опознать*; *Y-а вызвали на допрос* → *Y* = объект действия *вызвать* и объект действия *допросить*).

Анализ материала показывает, что конструкция *вызвать на P* (*P* – отглагольное имя; глагол и предлог или в непосредственном соседстве, или разделены существительным, заполняющим позицию *Y*) характеризуется сравнительно высокой частотностью (261 вхождение в основном корпусе). Эта конструкция запускает ещё один семантический сдвиг, представленный сочетаниями типа *X вызвал Y-а на бой <поединок, борьбу, дуэль, соревнование, матч-реванш>*.

Этот тип употреблений существенным образом отличается от описанных выше: он связан со сменой семантической роли *Y* в актантной структуре девербатива. *Y* становится контрагентом, а значит, включается в ситуацию противостояния⁵ в качестве её равноправного участника: *X* и *Y* как бы обмениваются ударами или подачами как участники боксерского поединка или теннисного матча, и единственное различие между ними состоит в том, что *X* мыслится как инициатор их взаимодействия.

Несколько огрубляя схему толкования значения, связанного с третьим типом употребления, можно представить в следующем виде:

X вызывает Y-а на P

(а) *X* намерен сделать *P*;

- (б) X хочет, чтобы Y сделал P;
 (в) X говорит Y, что он должен сделать P;
 (г) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y участвовал в P вместе с ним.

Вызов

Значения производящего глагола и производного процессуального имени не всегда характеризуются абсолютным тождеством, но очевидная семантическая соотносительность между ними имеет место в подавляющем большинстве случаев. Так происходит и в паре *вызвать* → *вызов*, что подтверждается регулярностью трансформаций типа *командир вызвал Петрова – Петров явился по вызову, актрису вызвали на съёмки – актрису обрадовал вызов на съёмки, вызвал соперника на матч-реванш – соперник принял вызов*.

Важно при этом, что только для лексемы *вызвать* Z, называющей ситуацию «противостояния», возможна трансформация, предполагающая симметричное и равноправное положение участников: X бросает вызов Y-у – Y принимает вызов X-а (или отвечает на вызов X-а). «Преобразование X вызывает Y-а на P → X бросает Y-у вызов влечёт за собой грамматическое переподчинение имён: существительное, называющее субъекта-инициатора X-а, передвигается из позиции именительного падежа в позицию родительного (генитива), имя объекта-контрагента Y-а – в позицию дательного. В результате семантическая роль Y-а переосмысливается как роль адресата-контрагента» [10: 90].

Напомним, что участниками прототипической ситуации являются лица, а потому и в «агональных» контекстах позиции X и Y чаще всего заполняются одушевлёнными существительными: *Макгрегор вызвал Хабиба на бой → Макгрегор бросил вызов Хабибу – Хабиб принял вызов Макгрегора*. При этом специфика семантической роли контрагента предполагает, что он вполне может перехватить инициативу у инициатора взаимодействия (ср. *вызов Пушкина Дантесу – вызов Дантеса Пушкину*).

Именно субстантивная транспозиция делает возможной замену одушевлённого участника неодушевлённым в рамках метафорического осмысления ситуаций экзистенциального свойства. В последнем случае *вызов* может быть брошен *стихии, судьбе, смерти, болезни и страху, обществу, морали* и т. п.⁶ Участники, как мы выяснили, равноправны, а значит, неодушевлённой, стихийной силе Y, противостоящей субъекту X, вполне может быть приписана инициатива, сознательное намерение проверить X-а на прочность. Такого рода концептуализация явления, стоящего за абстрактным существительным, становится

когнитивным основанием для появления выражений вроде *вызов будущего*⁷. Представим ряд примеров, иллюстрирующих описанный тип употреблений:

*Что это – дань прошлому или **вызов будущему**? ↔ Но инициативы центра, которые должны ответить на новый **вызов ближайшего будущего**, держатся в секрете.*

*Как и Вальсингам, он нарушает общепринятые моральные нормы и смело бросает **вызов смерти**. ↔ Метод анализа экзистенциальных стратегий для автора – это попытка выстроить картину архитектурного творчества как ряд ответов на **вызов смерти**.*

*Вдохновившись космическими планами отца, он бросил **вызов судьбе** ↔ Что ж, и они свой долг исполнили, ответили по-солдатски на **вызов судьбы**...*

*Так, пламенея мыслью, Прохор бросил в огненной запальчивости гордый **вызов миру**. ↔ Так и сейчас мир непосилен для человеческого ума, так и сейчас **вызов мира** нестерпим...*

Итак, исходная ситуация, связанная с межличностным взаимодействием, представляет собой источник осмысления такого положения вещей, в котором действуют абстрактные сущности, стихийные силы. Как кажется, именно способность соотноситься с ситуациями последнего типа формирует предпосылки для естественной имплементации значения английского *challenge* в семантическую структуру русского *вызов*.

Таким образом, «логика семантического развития, наличие необходимой грамматической упаковки (способность формы генитива выражать субъектное значение) и функциональная специфика русского существительного *вызов* создали максимально благоприятные условия для калькирования значения английского субстантива» [10: 94]. Важно при этом отметить, что благоприятность этих условий может быть разной в зависимости от сферы функционирования и содержания тех текстов, в которых встречается существительное *вызов*^{ch}. В некоторых контекстах эта единица чувствует себя настолько комфортно, что начинает освобождаться от конструктивных ограничений, навязываемых её морфологической природой.

Так, в общественно-политическом дискурсе, в языке дипломатии форма единственного числа существительного начинает существенно уступать по количеству употреблений форме множественного числа, воплощающей диалектическое единство процессов абстрагирования и конкретизации и осложнённой коннотациями «отчуждения».

С одной стороны, отрываясь от семантики межличностного взаимодействия и передвигаясь в позицию абсолютного употребления, *вызов* всё сильнее сдвигается по шкале 'конкретное – абстрактное'

к правому её полюсу. С другой стороны, форма *вызовы* не может не испытывать давления системы, которая навязывает таким единицам особую семантику – ‘единичные проявления процессов и состояний’ (см. *обман* – *обманы*, *печаль* – *печали* и т. п.) [6: 462].

В рамках этого же типа дискурса возникают и приобретают статус устойчивых обороты *вызовы* и *угрозы/угрозы и вызовы* (в качестве перевода английского *threats and challenges*), и в составе этих оборотов окончательно оформляется тенденция к использованию анализируемого существительного во множественном числе – с возможностью актуализации всех составляющих его семантического потенциала: *поиск ответов на новые вызовы и угрозы, борьба с новыми вызовами и угрозами, стратегический ответ России на вызовы и угрозы нового века, гибко реагировать на многочисленные старые и новые угрозы и вызовы, поиск ответов на угрозы и вызовы XXI века* и т. д.

Следует отметить, что и в составе названных оборотов, и в самостоятельном плюральном употреблении *вызовы* связываются с проблемами глобального характера: защитой государственных интересов, обеспечением международной и национальной безопасности, состоянием мировой экологии. Иногда, как мы можем наблюдать в названии конференции, источником *вызовов* является современность в целом.

На основании проведённого анализа можно утверждать, что «семантическая почва» для появления нового значения в смысловой структуре слова *вызов* была вполне подготовлена за счёт **внутренних** ресурсов русского языка. **Внешний** фактор – знакомство с существительным *challenge*, которое произошло в связи с изменившейся общественно-политической ситуацией и увеличением числа людей, владеющих английским языком, – послужил стимулом для встраивания нового смысла в семантическую систему русского языка.

Важно при этом помнить, что концепты, обозначенные лексемами *вызов*^{ch} и *challenge*, не тождественны – они различаются коннотативными свойствами: «Слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берётся за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстёгивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий весёлый азарт и вкус к жизни» [2: 550]. *Вызов* так же, как *challenge*, описывает положение дел, требующее высокой концентрации сил и (или) материальных ресурсов, однако это положение дел находится за пределами повседневной жизни отдельного человека⁸; оно связано с глобальными явлениями и оценивается говорящим как негативное или нарушающее нормальный ход вещей, как содержащее в себе угрозу стабильности.

Указанное различие, как кажется, соотносится с теми представлениями, которые стоят за разными языковыми картинками мира.

Wyzywać и wezwać

Невозможность ограничить круг рассматриваемых польских единиц когнатом описанного выше русского глагола и его синтаксическим дериватом *wyzwanie* связана с тем, что блоки смыслов, реализуемые русским глаголом *вызвать*, распределяются между двумя польскими глаголами – *wyzwać* и *wezwać* (этот последний, в свою очередь, исторически соотносится с русским *воззвать*).

Те смыслы, которые в русском языке подготавливают появление агонального значения *вызвать*, реализуются польским глаголом *wezwać*: 1) 'zawiadomić kogoś, polecić komuś, by przybył, by się stawił gdzieś, przed kimś; przywołać, przyzwać'; 2) 'zawiadomić policję, straż pożarną, pogotowie ratunkowe o konieczności natychmiastowej interwencji tych służb w jakimś miejscu; zaalarmować'⁹. Первое значение, как и первый тип употребления глагола *вызвать*, не предполагает импликации типичных действий адресата (ср. *Po bitwie stalingradzkiej wezwał do siebie oficerów* 'после битвы под Сталинградом он вызвал к себе офицеров'), а второе, хотя и сформулировано максимально узко (а именно исчерпывающим образом перечислены возможные объекты вызова: полиция, пожарная охрана, скорая помощь), в реальном употреблении сближается со вторым значением русского глагола: примеры, извлечённые из NKJP, демонстрируют, что по-польски вполне можно вызвать сантехника или машину, ср.: *Gdy cieknie kran najłatwiej wezwać hydraulika; Może poprowadzą Gąsiora właśnie tam i wezwą samochód* (упоминание полиции и пр. в словарной дефиниции связано, конечно, с неразличением собственно значения и сочетаемости). Примечательно, что глагол *wyzwać* не реализует названные смыслы; любопытен здесь комментарий исследователя дневников Ванды Василевской, в котором *wyzwać* в контексте *Jeżeli wyzwali mnie do defy, to Janka czekała w kawiarence* 'если меня вызывали в контрразведку, Янка ждала в кафе' характеризуется как русизм [15: 163]¹⁰.

Стоит отметить, что третье значение *wezwać* – 'zwrócić się do kogoś z apelem o coś; zaapelować' – сближается со значением русского *воззвать* (или *призвать*) и не предполагает расширения в сторону ситуации, включающей контрагента: можно *wezwać do walki, do czynu, do pracy, do ofiarności* ('призвать к борьбе, к действию, к работе', 'воззвать к жертвенности').

Существительное *wezwanie*, в свою очередь, кроме собственно предикативного значения, унаследованного от глагола совершенного вида и предполагающего некоторую результативность, реализует

смыслы, в русском языке распределенные между *воззванием* и *вызовом* (эти значения не рассматривались выше в силу их очевидной предметности): 1) ‘apel, odezwa’; 2) ‘pismo urzędowe nakazujące stawić się gdzieś, zapłacić jakąś należność, dopełnić jakieś formalności itp.; nakaz’.

Глагол *wyzwać*, кроме не слишком интересующего нас смысла ‘обругать’, используется в том значении, которое связано с наличием контрагента: ‘zmusić (zmuszać) kogoś do wzięcia udziału w walce, grze, pojeźdunku itp.’. Следует при этом отметить, что конструкция *wyzwać na P* используется вполне активно (713 контекстов в НКЯР, включая поисковый шум, с минимальным расстоянием между единицами), конструкция *wyzwać do P* – несколько реже (346).

Wyzwanie

Статус отглагольных имён типа *wyzwanie* описывается в польских грамматиках по-разному; они могут рассматриваться как результат словообразовательной операции, но чаще единицы такого рода характеризуются как т. н. *odstówniki* – «осубстантивленные» глаголы, «существительные формы глагола», формы герундия: «*Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego stosuje tu rozwiązanie połowiczne: raz odnotowuje konstrukcje z -nie, -cie jako “rzeczownikową formę czasownika” (podkreślamy: czasownika!); gdy taka forma ma pewne ustabilizowane znaczenia przedmiotowe, np. znaczenie obiektu, rezultatu, miejsca itp., rejestrowana jest po raz drugi jako rzeczownik, np. jedzenie to nie tylko ‘czynność’, lecz i ‘to, co się je’, a więc ‘obiekt’» [17: 127].*

Имея в виду два полюса аффиксальных значений в языках мира – дериватемы и грамемы [3: 271–286] – и наличие т. н. смешанной зоны между этими двумя полюсами (одни и те же аффиксальные значения в разных языковых системах могут оказаться грамматическими или словообразовательными [4: 122]), можно, вероятно, утверждать, что в польском языке, в отличие от русского, образование *nomina actionis* представляет собой скорее регулярное морфологическое явление [16: 199]. Возможно, именно поэтому, как мы увидим позднее, сочетаемость и сферы употребления польского *wyzwanie* шире, чем у его русского эквивалента.

В любом случае очевидно, что образование форм множественного числа имён (или именных форм глагола), которые обозначают чистую процессуальность, по крайней мере затруднено [16: 200]. И, напротив, чем предметнее значение имени, тем более вероятно, что оно будет вести себя как стандартное существительное с полной парадигмой.

Стоит отметить, что в «Универсальном словаре польского языка» уже в 2004 г. фиксируется значение ‘coś, pr. *trudne zadanie, nowa sytuacja, odważne zachowanie, wymagające od kogoś wysiłku, trudu, poświęcenia itp., pozwalające sprawdzić czyjaś wiedzę, czyjeś umiejętności, czyjaś odporność itp.*’ – правда, с пометой *книжное*. Несоответствие этой пометы реальности современного узуса отражается в более поздних версиях словаря (например, в его интернет-версии), где она опущена. Как и о русском *вызове*, об этой лексеме говорят как о семантической кальке. Прочитируем в подтверждение интервью с Анной Вежбицкой: «Na przykład w Polsce ciągle słyszę jak ludzie mówią: “to jest prawdziwe wyzwanie” albo “nowe wyzwanie”. Jak byłam młoda, to można było wyzwąć kogoś na pojedynek (są pewne wspólne elementy semantyczne), ale nikt nie “stawał przed wyzwaniem”. Dzisiejsze znaczenie tego słowa jest bezpośrednią kalką z angielskiego “challenge”» [13].

Wyzwanie в этом новом значении ведёт себя очень активно и так же активно употребляется в формах множественного числа, причём далеко не только в контекстах, тематически связанных с глобальными проблемами и предполагающих независимость этих проблем от воли конкретного человека: так, в контекстах вроде *Czasem ściga się samochodem, bo lubi prędkość i wyzwania* (‘иногда она участвует в автомобильных гонках, поскольку любит скорость и вызовы’) речь, разумеется, не идёт о цивилизационных вызовах; можно, например, *stawiać/wyznaczać sobie wielkie wyzwania* (и в этом случае возвратное местоимение свидетельствует о совпадении субъекта и контрагента агональной ситуации в одном лице – такое употребление невозможно для русского *вызов*), можно участвовать в *30-dniowych wyzwaniach* (‘30-дневных вызовах’), среди которых будут *wczesne wstawanie* (‘ранний подъем’) и *wyeliminowanie radia i telewizji* (‘отказ от радио и телевидения’).

Если иметь в виду принципиальные сочетаемостные отличия польского существительного от русского, следует отметить, что *вызов*, особенно во множественном числе, естественно сочетается с прилагательными, фиксирующими степень новизны (*новые /современные вызовы*), масштаб событий (*глобальные вызовы*) или максимально абстрактно называющими сферу проявления глобальных проблем (*экономические/геополитические вызовы*). Рядом с польским *wyzwanie* намного свободнее используются прилагательные, представляющие другие лексические подсистемы: *matematyczne wyzwania* (название интернет-квизов и заданий по математике для школьников), *posne wyzwania* (описание ночного бдения, сопровождаемого молитвами), *internetowe wyzwania* (флешмобы, в рамках которых необходимо выполнить какое-либо задание) и пр.

Заключение

Таким образом, польское слово, как кажется, гораздо точнее реализует смысл, заимствованный у английского *challenge*, и намного теснее связано с «весёлым азартом и вкусом жизни», о которых пишет И.Б. Левонтина применительно к оригинальному концепту. Т.М. Шапенко упоминает о специфике польской лексемы в связи с особенностями использования заимствованного междометия *yes*: «Szersza analiza obserwowanych sytuacji użycia interiekcji *yes* wykazuje, że w absolutnej ich większości występuje pewnego rodzaju konfrontacja, przeciwstawienie się innej osobie czy też grupie. Rozwój typowej sytuacji przebiega standardowo: **inicjowany jest przez pewnego rodzaju wyzwanie – “challenge”, motywujący do podjęcia pewnego rodzaju czynu – “action”**, co z kolei prowadzi do doświadczania stanu “full-drive” z powodu pokonania strony konfrontującej i udowodnienia jej swojej wyższości» [19: 164].

Неудивительно, что лексема *wyzow^{ch}* не слишком часто обнаруживается в повседневных и неофициальных контекстах – она (особенно в форме множественного числа) скорее тяготеет к научному дискурсу и стилю традиционных медиа. Показательно, например, что количество результатов поиска – с использованием кавычек для точного соответствия – в информационно-поисковой системе Google по запросу *wyzwanie Ice Bucket Challenge* (примерно 2 880) более чем в два раза превышает число результатов, полученных по запросу *wyzow Ice Bucket Challenge* (примерно 1 220). Ср. также польский и русский официальные переводы названия американской комедии *Challenge* о сёстрах, участвующих в реалити-шоу и борющихся за главный приз, – *Wyzwanie* и «Мексиканские каникулы» соответственно.

Как представляется, на фоне польского *wyzwanie*, полностью впитавшего смысл английского слова и представляющего собой идеальный случай семантического калькирования, особенно очевидна специфика русского *wyzow*, которая в высокой степени опирается на семантику производящего глагола и тесно связана с его актантной структурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. При необходимости будем условно обозначать эту лексему *wyzow^{ch}*, сохраняя отсылку к английскому слову.

2. URL: <https://ruscorpora.ru/>

3. URL: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>. Для поиска использовалась поисковая система PELCRA.

4. Все толкования, если это специально не оговаривается, приводят-ся без указаний на конкретный том и без постраничных ссылок по [7].

5. Идея противостояния содержится и в семантической структуре других членов словообразовательного гнезда. Ср. прилагательное *вызывающий* (*вызывающее поведение, вызывающая манера, вызывающий вид*) и наречие *вызывающе* (*говорить, смотреть, вести себя, одеваться*).

6. Отметим, кстати, что, по данным НКРЯ, исходный глагол практически не употребляется подобным образом.

7. Следует отметить, что функционально-семантическая роль субъекта-контрагента реализуется именами типа *судьба* преимущественно в позиции родительного падежа.

8. Самые «приземлённые» ситуации представлены, например, в следующих, притом крайне редких примерах: *Им придётся по-купать сырьё по реальным ценам. Для них это будет вызов; наша промышленность нуждается сейчас именно в вызове, а не в создании дополнительных тепличных условий; Среди основных вызовов – снижение цен на электроэнергию и газ.* Примеры вроде приведённого И.Б. Левонтиной (*И ещё больший вызов – засохшая свекла!* – в рекламе стирального порошка) продолжают, как кажется, оставаться маргинальными.

9. Значения польских лексем здесь и далее приводятся в соответствии с [20].

10. Следует, однако, отметить, что в некоторых руководствах по культуре речи эти польские глаголы характеризуются как паронимы, следовательно, проблемная для носителей языка зона. В НКРП встречаются примеры очевидного смешения этих паронимов: *Wyć może Tobie pomoże sama zmiana pracy i nowe otoczenie nigdy ponownie nie wyzwie na światło dzienne Twojego problemu; Kiedy rozmawialiśmy o tym w październiku, tuż przed wyborami parlamentarnymi, dziwił się Pan, że nie został wyzwany do złożenia wyjaśnień.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Вострова Ю.А., Филь Ю.В. Впереди или заранее? О русских и чешских глаголах с приставкой пред- // Русини. 2019. № 56. С. 179–197. DOI: 10.17223/18572685/56/11.

2. Левонтина И.Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 550–564.

3. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М.; Вена: Языки русской куль-

туры. Венский славистический альманах. Издательская группа «Прогресс», 1997. Т. 1. 416 с.

4. Плузьян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

5. Пятаева Н. К проблеме исследования лексики праславянского языка // Acta Neophilologica. 2013. № 15/1. С. 143–154.

6. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. Т. I. 783 с.

7. Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд., стер. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985.

8. Сухорукова Ю.А., Филь Ю.В. Семантика проспективности в русском и других славянских языках (на материале глаголов с приставкой пред-) // Русин. 2020. № 62. С. 176–193. DOI: 10.17223/18572685/62/10.

9. Табаченко Л.В. О комплексном подходе к исследованию динамики внутриглагольной префиксации // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2011. № 2 (24). С. 72–79.

10. Ташлыкова М.Б. Вызов и угроза: из естественно языка в общественно-политический дискурс – и обратно // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 81–102.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.

12. Щеболева И.Б. К проблеме изучения концепта и его реализаций (на материале концептов «свобода» и «вызов») // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: материалы Международной научной конференции. Ростов на/Д., 2007. С. 130–136.

13. Bajer M. Lingwistyka molekularna. Rozmowa z prof. Anną Wierzbicką, lingwistką, laureatką Nagrody Fundacji na rzecz Nauki Polskiej w roku 2010 // Forum Akademickie. 2011. № 3. URL: <https://prenumeruj.forumakademickie.pl/fa/2011/03/lingwistyka-molekularna/> (дата обращения: 10.09.2021).

14. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2008. 863 s.

15. Graczykowska T. Rusycyzmy i sowietyzmy we *Wspomnieniach* Wandy Wasilewskiej // Linguistica Bidgostiana. 2007. № 4. S. 158–170.

16. Łaziński M. Wykłady o aspekcie polskiego czasownika. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2020. 315 s.

17. Nagórko A. Zarys gramatyki polskiej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. 332 s.

18. Rivlina A.A. «Threats and challenges»: English-Russian interaction today // World Englishes. 2005. Vol. 24. № 4. P. 477–485.

19. Szkapienko T. Angloamerykańskie interakcje w języku polskim i rosyjskim // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. T. LXII. 2016. S. 157–166.

20. Uniwersalny słownik języka polskiego PWN. Dysk USB. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004.

REFERENCES

1. Vostrova, Yu.A. & Fil, Yu.V. (2019) Ahead or before? About Russian and Czech verbs with prefix pred- / před-. *Rusin*. 56. pp. 179–197 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/11
2. Levontina, I.B. (2012) Zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke i dinamika russkoy yazykovoy kartiny mira [Loanwords in modern Russian and dynamics of Russian language picture of the world]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 550–564.
3. Melchuk, I.A. (1997) *Kurs obshchey morfologii* [The general morphology course]. Vol. 1. Moscow; Vienna: Yazyki russkoy ku'tury; Venskiy slavisticheskiy al'manakh; Progress.
4. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [The general morphology: a basic introduction]. Moscow: Editorial URSS.
5. Pyataeva, N.K. (2013) K probleme issledovaniya leksiki praslavyanskogo yazyka [On the problem of the research of Proto-Slavic language vocabulary]. *Acta Neophilologica*. 15/1. pp. 143–154.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1982) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
7. Evgenieva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [The Russian Language Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
8. Sukhorukova, Yu.A. & Fil, Yu.V. (2020) Prospective semantics in Russian and other Slavic languages (based on the verbs with prefix pred-). *Rusin*. 62. pp. 176–193 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/10
9. Tabachenko, L.V. (2011) On the integrated approach to the study of dynamics of verbal prefixation. *Vestnik PSTGU. III: Filologiya – St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. 2(24). pp. 72–79 (in Russian).
10. Tashlykova, M.B. (2015) 'Vyzov' i 'ugroza': iz estestvennogo yazyka v obshchestvenno-politicheskiy diskurs – i obratno ['Vyzov' and 'ugroza': from everyday language to political discourse – and back]. In: Panarin, S. (ed.) *Transgranichnye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu* [Cross-border challenges to the nation state]. St. Petersburg: Intersotsis. pp. 81–102.
11. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
12. Shcheboleva, I.B. (2007) K probleme izucheniya kontsepta i ego realizatsiy (na materiale kontseptov "svoboda" i "vyzov") [On the study of a concept and its realization (based on concepts "svoboda" and "vyzov")]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost': lingvokul'turologicheskiy i pragmaticheskiy aspekty* [Language System and Speech Activity: Linguoculturological and Pragmatic Aspects]. Proc. of the International Conference. Rostov-on-Don. pp. 130–136.
13. Bajer, M. (2011) Lingwistyka molekularna. Rozmowa z prof. Anną Wierzbicką, lingwistką, laureatką Nagrody Fundacji na rzecz Nauki Polskiej w roku 2010. *Forum Akademickie*. 3. [Online] Available from: <https://prenumeruj.com>

forumakademickie.pl/fa/2011/03/lingwistyka-molekularna/ (Accessed: 10th September 2021).

14. Boryś, W. (2008) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

15. Graczykowska, T. (2007) Rusycyzmy i sowietyzmy we Wspomnieniach Wandy Wasilewskiej. *Linguistica Bidgostiana*. 4. pp. 158–170.

16. Łaziński, M. (2020) *Wykłady o aspekcie polskiego czasownika*. Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

17. Nagórko, A. (2007) *Zarys gramatyki polskiej*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.

18. Rivlina, A.A. (2005) “Threats and challenges”: English-Russian interaction today. *World Englishes*. 24(4). pp. 477–485.

19. Szkapienko, T. (2016) Angloamerykańskie interiekcje w języku polskim i rosyjskim. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*. LXII. pp. 157–166.

20. Dubisz, S. (2004) *Uniwersalny słownik języka polskiego PWN*. USB. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Ташлыкова Марина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия).

Marina B. Tashlykova – Irkutsk State University (Russia).

E-mail: tashlykoff@mail.ru

Стародворская Екатерина Вениаминовна – аспирантка Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Россия).

Ekaterina V. Starodvorskaia – Adam Mickiewicz University in Poznań (Poland); Irkutsk State University (Russia).

E-mail: ekasta@amu.edu.pl

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/10

Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингвов: интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции?*

З.И. Резанова¹, Ю.А. Рябова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: yuliya_ryabova_93@mail.ru

Авторское резюме

Представлены результаты исследования конкретных вариантов интерферентных проявлений в сфере славяно-тюркского языкового взаимодействия: отклонения от норм выражения рода и числа в русской речи тюркско-русских билингвов, соотношение которых в грамматических системах вступающих во взаимодействие языков принципиально различно. Славянские и тюркские языки относятся к типологически разным языкам (флективные синтетические vs агглютинативные), различаются набором грамматических категорий, типами межкатегориального взаимодействия, различной конфигурацией частных грамматических значений и способами их формального маркирования в составе одноименных категорий. Языки славянской и тюркской групп находятся в отношениях интенсивного контактирования, следствием чего является множественность вариантов интерферентных явлений в речи двуязычных говорящих. Была проанализирована речь 22 респондентов в возрасте от 23 лет до 81 года, имеющих образование от начального до высшего (около 140 тыс. словоупотреблений). В результате проведённого исследования было показано влияние различий грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в русскоязычной речи: 1) ошибки в использовании грамматического рода преобладают во всех синтаксических позициях, что обусловлено отсутствием в материнских тюркских языках категории рода; 2) различия в устройстве грамматических категорий числа взаимодействующих языков проявились в преобладании ошибок в использовании форм числа веществ-

* Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

венных и собирательных существительных; 3) вариантность частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода в русском языке нашла отражение в том, что немаркированный член оппозиций мужской род оказался доминирующим во всех синтаксических позициях, за исключением выражения отношений координации связочного глагола в составных сказуемых; 4) интерферентные явления вступают во взаимодействие с активными тенденциями в развитии русского языка, а также закономерностями развёртывания устной речи.

Ключевые слова: русский язык, тюркские языки, контакты языков, билингвизм, интерференция, категория рода, категория рода.

Grammatical gender and number in the speech of Turkic-Russian bilinguals: interference or intra-linguistic tendencies?*

Z.I. Rezanova¹, Yu.A. Ryabova²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: yuliya_ryabova_93@mail.ru

Abstract

The article presents the results of the study of specific variants of interference in the Slavic-Turkic language contact, namely the deviations from the norms of gender and number expression in the Russian speech of Turkic-Russian bilinguals, with fundamentally different ratio in the grammatical systems of the contacting languages. The Slavic and Turkic languages are typologically different (inflectional synthetic VS agglutinative) in their grammatical categories, types of intercategory interaction, configurations of particular grammatical meanings and their formal markers within the same categories. The Slavic and Turkic languages are in close intense contact, which results in multiple variants of interference in the speech of the bilingual speakers. The authors have analysed the speech (about 140,000 words) of 22 respondents, aged from 23 to 81, with their education level ranging from primary to higher, to conclude that the differences in the grammatical structures of the interacting languages influence the number of grammatical errors in L2: 1) errors in the use of the grammatical gender

* The study was carried out within the project "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures", supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation Grant Nr. 14.Y26.31.0014.

prevail in all syntactic positions, due to its absence in the native Turkic languages of the bilinguals; 2) differences in the structure of grammatical number in the contacting languages resulted in the prevailing deviations from the speech standard in the use of number forms of material and collective nouns; 3) the variability of the particular grammatical meanings of the masculine, feminine and neuter genders in Russian resulted in the fact that the masculine gender, which is the unmarked member of the gender opposition, proved to prevail in all syntactic positions, except the coordination relation of the linking verb in compound predicates; 4) interference phenomena interact with current trends in the development of the Russian language, as well as with the spontaneous character of oral speech.

Keywords: Russian language, Turkic languages, language contacts, bilingualism, interference, grammatical gender, grammatical number.

Исследования в области межъязыковой интерференции ведутся не одно десятилетие, начиная с основополагающих работ У. Вайнрайха и Э. Хаугена [5; 21], в которых были заложены основы современной интерпретации процессов и результата взаимодействия языков, который выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного. В настоящее время накоплены значительные данные о проявлениях интерферентного взаимодействия на всех уровнях языковой системы при анализе разных типов вступающих во взаимодействие языковых пар.

Исследователи отмечают, что отклонение от нормы и системы второго языка может возникать вследствие как лакунарности определённых языковых категорий в системах взаимодействующих языков, так и вариативности их частной категориальной представленности. В последнем случае это могут быть различия в системах: 1) грамматических и лексико-грамматических категорий; 2) внутрикатегориальных оппозиций одноимённых категорий; 3) межкатегориального взаимодействия, соотносимого с первым фактором; 4) формального маркирования категорий и внутрикатегориальных оппозиций [2; 3; 5–8; 11; 21].

В связи с этим представляется весьма актуальным исследование конкретных вариантов интерферентных проявлений в сфере славяно-тюркского языкового взаимодействия. Славянские и тюркские языки относятся к типологически разным языкам (флективные синтетические vs агглютинативные), различаются набором грамматических категорий, как следствие – различными типами межкатегориального взаимодействия; при наличии одноимённых категорий – различной конфигурацией частных грамматических значений и способов их формального маркирования. Языки славянской и тюркской групп

относятся к числу наиболее распространённых на территории Российской Федерации, что обуславливает интенсивность языкового контактирования носителей данных языков и множественность вариантов интерферентных явлений в речи двуязычных говорящих.

В данной статье мы обращаемся к анализу интерферентных явлений, обусловленных влиянием родных тюркских языков (шорского, хакасского, сибирского татарского) в русской речи жителей Южной Сибири. Конкретный предмет анализа – отклонения от норм выражения рода и числа в русской речи тюркско-русских билингвов, соотношение которых в грамматических системах вступающих во взаимодействие языков принципиально различно, что, как будет показано далее, находит отражение как в количественной диспропорции проявлений интерференции, так и её направленности.

Вместе с тем уже Э. Хауген подчёркивал сложность дифференциации собственно интерферентных влияний, сдвигов в системе и норме второго языка, появляющихся под влиянием первого, и отклонений от нормы второго языка, истоки которых могут находиться в нём самом [21]. Интерферентные явления и внутриязыковые процессы могут вступать в интеракции [13], что также является важным аспектом нашего анализа.

Наличие грамматического рода с трёхчленной оппозицией частных грамматических значений и сложной системой морфолого-синтаксического маркирования является одним из наиболее значительных отличий грамматики русского языка, представителя восточнославянской ветви славянских языков, от тюркской, в которой грамматический род отсутствует [9; 10; 20]. При этом в тюркских языках гендерные различия в сфере обозначения живых существ могут маркироваться лексически [10: 6], и носители тюркских языков как родных могут опираться на семантические стратегии маркирования гендера как семантической категории. Однако при освоении русского языка у тюркско-русских билингвов должны формироваться особые навыки родовой категоризации с опорой на целостные морфосемантические комплексы. Вследствие этого можем предположить сосуществование навыков маркирования гендерных различий с опорой как на собственно семантические, так и формальные основания, лингвокогнитивные истоки которых различны.

В то же время возможность раздельного применения этих стратегий поддерживается и своеобразием категории рода в грамматической системе русского языка. Как известно, род является классифицирующей у существительных и словоизменяющей – у прилагательных русского языка. При этом именно адъективные флексии являются системными маркерами рода существительного, не имеющего специ-

фичной морфемы для обозначения родовых оппозиций [17]. Существительное и согласующиеся с ним адъективные формы составляют целостный комплекс выражения родовых грамматических оппозиций в русском языке [18]. Непоследовательность семантических мотиваций грамматической категоризации и внутрисловного формального маркирования отмечается в качестве основных причин возникающих трудностей при освоении категории рода русского языка представителями тюркоязычных народов [20: 18].

Отметим также, что причиной неустойчивости согласовательной нормы при усвоении русского языка может быть функциональное неравноправие частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода. Мужской род характеризуется как немаркированная форма, что может обусловить его экспансию в функции замещения других форм. Однако к такому функционированию приводит и семантическая немотивированность форм среднего рода, которая может претендовать на заместительную позицию вследствие своей семантической нейтральности.

Анализируемая в работе категория числа наличествует в грамматических системах тюркских и русском языке. Исследователи, работающие в сфере контрастивной грамматики русского и тюркских языков, отмечают принципиальное совпадение категориальной оппозиции числа в соотносимых языках: противопоставление смыслов единичности и раздельной множественности. Однако при этом, как подчёркивал Н.К. Дмитриев, «соотношение единственного и множественного чисел в тюркских языках не то, что в русском и других европейских. Форма *таш* не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия “камней вообще”. Она может функционировать и по линии единственного, и по линии множественного числа. В каждом отдельном случае требуются особые синтаксические условия» [9: 68]. Отметив это, авторы «Сопоставительной грамматики русского и татарского языков» подчёркивают: «В связи с этим нулевой форме существительного татарского языка в русском языке может соответствовать и форма единственного, и форма множественного числа, например: Базарда ит саталар (На рынке продают мясо.) Мин жиләк жыям (Я собираю ягоды.)» [20: 22].

Несовпадение систем формального маркирования оппозиций единственного и множественного числа обусловлено типологическими различиями агглютинативных тюркских языков и флективного синтетического русского: в тюркских языках число маркируется аффиксом множественного числа, единственное число не имеет аффикса. В русском маркируются обе формы, при этом флексия совмещает

со значением числа значения падежа, в единственном числе – и рода.

Различия в характере маркирования форм числа в русском и тюркских языках определяются и слабой противопоставленностью именных частей речи в тюркских языках: «В хакасском языке существительные в функции определения не согласуются с определяемым словом ни в числе, ни в падеже и всегда имеют форму основного падежа ед. ч., независимо от формы определяемого слова» [10: 93–94].

Значимым является и различие взаимодействия категории числа с другими грамматическими и лексико-грамматическими категориями: к таковым в первую очередь нужно отнести интеракции категории числа с категорией определённости/неопределённости в тюркских языках при отсутствии таковой в русском языке. И, напротив, для русского языка характерно наличие функциональных отношений категории числа с лексико-грамматическими категориями абстрактности, вещественности, собирательности, проявляющихся в ущербности парадигмы по числу.

Следует учитывать и различия в характере лексико-семантических ограничений на реализацию грамматических значений: в русском языке существуют лексически ограниченные группы *pluralia* и *singularia tantum* при отсутствии соответствий в тюркских языках: «Аффикс множественного числа хакасского языка по сравнению с формантами множественности, собирательности русского языка более индифферентен по отношению к семантике слова, т. е. не зависит от лексического значения основы» [10: 93–94]. Система формального маркирования грамматического числа в русском языке характеризуется значительно меньшей регулярностью, нежели в тюркских языках в целом, и значительная часть регламентации формального маркирования располагается в сфере нормы, а не системы.

Полагаем, что значимым при характеристике интерферентных сдвигов является и определение типа билингвизма, характера языкового опыта говорящих на втором языке, времени и способа усвоения языка, активности использования двух языков на протяжении жизни и во время фиксации речи. Результаты анализа, представленные в данной статье, собирались на основе глубокого анкетирования двуязычных респондентов по двум анкетам – социолингвистической и анкете языкового опыта. Итоги анкетирования, приведённые в публикациях [4; 15], позволяют отнести родные языки билингвов к функциональному типу, который определяется как язык семейного наследия, или херитажный (эритажный) язык (о термине см., напр., [1]). Для этого типа языкового существования билингва характерно вытеснение родного языка русским языком, доминирующим во всех

сферах коммуникации, в сферу домашнего, реже – дружеского общения, в сферу маркирования этнокультурной идентичности. Такое функциональное распределение языков определяет относительно небольшое количество случаев интерференции, которые, однако, встречаются на всех уровнях языковой системы – от фонетического до дискурсивного [14].

Исследование проводилось на основе материалов бимодального корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuViC, объём звуковых файлов которого в настоящее время составляет более 500 ч звучания [19; 22]. В статье представлены результаты анализа морфологически размеченного фрагмента корпуса. Проанализирована речь 22 респондентов от 23 лет до 81 года, уровень образования которых – от начального до высшего. Объём проанализированного материала – 30 ч 18 мин звучания, около 140 тыс. словоупотреблений.

В сфере нашего внимания находятся: 1) синтаксические позиции форм, являющихся средством формального маркирования категории числа и рода; 2) частные грамматические значения числа и рода, при использовании которых проявляется неустойчивость нормы; 3) тенденции в развитии системы и нормы выражения категории числа и рода в родном и втором языке билингва. Мы проследим влияние на появление отклонения от речевого стандарта (ОРС) тенденций в развитии грамматических норм в первом и втором языках и их интеракций в сфере числа и рода.

Межсентенциальные отношения: согласование/координация

В межсентенциальных позициях формы согласования адъективных форм и координации глагольных форм числа и рода выступают средством выражения кореференции в тексте, маркируют отнесённость выражаемых смыслов субъекта/объекта последующего предложения к субъекту/объекту предыдущего.

В нашем материале отмечено значительное преобладание ОРС при использовании форм рода по сравнению с использованием форм числа в позиции местоименного и (или) глагольного маркирования кореференции текста (50 vs 10).

В совокупности ОРС в сфере **грамматического рода** доминирует использование форм мужского рода (31) в позициях женского (30) и среднего (1): *У нас... в шорском языке, у нас тридцать девять букв, в отличие... в русском языке – тридцать три, а у нас – тридцать девять, вообще, **сорок один был** (была), вот «кк» по-шорски: «кэ» есть и есть «кэээ-спирант», есть «у» и есть... (И.А., н. в., 2)¹; Ну, я слабо учился эта... в институте, поэтому **методиду**, как эта... преподавания русского языка и литературы, ну, эта... я **его** (её) слабо усвоил (С.Г., в., 2).*

На втором месте по числу ОРС находится использование форм среднего рода (13) на месте женского (10) и мужского (3): *Вверхнее, скорее с восемьдесят четвёртого года начала появляться какая-то периодическая печать, самиздат назывался он (она). В восемьдесят восьмом оно уже было узаконено (она) (И.А., н. в., 2); Почему? У нас ставили арту, то есть напиток, который летом вместо кваса, как, жажду утоляло (утолял), очень вкусный напиток, а сейчас же почти никто не ставит (Р.С., в., 3). Формы женского рода в данной позиции характеризуются наименьшей экспансией – 6 случаев употребления: **Мулла умер, да, который вот на Высокогорной жил? Этот, как её (его), Фазых?** (В.Н., н. с.).*

Функциональное доминирование форм мужского рода согласуется с его характеристикой как немаркированного члена грамматической оппозиции. Полагаем, что именно немаркированность частной грамматической категории в системе «принимающего» русского языка делает её «хорошим кандидатом» на замещение других грамматических позиций.

В конкуренции частных **грамматических значений числа** в этой позиции побеждает единственное число на месте множественного (9 vs 1): *Я первый раз помидоры попробовала: думаю – какая гадость, и думаю, как его (их) едят (Р.С., в., 3); дети уже, мои внуки уже спокойно, достойно растут, и их никто, им не даёт понять, что он (они) какой-то не такой. Всё (В.С., с.с., 3); А племянники, есть племянницы у вас? – Респондент: Племянники есть. Ну, по-шорски говорим мы с ней (с ними) (Н.Н., с., 2); Хочу, чтобы дети и внуки говорили на этом языке. Очень хочу, но не-не-не... Но не делает (не делают). Да. (Н.Н., с., 2).*

Отклонение от нормы в этой сфере, на наш взгляд, имеет другую природу, нежели в сфере рода. Оно может быть обусловлено переключением смыслов при построении текста, проявляющегося в сужении области референтной отнесенности: от обозначения совокупности – к одному из элементов данной совокупности. В последующем предложении глобально сохраняется единство референции с объектом, названном в предыдущем, но формально маркируется его сужение: помидоры как вид плодов > конкретный представитель вида; группа лиц, объединённая по признаку родства > конкретный представитель группы. Отметим, что обратное соотношение представлено единичным примером, который также может быть объяснён в логике семантической стратегии переключения «единичное» > «совокупность»: *Вот эти бочки, вот такие вот, писят килограммовые, круглые такие, икры чёрной, икры красной, **селёдка, которая** голова вот так вот это, к хвосту, **такие крупные** (такая крупная) с икрой вообще. (В.С., с.с., 3). В приведённом контексте слово *селёдка* обозначает вид пригото-*

ленной особым образом сельди, контекстно актуализируются смыслы множественности, формируя конфликт формы единственного числа и контекстного значения множественности.

Внутрисентенциальные отношения: координация

Анализ ОРС в сфере **грамматического рода** в отношениях координации выявил абсолютное доминирование форм среднего рода прошедшего времени связочного глагола составного именного сказуемого (16 из 18 случаев ОРС): *Да, колхоз «Чепай» там было* (был) (О.Е., н., 3). Формы женского и мужского рода как ОРС единичны: *А варили, у них такая была приспособление* (такое было) *у эти, чугунки большие* (Г.П., с., 3); *Звонит мне и говорит, да это, ну, этот, время уже наверно был* (было) *десять, одиннадцатый* (Г.С., в., 3).

При этом материал позволяет выделить в качестве дополнительных факторов возможное влияние маркирования рода нечастотными флексиями (1), а также сложные случаи согласования – несклоняемые существительные (2), аббревиатуры (3) и пр., которые в русском языке интерпретируются скорее как факт нормативного предписания, но не системной детерминации:

(1) *Боль невыносимый* (невыносимая), *болит уже* (Н.Н., н., 3); *Вот мулла, например, тырганский-то занята* (занят), *там тоже это самый, пойти узнать, что в такой время* (такое время), *в такой день прийти и всё* (Г.С., в., 3);

(2) *...в это ета, в паровоз... паровозный депо* (паровозное), *можно было бы и Юргу, а без меня никуда, они не хотят. Как, как, а та... не отрывать их* (Н.Н., н., 3);

(3) *Да, да, да. А потом вот закончил и поехал в таштагольский КПТУ* (таштагольское) (П.Н., с. с., 3).

При использовании **форм числа** во внутрисентенциальных отношениях координации доминирует использование формы множественного числа в позиции нормативного единственного.

Примеры ОРС, с одной стороны, объединяются общей направленностью – функциональным доминированием смысловых отношений над формальными нормами согласования. В данном случае мы наблюдаем «снятие ограничений» на реализацию форм числа в классах собирательных (1) и вещественных существительных (2). С другой стороны, в случаях, когда наблюдается своеобразный конфликт лексического значения, включающего смыслы множественности элементов совокупности, и грамматического оформления единственным числом:

(1) *Нет. Которые постарше, которые уже лет под тридцать, под тридцать, все молодёжь выехали* (выехала), *семейные, не семейные.* (В.С., с. с., 3);

(2) Я говорю, всё равно, нет-нет, но всё равно, я говорю, **пыль же летят** (летит). (Н.Н., н., 3).

Полагаем, что данное рассогласование грамматических и лексических смыслов создаёт основу для возможности выбора стратегии согласования формального (нормативного в русской грамматической системе) и согласования «по смыслу», который является не нормативным для данных типов единиц, но весьма актуальным для русской грамматической системы в целом. Единичные ОРС могут быть непосредственно соотнесены с особенностями использования форм в родном языке. Так, авторы «Сопоставительной грамматика русского и татарского языков» отмечают, что правило симметричного маркирования форм числа имеет исключение в немногочисленной группе имён существительных с аффиксом множественного числа (например, яшьлар «молодёжь»), которые употребляются только во множественном числе [20: 25].

Отметим, что ОРС при маркировании **форм числа** возникают преимущественно в постпозиции предиката. В следующих примерах препозиция единицы, находящейся в отношениях координации, создаёт дополнительные условия для нарушения норм формального согласования. Контексты демонстрируют возможность подбора существительного после того, как определяющее слово уже произнесено. Предикат употреблён в обобщённо-личном значении, а затем находится конкретизирующее слово (*неопределённые лица* **поняли** > *начальство* **поняли**): ...в Киргизии уже поняли, здесь-то меня знали уже, в Киргизии уже **поняли, начальство** (поняло), как ученика-то ко мне поставят (В.С., с. с., 3).

В приводимых далее контекстах уже рассмотренные семантические основания для ОРС как выбора стратегии согласования по смыслу усложняются использованием метонимических переносных значений (область > это руководство области, ХГУ > руководство ХГУ): *И пригласили наша область* (пригласила) *шорцев, вот* (В.С., сс., 3); *И закончил техникум. И в этот же год ХГУ открыли* (открыл) *факультет... экономический факультет* (А.Ф., в., 3).

Проведённые исследования в области падежного управления в текстах рассматриваемого варианта тюркско-русского билингвизма выявили, что в зоне активного сдвига в системе падежного управления находится использование форм именительного падежа в локативной конструкции при предлоге [14: 206]. Если в первом тексте мы в качестве предпочтительной рассматриваем версию ОРС в сфере числа, связанной с выражением отношений координации по смыслу, то во втором случае оба варианта рассматриваются как равно возможные: ОРС может быть результатом отклонения от норм формального со-

гласования/координации по числу: *И закончил техникум. И в этот же год ХГУ открыли* (в ХГУ открыли) *факультет... экономический факультет* (А.Ф., в., 3), где глагол используется в неопределённом значении в структуре односоставного предложения.

Семантическая стратегия выбора форм предиката наблюдается и в отношении координации со счётными местоимениями. Русская нормативная система предписывает исключительно возможность согласования счётных местоимённых наречий *столько, сколько, много, немного, мало, немало* со сказуемым в форме единственного числа, однако уже в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя отмечается распространение использования форм множественного числа [16]. В речи наших респондентов также находит отражение данная тенденция: *Кстати, там очень много русских были* (было), *и они все шорский знали, я удивлялась; Конечно, даже взрослые пытаются и своих детей тащат, и детей много довольно-таки учатся* (учится) (З.И., с., 2).

Некоторые сбои согласования по числу также определяются спонтанным характером коммуникации, перестраиванием стратегий смыслового развития речи, которое может выражаться и сменой согласуемых элементов. Нарушение норм координации по числу может быть объяснено переключением стратегии характеристики ситуации от конкретного участника к группе лиц, определённой или неопределённой. Сказуемое, которое должно иметь форму единственного числа, принимает форму множественного, маркируя отнесённость к референту следующего фрагмента текста: *Вот даже вот недавно моя эээ, которая с кем-то я работала, взяли* (взяла) *в газету напечатали* (напечатала) (В.С., с., 3); *Ну, если честно говоря, то нам... на нашем народном ансамбле «Чылтыс» лежит* (лежат) *эм... практически все организационные мероприятия* нашего района. (В.С., с. с., 3); *В Абакан, ой..., в Хакасию ездил, мне нравится* (нравятся) *ихние равнины*. (А.Ф., в., 3).

ОРС в сфере **согласования по роду** в позиции внутрисентенциального употребления представлено наибольшим количеством случаев – 60. В согласовательной позиции проявилась та же закономерность, что и в функциональной позиции маркирования кореференции – ярко выраженная экспансия форм мужского рода (38), замещающая позиции женского (29) и среднего (9) рода: *В Казани вот я смотрю, там в каждом шагу мусульманский мечеть* (мусульманская) (Г.С., в., 3); *Да, да, да. А потом вот закончил и поехал в таштагольский КПТУ* (таштагольское) (П.Н., с. с., 3). Замещающие позиции форм женского рода представлены значительно меньшим количеством случаев (13), при этом доминирует использование форм женского рода на месте

мужского (8). Экспансия форм среднего рода в позициях других грамматических форм количественно значительно уступает первым двум.

В ряде случаев нарушение норм согласования в этой позиции также может быть объяснено ситуацией речевого сбоя, поиском продолжающего элемента высказывания. Приведем типичный пример: *А, это... как это... щас нету **такого** (такой), **централизованного...** (централизованной), **эта... поддержки, например, как раньше при Советском Союзе, например, языковых э... ка... языковых кафедры и так далее** (Г.Н., в., 2).*

Немногочисленные случаи нарушения норм в контактной препозиции согласовательной формы числа могут быть проинтерпретированы как следствие проявления общих закономерностей развёртывания спонтанной речи: *Летом на улице, зимой только дома. Но всё равно печка и плитка – совсем **раз-разный... продукты** (разные). Вкус совсем **разный** (Н.Н., с., 2), что, однако, наблюдается не во всех примерах. Полагаем, что появление такого рода нарушений может быть поддержано и влиянием родного языка: «Форма единственного числа... выражает либо единичность, либо их единство, совокупность: иб юрта, угреппи ученик, хыные любовь и т. д.» [17: 37–50], т. к. во всех зафиксированных случаях ОРС сбой происходит в случаях использования абстрактных, вещественных и собирательных существительных: *Землянику собирала, а там кам-каменистое место, в горка она не стала залазить, а увидела **крупную ягоды** (крупные) и потянула... туда, а потом чё-то больно, думала, уколола, кровь бежит (Н.Н., с., 2). Вот так, вот **такой слухи** (такие слухи) ходят. Ка... где это проверить, как это проверить – никто не смог (В.С., с. с., 3); **Который слова** (некоторые) я уловлю (Н.Н., с., 2).**

В данных случаях реализуется та же семантическая стратегия, но с актуализацией идеи единства, совокупности.

Таким образом, в системе отклонений от речевого стандарта в сфере грамматического рода и числа, зафиксированных в речи херитажных тюркско-русских билингов, были обнаружены тенденции, согласующиеся с теоретическими идеями основоположников теории языкового контактирования и интерференции, а также эмпирическими результатами, полученными при изучении других языковых пар и типов билингвизма.

Во-первых, подтверждаются положения о влиянии грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в сфере грамматики при использовании второго языка: ошибки в использовании грамматического рода преобладают во всех синтаксических позициях. Во-вторых, значимыми оказывается тип различий в устройстве грамматических категорий взаимодейст-

вующих языков, что проявилось в характере ОРС в системе грамматического числа. В-третьих, положение о функциональных различиях частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода в русском языке нашло отражение в системе ОРС: немаркированный член оппозиций мужской род функционально оказался доминирующим во всех синтаксических позициях, за исключением выражения отношений координации связочного глагола в составных сказуемых. В-четвёртых, подтвердилось положение, высказанное ещё Э. Хаугеном, о переплётности интерферентных явлений и тенденции развития языковой системы «принимающего» языка: появление ОРС, истоки которых можно увидеть в интерферентном влиянии родного языка, поддерживается действием внутрисистемных активных тенденций в русском языке – разрушении системы последовательного согласования как по роду, так и числу под влиянием лексического значения в случаях конфликтности лексической и грамматической семантики. В данных позициях интерферентные явления вступают во взаимодействие с другими речевыми факторами. Так, мы полагаем, что преобладание ОРС в препозиции согласовательных форм обусловлено возможностью проявлений речевого сбоя в устной спонтанной коммуникации.

Полученные нами наблюдения согласуются также с результатами психолингвистических экспериментальных исследований когнитивной обработки форм грамматического рода существительных русского языка тюркско-русскими билингвами, которые свидетельствуют в пользу обработки грамматической категории как семантической [12].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Фрагменты транскриптов интервью и бесед не редактируются, сохраняют особенности спонтанной разговорной речи наших собеседников. В соответствии с соглашением об анонимности мы не приводим в публикациях персональные данные респондентов, фрагменты диалогов сопровождаются обозначением инициалов их имён и отчеств, возрастной группы (1 – до 40 лет, 2 – от 40 до 65, 3 – от 65 и старше), уровня образования (в. – высшее, н. в. – неполное высшее, с. – среднее, с. с. – среднее специальное, н. с. – неполное среднее, н. – начальное). В диалогах реплики информантов даются курсивом, реплики также анонимизированных интервьюеров – основным шрифтом, разграничиваются тире).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 5–23. DOI: 10.17223/22274200/14/1
2. *Арбузова И.И.* Языковая интерференция и её учёт в преподавании темы «Русские пространственные предлоги» в иностранной аудитории // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 1. С. 143–150.
3. *Ерановска-Грончевска Э.* Русско-польская лексико-семантическая интерференция (на примере письменной и устной речи поляков и петербуржцев польского происхождения в Санкт-Петербурге): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.
4. *Артёмченко Е.Д., Буб А.С.* Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // Русин. 2019. № 56. С. 294–311. DOI: 10.17223/18572685/56/18
5. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.
6. *Гнатюк О.А.* Грамматическая интерференция при русско-испанском двуязычии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 64–69.
7. *Градская Т.В., Пакос Ю.* Проявление языковой интерференции (на материале русского и польского языков). URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/izd/tpaired/2016/21_gradskaya_t.v._pakos_yu.p.pdf (дата обращения: 16.09.2021).
8. *Данилина Е.К.* Ошибки, вызванные грамматической интерференцией (на примере письменных работ студентов) // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (4). С. 299–301.
9. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. 169 с.
10. *Карпов В.Г.* Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков. Абакан, 2011. Ч. I. 220 с.
11. *Нагель О.В., Темникова И.Г.* Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // Русин. 2019. № 56. С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13
12. *Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е.* Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–123. DOI: 10.17223/19986645/57/6
13. *Резанова З.И., Дыбо А.В.* Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62
14. *Резанова З.И., Дыбо А.В.* Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195.
15. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (рус-

ско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

16. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. 5-е изд., испр. М.: Книга, 1989. 320 с.

17. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

18. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 16.09.2021).

19. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № RU 2019620803 «Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона» / Артёмов Е.Д., Буб А., Васильева А.В., Душейко А.С., Машанло Т.Е., Нагель О.В., Резанова З.И., Сафиуллина Е.Ш., Степаненко А.А., Темникова И.Г.

20. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология. Казань, 2017. 180 с.

21. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М.: Прогресс. 1972. С. 61–80.

22. *Rezanova Z.I., Temnikova I.G., Artemenko E.D., Stepanenko A.A., Datsyuk V.V., Dybo A.V.* The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2019). Вып. 18. Дополнительный том. С. 200–210. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

REFERENCES

1. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2018) Problems of lexicographic description of linguodidactic terminology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 5–23 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/1

2. Arbuzova, I.I. (2013) Yazykovaya interferentsiya i ee uchet v prepodavanii temy “Russkie prostranstvennye predlogi” v inostrannoy auditorii [Linguistic interference and its consideration in teaching Russian spatial prepositions to an international audience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*. 1. pp. 143–150.

3. Eranovska-Gronchevska, E. (2004) *Russko-pol'skaya leksiko-semanticheskaya interferentsiya (na primere pis'mennoy i ustnoy rechi polyakov i peterburzhtsev pol'skogo proiskhozhdeniya v Sankt-Peterburge)* [Russian-Polish lexical-semantic interference (a case study of written and oral speech of Poles and Petersburgers of Polish origin in St. Petersburg)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

4. Artemenko, E.D. & Bub, A.S. (2019) Dynamics of sociolinguistic situation of Khakass-Russian language interaction in South Siberia. *Rusin*. 56. pp. 294–311 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/18

5. Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism

and multilingualism]. In: Rozentsweig, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike* [Findings in Linguistics]. Vol. 6. Moscow: Progress. pp. 25–60.

6. Gnatyuk, O.A. (2014) Grammatical interference in Russian-Spanish bilingualism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Lingvistika" – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 3. pp. 64–69 (in Russian).

7. Gradskaya, T.V. & Pakos, Yu (2016) *Proyavlenie yazykovoy interferentsii (na materiale russkogo i polskogo yazykov)* [The Phenomenon of Language Interference (on the Basis of the Russian and Polish Languages)] [in Russian]. [Online] Available from: https://lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/izd/tpaird/2016/21_gradskaya_t.v._pakos_yu.p.pdf (Accessed: 16th September 2021).

8. Danilina, E.K. (2013) Oshibki, vyzvannye grammaticheskoy interferentsiei (na primere pismennykh rabot studentov) [Errors caused by grammatical interference (based on written assignments of students)]. *Izvestiya vuzov. Seriya "Gumanitarnye nauki" – News of Higher Schools. Series "Humanities"*. 4(4). pp. 299–301.

9. Dmitriev, N.K. (1948) *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Bashkir grammar]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

10. Karpov, V.G. (2011) *Sopostavitelnaya fonetika i grammatika khakasskogo i russkogo yazykov* [Comparative phonetics and grammar of the Khakass and Russian languages]. Vol. 1. Abakan: Khakassia State University.

11. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals. *Rusin*. 56. pp. 213–225 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/13

12. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.E. (2019) Vliyanie rodnogo yazyka (L1) na kognitivnyuyu obrabotku grammaticheskoy kategorii roda sushchestvitelnykh russkogo yazyka (L2) russo-tyurkskimi bilingvami [The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–123 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6

13. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2020) Deviations from the Speech Standard in the Regional Version of Oral Russian Speech: Intralingual and Interlingual Interactions. *Rusin*. 62. pp. 144–158 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62

14. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Language interaction in speech practices of Shor-Russian bilinguals of Southern Siberia. *Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. Nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2(187). pp. 195–211 (in Russian).

15. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of socio-linguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7

16. Rozental, D.E. (1989) *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoy pravke*:

Dlya rabotnikov pechati [A Handbook of Spelling and Literary Editing: For Publishers]. 5th ed. Moscow: Kniga.

17. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

18. Rusgram.ru. (n.d.) *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian Corpus Grammar]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru> (Accessed: 16th September 2021).

19. Artyomenko, E.D., Bub, A.S., Vasilyeva, A.V., Dusheiko, A.S., Mashanlo, T.E., Nagel, O.V., Rezanova, Z.I., Safiullina, E.Sh., Stepanenko, A.A. & Temnikova, I.G. (n.d.) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № RU 2019620803 "Bimodal'nyy korpus ustnoy rechi zhiteley yuzhno-sibirskogo regiona"* [Certificate of State Registration of Database Nr. RU 2019620803 "Bimodal Corpus of Oral Speech of People of the Southern Siberia"].

20. Valiulina, Z.M. (2017) *Sopostavitelnaya grammatika russkogo i tatarskogo yazykov. Morfologiya* [Comparative Grammar of Russian and Tatar Languages. Morphology]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo.

21. Haugen, E. (1972) *Yazykovoy kontakt* [Language contact]. In: Rozentsweig, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike* [Findings in Linguistics]. Vol. 6. Moscow: Progress. pp. 61–80.

22. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G., Artemenko, E.D., Stepanenko, A.A., Datsyuk, V.V. & Dybo, A.V. (2019) The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). In: Selegey, V.P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Issue 18. Supplementary volume. pp. 200–210. [Online] Available from: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf (Accessed: 16th September 2021).

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Рябова Юлия Алексеевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yuliya A. Ryabova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: yuliya_ryabova_93@mail.ru

УДК 811.512.1;811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/11

Булгарские заимствования в славянских языках: особенности вокализма*

А.В. Дыбо^{1,2}

¹ Институт языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/12

² Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: adybo@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются лексические заимствования из дунайско-булгарского языка в южнославянские языки и из волжско-булгарского в восточнославянские языки. Устанавливается система фонетических соответствий гласных, возникавшая при адаптации булгарских слов в раннее состояние славянских языков. Предположительный фонетический облик булгарских слов установлен с помощью, с одной стороны, последней версии реконструкции пратюркского языкового состояния, с другой – данных о булгарской фонетике, получаемых из единственного живого потомка булгарских языков – чувашского и из анализа последствий массового заимствования из двух разных состояний булгарских языков (прабулгарского и дунайско-булгарского) в венгерский. В частности, результат исследования позволяет подтвердить сохранение в раннем состоянии славянских языков нефонологической оппозиции по долготе ~ краткости гласных, скоррелированное с их качественными различиями.

Ключевые слова: славянские языки, булгарские языки, заимствования, сравнительно-историческая фонетика.

* Работа выполнена по проектам «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014) – сбор материала; РФФИ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (этимологическая обработка).

Bulgar loanwords in Slavic languages: vowels*

A.V. Dybo^{1,2}

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1/12 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia

² Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: adybo@mail.ru

Abstract

The article focuses on the phonetic adaptation of the early Turkic loanwords in Slavic languages. As it has been demonstrated, there is no evidence for Turkic loans in the Proto-Slavic language. In this article, the author deals with the loanwords a) from the Danube-Bulgar language into the South Slavic languages and b) from the Volga-Bulgar language into the East Slavic languages to establish a system of vowel correspondences, which appeared during the adaptation of Bulgarian words into the early state of the Slavic languages. The presumable phonetic appearance of Bulgar words was established using, on the one hand, the latest version of the reconstructed Proto-Turkic linguistic situation and, on the other hand, the data of the Bulgarian phonetics obtained from the only living descendant of the Bulgar languages, Chuvash, and from the analysis of the consequences of mass borrowing from two different states of the Bulgar languages (Proto-Bulgar and Danube-Bulgar) into Hungarian. In particular, the result of the study confirms the preserved non-phonological opposition of long vs. short vowels, correlated with their qualitative differences in the early state of the Slavic languages.

Keywords: Slavic languages, Bulgar languages, loanwords, comparative-historical phonology.

Самый ранний распад пратюркского языкового единства – это разделение на болгарскую и общетюркскую, или ядерно-тюркскую (ЯТ), группы. Ряд аргументов (датировка древнекитайских заимствований в пратюркский; глоттохронологические подсчёты) заставляют нас датировать это разделение интервалом на границе нашей эры, не позднее чем III в. н. э. Единственный потомок болгарской группы – современный чувашский, но более ранние этапы фонетической исто-

* The work was developed in the frame of the project "Linguistic and ethnocultural diversity of southern Siberia in synchronicity and diachrony: interaction of languages and cultures" (Grant of the Government of the Russian Federation Nr. 14.Y26.31.0014) – data collection; and of the RSCF project 18-18-00501 "Digital Dialectologic Atlas of Turkic languages in Russia" – etymological processing.

рии протобулгарского можно реконструировать на основании данных ранних заимствований из языков болгарской группы в другие языки. Болгарские заимствования в венгерский, насчитывающие около 400 слов, являются наиболее информативным материалом по этому вопросу.

Фонетические особенности болгарской группы по сравнению со ядерно-тюркской¹:

1) развитие пратюркских (ПТ) **λ*, **λč*, **ř* в прабулгарские (ПБ) **l*, **lč*, **r*; в ядерно-тюркские **š*, **š*, **z*;

2) изменение ПТ **s* > ПБ **š* перед ПТ **i*, **i*, **ia*;

3) отсутствие озвончения ПТ **t*- > ЯТ **d*- перед звонкими шумными, **λ*, **r* и **ř*;

4) развитие ПТ **-d-* > ПБ **-j-* в основах, содержащих ПБ **r*, и ПТ **-d-* > ПБ **-r-* в других контекстах (хронологически этот процесс должен был происходить после совпадения ПТ **r* и ПТ **ř* в болгарском, ср. чув. *xujър* 'кора' < ПТ **Kadiř*, ЯТ **kadiž*);

5) сохранение рефлексов глайдовых инициалей в восходящих дифтонгах в ПБ и их нейтрализация в ЯТ.

Болгарские заимствования в венгерский можно разделить на две группы². В первой группе предположительный облик тюркских прототипов очень близок к пратюркскому (исключая «болгарскую палатализацию»: изменение **s-* > *š-* перед **i*, **i*, **ia*). Во второй группе прототипы, как представляется, чрезвычайно похожи на прототипы дунайско-болгарских заимствований в южнославянских языках. Таким образом, первая группа должна рассматриваться как заимствования периода «до обретения Родины» («pre-Conquest Layer» [58: 752]). Это были заимствования, происходившие на территории Волго-Камского (или, как А. Рона-Таш теперь предпочитает считать [59: 436–438], Доно-Кубанского) ареала (V–VII вв. н. э.).

Другая группа болгарских заимствований в венгерском – по-видимому, заимствования из дунайско-болгарского, которые были получены на территории, близкой к современной Венгрии; правила адаптации их фонетики в венгерском практически идентичны правилам адаптации ранних славянских заимствований, которые появились в венгерском «в период времени, хронологически близкий венгерскому завоеванию нижнедунайского региона (895–900 гг. н. э.)» (см. [27: 422]; также материал в [66]).

Таблица 1

Рефлексы славянских гласных первого слога в древнененгерском

Славянский	Древнененгерский
*а [ā]	ā
*о [o]	ā
*ě [ē]	ē
*е [ε]	а
*и [ī]	ū, u
*ь (слабый) > 0	0
*ь (сильный) [u]	u
*у [ū, ū]	ī, i, ū
*і [ī]	ī, i
*ь (слабый) > 0	0
*ь (сильный) [i]	i
*o [ū]	un
*e [ī]	in

Источник: [27: 422, табл. 1].

Собранный к настоящему времени материал позволяет утверждать, что в славянских языках также можно различать две категории болгарских заимствований:

1. Слова, заимствованные из языка дунайских болгар в южнославянские языки, а не в праславянский, как это считалось ранее (см. [9: 79; 65]). Эти слова, видимо, попали в старославянский язык и распространились в восточнославянские, а также частично в западнославянские языки с литературным языком славянского мира. По историческим основаниям эти заимствования должны быть датированы VIII–IX вв. н. э.

2. Слова, заимствованные из языка волжских болгар в восточнославянские языки (на Волжском торговом пути) и частично распространившиеся в западнославянские языки, в основном в польский. Эти заимствования должны, по-видимому, быть датированы позже, после возникновения государства Волжской Булгарии.

Ниже мы рассматриваем вокалические развития в этих двух типах болгаризмов в славянском (табл. 2).

Адаптация *a* языка-источника в ранних славянских заимствованиях как *o* или *a* в соответствии с исходной краткостью/долготой (ср. аналогичные рефлексы дунайско-булг. *a*, *ā* из ПТ **ā*, **ā* ниже), вероятно,

Таблица 2

Рефлексы болгарских гласных в заимствованиях³

ПТ	Ранние болгарские заимствования в венгерском	Поздние болгарские (дунайские) заимствования в венгерском	Поздние болгарские (дунайские) заимствования в южнославянских	Поздние болгарские (волжские) заимствования в восточнославянских	Чувашский
*a	a (á)	á	o	o	o
*ā	á	á	a, (?) āIC > ыC	?	o
*ä	é, ε	a	o	o	a
*ã	ɛ/é	?	a	?	a
*o	*u > o	a (á)	o	?	-o-
*ō	*ū > u	vá-, Cá-	va	va	va-, -bva-
*ö	*ü > ö	e (é), ö	u	u	vъ-, -ü-
*ō	*ū > ū	vé-, Cé-	ve, õrC > vьrC	(P)i	va-, -bva-
*u	*u > o	va-	a, uRC > ьRC	ь	ь, vъ-
*ū	*ū > u	?	?	?	ь
*ü	*ü > ö	ö, e (é)	ь, (K)ь	(K)u, (P)i	e
*ū	*ū > ü	?	?	?	e
*i, ī	a, (á >) é	a	a, ar; īIC > ьC	?	e/ь
*i	*i > e (é)	i	ě, iRC > RьC	iRC > ьRC	e/ь
*I	*I > i	?	?	?	e/ь
*a	*I > i	a	ь, (K)ь	?	i
*e	é	é, ε	i	?	i/ə
*ē	ě	ě?	i	?	a
*ej	*I > i	?	?	?	je-, ja-, i-
*aj	*i > e (é)	?	?	i	je-, ja-, i-
*og	o, ov	?	?	vo	vь

связана с существованием нефонологического признака долготы гласных в праславянском и раннеславянском инвентаре фонем. Псл **a*, **u*, **y*, **ě*, **i* и назализованные **ɔ* и **ɛ* были долгими, Псл **o*, **e*, **ь*, **ь* – краткими. См., напр., [12: 40–46].

ПТ краткий **a* > дун.-булг. **a* > (южно-)славянское *o*:

**kovъcъgъ*: ст.-слав., болг., с.-хорв., др.-рус. ‘ящик’ [25, II: 272–273]. ПТ **Карі(г)ѡак* ‘коробка, гроб’ [31: 276]; ср. венг. *kororsó* ‘гроб’, после 1372 г.⁴

**tojaгъ* ‘дубина, посох’, цслав., болг., с.-хорв., др.-рус. [25, IV: 91]. ПТ **daja-k* ‘посох’ (или, скорее, **daj-n-a-k*), чув. *toja*, як. *tajax*, *tajax*, долг. *tajax*, *taňak*, др.-уйг., крх.-уйг. *tajaq*, тркм. *tajaq* [2: 445; 36: 568; 37].

**klobukъ* ‘шапка’, цслав., с.-хорв., словен., чеш., словац., польск., в.-луж., н.-луж., полаб., др.-рус. [2: 252; 10: 61–62; 25; 29]. ПТ **Kalpak* ‘шапка, шляпа’ [31: 234–235]. Венг. *kalpag* ‘ меховая шапка’, с 1653 г. (считается турецким заимствованием, но ср. конечное -*g* (не -*k*), что предполагает более ранний слой заимствований).

**bojaгъ* и.с., др.-рус., болг. [25, I: 203]. Тюркское *Vajan*, имя аварского хана в VII в., болгарского князя в VIII в. Тюркское имя обычно возводят к **bāj* ‘богатый’, чув. *poj-* ‘быть богатым’, причастие *poj-an* ‘богатый’, як. *bāj*, долг. *bāj*, др.-тюрк. *baj* (орхон., енис., др.-уйг.), крх.-уйг. *baj*, тркм. *bāj* [2: 259; 20: 27–29, 36; 22: 304, 332; 29, I: 440; 36: 384; 37; 56: 56], т. е. **γan*-причастие от **bāj-* ‘богатеть’. Но прослеживание первых фиксаций обнаруживает проблему: **vojxaгъ* или **vojgaгъ* можно было бы ожидать скорее, чем **bojaгъ* (ср. титул дунайских болгар, IX в.: *Βαγαῖνος*). Видимо, тюркское имя скорее следует связывать с ПТ **baj* ‘святой, благословенный’, як. *bajanaј* ‘имя божества’, крх.-уйг. *bajat* ‘бог’, чаг. *bajat* ‘бог’, тркм. *bajna-* ‘быть благословенным, наслаждаться’ [2: 109, 125–126, 379; 36: 385; 37; 56: 56–57]. *Vajat* – окаменевшая форма мн. ч., единичная/коллективная форма которого должна совпадать с **bajan*, ср. [39: 82, 91]. Як. – звательная форма от **bajan*, тркм. – отыменной глагол с суф. **-a-*.

Болг. *корѣм* [2: 633; 4] ‘живот’. ПТ **Karim* ‘живот, утроба’⁵ [22: 277; 31: 321–322], ср.: [8]. Слово заимствовано из дунайско-болгарского в староболгарский.

ПТ краткий **a* > волж.-булг. **a* > вост.-слав. *o*:

Др.-рус. *Хопужьское море* ‘Каспийское море’ (Псковская II летопись, в житии Александра Невского), *Хупожское* id. (Софийская I летопись, 1242 г.). Ср. тур. *кари* ‘ворота’, также о Дербентских воротах (*Темиркапу*) и др.-рус. *Дербеньское море* ‘Каспий’ [25, IV: 261]. ПТ производные от **кар-* ‘закрывать’ со значениями ‘ворота, дверь’: 1) **кар-ig*; 2) **кар-gu*; 3) **кар-ga* [31: 274–275]. Чув. *хобъ* ‘крышка’. Венг. *кари* ‘ворота’, с 1009 г., может быть выведено из осм.-тур. *кари* (ср. венг. *karicsi* ‘швейцар’, с 1522 г., из тур.), но ранняя фиксация противоречит такой возможности.

Венг. слово отражает либо **kap-ig* с неясным развитием конечного гласного (конечное **iK* должно было бы дать *-û*)⁶, либо **kap-gu* (иначе не засвидетельствованное; с собственно венгерским развитием $y > v > 0$ после *p*). В обоих случаях болгарский источник наиболее вероятен; первый лучше согласуется с др.-рус. формой, но, впрочем, в разных болгарских (дунайском и волжском) диалектах могли быть разные производные.

ПТ долгое **ā* > дун.-булг. **ā* > южнослав. *a*:

samъсььъ* 'дворецкий', ст.-слав. *самъчии* (Супрасл.) [25, III: 554–555]. Др.-булг. **sām-ĉi*, агентивное существительное от существительного ПТ **sā-m*, булг. > венг. *szám* 'цифра', с 1086 г., чув. *sum* 'число, счёт', имя от ПТ **sā(ji)*- 'рассчитывать, полагать', Refl. **sā-n-* (чув. *su-*, *sъv-*, Refl. *sun-*, як. *ā-x-*, тркм. *sāj-*; булг. > венг. *szán-* 'жалеть', с 1372 г.), ср. тркм. *sān* 'цифра, счёт, количество' [2: 53; 26; 33: 132–134]. Современное болг. *самсур* 'хам', по-видимому, также дун.-булг. заимствование (sā-m* 'число, уважение' + **sUř* 'без, показатель каритива', чув. *-sъr*, ЯТ **-slz*). **šaranъ*, рус. южн. диал. *шарán* 'молодой сазан, карп', укр. *шарán* id., болг. *шерán*, *шарán*, с.-хорв. *шàран*, польск. *szaran* [25, IV: 407–408]. ПТ **siāř-an*, тркм. *sāzan* 'сазан' [33: 147–148]. Различные пути заимствования возможны для южно- и восточнославянских языков.

Староболг. *шатърь*, болг. *шátър*, *шátпра*, др.-рус. **шатърь* (G.Sg. *ни шатра имяше*), *шаторъ* (проясненное **ъ*), укр. *шатор*, серб. цслав. *шатърь* (из рукописи, написанной в «одноеровой» орфографии, т. е. изменение *ъ* в *ь* является чисто графическим), с.-хорв. *шатра*, чеш. *šatr*, польск. *szatr* м., *szatra* ж. Др.-рус. формы *шатерь* (Георгий Амартол, Лаврентьевская летопись), Instr. Pl. *шатъры* (Ипатьевская летопись), *шатернии* (Новгородская I летопись) представляют собой цслав. заимствование из сербской «одноеровой» формы; к цслав. восходит совр. рус. *шатёр*, *шатра́* [13: 692; 25, IV: 413]. Булг. **čatur* > венг. *sátor* 'палатка', с 1150 г. (как географическое название) либо с 1200 г. Венг. > с.-хорв. *шàтор* 'палатка', словен. *šátor*, словацк. *šiator*. Из ПТ **čatur*: тув. *čadyr* 'укрытие', тоф. *čadyr* 'загон для оленей'; крх.-уйг. *čatur*, *čašyr* (огуз.), *čašyr* 'палатка' (из монгольского); поздне-др.-уйг. (XIV в.) *kün čatury* [47: 150] 'зонт, палатка' (букв. 'солнечный' *čatur*), тркм. *čadyr* 'палатка' (вероятно, иранизм, ср. современное перс. *čādur*, *čādir*, *čādar* 'палатка; завеса', ср.-перс. *čādur*, *čādir*, *čādar* 'завеса' [č'twl] [49: 21]).

Рус. цслав. *брачина* (с XII в.) 'вид шёлковой ткани', др.-серб. *брачинь* id. (XV–XVI вв.) [25, I: 208–209]. ПТ **bārcun*: др.-уйг. будд. *barčyn*, крх.-уйг. *barčyn* 'шёлковая парча' [36: 357–358]. Булг. > венг. *bársony* 'парча, бархат'. Чув. *purśьn/porśьm* 'шёлковая ткань', чув. (позднее волж.-булг.?) > рус. *бурсá* 'персидская шёлковая ткань' [25, I: 208–209]; и в финноволжских языках: мар. *порсын*, *парсын*, удм. *буртчин* и т. д. [1: 447];

26]. Тюрк. из ср.-перс. *abrēšom* [‘plyš(w)m, маних. ‘bryšwn] ‘шёлк’ [49: 4], перс. *abrēšum* <*abi-raiš- ‘вращаться’, см. [1, l: 132; 28, l: 15–16]; > тур. *ibiršim*, н.-уйг. *äbrišin* ‘шёлк’, ср. перс. *berīšem*. Формально **bārčun* может быть заимствованием в пратюркский, связанным с ранними стадиями функционирования Шёлкового пути. Другая возможность заключается в предположении слоя «базарных заимствований» в раннебулгарский из тюркских языков Средней Азии. Первичная долгота первой гласной подтверждается долготой в венгерском; также ср. долгий гласный в ср.-перс. источнике.

Ст.-слав. халжга ‘забор, загородка’, рус. цслав. *халуга* ‘частокол, забор’ (Юрьевское евангелие, в 1119 г.), также ‘улица’ (Ефремовская Кормчая; см. [24, III: 1359]), рус. диал. *халужина* ‘длинная хворостина’, укр. *халуга* ‘водоросль’, белор. *халуга* ‘шалаш, сплетённый из прутьев’, болг. *àлага* ‘пескклива лъка’, *àлуга* [4, l: 8], с.-хорв. *хàлуга* ‘сорная трава, чаша, расселина’, словен. *haloga* ‘заросли, кусты; водоросль, др.-чеш. *chalužník* ‘разбойник с большой дороги’ [25, IV: 218–219]. ПТ *(h)ā/ala-ŋ ‘(лесная) поляна, роща, заливной луг’: булг. **halaŋ-uk* > чув. *olъx* ‘заливной луг’, як. *alās* (<*(h)alaŋ-ač), *alī* (<*(h)alaëu), долг. *alīn*, *alī*, тув. *alāk* (*(h)alaŋ-uk), крх.-уйг. *alaŋ*, чаг. *alaŋ*; тур. *alan*, тркм. *alaŋ* [19: 134–135; 26, II: 277; 36: 147]’. Долгота/краткость первого **a* в пратюркском не поддается проверке. Тркм. и як. формы могут быть вторично сокращены. Для якутского это нормально в старом производном, см. [62: 42–45]. Для туркменского ср. сокращение в производном с тем же аффиксом: *ōl* ‘влажный’, *ōleŋ* ‘луг’.

Таутосиллабическое сочетание с плавным: неустойчивая рефлексация **al/*l*: слав. **balvanь* (цслав. *блавань*) ‘идол’, (южно- и западнослав.) **balъvanь* (ср.-болг. *балвань* (XIII в.), болг., мак. *балван*, с.-хорв. *бàлван*, слов. *balvân*, чеш. *balvan*, польск. *bałwan*) ‘идол; колода’; **bъlvanь* (др.-рус., цслав. *бълвань*, *болвань*, укр. *боввân*, белор. *балвân*, с.-хорв. *бѡвâн* ‘идол, брус’, слов. *bolvân*) ‘идол; блок’. Восточнослав. **bъlvanь* > вост.-балт. **bûlvānos* > литов. *bulvōnas*, латыш. *bûlvāns*; зап.-рус. *bolvan* > литов. *balvōnas*. Др.-тюрк. *балбал* ‘надгробный памятник’, венг. *bálvány*, с 1001 г. Вероятно, иранизм в тюркском: ПИр **p̄ftu-āna*- ‘относящийся к мосту > низкая загородка’ > до-хотано-сакское **paŋvan* ‘погребальная выгородка’ > ПТ **bālba-n*?

ПТ краткое **ä* > дун./волж.-булг. **a* > слав. о:

Серб.-цслав. *огарь* ‘гончая’, с.-хорв., словен., чеш., польск., н.-луж. [25, III: 117; 63: 104]. ПТ **ākAr* ‘охотничья собака’, булг. > чув. *agar jitti* и т. п. [56: 23, 38]. К дун.-булг. восходит также венг. *agár* ‘гончая’, с 1193 г. Более раннее заимствование из др.-булг. – осетинское *egar* ‘гончая’.

Др.-рус. *коврига*, болг. *ковриг* ‘пирожок’ [25, II: 272]. Тюркское **gäbrAk* > тур. *gevrek* ‘род лаваша’, гаг. ‘печенье’ (из тур. заимствовано болг.

gevrék 'бублик'); дун.-булг. **kavrek*. Ср. як. *кэбирэх* 'хрупкий', аз. *kövräk* 'рыхлый, рассыпчатый' и т. п. [21: 7; 36: 690]; производное от **geber-* 'ломать', тркм. *gijür-*. Краткость гласного подтверждается туркменской формой слова (**-āb-* должно было бы дать **-āv-*, ср. тркм. *gāvīš* 'жвачка').

Волжско-булгарское заимствование в восточнославянский: рус. цслав. *ошакъ* 'осёл' в Пятикнижии (Ген 45:23) XV в.; топоним *Ошачье болото* (Мещера, XVI в.), см. [42: 264–265]. Автор предполагает заимствование из ядерно-тюркского *ešek* и развитие типа *Елена* > *Олёна*; но адаптация тюрк. *e-* в *je-* нехарактерна для русских тюркизмов. Естественнее предположить поздневолжско-булгарский источник, отразившийся в чув. *ашак* 'осёл' [26, I: 76]. Вопреки М. Рясяену и вслед за М. Федотовым мы предполагаем здесь не татаризм в чувашском, а закономерное развитие из ПТ **älč-gAk* 'осёл' [19: 317–318].

Волжско-булгарское заимствование в восточнославянский: рус. *ковёр*, Ген. – *вра́*, укр. *ко́вер*, др.-рус. *ковьрь* (Сказание о Борисе и Глебе в Лаврентьевской летописи и др.) 'ковёр' [25, II: 270–271]. ПТ **Kebīř* или **Kebūr* 'ковёр', волж.-булг. **kavər*, крх.-уйг. *keviz, köwüz*; тур. диал. *köüz* [31: 83; 36: 692].

ПТ долгое **ā* > дун.-булг. **ā* > южнослав. *a*:

Ст.-слав. *капъ* ж. 'облик', 'статуя, идол', *капиште* 'языческий храм', болг. *ка̀пище* [13: 231; 25, II: 185–186]. Из дун.-булг. **kāp* < ПТ **gār* 'форма, пример, изображение', раннебулгарское > венг. *kép* (ĕ/ē) (нечередующаяся долгота) 'внешний вид, портрет', с 1315 г., чув. *kap*; як. *кир*, тркм. *gār* [31: 44–45].

ПТ краткое **o* > дун.-булг. **o* > слав. *o*:

Старослав. *хорѣгы* (Супрасл.), = др.-рус.; болг. *хорѣгва* [13: 670], серб. *хору̀гва*, *хору̀га*, словен. *karōgla* (< **karōgva*), чеш. *korouhev*, др.-чеш. *koruhva*, словацк. *korúhev*, польск. *chorągiew* (ж.) и т. д. [25, IV: 268–269]: ПТ *(h)*oruŋgi* 'флаг' [36: 236] (орхон. *uruŋu*, др.-уйг. *sariŋ uruŋuluŋ* 'имеющий желтый флаг', Ibnü Muhenna *ūruŋu*); > письм.-монг. *oruŋgo*, *oruŋga* 'флаг', ср.-монг. (Hua-i i-yu) *oraŋqa* 'знамя, флаг', калм. *ору̀с* [54: 289] > дун.-булг. **horuŋgi*.

Ст.-слав. *сокачиѡ* 'мясник' (Супрасл.): ПТ **sok-* 'убивать, колоть (животных)' [36: 805], + ПТ *(X)*gčl* 'Nom. ag.' [39: 371–373] > дун.-булг. *(u) *wčl*, > дун.-булг. **soqъčə* [22: 396].

ПТ **og* > волжско-булг. **ov* > вост.-слав. *vo-*:

Вост.-слав. *воръ* (рус. с XVI в., укр. *ворюга* [25, I: 350]): ПТ **ogri* 'вор' (раннее или дун.-булг. **ovŋ* > венг. *or, orv*, с 1131 г.; волж.-булг. > чув. *вьгъ* 'вор') [19: 412–414; 36: 90; 37, II: 77–78].

Др.-рус. *тволага* 'тёлка' (XVI в., [24, III: 933]). ПТ **dog-lak* < **dog-* 'родиться, возникнуть' [21: 245–247] > венг. *tulok* 'молодой бык, молодая корова', с 1291 г.⁸

Др.-тюрк. *oj* = дун.-булг. ? > слав. *y*:

Ст.-слав. (Супрасл.), др.-рус. *быля* [25, I: 259]. Др.-тюрк. рунич. *bo/ujla* [36: 385]. Дун.-булг. βοελας, βοηλας, греч. Pl. βοιλᾶδες, βολιᾶδες [51, II: 93]. Качество и долгота первой гласной точно не определены.

ПТ долгое **ō* > дун.-булг., волж.-булг. **va* > слав., восточнослав. *va*:

Ст.-слав. *ваяти* (*ваяниемь* DPl. Супрасл., заимствовано в рус. *ваять* [25, I: 281]) 'лепить, высекать'. Если не от *вить* 'ткать', то: ПТ **ōj*- 'вырезать, выдалбливать, выкапывать' > дун.-булг. **vāj*- [19: 425–428, 434].

Слав. **kvaǵь* 'вред, ущерб' (южнослав., словац., гуцул.) [29: 150] (внутриславянская производность, предлагаемая там, выглядит неубедительно): ПТ **kōr* 'вред, убыток, ущерб', дун.-булг. **qvār* > венг. *kár* 'вред' [26, II: 369; 33: 73–74; 36: 641–642, 645–646; 46, I: 3–4; 50, II: 370], с 1019 г.

Славянское **tvarogъ* 'творог' (рус. диал. *тварог*, литер. (гиперкоррекция) *твóрог*, укр. *тваріг*, белор. *твóрог*, болг. *тварог*, чеш., словац. *tvaroh*, польск. *twaróg*, в.-луж. *twaroh*, н.-луж. *twarog*) [25, IV: 31–32]: ПТ **dōrak* 'сыр', дун.-булг. **tvāraq*, волж.-булг. > чув. *т̄vара*; ранне-булг. > венг. *túró* 'творог' [37, III: 1195; 50, III: 1005; 56: 490].

Др.-рус. *ватага* 'шатер' (только вост.-слав.) [25, I: 278]. ПТ **ōtag* 'палатка, жилище кочевника', волж.-булг. **vātag* [3, II: 66–67; 19: 484–487; 36: 46].

ПТ краткое **ō* > дун.-булг. **u* > южнослав. *u*:

Рус. цслав., серб. цслав. *боубръгъ*, *боубрекъ* (болг. *бѹбрек*, с.-хорв. *бубрег*) [25, I: 226]. ПТ **bōgrek* > (?) дун.-булг. **buvrek* > **bubrek* (-br- под влиянием начального *b*, ср. совр. тур. *böbrek*) 'почки' [20: 205–207; 22: 278; 36: 328; 37, II: 353]; волж.-булг. > чув. *püre* 'почки' (с контракцией).

Рус. цслав., болг. цслав. *курълькъ* 'образ, подобие (в том числе икона)', рус. цслав. *куруль* 'форма', 'формы' (редеривация? Поздненовгородский памятник, XVI в., с новгородским сдвигом *ь* > *u*). [24, I: 1380, 1378; 25, II: 425]: ПТ **görüg-lük* > (?) дунайско-булгарское **kurəvlək* 'форма, внешний вид' от **gör-* 'видеть', [21: 81; 36: 743] (ср. немного иначе Pritsak 1957: 212–213).

ПТ долгое **ō-* > дун.-булг. **ve* > южнослав. *ve-*:

Ст.-слав. *верига* 'цепь' (южнослав., рус.) [25, I: 299] (но славянская этимология, приведённая там, неубедительна из-за невозможной деривационной модели): ПТ **ōr-ük* (ПТ **ōr-* 'плести' > венг. *ver-*), ср. чув. *vər-en* 'толстая веревка' [19: 544–546].

Другой рефлекс мы можем видеть в серб. цслав. *колимогъ*, рус. цслав. *колимагъ* 'палатка, западнослав., рус. 'род повозки' [25, II: 291]: ПТ **gōl-* 'запрягать' > др.-уйг. *kölünü* 'повозка' [36: 719]. Вероятно,

как и в случае ст.-слав. *Атхульница* 'монастырская гостиница', это древнекипчакское, а не болгарское заимствование.

Рефлекс, подобный ПСлав. **r*_o < *VrC*:

Южнослав., западнослав. **vьrkoč* 'коса' [64], др.-рус. *вьрочь, ворочь* (XVI в.), рус. диал. *ворочь*, др.-укр. < польск. *варочь*, польск. (с XIV в.) *warkocz*, чеш., словац. *vrkoč*, с.-хорв. *vrkoč*. Др.-тюрк. *örküč* 'коса' < **ör-küč*.

ПТ *(b)ǫ-> волжско-булг. > восточнослав. *bi-*.

Рус. *бирюк* 'одинокий волк; нелюдимый человек' [25, I: 168]: ПТ **bǫrǫ* 'волк' > булг. **bire-g* > зап.-осет. *beræg*, вост.-осет. *biræg* [1, I: 262–263]; волж.-булг. > мар. *pirə, pirəg* 'волк'.

ПТ **u-* > дун.-булг. **u* > южнослав. *ъ(RC)*:

Цслав. (болг., серб.) *тльыгъ* 'мешок из цельной кожи' [18]: ПТ **tul-um, -kak*, тркм. диал. *tuluG* [22: 387; 36: 496; 56: 497–498]. Булгарское **tul-рХК*. Др.-венг. *tulbou* под 1200 г. [46, I: 231], из **tulbik*. Чув. *тъльр* может быть < рус. Кыпч. *tulup* [14, III: 1469 и сл.] > рус. *тулун*; рус. > польск. *tutub, tortop*.

Цслав. (болг., рус.) *кърчиу* 'кузнец' [24, I: 1412]: ПТ **kurč* 'сталь; твёрдый' + *-či* 'Nom. Ag.' [32: 171; 36: 647]. Но чув. *хорзь* 'сталь' предполагает вторичное **kōrč*, см. [23: 187].

ПТ краткое **u* (?) > дун.-булг. **u* = *ъ* > южнослав. *а*:

Др.-рус., цслав. (болг., рус.) *саска, сасыга, сасыгъ, въ сасызь* 'тигля' [24, III: 263]⁹. ПТ **sus-* 'черпать', крх.-уйг. *susiq* 'ведро', *susyraq* 'ковш', тркм. *sus-*, чув. *ъws-*, *ъwsa* 'челнок' (диал. *susa* из тат., но тат. *susa*, башк. *husa* из булг.) [33: 362–363].

ПТ краткое **u*- (?) > волж.-булг. **u* > восточнослав. *ъ*:

Др.-рус. *трунове* 'знатные люди у волжских булгар', **търунь* [25, IV: 108]. Др.-тюрк. *tudun* [37, III: 1194]. У Махмуда Кашгарского *tuḍun, tūḍūn*, ср.-кит. транскрипция 吐 菴 *thó don* ([36: 457] **tōḍun*, не совсем точно). Хазарское *Тудбуновс* и т. п. (долгота *-u-* не поддается выяснению); волж.-булг. **turun*.

ПТ **ü* > дун.-булг. **ü* > слав. *ь, (K)ъ*:

Слав. **тъта* 'десять тысяч; очень много', рус., укр. *тьма*, белор. *цьма*, др.-рус., ст.-слав. *тъма* (Синайский Псалтирь, Супрасл., Остромирово Евангелие), словен. *těmā*, др.-польск. *ćma*. ПТ **tūmen* 'десять тысяч, мириада', як., тркм. *tūmen* [22: 574–575; 36: 507–508; 37, II: 632–642] > < ПТох **tēmāne* 'десять тысяч', А *tēmānō*, В *tumāne* (согласно [34, № 1586], у тохарского слова среднеиранский источник; однако возможно и тюркское происхождение); др.-тюрк. > перс. *tūmān* 'десять тысяч'.

Цслав. *тевигъ* 'ремень, стягивающий упряжь' (церковнославянские памятники болгарского происхождения, но северо-западнорусского извода; возможно, эффект «бытовой орфографии», см. [11: 23–24], вместо **тъвигъ*): Й. Райнхарт [16] возводит к дун.-булг. *tūg-lg*, произ-

водному по глаголу **düg*- ‘завязывать’ [21: 306–308], которое может быть прямым предком чув. *təvə* ‘узел, петля’ [26, II: 210].

Ст.-слав. *кънига* (Супрасл., Мариинское, Зографское, Ассеманиево Евангелия), болг. *книга*, серб. *књига*, словен. *knjiga*, чеш., словац. *kniha*, польск. *księga*, в.-луж. *kniha*, н.-луж. *knigwy* (PI), рус., укр. *книга*; ст.-слав., др.-рус. *кънигычи* ‘библиотекаръ’ (Супрасл., Мариинское, Зографское Евангелия, Черноризецъ Храбрь), рус. *книгоцѣй* ‘библиоман’. Из дун.-булг. **künik/g* > венг. *könyv*, др.-чув. **köñiy* > морд. *коñов* ‘бумага’; зап.-осет. *к’тнуг* ‘книга, буква’. Др.-тюрк.: др.-уйг. *kün bitig* [KWN РҮТҮК] ‘том’ [43: 15, строка 6]. См. [25, II: 262–263; 56: 307]. Тюрк. из кит. 卷, совр. *juàn*, ср.-кит. *kwèn*, др.-кит. *kwrenʔ-s* ‘свиток, том’; ЗХ *kwjǎn*, ВХ *kwrán*, ранне-постклассический др.-кит. *kwén* [44: 0226].

Ст.-слав. *къркыга* ‘паланкин’ (Супрасл.) [57]: из дун.-булг. *kürk* > чув. *kərək* ‘шуба’, ПТ **kürk*, тркм. диал. *kürk* [31: 149; 36: 741; 37, IV: 1628].

Аналогичную адаптацию могло пережить раннее заимствование из кыпчакского: цслав. **tbz*- ‘равный, тождественный’ (с ранних памятников русского и сербского изводов), по [17], из рефлекса ПТ **dür* ‘прямой, ровный; равный’, чув. *türə, törə*, туркм. *düz* [21: 309–312].

ПТ краткое **ü* > волжско-булг. **ü* > восточнослав. (*Ku*), (*Pi*):

Цслав. (рус.) *коуригъ* ‘шафер’ [15]: ПТ **güdegü* ‘зять’, чув. *kərü*, як. *kütüö*, тркм. *gijev*.

Восточнослав. **pirog* (> др.-чеш., словац., др.-польск., польск.) ‘пирог’: рус., белор. *пирог*, укр. *пиріг*, чеш., словац. *piroh*, др.-чеш. *pirožek* ([48: 451]: из укр. диал.), польск. *pieióg* [25, III: 265–266] (все предлагаемые славянские этимологии неубедительны; то, что слово не представлено в южнославянских, как аргумент против тюркской этимологии не работает). ЯТ **bürek* ‘пирог’ [20: 219] от **bür*- ‘прикрывать’, чув. *pər-*.

ПТ краткое **i* > булг. **ь* > слав. *a*:

Ст.-слав., др.-рус. *шарь* ‘краска’, *шарьчи* ‘художник’, *шарити* ‘рисовать’, болг. *шар* ‘пятно’; с.-хорв. *шара* ‘пестрота’, словен. *šar* ‘пёстрый’. Булг. **šir* ‘краска’, ПТ **sir* ‘цвет, краска, лак’, чув. *сьр* ‘цвет, краска’ < кыпч. [33: 438–439]. ПТ < кит. 漆, совр. *qi* 1, ср.-кит. *chjit*, др.-кит. *shit*, ЗХ, ВХ *shjət*, ранне-посткласс.-др.-кит. *shjit* ‘лаковое дерево, лак (*Rhus vernicuflua*)’, с диалектным произношением финали -*t* как -*r* [44: 0401 b].

Южнослав., западнослав. **kargujь* ‘ястреб, сокол’ > ст.-слав., цслав. *кразуи*, болг. *кразуи*, с.-хорв. *кразуј*, словен. *kragulj*, чеш. *krahujec, krahulec*, польск. *krogulec*, в.-луж. *kraholc* (< чеш.), укр. *крогулець* (< польск.). Дун.-булг. > венг. *karvaly*; ПТ **Kirkuj* ‘ястреб, сокол’, чув. *xərxi*, як. *kirbij*, тркм. *Giryi* [33: 231, 232–235; 36: 654–655] (ср. [60: 509–510]). Мнение о монголизме в тюркском, высказанное в [61: 275], не подтверждается анализом распространения слова (в тюркских языках закономерные

рефлексы имеются и в ЯТ, и в ПБ; в монгольских же только в северной группе, в которой особенно много тюркизмов).

ПТ *iĭC > булг. *iĭC > слав. њC:

Слав. **тълмаць*: 'переводчик' др.-рус. *тълмачь*, др.-хорв. *тълмачь*, болг. *тълмач*, с.-хорв. *тумач*, словен. *tolmač*, чеш. *tlumač*, польск. *tłumacz*, в.-луж. *tołtač*. ПТ **dilmač* < **dil* 'язык'; венг. *tolmács*, видимо, из славянского (по фонетическим причинам, вопреки [60: 917–920]).

ПТ *i > (дун.-булг. **ə* ?) > слав. *ě*:

Слав. **tětegъ*: цслав. *темегъ* 'носилки' [57], др.-рус. *тутяга* 'покрышка на возу' (Псковская судная грамота [24, III: 961], с псковским сдвигом *ě* > *ŷ*). Др.-тюрк. гапакс *diydek* [36: 454] 'занавеска паланкина' из кит. 抬 совр. *tai* 1, др.-кит. *dhē*, ЗХ, ВХ, пост.-класс. др.-кит. *dhē*, ср.-кит. *dlj* 'нести, поднимать (носилки) [Хань]' с тюрк. афф. -*dAk*.

Слав. **běľčig* 'оковы': цслав. (рус., болг.) *бьльчоугъ* (с XII в. [24, I: 68]), болг. *белчугъ*, с.-хорв. *бидчугъ*, цслав. (серб.) *бьльчугъ* 'браслет' [25, I: 150]. ПТ **bilek* 'предплечье' + *-ček* (ср. *kol-čak* 'повязка', *el-ček* 'перчатки', при регулярном падении -*k*), [5: 172–173] > булг. **bile-ček*, **bilen-ček*. Ср. венг. *bilincs* 'оковы', 1558 г. *Bylynch*, 1577 г. *belenchÿk*, 1844 г. *bélincs*, 1890 г. *bélléncs* [45].

Видимо, из кыпчакского источника слав. **bělegъ* 'знак': цслав. (рус.) *бьльгъ*, рус. *белёг*, болг. *белег*, с.-хорв. *бѷлег*, *белег*, словен. *béležen*. Так же и венг. *bélyeg* (*ë*), с 1263 г. (*biluk*, и.с.). В ПТ находим: а) **bäl-gö* 'знак', др.-уйг. *belgü* 'дифференциальный признак', рунич. уйг. 'тамга', крх.-уйг. 'знак', дифференциальный признак, ср.-уйг. 'знак', чаг. 'знак, тамга, цель', хор. 'знак, надгробие', волж.-булг. *belü* (с даммой) [40: 163] 'надгробие', чув. *palъ* 'знак, примета', як. *belie* 'знак' и т.д.; б) **bäl-ük* > чув. *palъk*, *palkъ* 'надгробие' (архаизм) [3, X: 84]; в) **bäl-lüg* > чув. *pal-лъ* 'знак, примета, цель, известный'; в других языках только прилаг.; тркм., тур., гаг., кар., ккалп. *belli*, аз. *bälli*, тоф. *beldi* 'известный, очевидно' [20: 108–111; 26, I: 381, 382; 36: 340; 37, I: 216–217]. Во всех случаях гипотеза о булгаризме в венг. и слав. не проходит по вокализму.

Также восточнослав. *bilinč* 'знак': др.-рус. *билинчъ* (Ипатьевская летопись, под 1193 г.) скорее из куманского, в рассказе о русско-куманских отношениях, ПТ **bil-inč* от **bil-* 'знать' [25, I: 165].

ПТ *iRC > булг. *iRC > слав. њRC:

Цслав. (рус.) *блехъчии*, *бльхъчии* 'кузнец', др.-болг. *блѣхчии*, болг. *блѣхчия* 'плотник'. ПТ *bilgüči* 'мудрец', чув. *pələvšə*. Дун.-булг. > венг. *bölcs*, с 1211 г., *belcs* (не из фиктивного ПТ **bögü-či* 'мудрец', вопреки [60: 170], см. [7]).

Ст.-слав. *чрьгоу-быля* 'титул' < булг. < ПТ **ičregü* от **ičre* 'внутри' [36: 30].

Вост.-слав. **žьпчигь*, др.-рус. *жьпчугь* < волж.-булг. **žinčü-k* < ПТ **jinčü* < кит. 真, совр. *zhen*, ср.-кит. *čín*, др.-кит. *tin*, ЗХ *tjəŋ*, ВХ *čəŋ*, пост.-класс. др.-кит. *čín* 'подлинный' [44: 0375]; 珠, совр. *zhu* 1, ср.-кит. *čü*, др.-кит. *to*, ЗХ *twa*, ВХ *čwa*, пост.-класс. др.-кит. *čwo* 'жемчуг' [44: 0128].

ПТ **ѣ* > (дун.-булг. ?) > южнослав. *i*:

Цслав. (рус., болг.) *тикърь* 'зеркало' (Супрасл. дефектная форма *микъ*) [25, IV: 57]: ПТ **tĕkör* 'круг, диск, колесо', чув. *təgər* (< **tükür*) 'зеркало', тркм. *teker*, [21: 176–179, 281–282 (смешано несколько корней); 22: 400; 56: 470]. Венг. *tükör* 'зеркало', с 1215 г., *Ticur*-, из болгарского, по семантическим причинам.

Слав. **čigotъ* 'дворянин': др.-рус. *чиготь* σπαθάριος, булг. тѣцѣотос, цслав. (серб.) *чиготь* [25, IV: 360]. ПТ **jeġit*, **jeġen* 'молодой человек, герой' [22: 301; 30: 198–199; 36: 911; 37, IV: 185].

ПТ **ѣ* > (дун.-булг. ?) > южнослав. *i*:

Слав. **birъ* 'налог', **birčijъ* 'мытарь': ср.-рус. *бир*, *бирчий*, болг. *бир*, с.-хорв. *bŭr*, словен. *bŭr* [25, I: 166]. Ср. венг. *bér* (*ě*) (нечередующаяся долготы) 'налог', с 1121 г. (*Byr*). ПТ **bĕr-* 'давать', чув. *par-*, як. *bier-*, аз. *ver-*, туркм. *ber-*, салар. *be(r)*, *ve(r)*, *vĕ(r)-*, халадж. *vĕr-* [20: 114–116; 36: 354–355]. Венгерский может быть из ПТ ***bĕr* (менее возможно) или **bĕr-i*. Вопреки [41], заимствование из **bĕr-gŭ* должно было бы сохранить конечный гласный [46, I: 355]: венг. из слав., но тогда скорее ожидалось бы др.-венг. **ī*, венг. *i* или *ĭ*).

ПТ **āj* > волж.-булг. **-i-* > восточнослав. *i*:

Рус. *сигать* 'прыгать', белор. *сігáць* 'шагать' [25, III: 618]. ПТ **sājk-* 'прыгать', чув. *sik-*, як. *ekkirie-*, долг. *ekkirē-*, тур. *sek-*, *sejir-*, аз. *säk-*, *sājri-*, тркм. *segre-*, *sākdir-* [26, II: 48–49; 33: 238–240; 36: 822]. Дун.-булг. > венг. *szök-ik-* (*ë*) 'бежать', с 1150 г. (*Zeku-*).

ПТ **а* > дун.-булг. *ĭ* > южнослав. *ь*, (*K*) *ъ*:

(?) Слав. **сьрагъ* 'мешок, карман, вид одежды': др.-рус. *чьпагъ* (с XIII в. [24, III: 1554]); ср.-рус. *чпаг*, цслав. (серб.) *чьпагъ*, серб. *чпаг* [25, IV: 373–374]. (?) Дун.-булг. **čĭrag* < ПТ **čar-gu*, **čar-ug* > ЯТ **čar-gu*, **čar-ug* 'подол, ластовица, вид одежды', крх.-уйг. *čarγut* 'потрёпанная одежда', чаг. *čabuq* 'подол, юбка', др.-кыпч. *čarγut* 'ношенная одежда', тур. *čarut* 'ношенная одежда', тркм. *čabit* 'женское платье', *čarĭ* 'декоративные отделки на одежде', 'подол', кум. *čabiw* 'ластовица, подол', ног. *šabuw* 'вставка в переднюю часть подола', тат. *čabu*, башк. *sabiw* 'подол, юбка', каз. *šabu* 'подол', ккалп. *šabuw* 'ластовица', кирг. *čarap-čarqit* 'верхняя одежда', *čabū*, алт. *čabu*, хак. *sabiγ*, тув. *šaviγ*, тоф. *šabiγ* 'ластовица', халадж. *čabuγ* 'вырез на женской рубашке' [2: 643; 36: 396; 37, III: 47; 56: 99].

Слав. **дъхторъ* 'подушка': рус. цслав. и ст.-слав. *дохъторъ* (Зографское Евангелие), *дъхторъ* (Супрасл.). ПТ **jaṭ-gur*: чув. *śiDar* 'подушка',

**jat-* ‘лежать’ (як. *sit-*, долг. *hit-*) + *-gUr* отглагол. [55: 130]¹⁰. Ср. др.-тюрк. *jatuy* ‘лежанка’, *jatuq* ‘войлочный ковер’ (ср. ст.-слав. *мѣхульница* ‘монастырская гостиница’ с кыпчакским рефлексом ПТ **j-*).

Можно видеть, что правила фонологической адаптации болгарских гласных в славянских языках по большей части строго определены и характеризуют как фонологию ранних южнославянских и восточнославянских языков, так и особенности фонетического развития диалектов дунайских и волжских болгар. Анализ правил для некоторых согласных см. в [8; 38].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Последняя версия пратюркской реконструкции, из которой мы исходим, представлена в [6: 5–64].

2. Соответствующие материалы см. в [7].

3. Демонстрацию венгерских рефлексов см. в [7].

4. Здесь и далее данные о венгерских словах приведены по [41; 50]. Ср. справедливое замечание И. Вашари [67: 445], что здесь венгерское и славянское слова восходят к разным тюркским диалектам. Отсутствие озвончения **p-* и *s* [ʃ] < **č* в венгерской форме говорит за древнеболгарское происхождение; наоборот, славянская форма должна быть заимствована из дунайско-болгарской; см., в частности, [8].

5. По реконструкции О.А.Мудрака (см. [23: 208–212] здесь первый гласный – **ǰ* (*ы* в тувинском и тофаларском, при нерегулярном соотношении между чувашским *й* и якутским *а*), но мы пока воздерживаемся от возведения таких соответствий к отдельной пратюркской фонеме (см. [6: 50]). Болгарское заимствование из дунайско-болгарского указывает на **a*. Конечный *-m* – один из признаков болгарского (а не ЯТ) происхождения.

6. Ср. [60: 491–492] (смешаны различные производные).

7. Подробно см. [10].

8. Ср. [53: 208–212]; сведение рассматриваемого слова и тюркского названия детёныша копытного **toqlī* невозможно по фонетическим причинам.

9. Вряд ли к др.-тюрк. *sasiq* ‘гончарные изделия’, гапакс у Махмуда Кашгарского, «диалект учей», Дж. Клосон [36: 856] считает слово очевидным заимствованием; ср., впрочем, [39: 43], где предполагается производность от (также гапакса) *sasi* ‘глина’. Ср. [53: 200–208] об осм. *saqsī* ‘цветочный горшок’ и пр.; нуждается в верификации.

10. Как показано в [35: 165], принятая в литературе этимология из монг. *жойдур* ‘грива верблюда или льва’ неприемлема. В лучшем

случае, монг. слово (письм.-монг. *жойдур*, халха *зогдор* Joeedo*; бурят. *зогдор*, калм. *зогдр*, *зоудр* [54: 475], ойрат. *зогдор*; ордос. *DžuGdur* 'les longs poils du cou, des pattes et de la tête du chameau' [52: 216]), представленное только в северных монгольских языках, может быть заимствовано из тюрк.: крх.-уйг. *joydu*, *joyru* 'длинные волосы на шее верблюда' [36: 899], но последнее не имеет никакого отношения к чув. 'подушка'.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

аз. – азербайджанский; алт. – алтайский; башк. – башкирский; белор. – белорусский; болг. – болгарский; булг. – болгарский; бурят. – бурятский; в.-луж. – верхнелужицкий; восточнослав. – восточнославянский; венг. – венгерский; волж.-булг. – волжско-булгарский; вост.-балт. – восточнобалтийский; вост.-осет. – восточноосетинский; гаг. – гагаузский; греч. – греческий; гуцул. – гуцульский; диал. – диалектный; долг. – долганский; др.-болг. – древнеболгарский; др.-булг. – древнебулгарский; др.-венг. – древневенгерский; др.-кит. – древнекитайский; др.-кыпч. – древнекыпчакский; др.-польск. – древнепольский; др.-русск. – древнерусский; др.-серб. – древнесербский; др.-тюрк. – древнетюркский; др.-укр. – древнеукраинский; др.-уйг. – древнеуйгурский; др.-хорв. – древнехорватский; дун.-булг. – дунайско-булгарский; западнослав. – западнославянский; зап.-осет. – западноосетинский; зап.-рус. – западнорусский; каз. – казахский; калм. – калмыцкий; кар. – караимский; кирг. – киргизский; кит. – китайский; ккалп. – каракалпакский; карах.-уйг. – караханидско-уйгурский; кум. – кумыкский; кыпч. – кыпчакский; лат. – латышский; литер. – литературный; литов. – литовский; мак. – македонский; мар. – марийский; монг. – монгольский; н.-уйг. – новоуйгурский; н.-луж. – нижнелужицкий; ног. – ногойский; огуз. – огузский; ойрат. – ойратский; ордос. – ордосский; орхон. – орхонский; осм. – османский; перс. – персидский; письм.-монг. – письменно-монгольский; поздне-др.-уйг. – поздне-древнеуйгурский; полаб. – полабский; польск. – польский; ПТох – пратохарский; ранне-булг. – раннебулгарский; рунич. – рунический; рус. – русский; серб. – сербский; серб.-цслав. – церковнославянский сербского извода; салар. – саларский; староболг. – староболгарский; с.-хорв. – сербохорватский; слав. – славянский; словац. – словацкий; словен. – словенский; ср.-болг. – среднеболгарский; ср.-кит. – среднекитайский; ср.-монг. – среднемонгольский; ср.-перс. – среднеперсидский; ср.-уйг. – среднеуйгурский; ст.-слав. – старославянский; тат. – татарский; тоф. – тофаларский; тох. А – тохарский А; тох. В – тохарский В; тркм. – туркменский; тув. – тувинский; тур. – турецкий;

удм. – удмуртский; уйг. – уйгурский; укр. – украинский; хак. – хакасский; халадж. – халаджский; цслав. – церковнославянский; чагат. – чагатайский; чеш. – чешский; чуваш. – чувашский; южнослав. – южнославянский; якут. – якутский.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

Gen. – генитив; Nom. Ag. – Nomen Agentis; Pl. – множественное число; Refl. – возвратный залог; Sg. – единственное число; афф. – аффикс; будд. – буддийский; ВХ – Восточная Хань; ЗХ – Западная Хань; и.с. – имя собственное; письм. – письменный; пост-класс. – постклассический; Супрасл. – Супрасльская рукопись; совр. – современный.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.: Л., 1958–1995. Т. I–V.

2. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.

3. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. 1–17.

4. Български Етимологичен Речник. София. Издателство на българската академия на науките. 1971–2010. Т. I–VII.

5. *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки славянских культур, 1996.

6. *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007.

7. *Дыбо А.В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen Band. 2010. 32/33.*

8. *Дыбо А.В.* Отражение болгарских палатализаций в болгаризмах венгерского языка // *Материалы Международной тюркологической конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики».* Чебоксары, 15–18 сентября 2010 г. Чебоксары, 2011.

9. *Дыбо А.В.* Тюркские и славянские языки: контактные явления // *Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.* Казань, 2019. С. 77–86.

10. *Дьячковский Ф.Н., Попова Н.И.* Алаас как концепт якутской лингвокультуры // *Урало-алтайские исследования.* 2014. № 12. С. 58–67.

11. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

12. *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001.

13. Младенов С. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
14. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1899–1911.
15. Райнхарт Й. Древнерусское *коуригъ* ‘шафер, дружка’: заимствование из протобулгарского языка // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбот. М., 2007. С. 307–317.
16. Райнхарт Й. Церковнославянское *tevigъ* ‘ремень, стягивающий упряжь’, заимствование из дунайско-булгарского языка // Библиистика – Славистика – Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева). СПб., 2011. С. 494–498.
17. Райнхарт Й. Этимология старославянского *тъзъ* ‘тот же; подобный’, восточнославянского *тезка* (*те́зка, цѣзка, тезко*) // Sapere aude. Сборник в чест на проф. дфн Искра Христова-Шомова. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2019. С. 129–136.
18. Русек Й., Рачева М. К древнейшим заимствованиям тюркского происхождения в болгарском языке: *тльпыгъ* ‘мешок из целой кожи’ // Балканско езикознание. 1980. № XXIII/1. С. 39–41.
19. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
20. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву ‘Б’. М., 1978.
21. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на ‘Г’, ‘Д’. М., 1980.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.
23. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М.: Наука, 2006.
24. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Т. I–III.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. О.Н. Трубачёва. М., 1964–1973.
26. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. I–II.
27. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
28. Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка. М., 2001. Т. I; 2009. Т. II.
29. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачёва. М., 1974.
30. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’ / Авт. сл. статей Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. М., 1989.
31. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘К’, ‘К’ / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 1997.
32. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и меж-

- тюркские основы на букву 'Қ' / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 2000.
33. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Л', 'М', 'Н', 'П', 'С' / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. М., 2003.
34. *Adams D.Q.* A Dictionary of Tocharian. Amsterdam; Atlanta, 1999.
35. *Clark L.V.* Mongol Elements in Old Turkic? // JSFOu. 1977. Т. 75.
36. *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
37. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. Vol. I; 1965. Vol. II; 1967. Vol. III.
38. *Dybo A.V.* Bulgarian borrowings in Hungarian: the problem of reflecting *q- // Words and Dictionaries. A Festschrift for Professor Stanisław Stachowski on the Occasion of His 85th Birthday, Krakow: Jagiellonian University Press, 2016. P. 113–126.
39. *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. Wiesbaden, 1991. Vol. I–II.
40. *Erdal M.* Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.
41. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, Akadémiai kiadó, 1993. Bd. I–III.
42. *Grishchenko A.I.* Turkic Loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs Edited According to the Masoretic Text // Studia Slavica Hung. 2016. Vol. 61/2. P. 253–273. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.1
43. *Hamilton J.* Manuscripts ouigours du IX–X siècle de Touen-Houang. P., 1986. T. I.
44. *Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. P., 1923.
45. *Ligeti L.* Noms turcs pour 'fers, bracelet, bague' dans les langues slaves et dans le hongrois // Studia slavica. 1966. T. XII, fasc. 1–4.
46. *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. Budapest, 1977. T. I; 1979. T. II.
47. *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-ouigour des Ming. Le «Kao-ch'ang-kouan yi-chou» du bureau des traducteurs // AOH. 1966. T. XIX, fasc. 2–3.
48. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
49. *MacKenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
50. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967–1976. T. I–III.
51. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Leiden: Brill, 1983.
52. *Mostaert A.* Dictionnaire ordos. P., 1960.
53. *Pritzak O.* Bolgarische Etymologien I–III // Ural-altaische Jahrbücher. 1957. № 29. S. 200–214.
54. *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
55. *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.
56. *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.
57. *Reinhart J.* Zur Quellenkunde von Miklosichs Lexicon paleoslovenico-graeco-

latinum: die Dezembermenäe des Österreichischen Nationalbibliothek // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1995. № 41. S. 193–197.

58. *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden, 1988.

59. *Róna-Tas A.* Néhány megjegyzés faneveinkről (*Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kóris, mogyoró, tölggy*) // Magyar Nyelv. 2005. № 3. S. 419–438.

60. *András Róna-Tas, Árpád Berta, László Károly.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part I: Introduction, Lexicon «A–K» (X, 618 s.). Part II: Lexicon «L–Z», Conclusions, Apparatus. (X, S. 620–1494). Turcologica. Herausgegeben von Lars Johanson. Band: 84. Harrassowitz. Wiesbaden, 2011.

61. *Rybatzki, V.* Mongolische Lehnwörter bei Mahmud al-Kašgari? Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi: 63. İstanbul, 2011. S. 367–380.

62. *Stachowski M.* Geschichte der jakutische Vocalismus. Kraków, 1992.

63. *Stachowski M.* Problem orientalnych etimologii polskiego *ogar* i węgierskiego *agár* // Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej, 32. SOW. Warszawa, 1995. S. 103–115.

64. *Stachowski S.* Ein bulgar-türkisches Lehnwort in den slawischen Sprachen (*varkoč* 'Haarzopf'). // Bahşi Ögdisi. Klaus Röhrborn Armağanı. Freiburg; İstanbul, 1998. S. 379–389.

65. *Stachowski M.* Uwagi o zapożyczeniach altajskich w języku prastowiańskim i kwestie pokrewne // Studia Turcologica Cracoviensia. 2005. № 10. S. 437–454.

66. *Stachowski M.* Eugen Helimskis Materialien zur Erforschung der ältesten slawisch-ungarischen Sprachkontakte // Studia Etymologica Cracoviensia Kraków. 2009. № 14. S. 35–107.

67. *Vásáry I.* Turcological remarks on Old Church Slavonic *ковъчезъ* 'box, coffin' // Studia Slavica Hung. 2007. № 52/1-2. S. 441–446.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. (1958–1995) *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historic-etymological dictionary of Ossetic]. Moscow; Leningrad.

2. Anikin, A.E. (2000) *Etimologičeskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altajskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects in Siberia: Loanwords from Uralic, Altaic and Palaeoasiatic Languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.

3. Ashmarin, N.I. (1928–1950) *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Dictionary]. Kazan; Cheboksary: [s.n.].

4. Georgiew, Wl. Et al. (1971–2010) *B'lgarski Etimologičen Rechnik* [Bulgarian etymological dictionary]. Sofiya: Bulgarian AS.

5. Dybo, A.V. (1996) *Semantičeskaya rekonstruktsiya v altajskoj etimologii* [Semantical reconstrction in the Altaic etymology]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

6. Dybo, A.V. (2007) *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov* [Language contacts of early Turks]. Moscow: Vostochnaya literatura.

7. Dybo, A.V. (2010) Vokalizm rannetyurkskikh zaimstvovaniy v vengerskom

[Vowel system of early Turkic borrowings in Hungarian]. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 32/33.

8. Dybo, A.V. (2011) Otrazhenie bulgarskikh palatalizatsiy v bulgarizmakh vengerskogo yazyka [Reflexes of Bulgarian palatalisations in Hungarian]. *Chuvashskiy yazyk i sovremennyye problemy altaistiki* [Chuvash Language and Problems of Altaistic]. Proc. of the International Turkological Conference. Cheboksary, September 15–18, 2010. Cheboksary.

9. Dybo, A.V. (2019) Tyurkskie i slavyanskije yazyki: kontaktnye yavleniya [Turkic and Slavic languages: contact contact phenomena]. *Tyurkskoe yazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya* [Turkic Linguistics of the 21st Century: Lexicology and Lexicography]. Proc. of the Conference. Kazan. pp. 77–86.

10. Dyachkovskiy, F.N. & Popova, N.I. (2014) Alaas as a concept of the Yakut (Sakha) linguoculture. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altai Studies*. 12. pp. 58–67 (in Russian).

11. Zaliznyak, A.A. (2004) *Drevne-novgorodskiy dialekt* [The Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

12. Meillet, A. (2001) *Obshch斯拉vianskiy yazyk* [Common Slavic language]. Translated from French. Moscow: Progress.

13. Mladenov, S. (1941) *Etimologicheski i pravopisen rechnik na b'lgarskiya knizhoven ezik*. Sofia: [s.n.].

14. Radloff, V. (1899–1911) *Opyt slovary tyurkskikh narechiy: v 4 t.* [A Dictionary of Turkic Dialects: in 4 vols]. Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].

15. Reinhart, J. (2007) Drevnerusskoe kourig' 'shafer, družka': zaimstvovanie iz protobulgarskogo yazyka [Old Russian *kourig'* 'best man' as a loanword from the Protobulgar]. In: Zhuravlev, A.F. (ed.) *Ad fontes verborum. Issledovaniya po etimologii i istoricheskoy semantike* [Ad fontes verborum. Research on Etymology and Historical Semantics]. Moscow: Indrik. pp. 307–317.

16. Reinhart, J. (2011) Tserkovnoslavyanskoe *tevig'* 'remen', styagivayushchiy upryazh', zaimstvovanie iz dunaysko-bulgarskogo yazyka [The Church Slavonic *tevig'* 'a harness belt' as a loanword from the Danube Bulgar]. In: Alekseeva, E.L. (ed.) *Bibleistika – Slavistika – Rusistika* [Biblical Studies – Slavistics – Russian Studies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 494–498

17. Reinhart, J. (2019) Etimologiya staroslavyanskogo t'z- 'tot zhe; podobny', vostochnoslavyanskogo tezka (tezka, tsezka, tezko) [The etymology of Slavonic *tez* 'the same']. In: Savova, V. (ed.) *Sapere aude*. Sofia: Sv. Kliment Okhridski. pp. 129–136.

18. Rusek, Y. & Racheva, M. (1980) K drevneyshim zaimstvovaniyam tyurkskogo proiskhozhdeniya v bolgarskom yazyke: tl'pyg' 'meshok iz tseloy kozhi' [To the oldest borrowings from Turkic in Bulgarian: tl'pyg' 'wineskin']. *Balkansko ezikoznanie*. XXIII/1. pp. 39–41.

19. Sevortyan, E.V. (1974) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Vowel Stems]. Moscow: Nauka.

20. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu 'B'* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic B-Initial Stems]. Moscow: Nauka.

21. Sevortyan, E.V. (1980) *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na 'G', 'D'* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic G- and D-initial stems]. Moscow: Nauka.

22. Tenishev, E.R. (ed.) (2000) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika* [Historical-Comparative Grammar of Turkic Languages. Lexics]. Moscow: Nauka.

23. Tenishev, E.R. & Dybo, A.V. (eds) (2006) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurka* [Historical-Comparative Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic]. Moscow: Nauka.

24. Sreznevsky, I. I. (1893–1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

25. Fasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of Russian]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

26. Fedotov, M. R. (1996) *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Chuvash]. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities.

27. Helimski, E.A. (2000) *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative Studies, Uralistics: Lectures and Papers]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

28. Tsabolov, R.L. (2001–2009) *Etimologicheskij slovar' kurdsogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Kurdish language]. Moscow: [s.n.].

29. Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Slavic languages]. Moscow: Nauka.

30. Sevortyan, E.V. & Levitskaya, L.S. (1989) *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy 'Ж', 'Zh', 'Y'* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic 'Ж'; 'Ж'; 'Й'-stems]. Moscow: Nauka.

31. Levitskaya, L.S., Dybo, A.V. & Rassadin, V.I. (1997) *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy 'K', 'K'* (Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic 'K'; 'K'-stems). Moscow: Nauka.

32. Levitskaya, L.S., Dybo, A.V. & Rassadin, V.I. (2000) *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy 'K'* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic 'K'-stems]. Moscow: Nauka.

33. Levitskaya, L.S. et al. (2003) *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy 'L', 'M', 'N', 'P', 'S'* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic 'L', 'M', 'N', 'P', 'S'-stems]. Moscow: Nauka.

34. Adams, D.Q. (1999) *A Dictionary of Tocharian*. Amsterdam: Atlanta.

35. Clark, L.V. (1977) Mongol Elements in Old Turkic? *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 75.

36. Clauson, G. (1972) *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.

37. Doerfer, G. (1963). *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden: Steiner.

38. Dybo, A.V. (2016) Bulgarian borrowings in Hungarian: the problem of reflecting *q-. In: Mańczak-Wohlfeld, E. & Podolak, B. (eds) *Words and Dictionaries. A Festschrift for Professor Stanisław Stachowski on the Occasion of His 85th Birthday*. Krakow: Jagiellonian University Press. pp. 113–126
39. Erdal, M. (1991) *Old Turkic Word Formation*. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz.
40. Erdal, M. (1993) *Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften*. Wiesbaden: Harrassowitz.
41. Benkő, L. (ed.) (1993) *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Budapest: Akadémiai kiadó.
42. Grishchenko, A.I. (2016) Turkic Loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs Edited According to the Masoretic Text. *Studia Slavica Hung.* 61/2. pp. 253–273. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.1
43. Hamilton, J. (1986) *Manuscripts ouïgours du IX–X siècle de Touen-Houang*. Vol. I. Paris: [s.n.].
44. Karlgren, B. (1923) *Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese*. Paris: [s.n.].
45. Ligeti, L. (1966) Noms turcs pour 'fers, bracelet, bague' dans les langues slaves et dans le hongrois. *Studia Slavica*. XII(1–4).
46. Ligeti, L. (1977). *A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van*. Budapest: Oriental reprints.
47. Ligeti, L. (1966) Un vocabulaire sino-ouïgour des Ming. Le "Kao-ch'ang-kouan yi-chou" du bureau des traducteurs. *AOH*. XIX(2–3).
48. Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Prague: Československá akademie věd.
49. MacKenzie, D.N. (1971) *A Concise Pahlavi Dictionary*. London: Routledge.
50. Benkő, L. (ed.) (1967–1976) *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
51. Moravcsik, Gy. (1983) *Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*. Leiden: Brill.
52. Mostaert, A. (1960) *Dictionnaire ordos*. Paris: [s.n.]
53. Pritzak, O. (1957) Bolgarische Etymologien I–III. *Ural-altaische Jahrbücher*. 29. pp. 200–214.
54. Ramstedt, G.J. (1935) *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
55. Räsänen, M. (1957) *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*. Helsinki: Societas Orientalis Fennica.
56. Räsänen, M. (1969) *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk-sprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
57. Reinhart, J. (1995) Zur Quellenkunde von Miklosichs Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum: die Dezembernähe des Österreichischen Nationalbibliothek. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 41. pp. 193–197.
58. Róna-Tas, A. (1988) Turkic Influence on the Uralic Languages. In Sinor, D. (ed.) *The Uralic Languages*. Leiden: Brill.
59. Róna-Tas, A. (2005) Néhány megjegyzés faneveinkről (Bükk, dió, gyertyán, gyümölcvény, gyűrűfa, éger, kőrís, mogyoró, tölgy). *Magyar Nyelv*. 3. pp. 419–438.
60. Róna-Tas, A. Árpád, B. & Károly, L. (2011) West Old Turkic. Turkic Loanwords

in Hungarian. Part I: Introduction, Lexicon "A–K" (X, 618 s.). In: Johanson, L. (ed.) *Turcologica*. Vol. 84. Wiesbaden: Harrassowitz. pp. 620–1494.

61. Rybatzki, V. (2011) Mongolische Lehnwörter bei Mahmud al-Kašgari? *Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi*. 63. pp. 367–380.

62. Stachowski, M. (1992) *Geschichte der jakutische Vocalismus*. Kraków: [s.n.].

63. Stachowski, M. (1995) Problem orientalnych etimologii polskiego ogar i węgierskiego agár. *Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 32. pp. 103–115.

64. Stachowski, S. (1998) Ein bulgar-türkisches Lehnwort in den slawischen Sprachen (varkoč 'Haarzopf'). In: Ögdisi, B. & Röhrborn, K. *Armağanı*. Freiburg / Istanbul: [s.n.]. pp. 379–389.

65. Stachowski, M. (2005) Uwagi o zapożyczeniach attajskich w języku prastowiańskim i kwestie pokrewne. *Studia Turcologica Cracoviensia*. 10. pp. 437–454.

66. Stachowski, M. (2009) Eugen Helimskis Materialien zur Erforschung der ältesten slawisch-ungarischen Sprachkontakte. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 14. pp. 35–107.

67. Vásáry, I. (2007) Turcological remarks on Old Church Slavonic ковъчегъ 'box, coffin'. *Studia Slavica Hung.* 52/1-2. pp. 441–446.

Дыбо Анна Владимировна – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующая отделом урало-алтайских исследований Института языкознания РАН, заведующая лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Anna V. Dybo – Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: adybo@mail.ru

УДК 811.112.28;811.16(81'37)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/12

Идиш-славянские языковые параллели (на материале префиксальных глаголов в рассказе Дер Нистера «Shiker» и в его украинском переводе)

К.А. Шишигин¹, Н.Б. Лебедева²

¹ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

² Кемеровский государственный университет
Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Авторское резюме

С позиций авторской теории языковой гибридности анализируются языковые словообразовательно-семантические параллели в идише и украинском языке. Представлены результаты сопоставительного исследования на материале префиксальных глаголов, используемых в рассказе советского еврейского писателя Дер Нистера «Shiker» и в его переводе на украинский язык «Сп'яніло» (перевод Э. Райцина). Языковые параллели показаны как славянские феномены в словообразовании и семантике префиксальных глаголов идиша, сформировавшиеся в результате адстратного влияния славянских языков на средневерхненемецкий, послуживший идишу основой. В сравнительно-историческом аспекте даётся информация о немецком плане выражения исследуемых идишских префиксов и их генетически славянском либо немецко-славянском плане содержания. В сопоставительном аспекте показывается, что более половины глаголов идишского исходного текста содержат семантически славянские префиксы-омонимы и префиксы с гибридной немецко-славянской полисемией. В переводоведческом аспекте иллюстрируется переводимость абсолютного большинства этих глаголов на украинский язык методом простой поморфемной и простой альтернативной поморфемной подстановки. В общетеоретическом аспекте уточняются термины и понятия «префиксы-омонимы» и «префикс с гибридной полисемией». Доказывается, что наличие идиш-славянских параллелей в исходном и переводящем языках и текстах является дополнительным свидетельством немецко-славянской гибридности генеалогически германского идиша.

Ключевые слова: идиш, украинский язык, языковая гибридность, языковая параллель, префиксы-омонимы, префикс с гибридной полисемией, перевод, простая поморфемная подстановка, простая альтернативная поморфемная подстановка.

Yiddish-Slavic language parallels (on the material of prefixed verbs in Der Nister’s “Shiker” and its Ukrainian translation)

K.A. Shishigin¹, N.B. Lebedeva²

¹ Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyannaya Lane, Moscow, 117997, Russia
E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

² **Kemerovo State University**
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Abstract

The article analyzes derivational and semantic parallels in Yiddish and Ukrainian from the standpoint of the author’s linguistic hybridity theory. It presents the results of a comparative study of prefixed verbs used in the story “Shiker” by the Soviet Yiddish writer Der Nister and its Ukrainian translation “Spanylo” (by E. Raitsin). Linguistic parallels are shown as Slavic phenomena in the Yiddish prefixed verb derivation and semantics, resulting from the Slavic adstrate influence on Middle High German – the basis language of Yiddish. The German expression plane of the studied Yiddish prefixes and their genetically Slavic or both German and Slavic content plane are discussed in terms of comparative history. The comparative studies shows that more than half of the verbs in the Yiddish source text contain semantically Slavic homonymous prefixes and German-Slavic hybrid polysemous prefixes. In terms of translatology, it is shown that the absolute majority of these verbs are translatable into Ukrainian by simple morphemic and alternative morphemic substitution. In the general theoretical aspect, the terms and concepts “homonymous prefixes” and “hybrid polysemous prefix” are specified. It has been proved that the Yiddish-Slavic parallels between Yiddish source and Ukrainian target language / between Yiddish original and its Ukrainian translation are an additional evidence of the German-Slavic hybridity of Yiddish as a genealogically Germanic language.

Keywords: Yiddish, Ukrainian, language hybridity, language parallel, homonymous prefixes, hybrid polysemous prefix, translation, simple morphemic substitution, simple alternative morphemic substitution.

В настоящей статье представлены результаты продолжаемого авторами исследования, которое ставит своей целью получение новых данных о гибридном характере идиша и уточнение авторской теории языковой гибридности а) на материале источников разных функциональных стилей и жанров – беллетристических и публицистических текстов, текстов художественной и общественно-политической литературы и её переводов, а также на материале лексикографическом и корпусном; б) на материале языковых единиц в аспекте их слово- и формообразования, семантики и узуса – глаголов, существительных (прежде всего, композитов и феминитивов), деминутивов разных частей речи и устойчивых словесных комплексов.

Теоретическое представление о гибридности идиша восходит к тезису основателя идишистики М. Вайнрайха о том, что ашкеназский идиом являет собой *shmeltsshprikh*¹ [34: 32], или гибридный² язык (применительно к идишу, в терминологии Р. Якобсона³ [21: 9]). В своих работах авторы настоящей статьи видят языковую гибридизацию и гибридность в более широком языковедческом контексте как обусловленные системным языковым контактом феномены, характерные не только для становления и современного состояния *идиша*, но для ряда языков, в частности для *ладино* (генетически романский язык сефардских евреев), *африкаанса* (генетически германский язык, родной для большей части населения ЮАР и Намибии, один из государственных в ЮАР) и *эйну* (неопределенной – тюркской или иранской – генеалогии язык народа эйну, живущего преимущественно на северо-западе Китая).

Мы определяем языковую **гибридность** как результат взаимодействия двух комплексных факторов: а) диахронно-социолингвистических (факторы 1 и 2 в определении ниже) и б) собственно языковых, рассматриваемых в диахронии (фактор 3) и – применительно к современному состоянию идиомов – в синхронии (фактор 4). Таким образом, в нашем определении **гибридный язык** представляет собой язык, испытавший **гибридизацию** – один из видов языкового контактирования, а именно «процесс такого развития языка L, при котором: 1) данный язык L (в анализируемом случае – немецкий) является материнским для вторичного коллектива его носителей (ашкеназских евреев), этнически иного, чем исконные его носители (немцы); 2) язык L функционирует в среде вторичных носителей и контактирует с языками С (семитскими и славянскими), которыми данные носители также пользуются в условиях полилингвизма или полиглотсии; 3) с течением времени материнский язык L начинает испытывать влияние, а затем системное воздействие со стороны контактных языков С, в результате чего 4) развивается гибридный язык Н (идиш), основа

которого – исходный язык L (немецкий язык-основа), с которым на базе адстрата скрестились системные разноуровневые пласты языков С (семитских и славянских языков-доноров)» [14: 212]).

Таким образом, будучи гибридным, идиш объединяет в себе три пласта: основной немецкий, адстратные семитский и славянский, которые охватывают все уровни и подсистемы языка, а также незначительный романский компонент в сфере лексики [35: 272–274]. Наибольшее системное адстратное влияние на идиш оказали «контактные славянские языки: польский, украинский и белорусский» [15: 276], а также еврейско-арамейский и древнееврейский [11; 33]. Термин «немецкий язык» все исследователи понимают как метаязыковую условность – не современный немецкий, но «средневерхненемецкий во всей его многоплановости» [22: 6]. Так, по замечанию М. Вайнрайха, «даже на древнейшей ступени своего развития идиш отличался от немецкого языка <...> Так, некоторые слова <...> которых *никогда не было* в немецком, встречаются уже в древнейшем идише» [35: 29]. Необходимо также уточнить, что: а) контактирующими семитскими языками выступили библейский иврит и библейский арамейский; б) польский же как хронологически первый контактный славянский язык, провоцировавший системную гибридизацию, следует понимать в первую очередь как разговорный среднепольский язык XVI–XVIII вв.: именно в то время, совпадающее с периодом среднего идиша (1500 – около 1700/1750 гг.), в ашкеназском идиоме наблюдается «отрыв от немецкого <...> проникновение древнееврейских компонентов, всё большее следование образцу славянских языков» [35: 32]; в) украинское и белорусское системное славянское влияние относится к тому же времени – XVI–XVIII вв. [15: 282–283]. Становление классической литературной нормы идиша происходит к концу XIX в.

Наиболее глубокую гибридизацию испытала идишская глагольная подсистема, в частности глагольно-префиксальное словообразование и семантика. Исследование идишского глагола в диахронном и синхронном сравнении и сопоставлении с немецким, славянским и семитским глаголом имеет давнюю традицию и актуально по настоящее время (см. обзор в [11–14; 35]). Так, ещё М. Вайнрайх определил фундаментальные задачи исследования глагольных префиксов и префиксальных глаголов следующим образом: «(1) проанализировать каждый из префиксов и сформулировать, что он означал в немецком языке <...> (2) определить семантическую функцию каждого префикса <...> (3) выяснить, в какой степени славянские языки повлияли на внутреннюю форму идишского глагола <...> (4) выявить, какие вторичные – отсутствующие в немецком и славянских языках – значения имеют слова в идише» (цит. по: [29: 144–145]).

Цель настоящей статьи укладывается в общую цель нашего продолжающегося исследования и заключается в анализе языковых словообразовательно-семантических параллелей в идише и славянских языках в сопоставлении. Цель полностью охватывает задачи, сформулированные М. Вайнрайхом. При этом авторы статьи а) рассматривают, безусловно, лишь те префиксы и глаголы с ними, которые используются в оригинале (все другие префиксы были рассмотрены нами ранее, см., в частности: [12–14]); б) исследуют идишские префиксальные глаголы в сопоставлении с украинскими префиксальными глаголами, использованными в тексте перевода, а именно те, которые в паре «идиш – украинский язык» являются языковыми параллелями.

Языковые параллели понимаются нами в тройном аспекте:

1) **сравнительно-историческом**, как языковые единицы, обладающие генетической общностью;

2) **сопоставительном**, как языковые единицы, которые имеют в двух сопоставляемых/контактирующих языках взаимно однозначные соответствия, тождественные или сходные в плане выражения и в плане содержания [4: 164; 5: 62];

3) **переводоведческом**, как семантически релевантные единицы любого уровня в двух – исходном (ИЯ) и переводящем (ПЯ) – языках, обладающие чертами структурного и семантического тождества или сходства, перевод которых возможен соответственно:

а) путём **простой подстановки**, при которой «замещаемая единица ИЯ и замещающая единица ПЯ полностью совпадают по своему системному <...> значению» [8: 122] и форме;

б) путём **простой альтернативной подстановки**, при которой перевод осуществляется с использованием одного из иных возможных соответствий [8: 124], структурно и семантически сходного с замещаемой единицей ИЯ.

Применительно к префиксальным глаголам (ПрГ) в паре «ИЯ идиш – ПЯ украинский» понятие простой подстановки мы уточняем следующим образом. Простая подстановка префиксальной и корневой морфем при переводе с идиша на славянские языки представляет собой, по сути, обратное калькирование, поскольку анализируемые идишские ПрГ являются поморфемными адстратно-славянскими копиями [20: 8], которые поморфемно же – от префикса ИЯ к префиксу ПЯ и от корня ИЯ к корню ПЯ – переводятся украинскими ПрГ. Тем самым они представляют собой **простые поморфемные или простые альтернативные поморфемные подстановки** (далее также – простая подстановка, альтернативная подстановка), при которых каждому семантически релевантному элементу единицы исходного текста

(ИТ) в тексте перевода (ПТ) соответствует структурно и семантически тождественный элемент.

Представленное в статье исследование проведено на материале ПрГ, использующихся в рассказе Дер Нистера⁴ «Shiker» (תור י'וטט «שיקיקי») ⁵, впервые опубликованном в оригинале на идише в 1926 г., и в его переводе на украинский язык («Сп'яніло», перевод Э. Райцина⁶, 1928 г.).

Изучение ИТ и ПТ уже на этапе ознакомления показало следующее: а) ИТ содержит значительное число славянских словообразовательно-семантических копий, которые зафиксированы словарями ИЯ и которые в ПТ переданы простой поморфемной подстановкой. При этом в аспекте сопоставления анализируемых ИТ и ПТ идиш-славянские языковые параллели обнаруживаются не только в сфере ПрГ, но и в сфере деминутивов (их словообразования, семантики и узуса), в глагольной морфологии (аспектуальных словоформах) и во фразеологии, что будет отражено в одной из следующих статей (см. также: [12: 57–62]).

Последнее согласуется с исходной гипотезой относительно той части исследования, которое проводится авторами на материале ПрГ в художественных текстах и их идиш-славянских и славянско-идишских переводах. Гипотеза заключается в следующем: 1) в идишском ИТ/ПТ должен обнаруживаться адстратно-славянский пласт глагольно-префиксальной лексики; 2) эта лексика должна быть переводима языковыми параллелями, т. е. тождественными или сходными славянскими ПрГ; 3) переводимость ПрГ простой поморфемной подстановкой а) в определенной мере будет аналогична переводу с близкородственных языков, который «значительно облегчается – по сравнению с переводом произведений, принадлежащих народам, исторически <...> удалённым друг от друга» [9: 35], и б) будет дополнительным свидетельством гибридности идиша.

Настоящая статья ставит перед собой, таким образом, следующие задачи: на материале ПрГ, используемых в названном идишском рассказе и его украинском ПТ, показать и проанализировать явления немецко-славянской гибридности идиша. Для этого необходимо: 1) в сравнительно-историческом аспекте дать информацию о генетическом происхождении и семантике исследуемых идишских префиксов; 2) в сопоставительном и переводоведческом аспектах: а) проанализировать общее в словообразовании и семантике ПрГ идиша и украинского языка и б) показать переводимость идишских ПрГ на украинский методом простой и простой альтернативной поморфемной подстановки; 3) в общетеоретическом аспекте уточнить термины и понятия «префиксы-омонимы» и «префикс с гибридной полисемией», предложенные ранее авторами статьи для описания гибридности идиша.

Исследование проводилось такими **методами**, как приём целенаправленной выборки, методы морфемного, сопоставительного и компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций, глоссирование по лейпцигской системе, количественный и описательный методы. Весь языковой материал верифицировался по следующим авторитетным источникам: «Современный англо-идиш, идиш-английский словарь» У. Вайнрайха [36], «Средневерхненемецкий словарь» М. Лексера [24] и монография Э. Тимм «Историческая семантика идиша» [32], а также украинско-русский и польско-русский словари [10; 28].

Результаты исследования

В работах, посвящённых ПрГ идиша, указывается, что все его глагольные префиксы генетически принадлежат к немецкому пласту (см., в частности, [16: 84; 29: 144–145; 37: 185]). Э. Тимм доказывает, что появление в генетически немецком идиоме – идише – существенного ненемецкого пласта обусловлено а) религиозными причинами – это хронологически первый адстратный семитского пласта, б) влиянием славянских языков, как в случае с «переосмыслением глагольных приставок немецкого происхождения» [23; 32: 6, 136, 253–254, 306]), а также в) ввиду интралингвистического развития идиша [32: 33–35].

Что касается исследуемых идишских глагольных префиксов, то в своих предыдущих работах мы конкретизировали их типологию по генетической принадлежности, а в настоящей статье уточняем её следующим образом:

I. Гибридные префиксы:

1) **семантически славянские префиксы-омонимы**, или **семантически славянские префиксы**: неотделяемые *der-*₂ и *far-*₂ и отделяемые *on-*₂ и *unter-*₂, омонимичные немецким префиксам-омонимам типа 4а (подробнее см. ниже)⁷;

2) **префиксы с гибридной немецко-славянской полисемией**, или **полисемичные префиксы**: неотделяемый *tse*, отделяемые *ariber-*, *avek-*, *funander-*, *iber-*, *op-*, *oys-* и *tsu-* (подробнее см. ниже);

3) **слабогибридные префиксы** – префиксы, полностью сохранившие обусловленную немецким языком-основой семантику, но частично обнаруживающие семитский и славянский адстрат в глагольно-префиксальных кальках: неотделяемые *ant-/an-* и *ba-*, отделяемые *afēr-/afir-*, *aher-*, *ahin-*, *arayn-*, *arop-*, *aroyš-*, *aruf-/aroyf-*, *arunter-*, *ayn-*, *bay-*, *durkh-/adurkh-*, *farbay-*, *nokh-*, *tsunoyf-/tsuzamen-*, *tsurik-*, *uf-/oyf-* [12: 42].

II. Негибридные компоненты – компоненты, не испытавшие гибридации:

4) **негибридные префиксы**:

а) **немецкие префиксы-омонимы** – префиксы, формально омонимичные семантически славянским префиксам типа 1: неотделяемые *der-*₁ и *far-*₁ и отделяемые *on-*₁ и *unter-*₁ [12: 69–82, 96–107, 117–123, 132–136, 153–162];

б) **семантически «пустой» префикс** – неотделяемый *ge-*, сохранившийся в средневерхненемецких глаголах, а также служащий для образования грамматических словоформ [12: 52];

в) **прочие негибридные префиксы**: отделяемый *for-*, сохранивший средневерхненемецкую форму и семантику, отделяемые *anider-*, *ant-kegn-/akegn-*, *arum/um-*, *foroys-* и *mit-* [12: 42];

5) **первые связанные компоненты сложных глаголов-дайчеризмов**⁸ – поздних немецких заимствований: *iber-*_{dm} и *unter-*_{dm} [12: 42–43; 26: 304; 36: 657].

В семантике префиксов мы выделяем **архесему** – генетико-этимологически обусловленный семантический инвариант [12: 50], генетически первичную сему префикса [1: 38]. Архесемы установлены нами методом анализа словарных дефиниций по следующим лексикографическим источникам: «Средневерхненемецкий словарь» М. Лексера [24], «Дуден. Этимологический словарь немецкого языка» [18], «Этимологический словарь славянских языков» Ф. Миклошича [27] и «Этимологический словарь польского языка» А. Брюкнера [17].

Семантически славянские префиксы типа 1 трактуются нами как вступающие в отношения омонимии с немецкими префиксами типа 4а, поскольку, согласно концепции В.В. Виноградова, «два или больше <...> значения могут совмещаться в одном слове (в нашем случае – в обладающем значением префиксе. – К.Ш., Н.Л.) лишь <...> если одно или два из них являются производными от основного <...> Если <...> такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами» [2: 172–173]. У славянских же префиксов адстратно-славянские значения не являются производными от немецких значений идентичного по форме префикса, т. е. несводимы к одной архесеме [12: 34–36, 40–41]. Напротив, у полисемичного префикса немецкая и славянская компоненты сводимы к единой или близкой архесеме, т. к. с немецкой формой и содержанием префикса скрестилось близкое славянское содержание [31: 239].

Исследование глаголов с семантически славянскими и полисемичными префиксами (глаголы с остальными префиксами учитывались лишь в статистических целях) подтвердило изложенную выше гипотезу, что показывается ниже.

1. Глаголы с семантически славянскими префиксами.

В ИТ на идише используются глаголы с указанными ниже семантически славянскими префиксами⁹:

1.1. $\chi|_{-2}$ (**on₋₂**) – отделяемый префикс, омонимичен префиксу on_{-1} , формально и семантически сходному с современным немецким префиксом *an-*.

Идишский *on₋₂*:

а) в плане формы развился из средневерхненемецкого наречия-префикса *an* (архесема <рядом> [24: 5], сохранившаяся у *on₋₁*);

б) копировал при этом содержание славянского префикса *na-/на-* (архесема <верх> [17: 351; 27: 210]), в частности ввиду фонетического сходства с последним [38: 39–44].

В украинском ПТ используются следующие языковые параллели для передачи семантики ПрГ с *on₋₂*:

1) 13 из 19 (68,4 %) словоформ ПрГ с *on₋₂* переданы простой или альтернативной подстановкой глаголов с *na-*, которые и в ИТ, и в ПТ имеют следующие значения:

а) получение результата (дифференциальная сема (ДС) <полностью>):

(1ИТ) **ongisn** ‘наливать’: un der batrunkener nemt un **gist** yenem fun a fleshl **on** un dernokh zikh <...>¹⁰

<i>der</i>	<i>batrunkener</i>	-gis-t=	<i>yenem</i>	=on-
DEF	пьяный	-лить.STEM-PRES.SG.3=	тому	=на-.SEP

(1ПТ) **наливати** ‘наливать’: І Підпилий бере й **наливає** тому з пляшки і потім собі <...> ‘И Пьяный берет и наливает тому из бутылки и потом себе’.

Підпилий	на-ли-ва-є	<i>тому</i>
Пьяный	на-ли-ва-ет	тому

б) аккумуляция действия (ДС <много/достаточно>):

(2ИТ) **onklaybn** ‘насобирать’: «dos hob ikh orgeshport un **ongeklibn** maysim-toyvim in di zek»... ‘Это я сохранил и насобирал добрых дел в мешках’.

<i>dos</i>	<i>hob</i>	<i>ikh</i>	on-ge>klib<n
это	AUX.PRF	я	на.SEP-PART2>собирать.STEM;ABL<PART2
<i>maysim-toyvim</i>			
дела-добрые.ACC			

(2ПТ) **назбирати** ‘насобирать’: – Це я зберіг і **назбирав** добродійства добрих діл у мішках... ‘Это я сохранил и насобирал благотворительности добрых дел в мешках’.

<i>це</i>	<i>я</i>	на-з-бир-а-в	<i>добродійства</i>	<i>добрих</i>	<i>діл</i>
это	я	на-со-бир-а-л	благотворительности	добрых	дел

в) столкновение с препятствием:

(3ИТ) *onshlogn zikh* 'наткнуться': <...> un derzen hobn zey, vi der gilgl hot *zikh* untn vi in epes *ongeshlogn, ongeschlogn* un tsurik vi a gumi-zakh opgeshrungen <...> 'И увидели они, как оборотень будто внизу на что-то наткнулся, наткнулся и назад, словно резиновый, отскочил'.

<i>der</i>	<i>gilgl</i>	<i>hot</i>	<i>zikh</i>	<i>in</i>	<i>epes</i>
DEF	оборотень.NOM	AUX.PRF	REFL	В	ЧТО-ТО.ACC
<i>on-ge>shlog<n</i>					
на.SEP-PART2>бить.STEM<PART2					

(3ПТ) *наткнутися* 'наткнуться': <...> і раптом побачили вони, як перевертень внизу на щось *наткнувся, наткнувся* і назад, мов з гумі зроблений, відскочив <...> 'И вдруг увидели они, как оборотень внизу на что-то наткнулся, наткнулся и назад, словно из резины сделанный, отскочил'.

<i>перевертень</i>	<i>на</i>	<i>щось</i>	<i>на-тк-н-у-в-ся</i>
оборотень	на	ЧТО-ТО.ACC	на-тк-н-у-л-ся

Перевод, представленный в примере (3ПТ), демонстрирует тот случай, когда переводчик делает выбор между двумя множественными соответствиями на основе ситуативного контекста не в пользу простой подстановки *onshlogn zikh* – *ударитися* 'удариться', а в пользу простой альтернативной подстановки.

В целом необходимо отметить, что префикс *on-*₂ в результативных и аккумулятивных ПрГ являет собой один из продуктивных способов идишского словообразования для передачи семантики славянских языковых параллелей – глаголов прямого эффекта совершенного вида [12: 84; 38: 43], и они переводимы на славянские языки простой или альтернативной подстановкой.

2) 5 из 19 (26,3 %) словоформ ПрГ с *on-*₂ переданы глаголами со сложным префиксом – *пона-* или *поз-*, которые и в ИТ, и в ПТ имеют значение превышения нормы (ДС <чрезмерно>):

(4ИТ) <...> *onvalgern* '(по)накидать': <...> un az alts iz shoyn aroys-genumen un alts afn tish un do lebn *ongevalgert*, shtelt er *zikh ankegn gilgl avek* <...> 'И когда уже всё вытащено и всё на столе и тут рядом навалено, становится он напротив оборотня'.

<i>alts</i>	<i>iz</i>	<i>af-n</i>	<i>tish</i>	<i>on-ge>valger<t</i>
всё	СОП.RES	на-DEF.DAT	СТОЛ.DAT	на.SEP-PART2>валить.STEM<PART2

(4ПТ) *понакидати* 'понакидать': <...> і, коли вже все повитягувано і все на столі і тут близько *понакидано*, стає він навпроти перевертня

<...> ‘И, когда уже всё повытащено и всё на столе и тут рядом понакидано, становится он напротив оборотня’.

все	на	столі	<i>пона-кид-ан-о</i>
всё	на	столе	пона-кид-ан-о

Украинский, как и русский сложный *пона-*, первой префиксальной морфемой содержит *по-* – «сублексический префикс», который меняет «не значение глагола, но значение степени действия, описываемого глаголом», как в русском *понастроить* – настроить в большом количестве [25: 66].

Идиш не обладает, однако, глагольно-префиксальными средствами описания ситуаций по славянскому типу *onvalgern* – **x-onvalgern*, где первый – существующий – ПрГ означает «накидать» (накидать много), а второй означал бы «понакидать» (накидать «больше, чем просто много»); при этом украинский *понакидати* со сложным префиксом представляет собой эквивалентное словообразовательно-семантическое добавление, т. е. перевод посредством альтернативной подстановки.

3) 3 из 19 (15,8 %) словоформ ПрГ с *он-*₂ переданы глаголами с префиксом *с-*:

(5ИТ) *onshteln* ‘направлять’: un er vendet zayn blik fun der zal op, un er *shtelt* im afn gilgl *on* <...>

<i>er</i>	-shtel-t=	<i>im</i>	<i>af-n</i>	<i>gilgl</i>	=on-
ОН	-СТАВИТЬ.STEM-PRES.SG.3=	ОН.ACC	НА-DEF.DAT	ОБОРОТЕНЬ.DAT	=НА-.SEP

(5ПТ) *скерувувати* ‘направлять’: І одвертає він свій зір од залі і *скерує* його на перевертня <...> ‘И отворачивает он свой взгляд от зала и направляет его на оборотня’.

він	<i>с-кер-ову-є</i>	його	на	перевертня
ОН	НА-ПРАВИТЬ.STEM-SFX-PRES.SG.3	ОН.ACC	НА	ОБОРОТНЯ

И в идише, и в украинском языке в данном случае, как и у глаголов ИТ и ПТ *onfiln* – *сповнювати* ‘наполнить’, имеет место «понятийно-акциональная перфективация», которая «соотносится с лексической деривацией» и средством выражения которой в украинском служит, в частности, префикс *з-/с-* [7: 213]. Идиш тоже способен передавать перфективность, прежде всего с помощью префикса *он-*₂, на который в ходе развития языка была перенесена славянская перфективная семантика. В таком случае в ПТ также имеет место простая подстановка глагольных лексем с префиксом *с-* для передачи глаголов ИТ с *он-*₂.

Простой или альтернативной подстановкой, наряду с названными выше, в ПТ переданы следующие языковые параллели, глаголы ИТ с *on*₋₂: а) результата: *onvaksn* – *нарости* ‘нарасти’; (*nit*) *onrufn zikh* (*ba di nemen*) – (*не*) *називатись* (*за ім'ям*) ‘(не) называться (по имени)’; б) аккумуляции: *onneten zikh* (*mit mut*) – *набиратися* (*смилivosti*) ‘набираться (смелости)’; в) превышения нормы: *onvarfn* ‘(по)накидать’ – *понакидати* ‘понакидать’; *onloyfn zikh* ‘(по)набежать’ – *позбігатися* ‘понабежать’; *onshtopn* ‘(по)напихать’ – *понапихати* ‘понапихать’.

1.2. *туг*₋₂ (***der-***) – неотделяемый префикс, омонимичен префиксу *der*₋₁, формально и семантически сходному с современным немецким префиксом *er-*.

Идишский *der*₋₂:

а) в плане формы развился из южнонемецкого префикса *der-* (архесема <наружу> [18: 184], сохранившаяся у *der*₋₁) [30: 101];

б) копировал при этом содержание славянского префикса *do-/да-/до-* (архесема <предел> [17: 91; 27: 47]), в частности ввиду фонетического сходства с последним (ср.: [38: 40–44]).

В украинском ПТ две из трех словоформ ПрГ с *der*₋₂ переданы глаголами с *до-*, которые и в ИТ, и в ПТ имеют соответственно значения «добавление гомогенного денотата» и «результат продолжительного действия/процесса/состояния», в т. ч. переносные (ДС <предел>):

(6ИТ) *dergishn* *долить*: <...> un er nemt bald dos fleshl in hant un vil <...> ***dergishn*** <...> ‘И он берет немедля бутылку в руку хочет долить.’

<i>er</i>	<i>vil-Ø</i>	<i>der-gis-n</i>
ОН	ХОТЕТЬ.STEM;ABL-[PRES.SG.3]	ДО.INSERT-ЛИТЬ.STEM-INF

(6ПТ) *долляти* ‘долить’: <...> і бере він зараз пляшку в руки і хоче <...> ***долляти*** <...> ‘И берет он немедля бутылку в руки и хочет долить.’

<i>він</i>	хоче	<i>до-ля-ти</i>
ОН	ХОЧЕТ	ДО-ЛИТЬ.STEM-INF

(7ИТ) *derhalten* ‘строго блюсти’: *vayl di kavone fun hunt iz gut geven, un gevolt hot er tomid dem mentsh ba zayn ere* ***derhalten*** <...> ‘Потому что намерение у пса хорошее было, и хотел он всегда, чтобы человек строго блюл честь.’

<i>ge>vol<t</i>		<i>hot</i>	<i>er</i>	<i>dem</i>	<i>mentsh</i>
PART2>ХОТЕТЬ.STEM;ABL<PART2		AUX.PRF	ОН	DEF.ACC	ЧЕЛОВЕК.ACC
<i>ba</i>	<i>zayn</i>	<i>ere</i>	<i>der-halt-n</i>		
при	свой.DAT	честь.DAT	ДО.INSERT-ДЕРЖАТЬ.STEM-INF		

(7ПТ) **додержувати** ‘*строго блюсти*’: Бо намір у собаки хороший був, і хотів він завжди, щоб людина своєї гідності **додержувала** <...> ‘Потому что намерение у пса хорошее было, и хотел он всегда, чтобы человек строго блюл свое достоинство’.

хотів	він	щоб	людина	своєї	гідності
хотел	он	чтобы	человек	свой.GEN.F	ДОСТОИНСТВО.GEN.F
до-держ-ува-л-а					
до-держать.STEM-SFX-SFX.IPFV-SG3.F					

Глагол *derhalten* в значении «соблюдать/соблюсти» является полной поморфемной копией (а в анализируемом ПТ – языковой параллелью, переводимой простой подстановкой) соответствующего белорусско-го, польского и/или приведенного выше украинского ПрГ (при этом идишский ПрГ не имеет грамматикализованной видовой пары):

белорус.	<i>да-трымліваць (да-трымаць)</i>
польск.	<i>do-trzymywać (do-trzymać)</i>
укр.	<i>до-держувати (до-держати)</i>
ид.	<i>der-haltn (der-haltn)</i>
ср. русин.	<i>до-держувати (до-держати)</i>
	до-держивать (до-держать)

1.3. far-_2 (**far-₂**) – неотделяемый префикс, омонимичен префиксу far-_1 , формально и семантически сходному с современным немецким префиксом *ver-*.

В плане формы идишский far-_2 , как и far-_1 , развился из средневерхненемецкого префикса *ver-*. Последний имеет при этом неясное происхождение [18: 888]). Префикс far-_2 представляет собой семантическую копию славянского префикса *za-/za-* (архесема <за ориентир(ом) / с тыльной стороны> [17: 642; 27: 399]), что объяснимо частичной семантической близостью немецкого *ver-* и славянского *za-/za-*.

Абсолютное большинство – 11 из 14 (78,6 %) – словоформ ПГ с far-_2 переданы глаголами с *za-*, которые и в ИТ, и в ПТ имеют следующие значения:

а) действие с тыльной стороны ориентира (ДС <за ориентир(ом)>): (8ИТ) **farfirt** ‘*завести (далеко)*’: «<...> makh nit shuldik un hob keyn tarumes af dayn hunt, vayl nisht er hot dikh **farfirt**, dos bistu aleyn gekrokh».

<i>nisht</i>	он	<i>hot</i>	<i>dikh</i>	far-fir-t
не	ОН	AUX.PRF	ТЫ.ACC	за.INSEP-ВЕСТИ.STEM-PART2

(8ПТ) *завести* 'завести': «<...> не обвинувачуй і не гнівайся на твого собаку, бо не він *завів* тебе, це ті сам заліз». 'Не обвиняй и не сердишься на своего пса, потому что не он завёл тебя, это ты сам залез'.

не	він	за-ві-в	тебе
не	он	за-вё-л	тебя

б) погружение в процесс (ДС <основательно>):

(9ИТ) *fartrakhtn zikh* 'задумываться': – s'heyst «der tsar funem tsvyok» – zagt der mentsh un <...> *fartrakht zikh* abisl <...> 'Это называется «кручины гвоздя», – говорит человек и задумывается немного'.

<i>der</i>	<i>mentsh</i>	<i>far-trakht-Ø</i>	<i>zikh</i>	<i>abisl</i>
DEF	человек.NOM	за.INSEP-думать.STEM-[PRES.SG.3]	REFL	немного

(9ПТ) *замислюватися* 'задумываться': – Вона зветься «Цвяхові сумування» – каже людина і <...> *замислюється* трохи <...> – Она зовётся «Гвоздевые кручины», – говорит человек и задумывается немного'.

<i>людина</i>	<i>за-мисл-ю-єть-ся</i>	<i>трохи</i>
человек.NOM	за-думать.STEM-SFX-PRES.SG.3-REFL	немного

Простой подстановкой, наряду с названными выше, в украинском ПТ переданы следующие языковые параллели, т.е. глаголы идишского ИТ с префиксом *far-*₂: а) со значением «действие с тыльной стороны ориентира»: *farbaysn* – *заїдати* 'закусывать'; *farvarfn* – *закинути* 'забросить (далеко)'; *farendikn* – *закінчити* 'закончить'; б) погружение в действие/процесс: *farhaltn* – *запримувати* 'задерживать'; *farhaltn zikh* – *запримуватися* 'задерживаться'; *fartsien zikh* – *затягнутися/затягтись* 'затягиваться/затянуться (о времени)'.

2. Глаголы с префиксами с гибридной немецко-славянской полисемией.

При проведении исследования нас интересовали только те полисемичные префиксы, которые в ИТ реализуют адстратно-славянскую компоненту значения, и глаголы с ними. В ИТ на идише используются глаголы со следующими полисемичными префиксами⁹:

2.1. *xič-* (*oys-*) – отделяемый префикс, по форме и частично по семантике сходный с современным немецким префиксом *aus-*.

Идишский *oys-*:

а) в плане формы развился из средневерхненемецкого наречия-префикса *ūz/ouz* (архесема <наружу/снаружи> [24: 261]);

б) частично сохранил немецкие значения;

в) копировал славянские семантические характеристики, в част-

ности префикса *иу-/вы-/ви-* (архесема <наружу> [17: 637; 27: 397]).

В ИТ используется один адстратно-славянский ПрГ с *оуs-*: в устойчивом словосочетании *oysshisn mit a gelekhter* ‘разражаться смехом’, которое в ПТ передано простой подстановкой устойчивого словосочетания *вибухати реготом* ‘разражаться хохотом’:

(10ИТ) <...> *azoy shist er oys mit a gelekhter a freylekhn* <...> ‘так разражается он смехом весёлым’.

<i>azoy</i>	-shis-t=	<i>er</i>		
так	-стрелять.STEM-PRES. SG.3=	ОН		
<i>mit</i>	<i>a</i>	<i>gelekhter</i>	=oys-	
C.DAT (посредством)	INDF	CMEX.DAT	=ВЫ-.SEP (=наружу-.SEP)	

(10ПТ) <...> *отак вибухає він реготом веселим* <...> ‘вот так разражается он хохотом весёлым’.

<i>отак</i>	ви-бух-а-є	<i>він</i>	реготом
ВОТ_ТАК	вы-бухать.STEM-SFX-PRES.SG.3	ОН	ХОХОТОМ

2.2. **איבער- (*iber-*)** – отделяемый префикс, по форме и частично по семантике сходный с современным немецким префиксом *über-*.

Идишский *iber-*:

а) в плане формы развился из средневерхненемецкого наречия-префикса *über* (архесема <поверх> [24: 236]);

б) частично сохранил его значения;

в) но при ряде глаголов копировал семантику славянского префикса *prze-/pere-/pera-/pre-* (архесема <из одной точки в другую> [17: 440–441; 27: 239–240]), в частности ввиду фонетического сходства с последним [37: 186–190].

Абсолютное большинство – 8 из 10 (80 %) – словоформ, анализируемых ПрГ с *iber-*, переведены на украинский язык языковыми параллелями – ПрГ с *pere-*, которые и в ИТ, и в ПТ имеют следующие значения:

а) действие, направленное поперек объекта (ДС <членение>):

(11ИТ) *iberraysn* ‘перервать’: <...> *un az ongehoybn, muz men endikn*, *un iberraysn* <...> *iz a zind* <...> ‘И если начал, нужно закончить, а перерывать – грех’.

<i>iber-rays-n</i>	<i>iz</i>	<i>a</i>	<i>zind</i>
пре.SEP-рвать.STEM-INF	COP	INDF	грех

(11ПТ) *перервату* ‘перервать’: <...> *і коли розпочато – повинно закінчити, і перервату* <...> *грішно* <...> ‘И коли начал, нужно закончить, и перервать грешно’.

<i>пере-рв-а-ти</i>	<i>грішно</i>
пре-рв-а-ть	грешно

б) взаимное действие (ДС <взаимно>):

(12ИТ) *iberbetn zikh* 'номирит'ся': <...> m'kusht zikh un m'krigt zikh, m'zidlt zikh un m'**bet zikh iber** <...>

m'	-bet-Ø=	zikh	=iber-
PRON.INDFPERS	просить.STEM-[PRES.SG.3]	REFL	=пере-.SEP (=взаимно-.SEP)

(12ПТ) *перепрошуватися* 'извиняться (взаимно), мириться': <...> цілюються і сваряться, лаються й *перепрошуються* <...> 'Целуются и ссорятся, ругаются и мирятся'.

пере-прош-у-ють-ся
пере-просить.STEM;ALTER-SFX-PRES.PL.3-REFL

Глагол *iberbetn zikh* '(по)мириться' является полной поморфемной копией (а в анализируемом ПТ – языковой параллелью, переводимой простой подстановкой) соответствующего белорусского, польского и/или приведённого выше украинского ПрГ (идишский ПрГ не имеет грамматикализованной видовой пары):

белорус.	<i>пера-прошава-цца (пера-прашава-цца)</i>
польск.	<i>prze-praszać_ się (prze-prosić_ się)</i>
укр.	<i>пере-прошувати-ся (пере-просити-ся)</i>
идиш	<i>iber-betn_ zikh (iber-betn_ zikh)</i>
ср. русин.	<i>пере-прошувати-ся (пере-просити-ся)</i>
	<i>пере-прашивать-ся (пере-просить-ся)</i>

Простой подстановкой, наряду с названными выше, в украинском ПТ переданы следующие языковые параллели, т.е. глаголы идишского ИТ с префиксом *iber-*: а) действия поперёк объекта: *iberhahn zikh* – *перебивати себе* 'прерываться'; *ibershtarkn* – *перемагати* 'побеждать/пересиливать'; б) взаимного действия: *iberblikn zikh / iberkukn zikh* – *переглядатися* 'переглядываться'.

2.3. רעבירא (*ariber-*) – отделяемый префикс, производный от *iber-*, по форме и частично по семантике сходный с современными немецкими наречиями и префиксами *herüber* 'оттуда [через что-либо] сюда' и *hinüber* 'отсюда [через что-либо] туда' [37: 191].

Славянская компонента семантики ПрГ с *ariber-* заключается в том, что *ariber-* всегда маркирует: а) препятствие (физическое или абстрактное; архесема <поверх>), через которое осуществляется передвижение, и б) предел перемещения, после преодоления которого дальнейшее развитие ситуации, как правило, нерелевантно.

В анализируемом ИТ Дер Нистер использует два ПрГ с *ariber-*, которые Э. Райциным переведены глаголами с *nepe-*: *aribertretn* – *непеступати* ‘переступить’ и *ariberkrikhn* – *перелізти* ‘перелезть’, например:

(13ИТ) *aribertretn* ‘*непеступамь*’: <...> un ven eyner hot <...> oysgezen <...> midlekh <...> hot yener, zikh gedakht, fun keyn mark nisht gevust keynmol und keynmol vi keyn mark un handl-shvel nisht **aribergetrotn** afile. ‘И если один, как рыночный человек, выглядел немного утомлённым, то тот, думается, ни о каком рынке никогда не знал и никогда будто порога рынка и магазина не переступал даже.’

hot	yener	keyn	handl-shvel
AUX.PRF	ТОТ	никакой.ACC	магазин-порог.ACC
<i>nisht</i>	ariber-ge>trot<n		
не	туда_пере.SEP-PART2>ступать.STEM;ABL<PART2		

(13ПТ) *непеступати* ‘*непеступамь*’: <...> і коли один, як базарна людина <...> виглядав стомлено <...> то інший, здавалося, про базар ніколи не знав і ніколи, де базар і торгівля, не **непеступав** навіть. ‘И если один, как базарный человек, выглядел утомлённо, то другой, казалось, о базаре никогда не знал и никогда, где базар и торговля, не переступал даже порога.’

<i>інший</i>	<i>ніколи,</i>	<i>де</i>	<i>базар,</i>	<i>не</i>	непеступ-а-в	<i>навіть</i>
другой	никогда,	где	базар,	не	пере-ступ-а-л	даже

2.4. **op-** – отделяемый префикс, по форме и частично по семантике сходный с современным немецким префиксом *ab-*.

Идишский *op-*:

а) в плане формы и содержания развился из средневерхненемецкого наречия-префикса *ab/ap* (архесема <прочь> [24: 1]);

б) частично сохранил его значения;

в) копировал семантику славянского префикса *o(b)-/a(b)-/o(b)-* (ДС <со всех сторон/полностью> [17: 368; 27: 219]), в т. ч. ввиду фонетической тождественности [38: 45–47].

В ИТ Дер Нистера используется один адстратно-славянский ПрГ с *op-* со значением «полностью», который Э. Райцин в ПТ передает простой подстановкой языковой параллели:

(14ИТ) *opnarn* ‘*обмануть*’: <...> un epes zaynen zey <...> vi in zeyere hofenungen <...> **opgenart** <...> ‘И что-то они в своих надеждах словно обмануты.’

<i>zey</i>	<i>zaynen</i>	op-ge>nar<t
они	СОП.RES	об.SEP-PART2>дурить.STEM<PART2

(14ПТ) *обдурити* 'обмануть': <...> і немов щось <...> вони <...> у своїх надіях <...> обдурені <...> 'И словно что-то они в своих надеждах обмануты'.

вони	<i>об-дур-ен-і</i>
они	об-дур-ен-ы

Глагол *орпарт* является поморфемной копией в анализируемом ПТ, тем самым, языковой параллелью, переводимой простой подстановкой соответствующего белорусского и/или приведённого выше украинского ПрГ (ср. также русский *обдурить*, который, однако, в отличие от идишского и славянских эквивалентов имеет разговорную стилистическую окраску):

белорус.	<i>аб-дурыць</i>
укр.	<i>об-дурити</i>
идиш	<i>ор-парт</i>
ср. русин.	<i>об-дурити</i>
	об-дурить

2.5. *зу-* (*tse-*) – неотделяемый префикс, по форме и частично по семантике сходный с современным немецким префиксом *zer-*.

Идишский *tse-*:

а) в плане формы и содержания развился из средневерхненемецкого префикса *zer-/ze-* (архесема <разделение надвое> [24: 332]), который к нововверхненемецкому периоду утратил способность сочетаться с большим количеством глагольных основ;

б) сохранил характерную для средневерхненемецкого сочетаемость;

в) испытал адстратное влияние семантически близкого славянского префикса *roz-/раз-/роз-* (архесема <врозь> [17: 464–465]).

В украинском ПТ три из пяти ПрГ с *tse-* с адстратно-славянской семантикой переданы простой подстановкой языковой параллели:

а) один глагол со значением разделения (ДС <разделение>):

(15ИТ) *tseefenen* 'раскрывать': <...> un fun zayn beynkl heybt uf zikh un zu zayne shafes <...> geyt er tsu, *tseefnt* zey un nemt fun dort aroys altsding <...>

<i>er</i>	<i>tse-efn-t</i>	<i>zey</i>
ОН	раз.INSEP-открывать.STEM-PRES.SG.3	ОНИ.ACC

(15ПТ) *розкривати* 'раскрывать': <...> і з свого стільця підводиться він, і до своїх <шаф> <...> підходить він, *розкриває* їх і витягає звідти все <...> 'И со своей табуретки поднимается он, и к своим шкафам подходит он, раскрывает их и вытаскивает оттуда всё'.

<i>він</i>	<i>роз-кри-ва-є</i>	<i>їх</i>
он	рас-кры-ва-ет	они.ACC

б) два глагола, которые описывают чрезмерно-исчерпывающее действие (ДС <эксцессивность>): *tsebreneŋ zikh* – *розжеврїту* ‘разговориться’ и *tseveynen zikh*:

(16ИТ) *tseveynen zikh* ‘расплакаться’: *hob ikh zikh demolt tseveynt* <...> ‘Расплакался я тогда’.

<i>hob</i>	<i>ikh</i>	<i>zikh</i>	<i>demolt</i>	<i>tse-veynt</i>
AUX.PRF	я	REFL	тогда	раз.INSEP-плакать.STEM-PART2

(16ПТ) *розплакатися* ‘расплакаться’: Лише тоді *розплакався* я <...> ‘Лишь тогда заплакался я’.

<i>лише</i>	<i>тоді</i>	я	<i>роз-плак-а-в-ся</i>
лишь	тогда	я	рас-плак-а-л-ся

Выводы

Анализ идиш-славянских параллелей, предпринятый на материале префиксальных глаголов, использующихся в рассказе Дер Нистера «Shiker» и в его украинском переводе «Сп'яніло», подтвердил изложенную выше гипотезу и показал следующее:

1. В ИТ на идише присутствует адстратно-славянский пласт глагольно-префиксальной лексики – языковые параллели. Так, всего в ИТ употреблено 385 ПрГ (в 726 формоупотреблениях/реализациях):

а) из них почти четверть – 93 глагола (24,2 %) с семантически славянскими префиксами-омонимами, префиксами с гибридной немецко-славянской полисемией и с некоторыми (не показанными в настоящей статье) слабогибридными префиксами – в плане формы и содержания являются адстратно-славянскими копиями;

б) 61 глагол (65,6 %) из 93 исследуемых глаголов содержит семантически славянские префиксы-омонимы и префиксы с гибридной немецко-славянской полисемией;

в) абсолютное большинство из 61 ПрГ – 55 (90,1 %) ПрГ – переданы в украинском ПТ языковыми параллелями, т.е. путем простой поморфемной или простой альтернативной поморфемной подстановки.

2. Перевод этих параллелей осуществлён простыми поморфемными и простыми альтернативными поморфемными подстановками, и это уподобляет идиш-славянский перевод переводу в пространстве близкородственных языков.

3. В целом следует отметить, что наличие в паре «идиш – украинский язык» словообразовательно-семантических языковых параллелей:

а) не только обуславливает переводимость этих параллелей простой подстановкой семантически тождественной славянской префиксальной и корневой морфемы для передачи семантики соответствующей идишской – по форме германской – морфемы;

б) является дополнительным свидетельством немецко-славянской гибридности, или вступления генетически германского идиша в круг языков славянских – вступления, безусловно, неполного, не «перехода» идиша из германских в славянские, но приобретения им существенного, системного славянского адстрата.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

белорус. – белорусский; ид. – идиш; польск. – польский; рус. – русский; ср. русин. – сравни русинский; укр. – украинский; ABLT – аблаут; ACC – аккузатив; ALTER – чередование; AUX.PRF – вспомогательный глагол перфекта; COP – глагол-связка; DAT – датив; DEF – определенный артикль; F – женский род; INDF – неопределённый артикль; INDFPERS – неопределённо-личное местоимение; INF – инфинитив; INSEP – неотделяемый префикс; IPFV – несовершенный вид; NOM – номинатив; PART2 – причастие II; PL.3 – 3-е лицо множественного числа; PRES – презенс; REFL – рефлексив; RES – результатив; SEP – отделяемый префикс; SFX – суффикс; SG.3 – 3-е лицо единственного числа; STEM – корень.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ид. *shmeltsshprakh* ‘сплавленный язык’. Здесь и далее используется идиш-английская практическая транскрипция Научного института идиша (YIVO/ИВО).

2. Здесь и далее термины и цитаты из иноязычных источников даются в переводе авторов статьи.

3. «Идиш <...> испытал <...> обширную гибридизацию» (*ramified hybridization*) [21: 9].

4. Ид. *der nister* ‘скрытый’. «Дер Нистер (Пинхас Менделевич Каганович; 1884–1950) – крупнейший советский еврейский писатель, чьи книги в оригинале, на идише, выходили в СССР немалыми тиражами» [6]. Его произведения печатались в английском, немецком, французском, итальянском переводе, «но парадоксальным образом ни при его жизни, ни посмертно <...> не издавались на русском языке» до 2007 г. [6]. Большая же часть переводов вышла на иврите в 1947–1963 гг. в Израиле [3: 334].

5. Ид. *shiker* 'пьяный'. Исходный текст, опубликованный в т. н. «советской орфографии» (об идишских орфографиях см.: [19: 115–140]), имеется у авторов статьи только в виде фотоконии без библиографического описания.

6. Укр. *сп'яніло* 'опьянило'. Дер Ністер. Сп'яніло / Пер. з єврейської Е. Райцина (Літературний ярмарок. 1929. № 12). URL: <https://www.academia.edu/35087041> (дата обращения: 20.10.2021).

7. Префиксы-омонимы условно обозначаются нами нижними цифровыми индексами: 1 – немецкие префиксы-омонимы, 2 – семантически славянские префиксы-омонимы.

8. Условно обозначаются нами нижним индексом *dm*.

9. Приводятся в порядке еврейского алфавита, в скобках дана транскрипция ИВО.

10. Перевод всех примеров на русский язык приближен к адекватно-эквивалентному буквальному и выполнен авторами статьи. Если примеры ИТ и ПТ переводимы идентично, перевод даётся только после украинского примера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.В. Словообразовательные, морфосинтаксические и стилистические характеристики глаголов с префиксом *der-* в языке идиш // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37), ч. II. С. 33–37.

2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 313 с.

3. Дер Ністер // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2 / Гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982. Кол. 331–334.

4. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 744 с.

5. Дубичинский В.В., Ройтер Т. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей. Харьков: Підручник НТУ «ХПІ», 2015. 148 с.

6. Дымшиц В. «Семья Машбер»: трудности перевода. URL: http://narodnknigi.ru/journals/85/semya_mashber_trudnosti_perevoda/?sphrase_id=2421 (дата обращения: 23.10.2021).

7. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови. Морфологія. Донецьк: ДонДУ, 1996. 437 с.

8. Латышев Л.К., Семёнов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2005. 192 с.

9. Райгоша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков. Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод. Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1980. 184 с.

10. Українсько-російський словник / Ред. Л.С. Паламарчук, Л.Г. Скрипник. Київ: Головна редакція Української Радянської Енциклопедії, 1986. 940 с.

11. Федченко В.В. Развитие видо-временной семантики у маркеров пассивного залога в идише // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 94–113.
12. Шишигин К.А. Гибридизация языков: глагольно-префиксальная система идиша / Науч. ред. Н.Б. Лебедева. М.: Флинта; Наука, 2016. 208 с.
13. Шишигин К.А. Славянский адстрат в гибридной глагольно-префиксальной системе идиша // Русин. 2016. № 3 (45). С. 129–145. DOI 10.17223/18572685/45/10
14. Шишигин К.А., Лебедева Н.Б. Славянские языки как фактор гибридации идиша // Русин. 2015. № 3 (41). С. 210–225. DOI 10.17223/18572685/41/15
15. Beider A. Yiddish in Eastern Europe // Languages in Jewish Communities, Past and Present / ed. by B. Hary, S.B. Benor. Berlin; Boston: Walter De Gruyter, 2018. P. 276–312.
16. Birnbaum S. A. Yiddish: A survey and a grammar. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1979. 399 p.
17. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 822 s.
18. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2001. 960 s.
19. Estraiikh G. Soviet Yiddish. Language planning and linguistic development. Oxford: Clarendon Press, 1999. 217 p.
20. Gotqb Z. The conception of “isogrammatism” // Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego. 1956. Z. XV. S. 3–12.
21. Jakobson R. Preface to the first edition (1949) // Weinreich U. College Yiddish: An introduction to the Yiddish language and to the life and culture. New York: YIVO Institute for Jewish Research, 1995. P. 9–10.
22. Krogh S. Das Ostjiddische im Sprachkontakt: Deutsch im Spannungsfeld zwischen Semitisch und Slawisch. Tübingen: Max Niemeyer, 2001. 78 s.
23. Landau A. Di slavishe elementn un hashpoes in yidish // Shriftn fun yidishn visnshaftlekh institut. Filologishe shriftn. 1928. Num. 2. Z. 199–214.
24. Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Stuttgart: Hirzel, 1992. 516 s.
25. Ludwig J. Z. Multiply-Prefixed Verbs in Russian, Polish, and Ukrainian: Doctoral dissertation. Bloomington: Indiana University, 1995. 210 p.
26. Mark Y. Gramatik fun der yidisher klal-shprakh. New York: Alvettlekher yidisher kultur-kongres, 1978. 407 z.
27. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 555 s.
28. Podręczny słownik polsko-rosyjski z suplementem / Pod red. M.F. Rozwadowskiej. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 856 s.
29. Rothstein R.A. Yiddish Aspectology // Studies in Yiddish Linguistics / Ed. by P. Wexler. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990. S. 143–153.
30. Schächter M. Aktionen im Jiddischen: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Wien: Universität Wien, 1951. 29 s.
31. Talmy L. Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society / eds. by M. Macaulay, et al. Berkeley, 1982. P. 231–250.
32. Timm E. Historische jiddische Semantik: Die Bibelübersetzungssprache

als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes. Tübingen: Max Niemeyer, 2005. 744 s.

33. *Vaynraykh M.* Vos volt yidish geven on hebreish? // *Di tsukunft*. 1931. Num. 36.3. Z. 194–205.

34. *Vaynraykh M.* Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn. New York: YIVO, 1973. Bd. I. 370 z.

35. *Weinreich M.* Geschichte der jiddischen Sprachforschung. Tampa: University of South Florida, 1993. 351 s.

36. *Weinreich U.* Modern English-Yiddish, Yiddish-English Dictionary. New York: YIVO; Shoken, 1977. 833 p.

37. *Weissberg J.D.* Der Aspekt in abgeleiteten jiddischen Verben. Dargestellt anhand der korrelierenden Konverben *iber-* und *ariber-*. Eine kontrastive jiddisch-deutsch-slawische Darstellung // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 1991. Jg. 58. S. 175–195.

38. *Wexler P.N.* Slavic contributions to the grammatical functions of three Yiddish verbal prefixes: Thesis for the degree of Master of Arts. New York: Columbia University, 1951. 55 p.

REFERENCES

1. Bader, O.V. (2014) Word-formative, morphosyntactic and stylistic characteristics of verbs with the prefix *derin* in the yiddish language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 7-2(37). pp. 33–37 (in Russian).

2. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka.

3. Oren (Nadel), I. & Zand, M. (eds) (1982) *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya* [Brief Jewish Encyclopedia]. Vol. 2. Jerusalem: The Society for Research on Jewish Communities. Col. 331–334.

4. Dobrovolsky, D.O. (2013) *Besedy o nemetskom slove* [Conversations about the German Word]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

5. Dubichinsky, V.V. & Royter, T. (2015) *Teoriya i leksikograficheskoe opisanie leksicheskikh paralleley* [Theory and Lexicographic Description of Lexical Parallels]. Kharkiv: Pidruchnyk NTU "HPI".

6. Dymshits, V. (n.d.) "*Sem'ya Mashber*": *trudnosti perevoda* ["The Family Mashber": translation difficulties]. [Online] Available from: http://narodknigi.ru/journals/85/semya_mashber_trudnosti_perevoda/?sphrase_id=2421 (Accessed: 23rd October 2021).

7. Zagnitko, A.P. (1996) *Teoretychna gramatyka ukrai'ns'koi' movy. Morfologiya* [Theoretical Grammar of Ukrainian. Morphology]. Donetsk: DonSU.

8. Latyshev, L.K. & Semenov, A.L. (2005) *Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya* [Translation: Theory, Practice and Teaching Methods]. Moscow: Akademiya.

9. Raygosha, V.P. (1980) *Problemy perevoda s blizkorodstvennykh yazykov. Belorussko-russko-ukrainskiy poeticheskiy vzaimoperevo* [Problems of translation

- from closely related languages. Belarusian-Russian-Ukrainian poetic mutual translation]. Minsk: BSU.
10. Palamarchuk, L.S. & Skrypnyk, L.G. (eds) (1986) *Ukrayins'ko-rosiys'kiy slovník* [Ukrainian-Russian Dictionary]. Kyiv: Ukrainian Soviet Encyclopedia.
 11. Fedchenko, V.V. (2016) Razvitie vido-vremennoy semantiki u markerov passivnogo zaloga v idishe [The development of aspectual semantics in Yiddish passive voice markers]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 1. p. 94–113.
 12. Shishigin, K.A. (2016) *Gibridizatsiya yazykov: glagol'no-prefiksals'naya sistema idisha* [Hybridization of Languages: The Yiddish Prefixed Verb System]. Moscow: Flinta; Nauka.
 13. Shishigin, K.A. (2016) The Slavic adstratum in the hybrid Yiddish prefixed verb system. *Rusin*. 3(45). pp. 129–145 (in Russian). DOI 10.17223/18572685/45/10
 14. Shishigin, K.A. & Lebedeva, N.B. (2015) The Slavic languages as a factor of Yiddish hybridization. *Rusin*. 3(41). pp. 210–225 (in Russian). DOI 10.17223/18572685/41/15
 15. Beider, A. (2018) Yiddish in Eastern Europe. In: Hary, B. & Benor, S.B. (eds.) *Languages in Jewish Communities, Past and Present*. Berlin; Boston: Walter De Gruyter. pp. 276–312.
 16. Birnbaum, S.A. (1979) *Yiddish: A Survey and a Grammar*. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press.
 17. Brückner, A. (1985) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
 18. Dudenredaktion. (ed.) (2001) *Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. Mannheim.: Dudenverlag.
 19. Estraiikh, G. (1999) *Soviet Yiddish. Language planning and linguistic development*. Oxford: Clarendon Press.
 20. Gołąb, Z. (1956) The conception of “isogrammatism”. *Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego*. XV. pp. 3–12.
 21. Jakobson, R. (1995) Preface to the first edition (1949). In: Weinreich, U. *College Yiddish: An introduction to the Yiddish language and to the life and culture*. New York: YIVO Institute for Jewish Research. pp. 9–10.
 22. Krogh, S. (2001) *Das Ostjiddische im Sprachkontakt: Deutsch im Spannungsfeld zwischen Semitisch und Slavisch*. Tübingen: Max Niemeyer.
 23. Landau, A. (1928) Di slavishe elementn un hashpoes in yidish. *Shriftn fun yidishn visnshaftlekhn institut. Filologiske shriftn*. 2. pp. 199–214.
 24. Lexer, M. (1992) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Stuttgart: Hirzel.
 25. Ludwig, J.Z. (1995) *Multiply-Prefixed Verbs in Russian, Polish, and Ukrainian*. Dr. Diss. Bloomington: Indiana University.
 26. Mark, Y. (1978) *Gramatik fun der yidisher klal-shprakh*. New York: Alveltlekher yidisher kultur-kongres.
 27. Miklosich, F. (1886) *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumüller.
 28. Rozwadowska, M.F. (ed.) (1974) *Podręczny słownik polsko-rosyjski z suplementem*. Warszawa: Wiedza Powszechna.

29. Rothstein, R.A. (1990) Yiddish Aspectology. In: Wexler, P. (ed.) *Studies in Yiddish Linguistics*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. pp. 143–153.
30. Schächter, M. (1951) *Aktionen im Jiddischen: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades*. Wien: Universität Wien.
31. Talmy, L. (1982) Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic. In: Macaulay, M. et al. (eds) *Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley. pp. 231–250.
32. Timm, E. (2005) *Historische jiddische Semantik: Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes*. Tübingen: Max Niemeyer.
33. Weinreich, M. (1931) Vos volt yidish geven on hebreish? *Di tsukunft*. 3(3). pp. 194–205.
34. Weinreich, M. (1973) *Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn*. Vol. I. New York: YIVO.
35. Weinreich, M. (1993) *Geschichte der jiddischen Sprachforschung*. Tampa: University of South Florida.
36. Weinreich, U. (1977) *Modern English-Yiddish, Yiddish-English Dictionary*. New York: YIVO; Shoken.
37. Weissberg, J.D. (1991) Der Aspekt in abgeleiteten jiddischen Verben. Dargestellt anhand der korrelierenden Konverben *iber-* und *ariber-*. Eine kontrastive jiddisch-deutsch-slawische Darstellung. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 58. pp. 175–195.
38. Wexler, P.N. (1951) *Slavic contributions to the grammatical functions of three Yiddish verbal prefixes*. Master of Arts Thesis. New York: Columbia University.

Шишигин Кирилл Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Россия).

Kirill A. Shishigin – Plekhanov Russian University of Economics (Russia).
E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (Россия).

Natalia B. Lebedeva – Kemerovo State University (Russia).
E-mail: nlebedevab@yandex.ru

УДК 39:8;745:7.031.4(477.87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/13

Художественная специфика материальной культуры Закарпатья в трудах Сергея Маковского: взгляд на историческую традицию как факт современности

О.А. Лагутенко¹, А.А. Пучков², М.Р. Селивачёв³

Национальная академии изобразительного искусства и архитектуры
Украина, 04053, г. Киев, ул. Вознесенский спуск, 20

¹ E-mail: olgalagutenko5@gmail.com

² E-mail: dr.a.puchkov@ukr.net

³ E-mail: mik_sel@ukr.net

Авторское резюме

В контексте жизни и многосторонней деятельности историка, этнографа и искусствоведа Сергея Константиновича Маковского (1877–1962) освещается его книга «Народное искусство Подкарпатской Руси», которая была издана в Праге на русском, чешском (1925) и английском (1926) языках. Хотя её не запрещали в Советской Украине, но и не популяризировали из-за эмигрантского прошлого автора и его близости к Дому Романовых. Однако она была хорошо известна специалистам: отзвуки впервые применённого в этой книге преимущественно эстетического подхода к народному творчеству заметны в исследованиях 1960-х гг. и даже позже. Названная книга – итог одноимённой выставки, устроенной школьным отделом Ужгородской гражданской управы (в 1924 г.). Как эксперт и директор выставки Маковский обошёл всё Закарпатье, изучал художественные произведения на месте изготовления, собрал большую коллекцию, общался с мастерами, фотографировал. Для него произведения народного искусства – не только музейные экспонаты, но и «продолжающаяся живая сила», живое свидетельство истории края. В статье использованы биографический, текстологический, историографический, сравнительный методы. Сделан вывод, что в книге Маковского народное искусство Закарпатья впервые является предметом внимания не музейщика, историка, этнографа или организатора народных промыслов, а профессионального критика, который всю жизнь писал о современных художниках. В Карпатах он столкнулся с крестьянским творчеством, где декоративность, присущая также и модернистам, – основное свойство, неразрывно связанное с прикладной целесообразностью и местной традицией. Маков-

ский восторженно воспринимает это творчество, отзываясь точными наблюдениями и обобщениями.

Ключевые слова: Сергей Константинович Маковский, историческая традиция, бытовое искусство, народное ремесло, этническая эстетика Карпат, орнамент.

The Artistic Specificity of the Transcarpathian Material Culture in the Works by Sergey Makovsky: A Look at the Historical Tradition as a Fact of Modernity

O.A. Lagutenko¹, A.O. Puchkov², M.R. Selivatchov³

National Academy of Fine Arts and Architecture,

20 Voznesensky Uzviz, 04053, Kyiv, Ukraine

¹ E-mail: olgalagutenko5@gmail.com

² E-mail: dr.a.puchkov@ukr.net

³ E-mail: mik_sel@ukr.net

Abstract

In the article, the life and many-sided activities of the historian, ethnographer and art critic Sergey Konstantinovich Makovsky (1877–1962) serves as the background to focus on his book *Peasant Art of Subcarpathian Russia*, published in Prague in Russian, Czech (1925) and English (1926) languages. Although not banned in Soviet Ukraine, it was not promoted either because of the writer's emigre past and his proximity to the House of Romanov. However, the book was well known to specialists: the predominantly aesthetic approach to folk art, first applied in it, echoes in the studies of the 1960s and even later. *Peasant Art of Subcarpathian Russia* resulted for the exhibition, organized by the school department of the Uzhhorod Civil Administration in 1924. As an expert and director of the exhibition, Makovsky traveled all over Transcarpathia, where he studied art objects at the places of their production, talked to artisans, took photos and collected valuable items. Makovsky thought of the works of peasant art not only as of merely museum exhibits, but also a "still living force", a living testimony to the regional history. The authors of the article use a biographical, textual, historiographical, and comparative methods to conclude that in his book Makovsky is the first to explore the peasant art of Transcarpathia as a professional critic of modern art. In the Carpathians, he encounters peasant creativity, where decorativeness, which is also inherent in modernists, is the main property inextricably linked with applied expediency and local tradition. Makovsky is fascinated by this heritage, avidly perceives it, producing accurate observations and generalizations.

Keywords: Sergey Makovsky, historical tradition, everyday art, Peasant Art, ethnic aesthetics of the Carpathians, Subcarpathia, Transcarpathia, ornament.

Сочинение Сергея Константиновича Маковского выпущено пражским издательством «Пламя» почти век назад параллельно тремя изданиями – на русском, чешском и английском языках, тиражом 300 экземпляров в каждом издании [15; 19; 20]. С тех пор редкое исследование украинского народного декоративного творчества обходится без упоминания труда «Народное искусство Подкарпатской Руси» (1925), по меньшей мере в библиографии.

Книга стала итогом выставки «Искусство и быт Подкарпатской Руси», устроенной школьным отделом Ужгородского гражданского управления (1924). Как эксперт и комиссар (в английском тексте – директор) выставки Маковский объехал, а главным образом, обошёл пешком в течение более полугода всё Закарпатье – от Лемковщины на севере до Мармарощины на юге, изучал памятники рукоделия как произведения искусства на месте их изготовления, общался с мастерами, фотографировал и собрал большую коллекцию для будущей экспозиции [18].

Цель этой экспозиции он видел в содействии системному изучению домашних ремёсел Подкарпатской Руси, популяризации образцов «крестьянского художества», пробуждении интереса к народу, который через века порабощения пронёс традицию узоров и бытовых навыков [19]. Более всего Маковского занимают произведения народного искусства, ещё не ставшие музейными экспонатами, а продолжающие и сегодня служить полезной и надёжной утварью: «В наши дни такое искусство не только анахронизм, но истинно современное очарование, оазис пленительного варварства с журчащей ключами среди сыпучих песков фабричной цивилизации» [15: 5–6].

Основу книги составили художественные фотографии, с технической точки зрения совершенные. В изобразительном ряду около трёхсот объектов. Более половины изображают текстиль, одежду и украшения; немало вещей из дерева (около 60 примеров), керамики (27); писанки (18). Несколько фотографий представляют архитектурные формы деревянных храмов (в селах Крайниково, Соль, Шелестово, Лазещина), художественный металл и обрядовую выпечку. Большинство фотографий сделано во время авторских полевых выездов, некоторые представляют вещи из музеев или являются репродукциями образцов, иногда из других местностей Европы и Азии, необходимых для сопоставления с творчеством карпатских горцев. Да и сама книга, прекрасно свёрстанная и напечатанная при участии художника А. Хвалы, является образцом полиграфического мастерства.

Важно, что едва ли не впервые крестьянское искусство Закарпатья стало предметом внимания не музейщика, историка, этнографа или организатора народных промыслов, а профессионального критика, который всю жизнь писал о художественном творчестве эпохи модерн преимущественно с эстетической точки зрения. Честно говоря, можно вспомнить лишь одно, хоть и более скромное региональное издание, похожее на труд Маковского научным подходом и мастерством изложения, – книгу под редакцией директора Киевского городского музея М.Ф. Биляшівського с участием Я.А. Тугендхольда, Е.Ю. Спасской, художников Е.И. Прибыльской, Е.В. Поленовой, И.И. Модзалевского, А.Ф. Середы [14]. Карпатская же тема дополняется альбомом Д.М. Щербакивського [17], содержащим богатый архитектурный материал.

Сам интерес к вопросам, которые ранее не входили в круг научных интересов Маковского, даже, можно сказать, были ему перпендикулярны, понуждает рассматривать подготовку выставки и альбомомонографии как исследование, внимание к которому спровоцировано рядом внутренних и внешних обстоятельств. Прежде всего они связаны с рассмотрением традиционных артефактов народной культуры как явлений современного автору искусства, как источника для дальнейшего движения по пути не преодоления прошлого, но обогащения за его счёт «свежих» художественных форм 1920-х.

Книга С. Маковского, хотя и имеется в больших библиотеках Украины, в силу ряда исторических причин повлияла на осмысление нашего традиционного творчества значительно меньше, чем заслуживает, из-за эмигрантского прошлого автора и близости представителей его семьи Дому Романовых и не популяризировалась.

Прадед художника [3], обрусевший поляк, разбирался в искусстве и архитектуре, коллекционировал эстампы, строил на продажу дома [5: 3]. Любовь к собиранию графики унаследовал его сын Егор Иванович Маковский, один из основателей Московского художественного класса (1833 г.), преобразованного позже в Московское училище живописи и ваяния. Трое сыновей Е.И. Маковского и старшая дочь стали художниками, младшая – актрисой. Особая слава была суждена Константину Егоровичу Маковскому (1839–1915). В 1863 г. он вместе с тринадцатью другими конкурсантами на Большую золотую медаль отказался писать картину на мифологическую тему и покинул Академию художеств, присоединившись к возглавлявшейся И.Н. Крамским «Артели художников», а затем к передвижникам. По иронии судьбы Большую золотую медаль на Всемирной парижской выставке 1889 г. получили картины Маковского «Суд Париса», «Демон и Тамара», «Смерть Иоанна Грозного» – историко-мифологического жанра,

против которого художник протестовал в молодости и который принёс ему успех в зрелости [2].

Сергей Маковский родился в Петербурге (1877) и сразу стал для отца главной моделью – с него написан терзаемый башибузуками младенец, а с его матери – «Болгарские мученицы» (1877). Детство проходило в доме на Адмиралтейской набережной с видом на Академию наук, университет и Академию художеств. Художник вспоминает в мемуарах шкаф-витрину в столовой с образцами народной одежды и различных старинных вещей, зарубежные путешествия, пребывание в Качановке на Черниговщине у Тарновских, журфиксы с интеллектуальной элитой Петербурга [8].

Все дядья и тётки со стороны отца были художниками, мамаина сестра Е.П. Леткова – писательницей, её муж Н.В. Султанов – архитектором и архитектуроведом, идеологом неовизантийского стиля, реставратором, кузеном знаменитого культуроведа и политика П.Н. Милюкова, депутата Госдумы, лидера кадетской партии и министра иностранных дел Временного правительства. Частые гости на домашних спектаклях и приёмах у Маковских – художники Айвазовский, Ге, Лемох, Репин, Шишкин, композиторы А. Рубинштейн, Чайковский, Кюи, историк Костомаров и этнограф Миклухо-Маклай, писатели Апухтин, Боборыкин, Гончаров, Григорович, Полонский.

Отвечая позже на вопрос, почему не стал художником, Сергей Константинович шутил, что тогда его путали бы с другими Маковскими. На самом же деле конец XIX в. – время повсеместного увлечения естественными науками, поэтому он начал университетское образование с естественного факультета, осваивая окружающее не извне, подобно многочисленным родственникам-художникам, а, так сказать, изнутри. Возможно, именно перенасыщенность семейной среды зрительными образами подтолкнула Маковского к литературе, особенно к поэзии, которая на рубеже XIX–XX вв. оказалась для европейской культуры семантически и структурно стилеобразующим видом творчества. В тогдашней – преимущественно символистской – версификации не только оттачивалась письменная сноровка выражения мысли, которая не лежит на «прямом пути», но и формировалась особая литературная культура орнаментальной прозы, не в последнюю очередь отразившаяся и на научно-исторических текстах: «Образы Италии» П.П. Муратова (1912) – яркое тому свидетельство.

Довольно скоро Маковский увлёкся арт-критикой, полагая, что при наличии первоклассных художников в империи мало критиков, способных осмысливать современность, раскрывать сущность живописных и поэтических образов при помощи логически выверенных

вербальных средств. На втором курсе университета в журнале «Мир Божий» (1898, № 3, с. 201–219) появляется его первая искусствоведческая статья, посвящённая росписям Владимирского собора в Киеве, которые вызывали восхищение, смешанное с неприятием.

В том же 1898-м С. Маковский познакомился с основателем журнала «Мир искусства» С.П. Дягилевым и его кузеном Д.В. Filosoфовым и стал фактически секретарём редколлегии. После закрытия «Мира искусства» (1904) эстафету в поддержке модернистского искусства принял основанный в 1909 г. журнал «Аполлон», где Маковскому принадлежала роль организатора и первого главного редактора [4]. В империи не было сколько-нибудь амбициозного художественного журнала («Золотое руно», «Старые годы», «Столица и усадьба», «Русская икона» и т. п.), где художник не сотрудничал бы как автор, рецензент, редактор. С юношеским задором он поддерживал всё лучшее из нового, высмеивал новаторов-шарлатанов, иронизировал над корифеями, включая И.Е. Репина и особенно В.В. Стасова, не отказывая им в таланте и заслугах. Имея хороший вкус и слух, поощрял поэтов и прозаиков, организуя дебютные выступления, печатая их произведения и рецензии, давая конструктивные советы и внося редакторскую правку, которая не всегда находила тёплый приём у авторов. Начиная с 1900-х гг. о каждом из них Маковский писал в статьях и книгах, позднее собранных в сборники [8–11].

В 1910 г. женился на Марии Ходасевич, в начале 1917-го с матерью и женой выехал в Крым, надеясь переждать революционную бурю, захлестнувшую Петроград. Как всюду и всегда, организовывал выставки, концерты, лекции, консультировал коллекционеров, скупавших произведения искусства у собиравшихся эмигрировать. Успел побыть «советским служащим» в сфере охраны музейных сокровищ во время недолгой большевистской власти в Крыму в 1919 г., а в 1920 г. уехал с семьей в Стамбул, откуда вскоре перебрался в Прагу.

В середине 1920-х гг. основная часть русской эмиграции сосредоточилась в Париже, куда семья Маковских перебралась в 1924 г. Хотя быт эмигрантов был довольно плачевным, талантливому Маковскому удавалось работать по специальности в редакциях и издательствах, выступать с обзорами выставок, докладами, печатать свои книги, править чужие мемуары.

Начало Второй мировой войны усложнило трудное, хоть и стабильное существование. Наиболее драматичным было то, что родственникам художника пришлось воевать по разные стороны баррикад. Воспоминания и письма Маковского отражают идейные изменения в эмигрантской среде, где он был более всего дружен с И.А. Буниным, Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус и А.М. Ремизовым [7–9]. На фоне по-

бед Красной армии некоторые пересматривали антибольшевистские позиции, после войны получали в посольстве советский паспорт. Но возвращались в СССР единицы, надеясь на положительные изменения на родине, особенно после смерти Сталина. Среди оптимистов был и Маковский, лелея надежду, что «при Никите» зазвучат над заброшенными храмами замолкшие колокола [5: 275–281]. Поскольку «замолкшие колокола» звонили недолго, разумный Маковский предпочёл умереть во Франции (в 1962 г.).

В последние годы – С. Маковский прожил 85 лет – он всё чаще обращался к поэзии, где звучат нотки разочарования, согретые христианской надеждой.

* * *

Обращение Маковского к изучению и осмыслению традиционного декоративного искусства Карпат воспринимается на фоне его биографии случайным эпизодом вследствие эмигрантской судьбы. На самом деле интерес к народному творчеству в контексте его предыдущей деятельности вполне логичен. Подобно большинству художников, сформированных эпохой модерна, он придавал немалое значение декоративной составляющей материальной формы. Наверное, для С. Маковского было неприемлемо противопоставление идейного декоративному, неоднократно высказанное Репиным в крылатой фразе: «Предоставим вышиванию узоров благовоспитанным барышням». И, надо думать, Маковскому ближе красноречивое кредо немного старшего современника Станислава Выспанского: «Każda dobra sztuka jest deko-gasu-jna» (Каждое хорошее искусство является декоративным).

Ранее декоративность привлекала Маковского как примета современного искусства, контрастирующего с тусклостью красок предыдущего этапа «критического реализма» [10]. Впрочем, понятие «реализм» в терминологическом поле искусствоведения многогранно, расплывчато. В Карпатах он столкнулся с искусством, в котором декоративность – основное свойство, неразрывно связанное с целесообразностью и традицией – главным способом наследования знаний и навыков. Закарпатье (тогдашняя Подкарпатская Русь) и сейчас, через сто лет после пребывания там Маковского, остаётся краем, который не только ревностно хранит (в домашних мини-музеях) местное художественное наследие, но и воспроизводит его в быту. Маковский этим наследием увлечён, воспринимает его жадно, с любопытством, фиксирует, собирает, делает меткие и точные наблюдения и обобщения.

При всей литературности изложенные преимущественно в органичном для него жанре эссе эти обобщения оснащены солидным библиографическим аппаратом, аналитическими комментариями. Три десятка примечаний к тексту рассматриваемой книги содержат ссылки на полсотни изданий на чешском, русском, украинском, немецком, венгерском, английском, польском, румынском, французском, болгарском языках. Замечаем в этой совокупности хорошо известные имена Я.Ф. Головацкого, Хв. Вовка (Ф.К. Волкова), Олены Пчилки (Е.П. Косачёвой), В.-С.Р. Залозецкого-Саса, Е. Кольбенгаера, В.М. Щербакивского, Ю.А. Кулаковского, Г.Г. Павлуцкого, В.В. Стасова, Н.М. Могилянського и других учёных, преимущественно из Львова и Киева. Кроме энциклопедической эрудиции автора, всё это свидетельствует о тщательном изучении им литературы по теме и первичных источников.

Структура книги [15] логична. В предисловии отмечены главные черты традиционного творчества Подкарпатской Руси. Подлинно народное искусство, настаивает Маковский, «дальше всего от пошлости. Оно восхищает благородством оттенков и разнообразием в каноническом своём коснении. Никогда не вульгарное, потому что всё в нём от полноты народного сердца и всегда согретое творческим чувством, как бы ни повторяло стародавних образцов. В этом его обаяние» [15: 6].

По большей части не умственный, но чувственный подход к осещению явлений народного искусства, раскрытие его поэтики, т. е. системы средств эмоционального выражения, сочетаются у бывшего «мирискуснического» эстета Маковского с историческими и этнографическими интересами, как бы продолжая его рассуждения 1900-х об этнической природе искусства разных регионов [1]. Он постоянно занят вопросами происхождения карпатской орнаментики. Ненавязчиво проявляя удивительную эрудицию, находит параллели местных узоров с тюркскими (надволжскими, среднеазиатскими, оттоманскими), персидскими и кавказскими, финно-угорскими, даже дальневосточными. Обозревает и новые времена, и эпоху бронзы, отмечая сходство украшений гуцульского металла с латенской культурой, халльштаттом, геометрической вышивки – с неолитическими узорами.

Понятно, что подмеченные Маковским подобию не обязательно наследственные: схожими их делают характер материала и техника обработки. Впрочем, решение этой проблемы, по его мнению, едва ли достижимо в ближайшем будущем. По крайней мере, за полтора века после работ Ф.К. Волкова наука не слишком продвинулась, хоть и накопила огромный фактический материал, всесторонний анализ и толкование которого пока преждевременны. Этому мешает не-

обозримый объём вещественных памятников, лишь незначительно обработанных, введённых в научный оборот и ещё меньше осмысленных как целое.

Несмотря на начальный этап разработки этнографического районирования Карпат, автор устанавливает границы регионов «по сродству вкуса» их обитателей, считая влияние географических и климатических условий более существенным, нежели племенные оттенки. Вместе с тем он почти полностью исключает из поля внимания узоры «явно чужие, вследствие чего в книге не представлены целые округа, где древнейшие мотивы почти вытеснены словацкой, мадьярской, румынской модой» [15: 9].

Он утверждает, что «самые простые, как бы элементарные, верховинские вышивки ни в коем случае не являются первичными по своему рисунку, и, напротив того, сложный “тканый” рисунок некоторых вышивок Косовской и Кобольей Полян, Росушки, Луги, Рахова, Ясины, Богдана-на-Тиссе ближе к узору, от которого когда-то пошли бесчисленные разновидности. Население севера, более бедное во всех отношениях, только опростило в этих случаях стиль узора. Произошла декоративная редукция, давшая в свою очередь много неожиданно красивого <...> Это не мешает тому, что тот же верховинский север, полудикая горная область, сохранил лучше, чем более впечатлительный и подвижный юг, некоторые элементы примитива» [15: 12].

По видам традиционного искусства (прежде всего, это вышивки), С. Маковский выделяет на Закарпатье четыре района. Наиболее ему интересна Гуцульщина, расположенная на юго-востоке горного края, по обе стороны тогдашней чехословацко-польской границы. Далее, на северо-запад следует Верховина, от главного карпатского хребта в долину реки Турии. Ещё западнее простирается третий выделенный Маковским равнинный район, переходящий на юге в долины Мармароша, смежного на юге с Трансильванией, а на востоке – с Буковиной.

Первая после вступительной части глава посвящена резьбе и деревянной архитектуре, где обработка дерева названа наиболее характерным видом русинского традиционного творчества в лесном карпатском крае. С восторгом описаны региональные и местные различия посуды, по-разному украшенной резьбой, гравировкой и обжигом – в долинах Тиссы, Турии; отмечены общие черты и различия их в декоре и конструкции с обеих сторон главного Карпатского хребта; выделены такие линии развития, как техническое совершенствование, огрубление и примитив.

В наиболее сжатой по объёму второй главе достаточно критически охарактеризована керамика. Если на юге (Мармарош) ещё

сохранились в отдельных сёлах ячейки гончарного промысла для собственного потребления, то на севере и западе (Ужгород, Севлюш, Хуст) это ремесло приобрело под влиянием города полуфабричные формы производства и мадьяризованную стилистику. Гуцульщина, расположенная на обоих склонах главного Карпатского хребта, привыкла пользоваться гончарными изделиями Восточной Галиции, которая в межвоенный период принадлежала Польше.

Третья глава содержит описание одежды и украшений, включая обувь, головные уборы и причёски. Эту сферу Маковский называет «наиболее уцелевшей отраслью прикарпатского фольклора». Поэтому с особым вниманием и этнографической тщательностью обследует одну за другой долины рек, формально фиксируя номенклатуру и стилистику женской и мужской одежды для лета и зимы, функционально – способы ношения, изменяющиеся во времени.

В четвёртой главе «Вышивки и ткани» говорится о стилистических особенностях и колорите выделенных четырёх районов Закарпатья. Впрочем, навыки применения цвета, по его мнению, «подвержены колебаниям от случайных причин», если согласиться, что повсеместное внедрение фабричных нитей, окрашенных анилином, является случайным искушением. Графику узора Маковский считает более стабильной, чем цветные нововведения. Основа орнамента Карпат (как Кавказа и вообще Востока) – это комбинации ромбовидных элементов, а фитоморфные мотивы отсутствуют. Добавим: они распространятся позже, в конце 1920-х гг.

Свыше двух третей объёма книги занимает иллюстративная часть, идущая после примечаний, в конце – аннотированный список иллюстраций на десяти цветных таблицах и ста черно-белых (всего около трёхсот сюжетов). Русское, чешское, английское издания книги при том же объёме различаются тоном и качеством бумаги, характером полиграфического исполнения и художественного оформления.

Во всех главах книги главное внимание уделено мотивам орнамента, их местным образным названиям, среди которых встречаются не зафиксированные в литературе середины и конца XX в. Это можно объяснить постоянными изменениями в номинациях узоров и непрерывным изоощрением народных ремесел, которое невозможно полностью зафиксировать даже коллективам ученых.

Богат нюансами лексики и интонаций язык исследователя, критика и поэта в одном лице, которому не приходилось раньше профессионально обращаться к такому специфическому предмету. Маковский не обременён этническими сантиментами, основной пафос в его текстах связан с раскрытием поэтики народных произведений, прекрасных в их «безыскусности».

Не раз дивишься прозорливости Маковского. Часто он первым усматривал то, что становилось очевидным и общеупотребительным через три десятилетия. Например, словосочетание «художественный фольклор» начали повсеместно применять (с прилагательными «визуальный» или «изобразительный») только в 1960-х гг. Ещё позже стали говорить о своеобразии «деревенской моды». Отдавая дань распространённому мнению об упадке качества народного искусства под воздействием роста фабричных городов, Маковский подчёркивает способность коллективного творчества регенерировать, в корне меняя ассортимент и стилистику под влиянием талантливых мастеров, иллюстрируя это новациями Юрия Шкрибляка и его сыновей: «Всякое произведение деревни, можно сказать, *делается постоянно*, переиначивается на тысячу ладов, умножаясь в веках, всегда прежнее и всегда другое, с каким-нибудь добавлением, которое может привиться и даже вызвать своеобразный уклон стиля» [15: 19]. Интересно, что подобные рассуждения исследователи затем повторяли на разные лады без существенных изменений.

Для Маковского продукты народного творчества вовсе не анонимны. Напротив, он внимателен к исполнителям конкретных вещей и называет их поимённо, пытаясь выявить отличительные черты, инструменты и материалы, ими используемые, любимые типы изделий и декоративные средства. Приводит имена когорты закарпатских гончаров; вспоминает имена своих информаторов Анну Коропчук и Настю Агопшук, в жилищах которых он обнаружил особенно интересные произведения.

Как и в петербургский период, учёного занимает проблема национальной специфики искусства, мало зависящая от этнической принадлежности художника: немецкой Рериха, французов Бенуа или Лансере, польской Врубеля, Семирадского (как и династии Маковских), еврейской – Антокольского, Левитана или Бакста. Поэтому несколько неожиданной оказывается неодобрительная интонация, едва речь идёт о «мадьяризации», «полонизации», «румынизации» народных ремёсел карпатских русинов начала XX в., т. е. о наличии в них черт, характерных для традиции этих этносов. Автор мог и не знать, что население Берегсаса (Берегово) или Севлюша (Виноградова) не мадьяризованное, а преимущественно мадьярское. Народоведение того времени не успело осознать, что нет мотивов орнамента или стилистических решений, принадлежащих исключительно тому или иному этносу. Иное дело, что народному искусству русинов-украинцев (их Маковский по традиции называет русскими) действительно больше свойственны, по сравнению с соседями, черты архаики. Здесь существуют два «стиля» орнаментики – геометрический, унасле-

дованный от неолита, и растительный – реминисценции расцвета местного барокко в XVII–XVIII вв. Подчёркивая некоторые параллели карпатского искусства с великорусским, автор не делает акцентов на таких различиях, как ориентация последнего на образцы быта верхних стратов и на произведения, импортируемые из Европы через Архангельск.

Ныне сходство орнаментики молдаван и румын, болгар и гагаузов, крымских татар и приазовских греков, обусловленное их давнишней принадлежностью к культурному пространству Османской империи, очевидно. Замена и роль римско-католической церкви в формировании бытовой среды поляков. Известно, что, кроме особенностей, присущих Центральной Европе, народное творчество венгров примечательно декоративной пышностью пастушеской культуры, несколько плакатной многокрасочностью в одежде и т. п. Кстати, тогдашнюю «скоропись» толстостенной гончарной посуды Маковский характеризует скорее положительно, как отклик на меняющиеся условия жизни обнищавшего крестьянства.

Бросается в глаза беглость рассказов о церковном искусстве. Правда, Маковский восторженно характеризует резные ручные кресты, типичные для Карпат, но сдержаннее – резные барочные царские ворота (одни из них он собственноручно привёз для выставки). Любые воздействия исторических стилей (готики или барокко) на церковную архитектуру заметно снижают интерес исследователя к этим объектам, поскольку, по его мнению, чем больше их влияние, тем меньше родство таких произведений с местной культурной средой. Хотя стоит напомнить, что позднейшие исследования (Г.Н. Логвин [6], П.И. Макушенко [12], Я.М. Тарас [16]) показали достаточную степень архитектурной и художественной «автохтонности» карпатского деревянного храма и незначительность формолого-исторических реминисценций. Конечно, с точки зрения традиционных европейских стилей отдельные карпатские формы сакральной архитектуры можно рассматривать в одном ряду с готической стилистикой, однако ни в планировке, ни в трактовках дверных и оконных проёмов, ни даже в общих пропорциях масс этих срубных построек система готического стиля не отражена [12: 66]. К тому же аналогичные сооружения Маковский наверняка видел и за пределами Карпат – в равнинных районах Украины, Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии. Не могла здесь не повлиять и эллинская учёность бывшего гимназиста, поскольку по-гречески народное искусство – *Λαϊκή Τέχνη*, т. е. искусство мирское, нецерковное, поскольку народ как нация по-гречески *Εθνος*.

Вместе с тем автор признаёт неповторимый региональный характер деревянных храмов Бойковщины, Гуцульщины, Лемковщины.

В 1920-е гг. они ещё сохранились достаточно хорошо и в большом числе, чтобы воспринимать их как раритет, а подготовка и издание сводных материалов о деревянной архитектуре Карпат, подобных трудам М. Драгана или В. Сичинского, были впереди.

Таким образом, следует сделать вывод, что художественные описания-экфрасисы анализируемых Маковским произведений представляют собой редкие образцы конгениального по силе художественной выразительности словесного толкования, к тому же убедительно сочетаются с научным проникновением в сущность рассмотренных явлений. По литературному мастерству к ним приблизятся в последующие десятилетия разве что тексты таких исследователей украинского народного искусства, как В.М. Василенко, Д.Н. Гоберман, а в недавние годы – А.С. Данченко.

Книга С.К. Маковского выдержала испытание временем и совершенно не устарела. Напротив, она приобрела значение своеобразного эталона качества проведения исследований, оставшись образцом сохранённых артефактов. Поэтому следует поблагодарить харьковского издателя А.О. Савчука [13] за недавнее переиздание этого непреходящего труда на высоком уровне книжной культуры, эстетически не уступающее первоисточнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голлербах Е.А.* Немецкий след в русском пантеоне: Петербургское издательство «Пантеон» (1907–1912) как агент немецкой культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 177–186.

2. Династия Маковских (продолжение). URL: <https://subscribe.ru/group/chelovek-priroda-vselennaya/3604553> (дата обращения: 17.01.2021).

3. Династия Маковских. URL: <https://subscribe.ru/group/chelovek-priroda-vselennaya/3468873/> (дата обращения: 17.01.2021).

4. *Лебедева Т.В.* «Страницы художественной критики» – итог раннего творчества С.К. Маковского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 192–198.

5. *Лебедева Т.В.* Сергей Маковский: Страницы жизни и творчества. Воронеж: Воронежский ун-т, 2004. 484 с.

6. *Логвин Г.Н.* Украинские Карпаты. М.: Искусство, 1973. 192 с.

7. *Маковский С.* И аз воздам: Роман. Отрывки // Литературная газета. 1990. 26 сент.

8. *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века»: статьи. Мюнхен: Изд. Центр. объединения полит. эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. 364, [8] с., 13 лл. ил.

9. *Маковский С.* Памяти современников: Статьи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 413 с.

10. *Маковский С.* Силуэты русских художников. Прага: Наша речь, 1922. 160 с.

11. *Маковский С.К.* Страницы художественной критики: в 3 кн. 2-е изд. СПб.: Пантеон; Аполлон, 1909–1913. Кн. 1–3.
12. *Макушенко П.И.* Народное деревянное зодчество Закарпатья (XVIII – начала XX века). М.: Стройиздат, 1976. 98 с.: 75 с. ил.
13. Народне мистецтво Карпат / Альбом ілюстр.: С.К. Маковський; передм. М.Р. Селівачова; упоряд. О.О. Савчук. Харків: Вид. Олександр Савчук, 2019. 128 с.: 110 табл. іл.
14. Народное искусство Галиции и Буковины и Земский союз в 1916–1917 гг. войны = Народне мистецтво Галичини й Буковини / Ком. Юго-Зап. фронта Всерос. земск. союза (Отд. помощи населению, пострадавшему от войны). Киев: Тип. Худ.-ремесл. школы-мастерской печатного дела, 1919. 64, [3] с., [8] л. ил.: ил.
15. Народное искусство Подкарпатской Руси / Пояснит. текст С.К. Маковского. Прага: Пламя, 1925. 162 с.: ил.
16. *Тарас Я.М.* Українська сакральна дерев'яна архітектура: Словник-довідник. Львів: Ін-т народознавства НАНУ, 2006. 584 с.: іл.
17. *Щербаківський Д.М.* Українське мистецтво: Т. 2: Буковинські і галицькі деревляні церкви, надгробні і придорожні хрести, фігури і каплиці. Київ; Прага: Укр. гром. вид. фонд, 1926. XXXIV с.: іл.
18. Katalog výstavy: «Umění a život Podkarpatské Rusi», pořádané pod záštitou guvernéra Podkarpatské Rusi dra Antonína Beskida školským odborem civilní správy Podkarpatské Rusi v Užhorodě 1924, 20. Březen – 1. květen / uspořádal a redigoval Sergej Makovskij. Praha: Umělecko-průmyslové museum obchodní: Živnostenská komora, 1924. 159 s.
19. Lidové Umění Podkarpatské Rusi / Objasňuje S. K. Makovský; Přeložil Ant. Poláček. Praha: Plamja, 1925. 56 s. [100] s. obr. příl., il.
20. Peasant Art of Subcarpathian Russia / Explanatory text by S. Makovskij. Preface by J. Gordon. Transl. by L. Hyde. Prague: Plamja edition, 1926. 154 p.: il.

REFERENCES

1. Gollerbakh, E.A. (2010) Nemetskiy sled v russkom panteone: Peterburgskoe izdatel'stvo "Panteon" (1907–1912) kak agent nemetskoj kul'tury [The German Trace in the Russian Pantheon: the St. Petersburg Pantheon Publishing House (1907–1912) as an Agent of German Culture]. *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoy akademii – Review of the Christian Academy for the Humanities*. 11(3). pp. 177–186.
2. Subscribe.ru. (n.d.) *Dinastiya Makovskikh (prodolzhenie)* [The Makovsky dynasty (continued)]. [Online] Available from: <https://subscribe.ru/group/chelovek-priroda-vselennaya/3604553/> (Accessed: 17th January 2021).
3. Subscribe.ru. (n.d.) *Dinastiya Makovskikh* [The Makovsky dynasty]. [Online] Available from: <https://subscribe.ru/group/chelovek-priroda-vselennaya/3468873/> (Accessed: 17th January 2021).
4. Lebedeva, T.V. (2006) "Pages of Art Criticism" – the Result of the Early Work of S.K. Makovsky. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*

"Filologiya. Zhurnalistika" – Proceedings of VSU. Series: Philology. Journalism. 2. pp. 192–198 (in Russian).

5. Lebedeva, T.V. (2004) *Sergey Makovskiy: Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Sergey Makovsky: Pages of Life and Work]. Voronezh: Voronezh State University.

6. Logvin, G.N. (1973) *Ukrainskie Karpaty* [Ukrainian Carpathians]. Moscow: Iskusstvo.

7. Makovsky, S. (1990) I az vozdam: Roman. Otryvki [And I Will Repay: Novel. Excerpts]. *Literaturnaya gazeta*. 26th September.

8. Makovsky, S. (1962) *Na Parnase "Serebryanogo veka": Stat'i* [On Parnassus of the "Silver Age": Articles]. Munich: Tsentr. ob"edineniya polit. emigrantov iz SSSR (TsOPE).

9. Makovsky, S. (1955) *Pamyati sovremennikov: Stat'i* [In memory of contemporaries: Articles]. New York: The Chekhov Publishing House.

10. Makovsky, S. (1922) *Siluety russkikh khudozhnikov* [Outlines of Russian Artists]. Prague: Nasha rech.

11. Makovsky, S.K. (1909–1913) *Stranitsy khudozhestvennoy kritiki* [Pages of Art Criticism]. St. Petersburg: Panteon; Apollon.

12. Makushenko, P.I. (1976) *Narodnoe derevyannoe zodchestvo Zakarpat'ya (XVIII – nachala XX veka)* [Folk Wooden Architecture of Transcarpathia (18th – early 20th century)]. Moscow: Stroyizdat

13. Makovsky, S.K. (2019) *Narodne mistetstvo Karpat* [Peasant Art of the Carpathians]. Kharkiv: Vid. Oleksandr Savchuk.

14. The Committee of the South-West Front of All-Russian Zemsstvo Union. (1919) *Narodnoe iskusstvo Galitsii i Bukoviny i Zemskiy soyuz v 1916–1917 gg. voyny* [Peasant Art of Galicia and Bukovina and the Zemsky Union during the War (1916–1917)]. Kyiv: Tip. Khud.-remeslennoy shkoly-masterskoy pechatnogo dela.

15. Makovsky, S.K. (1925) *Narodnoe iskusstvo Podkarpatskoy Rusi* [Peasant Art of Subcarpathian Russia]. Prague: Plamya.

16. Taras, Ya.M. (2006) *Ukrains'ka sakral'na derevyana arkhitektura: Slovník-dovidník* [Ukrainian Sacred Wooden Architecture: A Dictionary-Reference Book]. Lviv: In-t narodoznavstva NANU.

17. *Shcherbakivskiy, D.M. (1926) Ukrains'ke mistetstvo* [Ukrainian Art]. Vol. 2. Kyiv; Prague: Ukr. grom. vid. fond.

18. Makovsky, S.K. (ed.) (1924) *Katalog výstavy: "Umění a život Podkarpatské Rusi", pořádané pod záštitou guvernéra Podkarpatské Rusi dra Antonína Beskida školským odborem civilní správy Podkarpatské Rusi v Užhorodě 1924, 20. Březen – 1. květen* [The Exhibition Catalog: "Art and Life of Subcarpathian Russia", organized under the auspices of the Governor of Subcarpathian Russia, Užhorod 1924, March 20 – May 1]. Prague: Umělecko-průmyslové museum obchodní.

19. Makovsky, S.K. (1925) *Lidové Umění Podkarpatské Rusi* [Peasant Art of Subcarpathian Russia]. Prague: Plamja.

20. Makovsky, S.K. (1926) *Peasant Art of Subcarpathian Russia*. Prague: Plamja.

Лагутенко Ольга Андреевна – доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и истории искусства Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры (Украина).

Olga A. Lagutenko – National Academy of Fine Arts and Architecture (Ukraine)

E-mail: olgalagutenko5@gmail.com

Пучков Андрей Александрович – доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории искусства Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры (Украина).

Andrii O. Puchkov – National Academy of Fine Arts and Architecture (Ukraine).

E-mail: dr.a.puchkov@ukr.net

Селивачёв Михаил Романович – доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории искусства Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры (Украина).

Michael R. Selivatchov – National Academy of Fine Arts and Architecture (Ukraine).

E-mail: mik_sel@ukr.net

УДК 32.019.51;94(470)"21"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/66/14

Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы в России

Е.А. Данилова^{1,2}, С.Г. Суляк³

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49

² Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: Elena.a.danilova@yandex.ru

³ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

В начале XXI в. историческое прошлое различных стран начинает подвергаться «ревизии». Демонтируются памятники, вычёркиваются целые страницы истории в США, Польше, Чехии, на Украине и др. Последние три продолжают «героически» бороться со своим недавним прошлым, во времена которого они, кстати, достигли определённых успехов в социально-экономической сфере, что явно заметно по сравнению с их нынешним состоянием.

С укреплением внутреннего и международного положения России, с преодолением ею последствий горбачёвской перестройки и ельцинского правления ужесточается идеологическая война против неё. Можно согласиться с мнением И.Н. Панарина, высказанным в монографии «Информационная война и геополитика» (М.: Поколение, 2006. С. 7), что сейчас идёт пятая мировая информационно-интеллектуальная война и «ведётся она на новых фронтах: культурном, цивилизационном, этническом, религиозном и т.д.»

Новому «прочтению» подвергаются страницы Великой Отечественной войны. Бывшие союзники постоянно «забывают» упомянуть о роли Красной армии в Победе над фашизмом, возвеличивая в то же время свой скромный вклад в общую победу.

На наш взгляд, корректировка истории Второй мировой войны вышла на новый уровень после принятия Парламентской ассамблеи ОБСЕ Вильнюсской декларации 3 июля 2009 г. Одна из принятых резолюций, названная «Воссоединение разделённой Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», приравнивала сталинский режим к нацистскому. Позже это переросло в попытку переложить на Советский Союз вину за развязывание Второй мировой войны.

Многочисленные западные средства массовой информации пытаются дискредитировать не только Победу, но и само её празднование с традиционным парадом, хотя навязать населению России комплекс вины. Активно к этому подключились и представители оппозиционных российских СМИ и социальных медиа.

Россия усиливает противодействие переписыванию истории как на международном уровне, так и внутри страны. Был принят ряд законодательных актов, в частности, закон о запрете публичного отождествления роли СССР и фашистской Германии во Второй мировой войне и другие дополнения к уже действующим законам, активизировал работу в этом направлении МИД, более энергичный отпор стали давать российские масс-медиа.

По данным социологических опросов, День Победы по-прежнему остаётся главным праздником для большинства населения России.

Ключевые слова: фальсификация истории, День Победы, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, СССР, Украина, Россия, СНГ, Европа, Европейский союз.

A Holiday With Tears Upon Our Eyes: On the Attitude Towards Victory Day in Russia

E.A. Danilova^{1,2}, S.G. Sulyak³

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russia

² Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: Elena.a.danilova@yandex.ru

³ St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Traditionally, Victory Day is celebrated by the post-Soviet population as one of the main holidays. Until now, many perceive it in the Soviet interpretation as Victory Day of the Soviet people in the Great Patriotic War. It is not only the memory of the sacrifice and suffering that the country endured, but also the involvement in the heritage of the victorious generation. Unfortunately, the campaign to “correct” the historical memory, initiated by the West and being carried out in a number of countries of the former USSR, touched upon this holiday as well. Today, in some CIS countries, including Ukraine, some are trying to change the meaning of the holiday to belittle its significance, destroy “Soviet mythology, and dissolve the Great Patriotic War in the Second World War. Despite this, many still consider Victory Day to be the main holiday, as it can be seen from the number

and mass of events held annually on May 9. The absence of a nationally responsible elite in the leadership of Ukraine, the European and Euro-Atlantic integration proclaimed by the authorities, Russophobia, the Orthodox Church schism, attempts to rewrite the country's history to please the Western "partners", together with language bans, are increasingly aggravating the civilizational split between the citizens of the country.

Keywords: falsification of history, Victory Day, Great Patriotic War, World War II, USSR, Ukraine, Russia, CIS, Europe, European Union.

Как мы уже писали, в настоящее время Запад, ряд стран из прежних союзников по Организации Варшавского договора и бывших советских республик развернули против России идеологическую войну, в которой подвергается искажению история страны [20: 300]. Особенное внимание уделяется Великой Отечественной войне и Дню Победы – главному празднику в России и на всём постсоветском пространстве. С каждым годом его празднование становится всё более политизированным. Украина и Молдавия официально отмечают 8 мая – День окончания Второй мировой войны в Европе и 9 мая – День Победы. Последняя празднует 9 мая и День Европы. Прибалтийские страны – только 8 мая. В 2020 г. ООН по инициативе России провозгласила 8 и 9 мая Днями памяти жертв Второй мировой войны [44]. Фальсификации истории Великой Отечественной войны посвящено довольно большое количество исследований (см, напр.: [61]).

Фальсификаторы истории СССР/России, в т. ч. и её вклада в победу над нацизмом, преследуют следующие цели: принизить историческую роль СССР/России как гаранта стабильности в Евразии, ограничить её влияние на мировые процессы, показать «империей зла», лишить россиян исторической памяти, гордости за своё Отечество, за великие свершения и вклад в мировую цивилизацию. Стараясь переписать страницы истории, они пытаются разрушить стремление народов бывшего СССР к единению, помешать постсоветским странам проводить скоординированную внутреннюю и внешнюю политику [28: 4–6]. Ещё одной целью, как считает президент России В.В. Путин, является внутривнутриполитическая борьба в ряде стран, «и те, кто это делают, взбадривают свой электорат вот таким способом» [34; 51]. В кампании по фальсификации истории Второй мировой войны играет роль и то обстоятельство, что Европа таким образом пытается нивелировать тот факт, что большинство европейских стран были либо союзниками Гитлера, либо сотрудничали с ним.

Одобрение в июле 2009 г. Парламентской ассамблеи ОБСЕ Вильнюсской декларации, состоящей из 28 резолюций, вывело «корректировку» истории Второй мировой войны на новый уровень. Одна из принятых резолюций, названная «Воссоединение разделённой

Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», приравнивала сталинский режим к нацистскому. Парламентская ассамблея ОБСЕ, напомнив о принятой 2 апреля 2009 г. Европарламентом декларации о провозглашении 23 августа Днём памяти жертв сталинизма и нацизма, объявила «23 августа, т. е. день подписания 70 лет назад пакта Риббентропа – Молотова, Общеевропейским днём памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней» [7: 54]. Резолюция, правда, носила рекомендательный характер.

После украинского Евромайдана информационная война Запада против России резко усилилась, что дало основание политологам и публицистам заговорить о новой холодной войне. Фейки русофобского агитпропа¹ становятся более изощрёнными. Фальсификация истории стала одной из главных составляющих этой войны и служит, как упоминалось выше, определённым политическим и геополитическим целям.

19 сентября 2019 г. Европейский парламент принял резолюцию с помпезным названием «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой германо-советский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. был назван причиной начала Второй мировой войны: «80 лет назад, 23 августа 1939 года, коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали Договор о ненападении, известный как пакт Молотова-Риббентропа, и его секретные протоколы, разделив Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами и сгруппировав их в сферы интересов, что подготовило почву для начала Второй мировой войны». Также резолюция призвала «все государства-члены отмечать 23 августа как Европейский день памяти жертв тоталитарных режимов как на уровне ЕС, так и на национальном уровне и повышать осведомлённость молодого поколения об этих вопросах путём включения истории и анализа последствий тоталитарных режимов в учебные программы и учебники всех школ ЕС» [66].

Интересно, что в данной ситуации руководство Германии публично даёт отпор попыткам переложить вину в развязывании Второй мировой войны на СССР. 8 мая 2020 г. на страницах немецкого журнала «Der Spiegel» министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас и директор Института современной истории в Мюнхене Андреас Виршинг написали: «Неоднократно принимавшиеся в последние месяцы попытки переписать историю столь бесчестным образом требуют от нас разъяснений, необходимость в которых, собственно, не должна была бы возникнуть ввиду непоколебимых исторических фактов: нападением на Польшу Германия единолично развязала Вторую мировую войну.

И Германия единолично несёт ответственность за преступления Холокоста, совершённые против человечности. Тот, кто сеет сомнения в этом и навязывает другим народам преступную роль, совершает несправедливость по отношению к жертвам. Он злоупотребляет историей и раскалывает Европу» [36].

В 80-ю годовщину нападения Германии на Советский Союз федеральный президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер во время акции памяти в берлинском Карлсхорсте, где в мае 1945 г. был подписан акт о капитуляции Германии, заявил: «Преступления, совершённые немцами в этой войне, лежат на нас тяжёлым грузом. На потомках погибших и на нас. По сей день тяжёлым грузом лежит на нас тот факт, что именно наши отцы, деды, прадеды вели эту войну, были причастны к этим преступлениям» [35].

Выступая в Санкт-Петербурге на неформальной встрече глав государств СНГ 20 декабря 2019 г., говоря о резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», В.В. Путин напомнил, что «договор между Советским Союзом и Германией был последним в ряду тех, которые были подписаны другими европейскими странами, как бы заинтересованными в сохранении мира в Европе», и что «Советский Союз пошёл на подписание этого документа только после того, как были исчерпаны все возможности и были отклонены все предложения Советского Союза о создании единой системы безопасности, антифашистской коалиции, по сути дела, в Европе» [42]. В фильме «Война за память», показанном на телеканале «Россия 1» (ВГТРК), президент России сказал, что СССР в конце 80-х гг. XX в. осудил секретную часть пакта Молотова-Риббентропа, и задал риторический вопрос: «Почему бы сегодня нашим коллегам не сделать то же самое – не осудить вот этот раздел Чехословакии?» [24; 33]. В своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», опубликованной 19 июня 2020 г., президент России напомнил, что «исторический ревизионизм, проявления которого мы наблюдаем сейчас на Западе, причём прежде всего в отношении темы Второй мировой войны и её итогов, опасен тем, что грубо, цинично искажает понимание принципов мирного развития, заложенных в 1945 году Ялтинской и Сан-Францисской конференциями. Главное историческое достижение Ялты и других решений того времени заключается в согласии создать механизм, который позволил бы ведущим державам оставаться в рамках дипломатии при разрешении возникающих между ними разногласий» [51].

Важную роль в фальсификации истории Второй мировой войны и её важной части – Великой Отечественной войны играют, помимо традиционных СМИ, иностранных и оппозиционных, социальные

медиа (интернет-СМИ, социальные сети, блоги, форумы), учитывая их возрастающую роль в современном информационном пространстве. Согласно аналитическому обзору «Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа», подготовленному компанией «Крибрум», наиболее активная фаза этой кампании началась в 2014–2015 гг., после политического кризиса на Украине [6: 45]. Было изучено более 4,7 млн сообщений на русском языке 1,3 млн авторов в социальных медиа [6: 5].

Наиболее обсуждаемыми в социальных медиа темами (как, впрочем, и в традиционных западных и оппозиционных), связанных с Великой Отечественной войной, стали:

1. Победобесие. Первое упоминание термина «победобесие» приходится на 2005 г. Смысл термина – критика мероприятий, связанных с празднованием Дня Победы в России, которые авторы называют «милитаристской истерикой». В 2015 г. началась масштабная кампания по интеграции термина в информационное пространство русскоязычного сегмента Интернета, вышел видеоролик «Победобесие», открыто дискредитирующий сам Праздник Победы. В 2018 г. был запущен сайт «Победобесие». Термин активно распространяется, его применяют и к спортивным мероприятиям, он переходит из социальных сетей в средства массовой информации [6: 13].

С 2014 г. 256 тыс. пользователей [6: 14] опубликовали 537 290 сообщений [6: 11] с данным термином в социальных медиа, в аккаунтах СМИ и различного рода сообществах. Причём из них только 37 % (239 407) были оригинальными, остальное – перепечатки и репосты [6: 10]. За весь период количество просмотров составило более 429 млн [6: 12].

Основная роль в распространении сообщений с упоминаниями термина «победобесие» с 2014 по 2016 г. принадлежит преимущественно украинским авторам. Начиная с 2017 по март 2020 г., количество российских авторов составляет уже более половины [6: 16].

2. СССР – виновник начала войны. Центральное место в распространении данного тезиса занимают всевозможные манипуляции вокруг темы пакта Молотова-Риббентропа.

Резко повышается активность распространения подобных сообщений с 2015 г., что, скорее всего, связано с общественно-политическими событиями на Украине. Публикации по данной теме в период с 2014 по март 2020 г. (250 тыс. [6: 18]) распространяли более 150 тыс. авторов, 53 % которых являются иностранными (Украина, Прибалтика, Казахстан). При этом общее количество авторов с каждым годом растёт. Это позволяет говорить о попытках формирования негативного образа СССР за пределами российского сегмента социальных медиа.

Сообщения пишутся на русском языке, что помогает проникновению контента в среду российских пользователей [6: 21].

3. **Нечем гордиться.** Здесь изучались наиболее популярные в социальных медиа тезисы, так или иначе передающие один и тот же смысл: «Победа в Великой Отечественной войне – не повод для гордости» [6: 4]. В рамках темы «нечем гордиться» выделяется тезис «День Победы – это не праздник», основу которого составляют публикации о том, что «9 мая – это день скорби», что связывает его с тезисом «победобесие» [6: 26].

Как и в случае с «победобесием», количество сообщений ежегодно поступательно растёт. Если число сообщений, относящихся ко всей теме «нечем гордиться», в 2018 г. снизилось из-за роста патриотических настроений в обществе, показатели информационной кампании «День Победы – это не праздник» последовательно возрастали. В данном случае допустимо говорить об искусственном характере распространения данной категории сообщений. Активизация происходит периодически: во время празднования Дня Победы, также публикации распространялись в День снятия блокады Ленинграда – 27 января, в День памяти и скорби – 22 июня, День памяти жертв Голодомора на Украине (последняя суббота октября) [6: 26–27]. Всего с 2014 по 2019 г. было 1 495 262 сообщения, из них 491 981 оригинальное [6: 24–25].

4. **Отождествление коммунизма и фашизма.** В данный блок вошли примеры прямого сравнения СССР и нацистской Германии, информация о встречах лидеров и легенды о «совместных парадах» [6: 5]. Основные пики сообщений приходятся на март–август и ноябрь каждого года. Они связаны с такими датами, как день смерти И.В. Сталина, критика культа личности Сталина на XX съезде ЦК КПСС, начало Великой Отечественной войны, подписание Договора о ненападении.

В 2015 г. лидирующее место по числу негативных сообщений занял Facebook. Причём число иностранных аккаунтов, негативно пишущих о роли СССР во Второй мировой войне, почти вдвое больше, чем российских. Это даёт основания полагать содействие самой Сети в продвижении данной темы. В 2019 г. по этим позициям вперёд вышел Twitter. В российском и постсоветском сегменте социальных медиа он популярен среди оппозиционно настроенных пользователей [6: 30–31]. С 1 января 2014 г. по 30 марта 2020 г. было опубликовано более 110 тыс. сообщений по этой теме, их число стабильно растёт [6: 29].

5. **СССР/Россия – оккупант.** В этой части проанализировано распространение информации об «оккупационной» политике Советского Союза после окончания Второй мировой войны [6: 5].

С 2014 г. выявлено стабильное увеличение количества сообщений с упоминанием тезисов «СССР – оккупант» и «Россия – оккупант» в СМИ и социальных медиа. Всего за исследуемый период опубликовано более 1 млн 125 тыс. сообщений. Из них только 31 % были оригинальными, остальные – перепечатки, репосты или ретвиты уже опубликованных сообщений [6: 39]. Большая часть иностранных авторов были украинскими (22 % от общего числа), активность проявляют также аккаунты из Польши (6 %), Германии (5 %) и Прибалтики (3 %) [6: 40].

Русофобский тезис «СССР/Россия – оккупант» активно используется при проведении информационных кампаний для принятия антироссийских политических решений. Примером являются действия по информационному сопровождению процесса сноса памятника И.С. Коневу в Праге, который был демонтирован 3 апреля 2020 г. [6: 41]. С 2014 г., со времени начала проведения антироссийских информационных кампаний в иностранных СМИ, этот монумент стал часто подвергаться актам вандализма. В местной прессе в отношении личности И.С. Конева активно популяризировались такие ярлыки, как «кровавый маршал» или «оккупант». Пик критики маршала Конева в русскоязычных СМИ и социальных медиа приходился на 9 мая каждого года – Дня Победы и освобождения Праги. Рост количества сообщений произошёл с 10 августа 2019 г. для «информационного обеспечения» принятия решения о демонтаже памятника [6: 41]. Сообщения с критикой личности И.С. Конева и описаниями ситуации вокруг подготовки памятника к демонтажу публиковались в украинских аккаунтах и российских оппозиционных ресурсах. Важную роль в информационной кампании сыграли иностранные СМИ: «Die Welt» (Германия) – 2, «iRozhlas» (Чехия) – 3, «Aktuálně» (Чехия) – 4 и др. Решение о демонтаже памятника было принято 12 сентября 2019 г., за несколько дней до принятия Европейским парламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» [6: 42].

Подводя итоги, авторы исследования предупреждают, что дальнейшее распространение фальсифицированной информации в социальных медиа при отсутствии ответных мер приведёт к «необратимой деформации восприятия исторической действительности», причём объём деструктивного контента постоянно растёт [6: 45].

Снос памятников становится одной из форм борьбы с «ненавистным» советским прошлым. Первенство в этом остаётся за Польшей. В 2017 г. в стране были приняты поправки к Закону о декоммунизации, которые предусматривали «устранение из публичного пространства» в срок до 31 марта 2018 г. мемориальных объектов, «пропагандиру-

ющих коммунизм» и находящихся вне территории воинских захоронений. К ним отнесли и памятники советским воинам-освободителям. За прошедшие годы в Польше было ликвидировано свыше 420 советских памятников вне мест захоронений [32]. С другой стороны, Польша продолжает «воевать» с Германией, настаивая на выплате репараций. Хотя в правительстве последней неоднократно заявляли, что осуществлять данные выплаты не собираются, и что ранее Польше были выплачены достаточно крупные репарации, а в 1953 г. сама Польша от них отказалась [11].

«Успешно» борется со своим прошлым и Украина. 30 июля 2021 г. в МИД Украины была направлена нота Министерства иностранных дел России с требованием выполнения украинской стороной международных обязательств и норм национального законодательства по защите и сохранению воинских мемориалов. Речь шла о решении львовских властей «декоммунизировать» воинский мемориал «Марсово поле» на Лычаковском кладбище с погребениями советских воинов, погибших во время Великой Отечественной войны в боях с немецко-фашистскими оккупантами и с отрядами УПА, уничтожить копию ордена Отечественной войны на воинском мемориале. В боях с фашистскими захватчиками на Западной Украине погибли 65 тыс. воинов Красной армии, более 3,5 тыс. из них были похоронены рядом с львовским мемориалом. Ранее, 23 июля, во Львове был завершён снос Монумента боевой славы – памятника советским солдатам, павшим в годы Великой Отечественной при освобождении этого города. Работы по его сносу начались в 2018 г. Была демонтирована не только статуя советского солдата, но и памятник львовской Родины-матери, который был перемещён в музей «Территория террора» (т. н. мемориальный музей тоталитарных режимов) [29; 43].

В то же время, помимо роста случаев фальсификации истории Великой Отечественной войны, происходит увеличение количества фактов реабилитации нацизма и в самой России. По сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2018 г. было зафиксировано 16 таких преступлений, в 2019 г. – 22, в 2020 г. – уже 40 [12].

Одним из направлений русофобского агитпропа является дальнейшая демонизация И.В. Сталина. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров сравнил нападки на него с атакой на всю историю Второй мировой [31]. Однако исследование «Левада-Центра», включённого с 2016 г. в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента², «"Сталин-Центр" и памятник Сталину», опубликованное в августе 2021 г., показало, что среди россиян негативные характеристики образа Сталина отступают на второй план: «Более значимыми оказываются иные аргументы: Сталин выиграл

войну, при нём был порядок, он поднял страну из руин. Поэтому не стоит удивляться, что на протяжении десятилетия фигура диктатора возглавляет список "самых выдающихся людей всех времён и народов", формирующихся по результатам открытого вопроса. Похожую тенденцию фиксируют вопросы об отношении россиян к попыткам увековечивания памяти о Сталине: установка памятников, строительство музейного комплекса под Нижним Новгородом, так называемого "Сталин-Центра"». За последнее десятилетие российское общественное мнение по вопросу установки памятника сменилось на противоположное. В «нулевые» годы против памятника выступало чуть больше трети опрошенных (36–37 %), поддерживало идею порядка четверти. Сегодня установку памятника Сталину поддерживает примерно половина населения (48 %), безразличны порядка 29 % и только пятая часть (20 %) выступает против [53].

Россия начинает более активно противостоять попыткам искажения истории Второй мировой войны, реабилитации нацизма, распространению фейков, в т. ч. и совершенствованием своей законодательной базы. В 2020 г. был внесён ряд поправок в Конституцию РФ. В ст. 671 было зафиксировано: «1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

2. Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается.» [30].

В п. 88 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утверждённой в июле 2021 г., отмечено, что «информационно-психологические диверсии и "вестернизация" культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета». Обращено внимание на усиление попыток «фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа». В п. 93 перечислены задачи по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и историче-

ской памяти. Среди них: «защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории» [58].

В апреле 2021 г. президент России подписал Федеральный закон № 58-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Ч. 4 ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (злоупотребление свободой массовой информации) дополнилась положением, предусматривающим административную ответственность юридических лиц за публичное оскорбление памяти защитников Отечества либо публичное унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, в т. ч. совершённые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет). Также ст. 13.15 Кодекса дополнилась ч. 4¹, предусматривающей административную ответственность юридических лиц за публичное распространение информации, отрицающей факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, либо одобряющей преступления, установленные указанным приговором, а равно публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, в т. ч. совершённые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет). В ч. 1 ст. 3.5 внесены изменения, определяющие предельный размер административного штрафа, устанавливаемого ч. 4 и 4¹ ст. 13.15 кодекса: на юридических лиц – в размере от 3 млн до 5 млн руб. с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой [16].

Тогда же В.В. Путин подписал и Федеральный закон № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 3541 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому признаются преступлениями и влекут ответственность за реабилитацию нацизма такие деяния, как публичное распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, унижение их чести и достоинства, оскорбление памяти защитников Отечества. Максимальное наказание – лишение свободы на срок до пяти лет. Размер штрафа за подобные деяния увеличился до 3 млн руб., при наличии квалифицирующих признаков – до 5 млн руб. Установлена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма, совершённую с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. и Интернета [60].

В июле 2021 г. Владимир Путин подписал Федеральный закон № 280-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" и статью 1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности"». Принятые изменения запрещают распространять и публично демонстрировать экстремистские материалы. К ним отнесены «труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, выступления, изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), выступления, изображения руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами, организациями или движениями, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы». Исключения составляют случаи, когда данная атрибутика, символика и изображения используются для формирования негативного отношения к идеологии нацизма и в них отсутствуют признаки пропаганды или её оправдания. Закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» дополнили ст. 6¹, которая запрещает «отождествление целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии <...>» в публичных выступлениях, в СМИ и интернете [62; 63].

Празднование Дня Победы остаётся в России, как и в других странах СНГ, одним из главных праздников в году. 9 мая стало праздником согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. «Об объявлении 9 мая Праздником Победы». Одним из ярких событий в праздновании Дня Победы является традиционный военный парад на Красной площади. Он ещё с советских времён не только подчёркивал значение Победы для СССР/России и всего мира, но и демонстрировал военную мощь страны. Сегодня демонстрация модернизированной и новой военной техники – это ещё и геополитический посыл ЕС, США/НАТО. Также парад показывает преемственность России по отношению к СССР.

Первый парад Победы состоялся 24 июня 1945 г. на Красной площади. Его принимал маршал Советского Союза Георгий Жуков, командовал маршал Советского Союза Константин Рокоссовский. По

Красной площади прошли сводные полки, укомплектованные рядовыми, сержантами и офицерами, отличившимися в боях. Советские воины в знак поражения агрессора бросили к подножию Мавзолея знамёна немецко-фашистских войск, разгромленных на полях сражений. После парада флаги были отправлены в Центральный музей Вооружённых сил [26; 27].

В 1946 и 1947 г. 9 мая в СССР было выходным днём, но парадов в тот день не проводилось. В период с 1948 по 1964 г. День Победы официально не отмечался. Второй парад, посвящённый Победе в Великой Отечественной войне, состоялся 9 мая 1965 г. Тогда по Красной площади впервые пронесли Знамя Победы. Следующий парад Победы прошёл 9 мая 1985 г. Особенностью его стала историческая часть с колоннами ветеранов и боевыми машинами Великой Отечественной: танками Т-34-85, самоходными артиллерийскими установками СУ-100, гвардейскими реактивными миномётами БМ-13. Военнослужащие – участники исторической части парада – были одеты в форму периода Великой Отечественной войны. В следующем параде 9 мая 1990 г. также была задействована военная техника времён Великой Отечественной. В его исторической части по Красной площади проехал тягач с точной копией памятника Воину-освободителю, установленного в Трептов-парке в Берлине. 9 мая 1995 г. на Красной площади был воспроизведён исторический парад 1945 г. Сводные полки ветеранов со своими боевыми знамёнами представили все десять фронтов военных лет. Наземная часть парада была дополнена авиационной [26; 27].

В 1995 г. был принят Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В 2004, 2009, 2014, 2019, 2021 гг. в него были внесены изменения. Согласно ст. 1 закона, «День 9 мая является всенародным праздником – Днём Победы. День Победы – нерабочий день и ежегодно отмечается военным парадом и артиллерийским салютом. Военные парады с привлечением вооружения и военной техники, использованием копий официального символа Победы советского народа в Великой Отечественной войне – Знамени Победы проводятся в столице Российской Федерации городе Москве, городах-героях, а также в городах, где дислоцированы штабы военных округов, флотов, общевойсковых армий и Каспийской флотилии». В столице Российской Федерации Москве у Вечного огня на могиле Неизвестного солдата устанавливается постоянный пост почётного караула (ст. 2) [62]. С 1995 г. парад стал проходить ежегодно.

В 2000 г. на параде в последний раз пешим строем прошли ветераны. В 2005 г. они проехали по площади на 130 автомобилях,

стилизованных под грузовики ГАЗ-АА («полуторки»). Для ветеранов на Красной площади были оборудованы специальные трибуны. В качестве гостей на параде в честь 60-летия Победы присутствовали бывшие военнослужащие вермахта, приехавшие в составе немецкой делегации во главе с канцлером Германии Герхардом Шрёдером [26; 27].

С 9 мая 2008 г., впервые с 1990 г., в парадах Победы на Красной площади стала использоваться тяжёлая военная техника и начались ежегодные парадные пролёты авиации [26; 27].

В 2010 г. в торжественном шествии на Красной площади впервые с 1945 г. приняли участие иностранные военные из 13 государств, в т. ч. из Великобритании, США, Франции, Польши и государств СНГ (по 75 чел. от каждой страны) [26; 27].

На параде 2011 г. было почти 20 тыс. военнослужащих. В 2013, 2014 и 2016 гг. число участвовавших в воздушной части парада самолётов и вертолётов соответствовало годовщине Победы. В 2012–2014 гг. в ходе парадов Победы демонстрировались новые образцы наземной боевой техники: зенитные ракетные комплексы «Тор-М2У», броневедомоубийца «Тайфун К-63968», противотанковые ракетные комплексы «Хризантема-С». В 2017 г. авиационную часть парада в Москве отменили из-за плохой погоды [26; 27].

На параде в честь 70-летия Победы в 2015 г. впервые показали технику нового поколения: танк Т-14 «Армата», единственный в мире танк третьего послевоенного поколения, и боевые машины пехоты Т-15 на платформе «Армата», БМП на платформе «Курганец-25», броневедомоубийца «Тайфун-К», «Тайфун-У» и т. д. В параде задействовали 194 единицы колёсной и гусеничной техники разных лет, а также 140 самолётов и вертолётов. Впервые в истории парадов была объявлена минута молчания. В 2016 г. на параде были показаны ракетные комплексы С-400 «Триумф». В 2017 г. впервые продемонстрировали машины, разработанные специально для арктической группировки. Это зенитные ракетно-пушечные комплексы ближнего действия «Панцирь-СА» и зенитно-ракетные комплексы малой дальности «Тор-М2ДТ». Они прошли по Красной площади в зимней камуфляжной расцветке. В параде 2019 г. приняли участие 13 083 чел. и 132 единицы боевой техники. Авиационная часть была отменена из-за облачной погоды [26; 27].

Празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне в 2020 г. проходило в условиях пандемии, что вызвало коррективы в дате и формате его проведения. Юбилейный парад, согласно Указу Президента России «О проведении военных парадов и артиллерийского салюта в ознаменование 75-й годовщины Победы в Великой

Отечественной войне 1941–1945 годов и Парада Победы 24 июня 1945 г.» от 29 мая 2020 г. прошёл 24 июня 2020 г. Это день был объявлен нерабочим с сохранением за работниками заработной платы [56].

В параде приняли участие воинские подразделения из Азербайджана, Армении, Беларуси, Индии, Казахстана, Кыргызстана, Китая, Молдовы, Монголии, Сербии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, которые прошли в алфавитном порядке. Вслед за гостями традиционно прошли группы учебных заведений, родов войск, МЧС и Росгвардии. В общей сложности в параде приняли участие около 13 тыс. военнослужащих. Проход техники тогда открывали 11 танков Т-34-85. Их количество удалось увеличить благодаря безвозмездной передаче в конце 2019 г. Министерством обороны Лаоса 30 танков Т-34 в рабочем состоянии. Основная часть новинок заключалась в новых модификациях, повышающих боевые возможности демонстрированной ранее техники. Помимо участвовавших в прошлых парадах «Армат», С-400, «Ярсов», впервые были показаны новая реактивная огнёмётная система ТОС-2 («Тосочка»), инженерная система дистанционного минирования (ИСДМ) «Земледелие», тяжёлые РСЗО «Торнадо-С», армейский ЗРК большой дальности С-300В4 и ЗРК средней дальности С-350 «Витязь», ЗРК «Бук» в новейшей модификации М3 и «Панцирь-СМ» с новыми лёгкими ракетами против БПЛА [23].

Дождь, сильный ветер и эпидемия коронавируса не помешали проведению парада Победы на Красной площади и 9 мая 2021 г. Эксперты отметили высокий уровень его организации. Одной из новинок прошедшего в Москве военного парада стали боевые машины зенитчиков «Тайфун-ПВО», на многих образцах бронетехники присутствовали новейшие технические модули, созданные в рамках программы модернизации действующей военной техники. Среди других образцов бронетехники присутствовали танки Т-14 «Армата», оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер-М», зенитные ракетные комплексы «Бук-М3», артустановки «Коалиция-СВ», бронетранспортёры «Бумеранг», пусковая установка «Ярс». В воздушной части парада были показаны четыре МиГ-31К с гиперзвуковой ракетой «Кинжал», «заправщик» Ил-78 и Ту-160, имитирующие дозаправку в воздухе и т. д. Президент оценил данный парад на отлично [65].

Выступая на военном параде 9 мая 2021 г., президент России В.В. Путин, заявил, что мы, отдавая «дань памяти и благодарности всему поколению великих героев и тружеников, вспоминаем фронтовиков, храбрых партизан и подпольщиков», и упомянул, что «сегодня мы видим сборища недобитых карателей и их последователей, попытки переписать историю, оправдать предателей и преступников, на руках которых кровь сотен тысяч мирных людей» [15].

На праздновании Великой Победы над фашизмом в Москве 9 мая 2021 г., как и в прошлом году, отсутствовали лидеры западных стран, снова демонстративно показавшие своё отношение к этой дате. В свою очередь в США и Западной Европе «не замечают» героизацию нацистов на Украине и в Прибалтийских странах. Также США и Украина постоянно голосуют против ежегодной резолюции Генассамблеи ООН по борьбе с героизацией нацизма, проект которой предлагает Россия. «Традиционно» от голосования воздерживается ряд стран ЕС. Такая резолюция принимается в ООН с 2005 г. В этом году к «воздержавшимся» присоединилась и Республика Молдова [52; 59].

Федеральная служба безопасности, Минобороны, МВД, Архив внешней политики РФ ведут активную работу по вводу в научный оборот новых документов по истории Второй мировой войны. Причём предаются гласности и материалы о преступлениях союзников нацистской Германии. В августе 2021 г. ФСБ рассекретила новые документы о подготовке японских военных к войне с СССР. Ранее то же сделал российский МИД [2].

Ввод в научный и общественный оборот новых источников инициировал проведение 6–7 сентября 2021 г. в Хабаровске Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы». Форум состоялся при поддержке Минпросвещения России, которое принимает активное участие в проекте «Без срока давности» и включает в образовательный процесс всё больше фактов о Великой Отечественной войне. Суд над группой из 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия в нарушение Женевского протокола 1925 г. в период Второй мировой войны, прошёл в Хабаровске 25–30 декабря 1949 г. Выступая на форуме, генеральный прокурор РФ И. Краснов напомнил, что, хотя «Хабаровский процесс не носил международного статуса, общемировое гуманитарное значение его итогов трудно переоценить. Наряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами он лёг в основу базовых документов ООН. Несомненно, оказал воздействие на последующие запрет и ликвидацию бактериологического оружия» [25].

Вероятно, будут опубликованы и другие материалы, касающиеся преступлений союзников Гитлера, в т. ч. и тех стран, с которыми во времена СССР были союзнические или дружественные отношения. К примеру, документы о массовом уничтожении еврейского и цыганского населения в концлагерях т.н. «губернаторства Транснистрия» румынскими оккупационными властями и т. д.

В ноябре 2020 г., выступая на международном форуме «Уроки Нюрнберга» в Москве, приуроченном к 75-летию начала Нюр-

нбергского процесса, председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин заявил, что «вызывает недоумение и возмущение решение Совета Европы в год 75-й годовщины Победы во Второй мировой войне <...> о том, что Россия как правопреемница Советского Союза несёт равную ответственность совместно с фашистской Германией за развязывание войны». Он высказал мнение, что одной из политических, правовых и нравственных задач является консолидация «усилий в выработке единых позиций признания и сегодняшнего закрепления факта геноцида советского народа и того, что те принципы и идеи, которые были закреплены в уставе Нюрнбергского трибунала, имеют сегодня животрепещущее и практическое значение» [18]. На том же форуме генеральный прокурор России И. Краснов отметил необходимость внесения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» «направленных на законодательное установление неизблемости принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского международного военного трибунала, закрепления таких понятий, как "нацизм", "фашизм", "геноцид народов Советского Союза"» [17].

В марте 2021 г. Следственный комитет России решил объединить уголовные дела о зверствах нацистов против мирного населения в одно – о геноциде народов СССР. Речь шла об уголовных делах, связанных с массовыми убийствами в районе деревни Жестяная Горка Новгородской области, с карательными операциями членов зондеркоманды СС-10 "а" по уничтожению советских граждан в Ейском детском доме, где были убиты 214 детей, с обстоятельствами уничтожения людей, содержащихся в бывших концлагерях в посёлке Моглино Псковской области и в районе Симферополя и др. [1].

В свою очередь Генеральная прокуратура РФ формирует единую доказательную базу о геноциде народов Советского Союза, ведя эту работу совместно с другими министерствами и ведомствами. Выявляются новые преступления против мирного населения в годы Великой Отечественной войны. По итогам поисковых и эксгумационных работ обнаружены места массовых захоронений в окрестностях концлагерей и в местах проведения немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками карательных операций. В производстве Следственного комитета РФ находятся дела о геноциде советского народа на территории Крыма, Карелии, Краснодарского края, Ленинградской, Новгородской, Псковской и Ростовской областей [19].

Впервые в России убийства нацистами мирных жителей были признаны геноцидом и преступлением против человечества 27 октября 2020 г. Солецким районным суд Новгородской области. Суд

признал геноцидом массовое убийство немецкими оккупантами и их пособниками мирного населения в деревне Жестяная Горка (ныне на территории Батецкого района Новгородской области). После освобождения в районе Жестяной Горки было найдено шесть захоронений с останками более 2 600 чел., в районе соседней деревни Чёрное найдены останки ещё 1 100 чел. Следствие установило, что для проведения массовых убийств немцы сформировали специальную «тайлькоманду»³, состоявшую из 33 коллаборационистов, преимущественно выходцев из Латвийской ССР. В 1947 г. в Новгороде состоялся суд над 19 военными преступниками [37]. Основанием для возбуждения Следственным комитетом России уголовного дела в мае 2019 г. стало найденное в районе деревни Жестяная Горка захоронение времён Великой Отечественной войны с останками 42 мирных граждан, в числе которых были дети и беременная женщина. В найденном захоронении покоились жертвы карательных операций, проводившихся в ходе оккупации деревни в 1942 г. Позже поисковики обнаружили останки более 521 чел., среди них 188 детей и 113 женщин [54].

Осуществляется проект Министерства обороны РФ «Дорога памяти» на базе Центрального музея Вооружённых сил России. Он должен объединить десятки миллионов фотографий фронтовиков и работников оборонных предприятий, партизан и жителей блокадного Ленинграда, сотрудников учреждений культуры и военных корреспондентов – всех, кто сражался и трудился в годы Великой Отечественной войны. Все собранные на портале материалы и фотографии войдут в мультимедийную галерею «Дорога памяти», включающую уникальные экспонаты из запасников Центрального музея Вооружённых сил. «Дорога памяти» – это общедоступная единая база данных о каждом участнике Великой Отечественной войны. Уже загружено свыше 34 млн записей и фотографий участников ВОВ. Мультимедийный музей возведён на прихрамовой территории главного храма Вооружённых сил России (Патриарший собор во имя Воскресения Христова), который находится в парке «Патриот», расположенном рядом с г. Кубинка Одинцовского района Московской области. Музейный комплекс «Дорога памяти» представляет посетителям 35 тематических залов, 26 из которых иммерсивные, с эффектом погружения в ключевые эпизоды Великой Отечественной войны [41].

В 2015 г. был запущен портал «Память народа», который объединяет базы данных ранее реализованных Министерством обороны РФ проектов «Мемориал» и «Подвиг народа». В рамках проекта «Память народа» впервые оцифровано и выложено в Интернет 425 тыс. архивных документов фронтов, армий и других соединений Красной армии, отсканировано и систематизировано более 100 тыс. военных

карт, с которых в последующем были введены в базу данных положения всех отмеченных на них воинских частей. В рамках проекта размещено более 18 млн записей из наградных листов с описаниями подвигов, представлений к наградам, оцифровано свыше 12,5 млн номерных награждений (более 80 %), 6,2 млн карточек на раненых, свидетельств о болезнях и т. д. [49].

С 2018 г. активистами Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» при содействии Федерального архивного агентства, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности РФ, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российского исторического общества реализуется всероссийский проект «Без срока давности». Цель проекта – сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны, установление обстоятельств вновь выявленных преступлений против мирного населения. В рамках проекта проводятся поисковые и разведывательные работы в местах массовых захоронений мирных жителей, идёт выявление и рассекречивание новых архивных документов, готовятся к изданию сборники документов о военных преступлениях нацистов и их пособников по оккупированным регионам [50]. 30 мая 2021 г. организаторы проекта «Без срока давности» создали на сайте change.org «Петицию о признании геноцида советского народа, совершённого нацистами в 1941–1945 гг.», и к 15 августа её подписало свыше 32 тыс. чел. [48].

В 2015 г. в России был создан «Волонтерский корпус 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», который объединил 136 тыс. чел. Позже Президентом РФ В.В. Путиным была поддержана инициатива создания Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы». Сегодня оно имеет 85 региональных отделений, 838 муниципальных штабов, 240 общественных центров на базе ВУЗов и ССУЗов [9]. В 2021 г. число добровольцев, присоединившихся к движению, выросло на 180 тыс. чел. За прошедший год волонтеры в рамках акции «Сад памяти» высадили 27 млн деревьев в память о каждом погибшем в годы Великой Отечественной войны. Ко Дню памяти и скорби 22 июня 2021 г. они провели в 126 городах России и других стран акцию «Огненные картины войны» [10].

С 2012 г. в России проводится акция «Бессмертный полк», которая стала международной. В 2020 и 2021 гг. акции «Бессмертный полк» прошли в онлайн-формате из-за эпидемической ситуации. Существует Межрегиональное историко-патриотическое движение «Бессмертный

полк», координационный центр которого находится в Томске, где в 2012 г. прошли его первые мероприятия [3]. Так же действует Общероссийское общественное гражданско-патриотическое движение «Бессмертный полк России». Оно было создано в 2015 г. и сегодня объединяет 78 региональных отделений и более 200 международных координаторов на всех континентах. В 2020 г. в проекте «Бессмертный полк онлайн» участвовало более 3 млн человек со всего мира. Трансляция шествия длилась 20 дней и её посмотрели более 25 млн человек [4].

Особых разногласий между двумя движениями нет. Однако наличие в России двух «полков» не способствует координации движения. Кроме того, весьма расплывчата его международная структура. На наш взгляд, логично было бы создать международную неправительственную организацию «Бессмертный полк», в которую бы входили «полки» разных стран, такие же неправительственные организации, имеющие статус юридического лица и правоспособность: «Бессмертный полк России», «Бессмертный полк США», «Бессмертный полк Израиля», «Бессмертный полк Украины», «Бессмертный полк Латвии», «Бессмертный полк Белоруссии», «Бессмертный полк Казахстана» и т. д.

Попытки дискредитировать День Победы по-прежнему вызывают осуждение у большинства россиян. Показательна в этом плане история с рэпером Алишером Моргенштерном, который 25 октября 2021 г. на YouTube-канале Ксении Собчак отрицательно высказался о празднике Победы. Его слова вызвали сильный общественный резонанс. На следующий день рэпер вынужден был извиниться за своё высказывание, опубликовав пост в Instagram [38].

2 ноября 2021 г. ВЦИОМ представил данные опроса россиян, посвящённого высказываниям Моргенштерна о праздновании Дня Победы 9 мая. Хотя большинству россиян (79 %) знакомо имя рэпера Моргенштерна, из них более половины (61 %) относятся к нему безразлично. 68 % опрошенных не согласны с его мнением, что на празднование Дня Победы 9 мая в нашей стране тратится слишком много денег. 70 % не согласны с высказыванием Моргенштерна, что не нужно жить прошлым, слишком широко празднуя Победу в Великой Отечественной войне, а следует двигаться дальше, достигая новых побед, например в информационных, космических технологиях [39].

Следственный комитет России установил имена тех, кто разместил фото нацистских преступников на сайте акции «Бессмертный полк» в 2020 и 2021 гг., против них возбуждены уголовные дела. В частности, житель Оренбурга А. Акимов получил год исправительных работ за заявку на «Бессмертный полк» в 2021 г. с фотографией Адольфа Гитлера (п. «в» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма с ис-

пользованием информационно-телекоммуникационных сетей») [47]. Среди фигурантов дела о реабилитации нацизма были обнаружены поклонники блогера Алексея Навального [64].

Сам А. Навальный, помимо прочего, отметился оскорблением ветерана ВОВ и вызывающем-оскорбительным поведением в суде по делу о клевете на ветерана в феврале 2021 г. [55], что, на наш взгляд, тоже, повлияло на падение его рейтинга. В июле 2021 г. «Левада-центр»² провёл опрос на тему «Отношение к Алексею Навальному». Результаты исследования показали снижение одобрения деятельности оппозиционера. Если в сентябре 2020 г. его деятельность поддерживали 20 % россиян, то в июне 2021 г. – 14 %. Выросло и число тех, кто неодобрительно относится к блогеру: соответственно с 50 % до 62 %. Треть россиян (32 %) поддерживали решение признать организации, которые основали Навальный и его соратники, экстремистскими [46].

В материале Н. Осиповой «"Я пришёл плюнуть на ваши могилы": нам объявлена война на уничтожение» был поднят вопрос о том, что законодательные меры, которые сегодня порой запаздывают, в будущем будут малоэффективны: «Выросли поколения, которые отрицают все те ценности, которые создали когда-то нашу страну, её культуру, историю, веру и традиции. Люди, для которых Победа, Пушкин, церковь Покрова на Нерли – одинаково пустой звук. Зато они отлично поняли, что циничное и глумливое отрицание культурных и исторических констант – это путь в культурный истеблишмент. Или на худой конец – пропуск в круг людей с хорошими лицами: тех, кто в дни наших побед хочет говорить о наших поражениях. Таким дадут и премии, и гранты, и эфиры, и даже госбюджет. Не у нас, так у них». Вместе с новыми поколениями приходят цинизм, глупость, грубость, хулиганство: «Моргенштерн не знает, зачем это мы празднуем День Победы. Но он не один». Автор считает, что если государству и обществу в будущем «нужны будут граждане, которые понимают, что празднуют в День Победы, что за кот учёный всё ходит по цепи кругом и почему русский Гагарин в космос первым летал, то вырастить таких граждан нам придётся самим» [45].

В июле 2021 г. Указом президента России «в целях обеспечения эффективного взаимодействия государственных органов, научно-образовательного и культурного сообщества в части, касающейся отстаивания национальных интересов Российской Федерации, связанных с защитой исторической правды и сохранением исторической памяти, в т. ч. с предупреждением попыток фальсификации исторических фактов, а также с развитием просветительской деятельности в области истории», была создана Межведомственная комиссия по

историческому просвещению. В её состав вошли представители администрации президента, аппарата Совета безопасности, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МИД, Минобороны, МВД, Минкультуры, Минпросвещения, Минобрнауки, Минпросвещения, Минцифры, Минюста, СВР, ФСБ, Росархива, Российской академии наук, Российского исторического общества, общества «Знание», ВГТР [57].

12 мая 2020 г. ВЦИОМ опубликовал результаты исследования «День Победы: отношение и участие». Согласно с тем, что праздничные мероприятия на 9 Мая в том году привели к проявлению чувства душевного подъёма и ощущения единения народа, 62 % респондентов, не согласны – 32 %. Каждый второй россиянин или член его семьи принимал участие хотя бы в одной акции в честь Дня Победы – 51 %. Говоря об участии в различных акциях, в акции «Окна Победы» участвовали 26 % наших сограждан, в акции «Свет Победы» (включение фонариков в память о погибших на войне и ветеранах) – 24 %, столько же вывешивали российский флаг с георгиевской ленточкой в рамках акции «Флаги России. 9 Мая». Приняли участие в исполнении песни «День Победы» 21 % наших соотечественников, а в акции «Бессмертный полк на балконах» – 20 %. Удалось поздравить ветеранов во дворах 10 % россиян.

Все перечисленные акции положительно оцениваются большинством россиян. К поздравлениям ветеранов во дворах отнеслись положительно абсолютное большинство россиян (93 %), к акции «Мечты победителей» – 92 %, к всенародному исполнению песни «День Победы» – 90 %, а к акциям «Бессмертный полк на балконах» и «Окна Победы» – по 88 % опрошенных, к акциям «Свет Победы» и «Флаги России» – по 87 % [21].

5 мая 2021 г. ВЦИОМ опубликовал результаты опроса россиян о сохранении семейной памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Большинство россиян (88 %) подтвердили, что их родственники принимали участие в ВОВ, 43 % знают об этом из рассказов близких и семейных архивов, 38 % не знакомы с подробностями участия родственников в войне, 7 % знают о том, что родственники воевали, но не имеют никакой информации на этот счёт. 64 % опрошенных считает, что ключевая роль в победе принадлежит народу, 57 % – простым солдатам, 42 % – Генеральному штабу, 39 % – лично И.В. Сталину, 29 % – полевым офицерам, 20 % – правительству страны, 18 % – русской зиме. 64 % поддержали инициативу депутатов приравнять оскорбление ветеранов к оправданию преступлений нацистов [8].

7 мая 2021 г. ВЦИОМ представил данные опроса о праздновании Дня Победы. 69 % опрошенных считают самым главным праздником

День Победы. Наиболее популярен этот праздник среди россиян 60 лет и старше (78 %), 45–59 лет (70 %), жителей городов с населением от 100 до 500 тыс. (73 %), жителей городов до 100 тыс. чел. (71 %) и жителей сёл (70 %). В этот день 32 % примут участие в торжествах (парадах, возложениях венков и т.д.), 16 % посмотрят праздничный салют, столько же будут гулять и отдыхать на природе, а 15 % примут гостей или пойдут в гости сами. День Победы у опрошенных ассоциируется с военным парадом (56 %), георгиевской ленточкой (50 %), акцией «Бессмертный полк» (43 %), Вечным огнём (37 %) и песнями военных лет (37 %). Также с праздником связывают торжественный салют (35 %), Знамя Победы (20 %), ордена и медали (19 %), красные гвоздики (19 %) [22].

День Победы, который иногда в СМИ называют Русской Пасхой, в условиях обострения противостояния с Западом (ЕС, НАТО/США) и «войны памяти», по-прежнему объединяет российское общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выражение мы позаимствовали из выступления заместителя директора Департамента информации и печати МИД РФ А. Бикантова, который, говоря о «гаванском синдроме» американских дипломатов в Вене, произнёс эту красивую, на наш взгляд, фразу [5].

2. Мосгорсуд в 2017 г. признал законным включение в 2016 г. автономной некоммерческой организации «Аналитический центр Юрия Левады» в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов [40].

3. Тайлькоманда – структурное подразделение айнзацгруппы полиции безопасности и СД (службы безопасности рейхсфюрера СС), сформированное в 1942 г. для осуществления массовых убийств гражданских лиц на оккупированных территориях [37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Бастрыкин: все нацистские преступники должны быть установлены. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210322/natsizm-1602225599.html> (дата обращения: 11.11.2021).

2. Анатолий Кошкин: забывать о победе над Японией недопустимо. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210809/yaponiya-1745078658.html> (дата обращения: 11.11.2021).

3. Бессмертный полк. Официальный сайт движения. О движении. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moypolk.ru/letopis-polka> (дата обращения: 14.11.2021).

4. Бессмертный полк России. О движении. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polkrf.ru/about> (дата обращения: 14.11.2021).
5. Брифинг заместителя директора ДИП МИД России А.М. Бикантова, Москва, 5 августа 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/4835245 (дата обращения: 11.11.2021).
6. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М., 2020. 45 с.
7. Вильнюсская декларация парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции Восемнадцатой ежегодной сессии. Вильнюс, 29 июня–3 июля 2009 г. 77 с.
8. Великая Отечественная война в семейной памяти. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaja-otechestvennaja-voina-v-semeinoi-pamjati> (дата обращения: 11.11.2021).
9. Волонтёры Победы. Всероссийское общественное движение. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90abhd2amfbjbx2jf6f.xn--p1ai> (дата обращения: 21.11.2021).
10. Волонтёрами Победы в 2021 году стали 180 тыс. человек. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/13200017> (дата обращения: 14.12.2021).
11. В Польше отказались считать вопрос военных репараций от Германии закрытым. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210802/reparatsii-1743952229.html> (дата обращения: 14.11.2021).
12. В России выросло число преступлений, связанных с реабилитацией нацизма. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210423/genprokuratura-1729656492.html?in=t> (дата обращения: 14.11.2021).
13. В СК России продолжается работа по расследованию геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1624523> (дата обращения: 14.11.2021).
14. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с представителями общественности на тему: «Гражданское общество и государство на защите исторической правды, ценностей и суверенитета России», Ростов-на-Дону, 13 августа 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonKlE02Bw/content/id/4840086 (дата обращения: 11.11.2021).
15. Выступление Президента России на военном параде. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65544> (дата обращения: 14.11.2021).
16. Внесены изменения в статьи 3.5 и 13.15 Кодекса об административных правонарушениях. Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 3.5 и 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/65283> (дата обращения: 11.11.2021).
17. Генпрокурор предложил закрепить в законе понятие геноцида народов СССР в годы ВОВ. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/10054113> (дата обращения: 11.11.2021).

18. Глава СК призвал закрепить факт геноцида советского народа в годы войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10054311> (дата обращения: 8.07.2021).

19. ГП РФ формирует единую доказательную базу о геноциде народов СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://rapnews.ru/historical_memory_news/20210319/306871065.html (дата обращения: 14.11.2021).

20. Данилова Е.А., Суляк С.Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы на Украине // Русин. 2021. № 65. С. 296–315. DOI: 10.17223/18572685/65/16

21. День Победы: отношение и участие. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-otnoshenie-i-uchastie> (дата обращения: 11.11.2021).

22. День Победы: как его отметят в России. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-kak-ego-otmetjat-v-rossii> (дата обращения: 11.11.2021).

23. Ермаков А. Техника Парада Победы: премьеры 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/tekhnika-parada-pobedy-premery-2020-goda> (дата обращения: 11.11.2021).

24. Западные страны могли бы осудить раздел Чехословакии. Об этом заявил президент в фильме «Война за память» на телеканале «Россия 1» (ВГТРК). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/05/08/putin-prizval-zarad-osudit-miunhenskij-sgovor.html> (дата обращения: 14.11.2021).

25. Игорь Краснов принял участие в Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы». [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227> (дата обращения: 14.11.2021).

26. Исторический, символический, масштабный: знаменитые парады Победы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200509/1570684852.html> (дата обращения: 14.11.2021).

27. История парадов Победы на Красной площади. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/8799005> (дата обращения: 14.11.2021).

28. Кикнадзе В.Г., Ионов В.В. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Мифы и реальность. I часть / Под ред. В.Б. Зотова, И.И. Басика. М.: Изд-во «Юго-Восток-Сервис», 2010. 60 с.

29. Комментарий заместителя директора Департамента информации и печати МИД России А.М. Бикантова в связи со сносом воинского мемориала во Львове. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTVbbS3/content/id/4831289 (дата обращения: 14.11.2021).

30. Конституция Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 14.11.2021).

31. Лавров сравнил нападки на Сталина с атакой на всю историю Второй Мировой. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210830/lavrov-1747842650.html?in=t> (дата обращения: 14.11.2021).

32. Лару Д. Снос памяти: Польша демонтировала более 420 советских

монументов. Москва не станет отвечать на действия Варшавы по принципу «око за око». [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/911057/dmitrii-laru/snos-pamiati-polsha-demontirovala-bolee-420-sovetskikh-monumentov> (дата обращения: 14.11.2021).

33. *Латухина К.* Путин призвал Запад осудить Мюнхенский сговор. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/05/08/putin-prizval-zapad-osudit-miunhenskij-sgovor.html> (дата обращения: 14.11.2021).

34. *Латухина К.* Путин назвал цель попыток переписать историю войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/05/08/putin-nazval-cel-popytok-perepisat-istoriiu-vojny.html> (дата обращения: 14.11.2021).

35. *Ляйтхойзер Й.* Президент Германии: «Для нас, немцев, память остаётся долгом» // Frankfurter Allgemeine. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inopressa.ru/article/21Jun2021/faz/steinmeier.html> (дата обращения: 14.11.2021).

36. *Маас Х., Виршинг А.* Нет политики без истории // Der Spiegel. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inopressa.ru/article/08May2020/spiegel/germany.html> (дата обращения: 14.11.2021).

37. Массовые убийства в Жестяной Горке в 1942 году. История и расследование. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/9830487> (дата обращения: 14.11.2021).

38. Моргенштерн извинился за слова о Дне Победы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211026/morgenshtern-1756330943.html?in=t> (дата обращения: 14.11.2021).

39. Моргенштерн разоблачённый, или ещё раз о Великой Победе. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/morgenshtern-razoblachennyi-ili-eshche-raz-o-velikoi-pobede> (дата обращения: 14.11.2021).

40. Мосгорсуд: «Левада-центр» законно включён в реестр НКО-иноагентов. Апелляционная жалоба останется без удовлетворения. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4094048> (дата обращения: 14.11.2021).

41. Мультимедийный проект «Дорога памяти». [Электронный ресурс]. URL: <https://foto.pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 14.11.2021).

42. Неформальный саммит СНГ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (дата обращения: 14.11.2021).

43. О направлении ноты МИД России в МИД Украины о необходимости выполнения международных обязательств по сохранению воинских мемориалов. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4833218 (дата обращения: 14.11.2021).

44. ООН по инициативе России провозгласила 8 и 9 Мая Днями памяти жертв Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9926223> (дата обращения: 14.11.2021).

45. *Осипова Н.* «Я пришёл плюнуть на ваши могилы»: нам объявлена война на уничтожение. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211103/voyna-1757425152.html> (дата обращения: 14.11.2021).

46. Отношение к Алексею Навальному. Аналитический центр Юрия Левады.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/07/09/otnoshenie-k-alekseju-navalnomu> (дата обращения: 14.11.2021).

47. Отправивший фото Гитлера на сайт «Бессмертного полка» приговорён к принудительным работам. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/12026885> (дата обращения: 14.11.2021).

48. Петиция «Признание геноцида советского народа, совершённого нацистами в 1941–1945 гг.». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org> (дата обращения: 14.11.2021).

49. Портал «Память народа». [Электронный ресурс]. URL: https://pamyatnaroda.ru/about/?static_hash=d5e9f3c2d136722a1a50978bf8c88142v1 (дата обращения: 14.11.2021).

50. Проект «Без срока давности». [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aabgjeomn8afgsnjq.xn--p1ai/about> (дата обращения: 14.11.2021).

51. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. Федеральный выпуск № 133 (8187). 19.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html> (дата обращения: 14.11.2021).

52. Россия призвала США поддержать резолюцию о борьбе с героизацией нацизма. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210729/rezolyutsiya-1743362556.html> (дата обращения: 14.11.2021).

53. Сталин-центр и памятник Сталину. Аналитический центр Юрия Левады. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu> (дата обращения: 14.11.2021).

54. Суд признал геноцидом массовое убийство мирного населения в Жестяной Горке во время войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9829019> (дата обращения: 14.11.2021).

55. Суд над Навальным по клевете на ветерана: онлайн-трансляция. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/02/12/sud-nad-navalnym-po-klevete-na-veterana-onlayntranslyaciya.html> (дата обращения: 14.11.2021).

56. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 345 «О проведении военных парадов и артиллерийского салюта в ознаменование 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и Парада Победы 24 июня 1945 г.». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290042> (дата обращения: 11.11.2021).

57. Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 14.11.2021).

58. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 14.11.2021).

59. Украина и США выступили в ООН против борьбы с героизацией

нацизма. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/16/resolution> (дата обращения: 17.12.2021).

60. Усилена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма. Президент подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статью 3541 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/65286> (дата обращения: 14.11.2021).

61. Фальсификация истории Великой Отечественной войны. Список статей / Курганская областная универсальная научная библиотека им. А.К. Югова. Отдел информационно-библиографического обслуживания / Составитель К.А. Питерскова. Курган, 2020. 23 с. (К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне). 134 назв. Электронная копия доступна на сайте Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А.К. Югова. URL: <http://yugovalib.ru/site/read?id=768> (дата обращения: 14.11.2021).

62. Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102035634> (дата обращения: 14.11.2021).

63. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221> (дата обращения: 14.11.2021).

64. Фото нацистов в «Бессмертном полку» пытались разместить сторонники Навального. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1171914/2021-05-31/storonniki-navalnogo-pytalis-razmestit-foto-natsistov-v-bessmertnom-polke> (дата обращения: 14.11.2021).

65. Эксперт рассказал о главных новинках парада Победы на Красной площади. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2021/5/9/1098306.html> (дата обращения: 14.11.2021).

66. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 5.07.2021).

REFERENCES

1. Bastrykin, A. (2021) *Aleksandr Bastrykin: vse natsistskie prestupniki dolzhny byt' ustanovleny* [Alexander Bastrykin: all Nazi criminals must be identified]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210322/natsizm-1602225599.html> (Accessed: 11th November 2021).

2. Koshkin, A. (2021) *Anatoliy Koshkin: zabyvat' o pobede nad Yaponiey nedopustimo* [Anatoly Koshkin: it is unacceptable to forget about the victory over Japan]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210809/yaponiya-1745078658.html> (Accessed: 11th November 2021).

3. www.moypolk.ru. (n.d.) *Bessmertnyy polk. Ofitsial'nyy sayt dvizheniya. O dvizhenii* [Immortal regiment. The official website of the movement. About the movement]. [Online] Available from: <https://www.moypolk.ru/letopolka> (Accessed: 14th November 2021).

4. www.polkrf.ru. (n.d.) *Bessmertnyy polk Rossii. O dvizhenii* [Immortal Regiment of Russia. About the movement]. [Online] Available from: <https://www.polkrf.ru/about> (Accessed: 14th November 2021).

5. Bikanov, A.M. (2021) *Brifing zamestitelya direktora DIP MID Rossii A.M. Bikanova. Moscow, 5 avgusta 2021 g.* [Briefing of the Deputy Director of the Department for Foreign Affairs of the Ministry of Foreign Affairs of Russia A.M. Bikanov. Moscow, August 5, 2021]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWM-CU6Od/content/id/4835245 (Accessed: 11th November 2021).

6. Kribrum. (2020) *Velikaya Otechestvennaya voyna. Fal'sifikatsiya istorii. Manipulyatsii v sotsial'nykh media* [The Great Patriotic War. Falsification of history. Social media manipulation]. Moscow: Kribrum.

7. OSCE Parliamentary Assembly. (2009) *Vil'nyusskaya deklaratsiya parlamentskoy assamblei OBSE i rezolyutsii Vosemnadtsatoy ezhegodnoy sessii* [Viñnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and Resolutions of the Eighteenth Annual Session]. Vilnius, June 29 – July 3, 2009.

8. WCIOM. (n.d.) *Velikaya Otechestvennaya voyna v semeynoy pamyati* [The Great Patriotic War in family memory]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-semeinoi-pamyati> (Accessed: 11th November 2021).

9. Volontery Pobedy. *Vserossiiskoe obshchestvennoe dvizhenie* [Victory Volunteers. All-Russian public movement]. [Online] Available from: <https://xn--90abhd2amfbjx2jf6f.xn--p1ai> (Accessed: 21th November 2021).

10. TASS. (2021a) *Volonterami Pobedy v 2021 godu stali 180 tys. chelovek* [In 2021, 180 thousand people became volunteers of the Victory]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/13200017> (Accessed: 14th December 2021).

11. Ria.ru. (2021a) *V Pol'she otkazalis' schitat' vopros voennykh reparatsiy ot Germanii zakryтым* [Poland refused to consider the issue of war reparations from Germany closed]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210802/reparatsii-1743952229.html> (Accessed: 14th November 2021).

12. Ria.ru. (2021b) *V Rossii vyroslo chislo prestupleniy, svyazannykh s reabilitatsiyey natsizma* [The number of crimes related to the rehabilitation of Nazism has increased in Russia]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210423/genprokuratura-1729656492.html?in=t> (Accessed: 14th November 2021).

13. The Investigative Committee of the Russian Federation. (n.d.) *V SK Rossii prodolzhaetsya rabota po rassledovaniyu genotsida sovetskogo naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Investigative Committee of Russia continues the work on the investigation of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War]. [Online] Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1624523> (Accessed: 14th November 2021).

14. Lavrov, S.V. (2021) *Vystuplenie i otvety na voprosy ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S.V. Lavrova v khode vstrechi s predstaviteleyami obshchestvennosti na temu: "Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo na zashchite istoricheskoy pravdy, tsennostey i suvereniteta Rossii"* [Speech and answers to questions of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation

S.V. Lavrov during a meeting with representatives of the public on the topic: "Civil Society and the State to Protect the Historical Truth, Values and Sovereignty of Russia". Rostov-na-Donu, 13 avgusta 2021 g. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonKlE02Bw/content/id/4840086 (Accessed: 11th November 2021).

15. President of the Russian Federation. (2021) *Vystuplenie Prezidenta Rossii na voennom parade* [Speech by the President of Russia at the military parade]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/65544> (Accessed: 14th November 2021).

16. President of the Russian Federation. (n.d.) *Vneseny izmeneniya v stat'i 3.5 i 13.15 Kodeksa ob administrativnykh pravonarusheniakh. Vladimir Putin podpisal Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v stat'i 3.5 i 13.15 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh"* [Amendments have been made to Articles 3.5 and 13.15 of the Code of Administrative Offenses. Vladimir Putin signed the Federal Law "On Amendments to Articles 3.5 and 13.15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/news/65283> (Accessed: 11th November 2021).

17. TASS. (2020a) *Genprokuror predlozhit zakrepiť v zakone ponyatie genotsida narodov SSSR v gody VOV* [The Prosecutor General proposed to capture the concept of genocide of the Soviet peoples during the Second World War]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/10054113> (Accessed: 11th November 2021).

18. TASS. (2020b) *Glava SK prizval zakrepiť fakt genotsida sovetского naroda v gody vojny* [The head of the Investigative Committee called to consolidate the fact of the genocide of the Soviet people during the war]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/10054311> (Accessed: 8th July 2021).

19. Rapsinews.ru. (2021) *GP RF formiruet edinuyu dokazatel'nuyu bazu o genotside narodov SSSR* [The GP of the Russian Federation forms a unified evidence base on the genocide of the peoples of the USSR]. [Online] Available from: http://rapsinews.ru/historical_memory_news/20210319/306871065.html (Accessed: 14th November 2021).

20. Danilova, E.A. & Sulyak, S.G. (2021) A Holiday With Tears Upon Our Eyes: On the Attitude Towards Victory Day in Ukraine. *Rusin*. 65. pp. 296–315. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/65/16

21. WCIOM. (n.d.) *Den' Pobedy: otnoshenie i uchastie* [Victory Day: attitude and participation]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-otnoshenie-i-uchastie> (Accessed: 11th November 2021).

22. WCIOM. (n.d.) *Den' Pobedy: kak ego otmetyat v Rossii* [Victory Day: how it will be celebrated in Russia]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-kak-ego-otmetjat-v-rossii> (Accessed: 11th November 2021).

23. Ermakov, A. (2020) *Tekhnika Parada Pobedy: prem'ery 2020 goda* [Victory Parade Technique: premieres in 2020]. [Online] Available from: <https://eurasia.expert/tekhnika-parada-pobedy-premery-2020-goda> (Accessed: 11th November 2021).

24. Latukhina, K. (2020a) *Zapadnye strany mogli by osudit' razdel Chekhoslovakii. Ob etom zayavil prezident v fil'me "Voyna za pamyat" na telekanale "Rossiya 1"* (VGTRK) [Western countries could condemn the partition of Czechoslovakia. This was stated by the President in the film "War for Memory" on the TV channel "Russia 1" (VGTRK)]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/05/08/putin-prizval-zapad-osudit-miunhenskij-sgovor.html> (Accessed: 14th November 2021).

25. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (n.d.) *Igor' Krasnov prinyal uchastie v Mezhdunarodnom nauchno-prakticheskom forume "Khabarovskiy protsess: istoricheskoe znachenie i sovremennye vyzovy"* [Igor Krasnov took part in the International Scientific and Practical Forum "Khabarovsk Process: Historical Significance and Contemporary Challenges"]. [Online] Available from: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227> (Accessed: 14th November 2021).

26. Ria.ru. (2020) *Istoricheskij, simbolicheskiy, masshtabnyy: znamenitye parady Pobedy* [Historical, symbolic, large-scale: the famous Victory parades]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20200509/1570684852.html> (Accessed: 14th November 2021).

27. TASS. (2020c) *Istoriya paradov Pobedy na Krasnoy ploshchadi* [History of the Victory Parades on the Red Square]. [Online] Available from: <https://tass.ru/info/8799005> (Accessed: 14th November 2021).

28. Kiknadze, V.G. & Izonov, V.V. (2010) *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. Mify i real'nost'* [The Great Patriotic War 1941–1945. Myths and Reality]. Moscow: Yugo-Vostok-Servis.

29. Bikantov, A.M. (n.d.) *Kommentariy zamestitelya direktora Departamenta informatsii i pechati MID Rossii A.M. Bikantova v svyazi so snosom voinskogo memoriala vo L'vove* [Comment of the Deputy Director of the Department of Information and Press of the Ministry of Foreign Affairs of Russia A.M. Bikantov in connection with the demolition of the military memorial in Lviv]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/4831289 (Accessed: 14th November 2021).

30. Russia. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (Accessed: 14th November 2021).

31. Ria.ru. (2021c) *Lavrov sravnil napadki na Stalina s atakoy na vsyu istoriyu Vtoroy mirovoy* [Lavrov compared the attacks on Stalin with an attack on the entire history of World War II]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210830/lavrov-1747842650.html?in=t> (Accessed: 14th November 2021).

32. Laru, D. (2019) *Snos pamyati: Pol'sha demontirovala bolee 420 sovetkikh monumentov. Moskva ne stanet otvechat' na deistviya Varshavy po printsipu "oko za oko"*. [Demolition of memory: Poland has dismantled over 420 Soviet monuments. Moscow will not respond to actions of Warsaw on the principle of "tit for tat"] [Online] Available from: <https://iz.ru/911057/dmitrii-laru/snos-pamiati-polsha-demontirovala-bolee-420-sovetkikh-monumentov> (Accessed: 14th November 2021)

33. Latukhina, K. (2020b) *Putin prizval Zapad osudit' Myunkhenskiy sgovor*

[Putin called on the West to condemn the Munich Agreement]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/05/08/putin-prizval-zapad-osudit-miunhenskij-sgovor.html> (Accessed: 14th November 2021).

34. Latukhina, K. (2020c) *Putin nazval tsel' popytok perepisat' istoriyu voyny* [Putin named the purpose of attempts to rewrite the history of the war]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/05/08/putin-nazval-cel-popytok-perepisat-istoriiu-vojny.html> (Accessed: 14th November 2021).

35. Leitheuser, J. (2021) *Prezident Germanii: "Dlya nas, nemtsev, pamyat' os-taetsya dolgom"* [President of Germany: "For us, Germans, memory remains a duty"]. *Frankfurter Allgemeine*. [Online] Available from: <https://www.inopressa.ru/article/21Jun2021/faz/steinmeier.html> (Accessed: 14th November 2021).

36. Maas, H. & Virching, A. (2020) *Net politiki bez istorii* [There is no politics without history]. *Der Spiegel*. [Online] Available from: <https://www.inopressa.ru/article/08May2020/spiegel/germany.html> (Accessed: 14th November 2021).

37. TASS. (2020d) *Massovye ubiystva v Zhestyanoy gorke v 1942 godu. Istoriya i rassledovanie* [Massacres in the Tin Hill in 1942. History and investigation]. [Online] Available from: <https://tass.ru/info/9830487> (Accessed: 14th November 2021).

38. Ria.ru. (2021d) *Morgenshtern izvinilsya za slova o Dne Pobedy* [Morgenstern apologized for speaking about Victory Day]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20211026/morgenshtern-1756330943.html?in=t> (Accessed: 14th November 2021).

39. WCIOM. (n.d.) *Morgenshtern razoblachennyy, ili Eshche raz o Velikoy Pobe-de* [Morgenstern exposed, or Once again about the Great Victory]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/morgenshtern-razoblachennyy-ili-eshche-raz-o-velikoi-pobede> (Accessed: 14th November 2021).

40. TASS. (2017) *Mosgorsud: "Levada-tsentr" zakonno vklyuchen v reestr NKO-inoagentov. Apellyatsionnaya zhaloba ostanetsya bez udovletvoreniya* [Moscow City Court: "Levada Center" is legally included in the register of NPO-foreign agents. The appeal will not be satisfied]. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/4094048> (Accessed: 14th November 2021).

41. Foto.pamyat-naroda.ru. (n.d.) *Mul'timediynnyy proekt "Doroga pamyati"* [Multimedia project "The Road of Memory"]. [Online] Available from: <https://foto.pamyat-naroda.ru> (Accessed: 14th November 2021).

42. President of the Russian Federation. (n.d.) *Neformal'nyy sammit SNG* [Informal CIS summit]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (Accessed: 14th November 2021).

43. Ministry of Foreign Affairs. (n.d.) *O napravlenii noty MID Rossii v MID Ukrainy o neobkhodimosti vypolneniya mezhdunarodnykh obyazatel'stv po sokhraneniyu voinskikh memorialov* [On sending a note of the Ministry of Foreign Affairs of Russia to the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine on the need to fulfill international obligations to preserve military memorials]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonKJE02Bw/content/id/4833218 (Accessed: 14th November 2021).

44. TASS. (2020e) *OON po initsiative Rossii provozglasila 8 i 9 Maya Dnyami pamyati zhertv Vtoroy mirovoy voyny* [The UN, at the initiative of Russia, proclaimed May 8 and 9 as the Days of Remembrance for the Victims of World War II]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/9926223> (Accessed: 14th November 2021).

45. Osipova, N. (2021) *“Ya prishel plyunut’ na vashi mogily”: nam ob’yavlena vojna na unichtozhenie* [“I came to spit on your graves”: a war of destruction has been declared on us]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20211103/vojna-1757425152.html> (Accessed: 14th November 2021).

46. The Analytical Center of Yuri Levada. (2021) *Otnoshenie k Alekseyu Naval’nomu* [Attitude towards Alexei Navalny]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2021/07/09/otnoshenie-k-alekseyu-navalnomu> (Accessed: 14th November 2021).

47. TASS. (2021b) *Otpravivshiy foto Gitlera na sayt “Bessmertnogo polka” prigovoren k prinuditel’nym rabotam* [The man who posted a photo of Hitler to the website of the Immortal Regiment was sentenced to forced labor]. [Online] Available from: <https://tass.ru/proisshestiya/12026885> (Accessed: 14th November 2021).

48. Change.org. (n.d.) *Petitsiya “Priznanie genotsida sovetskogo naroda, sovershennogo natsistami v 1941–1945 gg.”* [Petition “Recognition of the genocide of the Soviet people committed by the Nazis in 1941–1945”]. [Online] Available from: <https://www.change.org> (Accessed: 14th November 2021).

49. Portal “People’s Memory”. [Online] Available from: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=496cf00af020ae76c0943989c271e560v3 (Accessed: 14th November 2021).

50. Project “No Statute of Limitations”. [Online] Available from: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/about> (Accessed: 14th November 2021).

51. Putin, V.V. (2020) 75 let Velikoy Pobedy: obshchaya otvetstvennost’ pered istoriej i budushchim [75 years of the Great Victory: shared responsibility before history and the future]. *Rossiyskaya gazeta*. 19th June. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html> (Accessed: 14th November 2021).

52. Ria.ru. (2021e) *Rossiya prizvala SShA podderzhat’ rezolyutsiyu o bor’be s geroizatsiyey natsizma* [Russia called on the United States to support the resolution on combating the glorification of Nazism]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210729/rezolyutsiya-1743362556.html> (Accessed: 14th November 2021).

53. The Yuri Levada Analytical Center. (2021) *Stalin-tsentr i pamyatnik Stalinu* [The Stalin-Center and the Stalin Monument]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu> (Accessed: 14th November 2021).

54. TASS. (2020d) *Sud priznal genotsidom massovoe ubiystvo mirnogo nasele-niya v Zhestyanoy Gorke vo vremya voyny* [The court declared the massacre of civilians in Tin Gorka during the war as genocide]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/9829019> (Accessed: 14th November 2021).

55. Fedotova, D. (2021) *Sud nad Naval'nym po klevete na veterana: onlayn-translyatsiya* [The trial of Navalny on libel against a veteran: online broadcast]. [Online] Available from: <https://www.mk.ru/politics/2021/02/12/sud-nad-navalnym-po-klevete-na-veterana-onlayntranslyatsiya.html> (Accessed: 14th November 2021).

56. The President of the Russia. (2020) *Ukaz o provedenii paradov i salyuta v oznamenovanie 75-y godovshchiny Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne i Parada Pobedy* [Decree on parades and fireworks to commemorate the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and the Victory Parade]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/news/63428> (Accessed: 11th November 2021).

57. President of the Russian Federation. (2021a) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30.07.2021 Nr. 442 "O Mezhdedomstvennoy komissii po istoricheskomu prosveshcheniyu"* [Decree Nr. 442 of the President of the Russian Federation of July 30, 2021, "On the Interdepartmental Commission for Historical Education"]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042?index=0&rangeSize=1> (Accessed: 14th November 2021).

58. President of the Russian Federation. (2021b) *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 02.07.2021 Nr. 400 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii"* [Decree Nr. 400 of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (Accessed: 14th November 2021).

59. Lenta.ru. (2021) *Ukraina i SShA vystupili v OON protiv bor'by s geroizatsiei natsizma* [Ukraine and the United States came out in the UN against the fight against the glorification of Nazism] [Online] Available from: <https://lenta.ru/news/2021/12/16/resolution> (Accessed: 14th November 2021).

60. Kremlin.ru. (n.d.) *Usilena ugolovnaya otvetstvennost' za reabilitatsiyu natsizma. Prezident podpisal Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 3541 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Increased criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism. The President signed the Federal Law "On Amendments to Article 3541 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/65286> (Accessed: 14th November 2021).

61. Piterskova, K.A. (ed.) (2020) *Fal'sifikatsiya istorii Velikoy Otechestvennoy voyny. Spisok statey* [Falsification of the history of the Great Patriotic War. The list of articles]. Kurgan: [s.n.]. [Online] Available from: <http://yugoalib.ru/site/read?id=768> (Accessed: 14th November 2021).

62. Russia. (2002) *Federal'nyy zakon "O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti"* [Federal Law "On Counteracting Extremist Activities"]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221> (Accessed: 14th November 2021).

63. Russia. (1995) *Federal'nyy zakon "Ob uvekovechenii Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov"* [Federal Law "On the perpetuation of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of

1941–1945”]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102035634> (Accessed: 14th November 2021).

64. Iz.ru. (2021) Foto natsistov v "Bessmertnom polku" pytalis' razmestit' storonniki Naval'nogo [The photos of the Nazis in the "Immortal Regiment" tried to place the supporters of Navalny] [Online] Available from: <https://iz.ru/1171914/2021-05-31/storonniki-navalnogo-pytalis-razmestit-foto-natsistov-v-bessmertnom-polke> (Accessed: 14th November 2021).

65. Rezhnikov, A. (2021) *Ekspert rasskazal o glavnykh novinkakh parada Pobedy na Krasnoy ploshchadi* [The expert spoke about the main innovations of the Victory Day parade on Red Square]. [Online] Available from: <https://vz.ru/news/2021/5/9/1098306.html> (Accessed: 14th November 2021).

66. The European Parliament. (2019) *European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP))*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (Accessed: 5th July 2021).

Данилова Елена Александровна – доктор политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; старший научный сотрудник лаборатории высокоэнергетических материалов Томского государственного университета (Россия).

Elena A. Danilova – Financial University under the Government of the Russian Federation; Tomsk State University (Russia).

E-mail: Elena.a.danilova@yandex.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 261.7;264-936.5"14"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/15

«Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий (Размышления над книгой А.Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его автор»)

В.В. Василик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Авторское резюме

Статья посвящена последней книге А.Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его автор». В прорывной монографии А.Н. Ужанкова системно и логично доказывается, что творцом «Слова о полку Игореве» являлся Моисей Киянин, создатель Выдубицкой летописи и «Похвального слова князю Рюрику Ростиславичу». На основании целого ряда параллелей между летописной статьёй 1185 г. и «Словом о полку Игореве» устанавливается их единый автор, коим являлся игумен Моисей. Учитывая то, что создатель «Слова» прекрасно знал дружинную терминологию, дружинную среду и мог быть связан с ней, А.Н. Ужанков выдвигает предположение относительно того, что до своего пострижения в монашество игумен Моисей мог быть Беловодом Просовичем – боярином, бежавшим к Святославу Киевскому после разгрома войск Игоря. Подобная комплементарная теория примиряет между собой две гипотезы об авторе «Слова», которые высказывались и ранее, но не получили должного обоснования. Другим несомненным научным достижением автора является датировка произведения узким промежутком между 1200 и 1201 гг. благодаря датировке упомянутого в «Слове» половецкого похода Романа Мстиславича Галицкого осенью 1200 г. Заслугой А.Н. Ужанкова является также доказательство христианского характера памятника и его библейского фона, в т. ч. книги пророка Иеремии. Князь Игорь уподобляется неразумному царю Седекии, несвоевременно поднявшему мятеж против царя Навуходоносора, за что поплатился пленом и гибелью Иерусалима. Точно так же следствием похода Игоря, несвоевременно вышедшего против половцев, стали его пленение, гибель его дружины и множества русских людей. Поскольку книга Иеремии в целом не была переведена на церковнославянский язык, А.Н. Ужанков обоснованно предположил, что автор «Слова» знал её на греческом и был связан с

грекоязычным кругом монахов Выдубицкого монастыря. В целом построения автора монографии выглядят обоснованными, логичными и являются новым словом в слаvistике вообще и изучении «Слова о полку Игореве» в частности.

Ключевые слова: эпос, «Слово о полку Игореве», автор, авторство, игумен Моисей, поход, война, разгром, библейские цитаты, книга пророка Иеремии.

“The Lay of the Warfare Waged by Igor” and its Author: Epiphanic Connection of Events (Reflections on A.N. Uzhankov’s Book)

V.V. Vasilik

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Abstract

The article focuses on the latest revolutionary monograph “The Lay of the Warfare Waged by Igor” and its author by Aleksandr Uzankov, where he systematically and logically proves the authorship of Moses of Kiev, the author of the Vydubychi Chronicle and the Panegyric to Prince Rurik Rostislavich. On the base of a number of parallels between the Vydubychi Chronicle entry of 1185 and “The Lay of the Warfare Waged by Igor” he proves that they both might be authored by abbot Moses of Kiev. Since the author of the “Lay” was an expert in war terminology and druzhina’s composition and could be related to it, A. Uzhankov assumes that before his monastic ordination Moses could be named Belovod Prosovich, a nobleman, who escaped to Sviatoslav of Kiev after Igor’s defeat. Such a complementary theory unites two earlier hypotheses about the author of “The Lay”, which did not receive due justification. Another A. Uzhankov’s undoubted scholar achievement was narrowing the date gap of “The Lay” to 1200–1201, by dating the raid of Prince Roman Mstislavich against the Polovtsi in the autumn of 1200, mentioned in “The Lay.” Yet another merit of of the monograph is the proved Christian character of the “The Lay” and its biblical background, including The Book of Jeremiah. Prince Igor is likened to the foolish king Zedekiah, who untimely rebelled against King Nebuchadnezzar and paid for it with the captivity and destruction of Jerusalem. Similar to it, Igor’s campaign resulted in a premature attack against the Polovtsi, captivity, and the peril of his and of many Russian people. As The Book of Jeremiah was not translated into Old Church Slavonic, A. Uzhankov assumes that the author of the “Lay” knew it in Greek and was connected with the Greek-speaking circle of

monks of Vydubychi monastery. In general, A. Uzhankov's constructions look reasonable and may be considered a breakthrough in Slavic studies in general and in the studies of The Lay of the Warfare Waged by Igor in particular.

Keywords: epic, The Lay of the Warfare Waged by Igor, author, authorship, abbot Moses, raid, war, defeat, biblical quotation, The Book of Jeremiah.

О книге «Слово о полку Игореве и его автор» [44] учёного с мировым именем А.Н. Ужанкова говорить и легко, и тяжело. Легко, потому что она написана лёгким и «прозрачным» языком, автор выражает свои мысли чётко и ясно. Тяжело, потому что о «Слове о полку Игореве» написано море работ – около 15 тыс. [40: 111–115]. И возникает законный вопрос: *Quid novi?* – Что нового? В этом смысле книга Ужанкова – действительно новое слово в отечественной и мировой науке, поскольку не только приоткрывает завесу над проблемой авторства «Слова», о которой в своё время писали многие учёные (в т. ч. Л.А. Дмитриев [7: 16–32; 8: 24–36], И.И. Горлова и В.К. Чумаченко [5: 57–64]), но и решает целый ряд других проблем и задач.

Могут возразить, что относительно возможного авторства «Слова» писал целый ряд исследователей. Сам А.Н. Ужанков приводит их внушительный каталог: «Это и Овлур / Лавр, участвовавший в бегстве Игоря Святославича из плена (гипотеза В.Г. Руделева); герои Галицко-Волынской летописи “премудрый книжник Тимофей” из Киева (как предположил Н.Г. Головин) и “славетный певец Митус” (А.К. Югов); сын тысяцкого Рагуила (по версии И.А. Новикова, он и есть “книжник Тимофей”), и сам тысяцкий Рагуил Добрынич (В.Г. Федотов); внук Бояна (А.А. Потебня, М.В. Щепкина, А.Н. Робинсон); киевский боярин Пётр Бориславич (Б.А. Рыбаков); боярин Владислав Кормильчич (О.И. Прицак); черниговский вельможа Беловолод Просович (Н.А. Мещерский); черниговский воевода Ольстин Олексича (М.Т. Сокол); киевский воевода Роман Нездилович (А.А. Горский); утомянутый в “Задонщине” Софоний Рязанец (В.П. Суетенко, А.М. Ломов); “милостник” Кочкарь, т. е. любимец великого князя Святослава Всеволодовича (С. Тарасов); таинственный Ходына (В.Г. Руделев, А.Ю. Чернов), князь Владимир Святославич Вщижский (по мнению А.Ю. Чернова, он же Ходына) и др.» [44: 105].

Не вдаваясь в подробную критику каждой персоналии, что потребовало бы, по большому счёту, целой книги, отметим лишь, что в этот список попали лица, чьё существование не доказано (тот же Боян или Ходына, чьё имя вообще может быть результатом неправильного прочтения – «ходы на», своего рода древнерусский «подпоручик Кижэ» [38: 182–183]), либо те, которые не могли написать «Слово»

в силу того, что жили позже времени его создания (певец Митуса и Софоний Рязанец). Во-вторых, как точно замечает А.Н. Ужанков, все эти лица не были писателями либо (добавим мы) писателями, от которых дошли несомненно принадлежавшие им произведения. Особенно показательны попытки искать автора «Слова» среди родственников Игоря Святославича – князей и княгинь, таких как участник Игорева похода 1185 г. князь Святослав Рыльский (А.М. Домнин, С.В. Грабовский), шурин Игоря князь Ярославич Галицкий (С.Г. Пушик, В.Б. Семёнов, С. Пинчук, Л.Е. Махновец), жена Игоря Святославича Ярославна, родная сестра Владимира Ярославича (В.И. Попков), сестра самого Игоря Святославича Болеслава Святославна (Ю.Н. Сбитнев), киевский князь Святослав Всеволодич (В.В. Медведев) и его жена Мария Васильковна (Г.В. Сумаруков, Н.С. Серёгина) и, наконец, сам князь Игорь Святославич (Н.В. Шарлемань, И.И. Кобзев, В.А. Чивилихин) [44: 105–106]. Опять-таки, не вдаваясь в подробный разбор всех этих кандидатур, отметим, что всё же несколько странно было бы писать о себе в третьем лице таким потенциальным авторам и одновременно героям «Слова», как сам князь Игорь, его супруга Ярославна и князь Святослав Всеволодович, к тому же в случае последнего ещё страннее, с точки зрения русского литературного этикета (выражение Д.С. Лихачёва [16]), заниматься откровенным самовозвеличиванием: «изрони золотое слово» и т. д. Но самое главное состоит в другом: от них не дошло ни строчки несомненно принадлежащих им текстов.

Особняком по методологической основе стоит попытка, предпринятая несколько лет тому назад А.А. Бурыкиным [2], который сопоставил «Слово» с «Повестью об убиении Андрея Боголюбского» [27: 206–217] и предположил, что автором «Слова о полку Игореве» мог быть Кузмище Киянин, золотых дел мастер и архитектор [3: 520–521], предполагаемый автор «Повести об убиении...». Автор действительно проделал большую работу по сопоставлению «Слова» с произведениями его «конвоя» в Спасо-Ярославском сборнике – «Девгениевым деянием» (византийский эпос «Дигенис Акрит») [42: 112–116] и «Сказанием об Индийском царстве» [29: 410–411].

Однако при всем уважении к труду А.А. Бурыкиной, на наш взгляд, его реконструкция не выглядит убедительной хотя бы в силу следующих соображений. Во-первых, не доказано, что Кузмище Киянин на самом деле был автором «Повести об убиении». И действительно, поскольку он рискует жизнью, желая обеспечить достойное погребение любимому князю [27: 214], он является одним из главных положительных героев «Повести об убиении» – и только. Во-вторых, как известно, он был золотых дел мастером. При том, что подобный статус подразумевал известную образованность, Киевская Русь (да и в Московская)

не знала примеров, когда ты ремесленник [33], даже зодчий [31] или иконописец был одновременно литератором. От преподобного Алипия Печерского до нас не дошло ни одной строчки, а от митрополита Иллариона и преп. Феодосия Печерского – ни одной иконы и даже упоминаний о том, что они писали иконы или создавали планы церквей. Достаточно общее описание Благовещенской надвратной церкви и Софийского собора в «Слове о законе и благодати» – лишнее тому доказательство. Русская жизнь не располагала к появлению универсальных специалистов – своих Леонардо да Винчи. От Кузмища Киянина не осталось литературных памятников, которые можно было бы сопоставить с «Повестью об убиении», тем более со «Словом».

Во-вторых, сопоставлению с «Повестью об убиении» противится и содержание «Слова о полку Игореве». В нём абсолютно отсутствует любое упоминание и даже намёк на основного героя «Повести об убиении» – Андрея Боголюбского, а также на его отца, могущественного Юрия Долгорукого, что выглядит весьма странно, если предположить, что «Слово» написано Кузмищей. Вообще, «Слово» уделяет незначительное внимание Владимиро-Суздальской Руси: единственный связанный с ней эпизод – походы великого князя Всеволода Юрьевича на волжских булгар и половцев («ты бо можеша Волгу веслами раскропити, а Дон шеломом вьяляти») [37: 262].

Между тем походы Андрея Боголюбского на булгар были не менее масштабными, чем военные экспедиции его брата Всеволода, и привели к созданию такого литературного памятника, как «Сказание о победе 1164 года» [45: 411–412], однако «Слово» о них никак не упоминает. Подобное умалчивание об Андрее Боголюбском и о Владимирском княжестве понятно, если автором «Слова» был киевлянин, который мог помнить о погроме Киева суздальцами и их сторонниками в 1169 г. [49: 210–220].

Гораздо перспективнее, с методологической точки зрения, выглядят реконструкция личности автора без привязки к конкретной персоне и попытка ответить на следующие вопросы:

- время создания памятника;
- объём знаний автора, его информированность;
- мировоззрение автора;
- уровень его литературного таланта.

Во многом этим верным методологическим путём пошёл автор рассматриваемой нами монографии.

Опираясь на новейшие исследования, А.Н. Ужанков аргументированно доказывает, что «Слово о полку Игореве» могло быть создано в промежуток между 1198 г. (Донской поход Всеволода Большое гнездо) и 1201 г. (год смерти Игоря Святославича) [30: 61]. Здесь он отчасти опира-

ется на изыскания Б.И. Яценко, приводя его аргументированное мнение относительно того, что «Слово о полку Игореве» не могло появиться раньше 1198 г. ещё и потому, что в нём имеется «очень прозрачный намёк на поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.» [48: 122].

Однако А.Н. Ужанков идёт дальше. Опираясь на исследования А.В. Майорова, он датирует упоминание о походах против половцев князя Романа Мстиславича 1201 г., когда Роман Волынский напал на тылы половцев, готовившихся атаковать Константинополь [19: 234]. В противовес мнению Б.И. Яценко, а также Н.Ф. Котляра, которые считали, что «первый поход Романа на половцев состоялся в 1197 или 1198 г.» [48: 122], А.Н. Ужанков вслед за Майоровым аргументированно показывает, что до 1200 г. Роман Мстиславич с половцами не воевал. Соответственно, «Слово» могло быть создано в узкий промежуток времени между осенью 1200 г. и летом 1201 г. – датой кончины князя Игоря согласно Киевскому летописцу.

Неспециалисту, привыкшему к попавшей в школьные учебники традиционной датировке «Слова» концом 1185 г., такая дата покажется недостаточно обоснованной, прежде всего со стороны мотивации создания памятника. Если датировка 1185 г., которую поддерживали некоторые исследователи, в частности Б.А. Рыбаков [35: 277], А.В. Охрименко [24: 80–100] и другие исследователи, имела как несомненное преимущество свежее впечатление от разгрома и, соответственно, необходимость мобилизации, что, в частности, выражает вторая часть «Слова», т. н. «Призыв к князьям», то 1200–1201 гг. как будто не отмечены такими яркими катастрофическими событиями.

Однако подобное впечатление обманчиво. Если «Слово» действительно написано в 1200–1201 гг., то оно создано накануне великих катастроф Русского мира и православной ойкумены в целом. Напомним лишь несколько известных фактов. В 1201 г. было основано Рижское епископство, которое послужило плацдармом для завоевания русских владений в Прибалтике [46: 20–40]. В свою очередь приход северных крестоносцев связан с давлением на Русь литовских племён, которое привело к приглашению «божьих дворян» недальновидным полоцким князем Владимиром. Отметим важность литовской темы для «Слова», о чём писал ряд специалистов [11: 140–143]. В 1200–1201 гг. болгарский царь Иоанн Калоян с помощью половцев нанёс тяжелейшие удары Византийской империи, а в 1203–1204 г. она стала лёгкой добычей крестоносцев [1: 170–230]. Тот же 1204 г. был ознаменован разгромом Киева Рюриком Ростиславичем (отметим, героем «Слова»), сравнимым разве что с монгольским погромом 1240 г.

Усобица в Галицко-Волынских землях после гибели в 1205 г. восхваляемого в «Слове» Романа Мстиславича Галицкого длилась до

1238 г. [14: 20–70] и привела не только к значительным человеческим потерям и невиданным прежде казням князей и их убийствам [47: 162–181], но и к венгерской интервенции. Междоусобная война 1214–1216 гг., вспыхнувшая после смерти героя «Слова» Всеволода Большое Гнездо, и Липецкая битва унесли, согласно летописным сведениям (может быть, и преувеличенным), жизни более 9 000 чел. Наконец, в 1206 г., в глубинах Центральной Азии Чингисхан создал Монгольский каганат, что привело вначале к кровавой битве на Калке («второй Каяле»), а затем к завоеванию Руси [6: 220–259]. Для великих литератур и великих писателей характерен своеобразный феномен предощущения катастроф и смены эпох, что можно видеть из самых разных примеров, например из византийской литературы накануне Четвёртого крестового похода и взятия Константинополя турками в 1453 г. [49] или болгарской литературы конца Первого Болгарского царства с её напряжённым эсхатологизмом [28].

Если же говорить о конкретных эмоционально-психологических толчках для появления «Слова», то, на наш взгляд, их могло быть два. Первый – уже упомянутая победа Романа Мстиславича над половцами в 1200 г. и спасение им Константинополя, которые могли привести к появлению победной эпической песни, частично отражённой в начале Галицко-Волынской летописи¹. Второй – постриг князя Игоря и подведение итога его мирской жизни. Далее А.Н. Ужанков отмечает высокий уровень информированности автора «Слова», который, с одной стороны, отслеживает историю Руси как минимум от Ярослава Мудрого и его брата Мстислава до похода Всеволода Юрьевича на Дон в 1198 г. и при этом знает целый ряд подробностей, не отмеченных в летописях, например красоту князя Романа Святославича – «красному Роману Святославичу» [37: 254]. Автор «Слова» в курсе всех конфликтов Мономашичей и Ольговичей, а также Ярославичей и Всеславичей, в т. ч. малоизвестных, таких, как конфликт 1198 г. («Ярославли внуци и Всеславли. Уже понизите стязи, вонзите мечи верезени...» [37: 264; 42: 149]). Более того, автор «Слова» знает такие сравнительно малоизвестные вещи, как готовность Ярослава Осмомысла участвовать в Третьем крестовом походе («Галичски Осмомысле Ярославе... стреляеши со отня злата стола салтаны за землями» [37: 264]).

С другой стороны, автора «Слова» в основном интересуют события на юге и западе Руси: северо-восток (Владимирская Русь) только раз попал в орбиту его внимания в связи с походами Всеволода на болгар и половцев («можеши Волгу веслами расплеши, а Дон шеломами вычерпати» [37: 262]), как и северо-запад (Новгород), однако последний появляется только в историческом контексте (история

Всеслава и его трёх попыток захватить Новгород [41: 256–261]). Из-за частоты упоминания Киева и явно выраженной симпатии к нему можно сделать вывод, что автор жил в Киеве, обладал доступом к сравнительно малоизвестной информации, был человеком широкого кругозора. Далее, автор «Слова», как уже отмечали многие исследователи, был выразителем общерусского сознания [7: 25, 30] для него Русская земля – не киевские земли, а всё пространство, населённое православными русичами («христианы») [37: 266]. Естественно, он был человеком высокого литературного таланта.

А.Н. Ужанков находит такого человека – игумена Моисея, автора «Похвального слова на освящение собора Архангела Михаила», а также Киевской летописи XII в. [44: 257–258.]. Он выделяет следующие признаки, которые роднят игумена Моисея и автора «Слова».

1. Глубина проникновения в русскую историю: как отмечает Ужанков, «игумен Моисей воспроизводит пять колен родословной Рюриковичей от Всеволода Ярославича, основателя Выдубицкого монастыря до Рюрика Ростиславича – его нового устроителя» [44: 366].

2. Прекрасная осведомлённость выдубицкого летописца игумена Моисея о событиях 80–90 гг. XII в., что выражается, в частности, в летописной статье 1185 г., посвящённой походу князя Игоря на половцев [44: 366].

3. Общность статьи 1185 г. из Ипатьевской летописи и «Слова о полку Игореве». В описании событий видна близость: рассказ о солнечном затмении, о первоначальной победе над половцами и добыче, о попытке Игоря повернуть полки и его пленении, о судьбе крепости Римова, о бегстве Игоря и т.д. Общность видна и на уровне деталей: в частности, и в Киевской летописи, и в «Слове» половцы именуется «сваты» [44: 367]. Далее, и в Ипатьевской летописи, и в «Слове» упомянута река Каяла и таинственная Жля [44: 367–368]. В целом А.Н. Ужанков находит более тридцати общих мест между летописной статьёй «Словом».

Против этого тезиса можно выдвинуть следующее возражение: в «Слове» отсутствует покаянный монолог Игоря, содержащийся в летописной статье 1185 г., где он кается в разграблении города Глебова, принадлежавшего князю Владимиру Глебовичу, в убийстве и угоне в плен русских православных людей и осознает своё поражение как Божью кару за эти грехи [15: 240–241]. Отметим, кстати, удивительную поэтичность этого монолога, который вполне мог бы украсить «Слово». Из этого затруднения А.Н. Ужанков выходит следующим образом. Он вводит понятие «внутренний монолог» героя, который, однако, может быть передан иным персонажам. По мнению автора, содержание монолога Игоря летописной статьи 1185 г. символически

переходит в рассказ «Слова» о бегстве князя, которое осмысляется как покаяние-воскресение [44: 222]. При том что подобная конструкция может показаться несколько искусственной, всё же нельзя не выделить идейную общность статьи за 1185 г. и «Слова», в т. ч. относительно гибельности княжских усобиц. Другой вопрос, что в «Слове» князь Игорь за них не порицается: его вина в другом – в несвоевременном походе и его мотивации – грабеже и честолюбии («но нечестно кровь поганую пролиясте» [37: 260]). Да, в «Слове» даётся широкая панорама княжских усобиц, начиная от полоцкого князя Всеслава Брячиславича, если не от Мстислава Владимировича, до конфликта 1198 г., но почему-то явно она не замыкается на самом Игоре.

4. Как отмечает А.Н. Ужанков, игумен Моисей отслеживает в Киевской летописи судьбы героев «Слова», особенно в 1196–1199 гг., вплоть до конца их жизненного пути [44: 360–365]. Против этого можно выдвинуть следующее возражение: герои «Слова» сами по себе являлись выдающимися деятелями в истории Руси, особенно Южной Руси и в частности Киевских и Черниговских земель, достойными упоминания в Киевской летописи и без связи со «Словом». Это Святослав Киевский, Всеволод Большое Гнездо, Ярослав Осмомысл Галицкий, Роман Мстиславич Волынский и др. [32]. Однако та тщательность, с которой отмечает их игумен Моисей (с указанием монашеского пострига многих из них, дат кончины), всё же принуждает согласиться с данным тезисом автора монографии.

5. Моисея и автора «Слова» роднит известная симпатия к «Владимирову племени» (выражение игумена Моисея из Киевской летописи). В дискуссионном вопросе относительно выражения «от Старого Владимира» А.Н. Ужанков встаёт на сторону тех, кто считает последним Владимира Мономаха. Автор монографии обращает особое внимание на то, что «автор «Слова» обращается с призывом именно к одиннадцати князьям Владимирова племени». Опять же здесь можно возразить, что история распорядилась так, что к концу XII в. большинство ключевых княжских престолов, таких как Владимиро-Суздальский, Галицкий, Смоленский и т. д., занимали представители «Владимирова племени» – потомки Владимира Мономаха [32]. Однако справедливости ради следует отметить, что автор «Слова», с одной стороны, гораздо больше симпатизирует Мономаху и Мономашичам, чем Ольговичам: родоначальник последних Олег Святославич получил нелицеприятное прозвище Гориславич, он «куёт своим мечем крамолу» [37: 258]; напротив, брат Мономаха Ростислав Всеволодович заслуживает торжественного погребального плача в «Слове», несмотря на то, что, согласно Киево-Печерскому патерику, был убийцей преподобного Григория Печерского [17: 551–554]. Наконец, А.Н. Ужанков отмечает,

что и игумен Моисей, и автор показывают явную личную заинтересованность в происходящем. На его взгляд, «они выступают как участники событий». Из этих наблюдений он делает вывод, что и у летописной заметки 1185 г., и у «Слова» один общий автор.

Все эти наблюдения составляют цельную систему, и, несмотря на уязвимость отдельных пунктов, ей нельзя отказать ни в логичности, ни в последовательности. Подчеркнём, что критика А.М. Ранчиным концепции А.Н. Ужанкова не заслуживает ни внимания, ни уважения в силу своей мелкой пристрастности и недопонимания аргументации автора. Отметим, что на все выпады А.М. Ранчина А.Н. Ужанков дал достойные, глубокие и аргументированные ответы.

Правда, остаётся ещё одна существенная проблема: игумен Моисей, судя по дошедшим до нас памятникам и характеру своего служения, был представителем церковной литературы и клириком [44: 257]. Между тем, как показал ряд исследователей [34: 307], автор «Слова» достаточно хорошо знал дружинную жизнь и активно использовал воинскую терминологию («преломити копие», «тули отворены», «сабли изострени») [37: 256]. С этим затруднением А.Н. Ужанков справляется оригинальным способом: он отождествляет игумена Моисея и Беловода Просовича, спасшегося после разгрома войска Игоря и принёсшего об этом весть, полагая, что Беловод постригся в монахи во исполнение своего обета, данного Богу во время смертельной битвы с половцами.

Отметим, что подобное предположение выглядит весьма вероятным: достаточно часто русские дружинники завершали своей жизненный путь в монастыре. Самый известный пример – разумеется, Илья Муромец, прославленный в лике киево-печерских преподобных [10: 110–145; 18: 307–315]. Однако можно привести и другие, как, например, Янь Вышатич, один из собеседников Нестора Летописца, вначале боярин и воин, затем монах.

Фигура Беловода Просовича в качестве возможного автора «Слова» упоминалась и до А.Н. Ужанкова [9: 99–100], начиная с анонимной брошюры, изданной в Германии в 1968 г., однако в ней не было каких-либо основательных доказательств. Кроме того, новизна его гипотезы состоит в том, что он объединяет фигуры Беловода Просовича и игумена Моисея, что до него никто не делал.

В целом его конструкция выглядит достаточно убедительной, в т. ч. в силу её интегрального характера. К сожалению, автор, проделав огромную и заслуживающую уважения работу, не сделал в ней весьма важный вывод относительно соотношения Летописной статьи 1185 г. в Выдубицком летописце и «Слова»: они, на наш взгляд, являются элементарными или взаимодополняющими, причём фоном «Слова»

является Летописная статья 1185 г., а не наоборот. Возможно, именно в силу этого автор «Слова» и не приводит покаянный монолог Игоря о разорении русского города Глебова, поскольку он уже достаточно осветил эту тему в Летописной статье. С другой стороны, в «Слове» представлен широкий фон русских усобиц, явно неуместный в статье из Выдубицкого летописца. Учитывая то, что летописи, по выражению А.Н. Ужанкова, являлись «совестными книгами» и не лежали в скринях, а зачитывались, в т. ч. и на церковных службах в качестве паримий (например, на память Бориса и Глеба [20: 400]), автор мог рассчитывать на известную доступность Летописной статьи 1185 г. не только для образованной аудитории и на знание современниками фона «Слова о полку Игореве», что также для живых свидетелей и участников этих событий, поскольку «Слово» было написано всего через 15 лет после неудачного похода Игоря.

Другой важной заслугой автора является выявление христианского, церковного характера «Слова о полку Игореве». Разумеется, Ужанков опирается на работы своих предшественников – в частности В.Н. Перетца, выявившего более 100 библейских цитат и аллюзий в «Слове» [25: 57–75], В.Н. Колесова [13: 110–111], Р. Пиккио, Й. Клейна [12: 100–111], М.Ф. Мурьянова [21], Н.С. Серёгину [36], показавшую близость «Слова» и такого церковного гимнографического жанра, как канон. Однако заслугой Ужанкова являются синтез, интеграция достижений его коллег и ряд новых находок, в частности подробное исследование связей «Слова» и книги пророка Иеремии, практически неизвестной в церковнославянских переводах того времени и, следовательно, доступной автору только в греческой версии. Ужанков видит их связь не только на текстуальном, но, что важнее, на смысловом уровне и показывает себя подлинным знатоком библейской типологии и её применения в древнерусской литературе. Автор справедливо отмечает: «В ветхозаветных и новозаветных событиях древнерусский книжник – автор “Слова” – увидел эпифаническую связь и провёл параллель в развитии разновременных событий, а потому и попытался через скрытые экзегезы из книги пророка Иеремии прояснить их духовный смысл». В этом ключе князь Игорь уподобляется иудейскому царю Седекии, пленённому и ослеплённому вавилонским царём Навуходоносором, а русские люди (воины Игоря и жители Римова) – иудеям, погибшим при взятии Иерусалима.

Как и любое серьёзное и глубокое фундаментальное научное произведение, книга А.Н. Ужанкова не лишена некоторых спорных мест, ошибок и незавершённых сюжетов. Обратимся к некоторым из них. Автор говорит о том, что Бог покарал царя Седекию за завоевательный поход в Египет: «Судьба князя Игоря напоминает судьбу израильско-

го царя Седекии, описанную в Книге пророка Иеремии, который в 586 г. до Рождества Христова отправился в завоевательный поход в Египет и попал, как и Игорь Святославич, в плен. Вот здесь и следует напомнить, как это сделала Лаврентьевская летопись, что 1 мая – это день памяти пророка Иеремии, второго из так называемых больших пророков» [44: 329–330]. Наблюдение за памятью 1 мая достаточно интересное, однако на самом деле Египет был союзником иудейского царя Седекии в его борьбе против завоевателя, вавилонского царя Навуходоносора, и попал он в плен к вавилонянам, защищая Иерусалим (4 кн. Царств) [39: 240–260].

Однако параллель Игорь – Седекия может быть принята. И если мы соглашаемся с ней, то всё оказывается гораздо глубже и ещё интересней. Формально Седекия стремился защитить свой народ, для чего вступил в союз с Египтом и отказался платить дань Навуходоносору. Однако тем самым он приблизил конец Иудеи, дав повод Навуходоносору напасть на Иерусалим, по сути дела, открыл для своего народа врата гибели. Произошло это потому, что он пошёл против воли Божией, выраженной в призыве пророка Иеремии «служить царю Навуходоносору» (Иерем. 27, 6–8). Точно так же Игорь формально творит благое дело для Руси, выступая против степных хищников, однако, делая это несвоевременно, он губит её.

И в том и в другом случае особое значение имеет финансовый фактор. Седекия поднимает бунт против Навуходоносора из-за непомерно высокой дани. Игорь идёт в поход ради добычи и славы.

И здесь и там правитель проявляет послушание воле Божией: Седекия не слушает её провозвестника пророка Иеремию однако более по малодушию, а Игорь не внемлет воле Божией из-за своей «похоти» и жадности.

И, наконец, если разгневанный Навуходоносор лишает Седекию телесных очей, то Игорь страдает от духовной слепоты, которая подчёркивается образами мрака, содержащимися в «Слове», которым Ужанков уделяет особое внимание.

В связи с книгой Иеремии следует упомянуть параллель, которая напрашивается сама собой в связи с темой женского плача и плена: «Глас в Раме слышится, плач и рыдание. Рахиль плачущая о чадах своих и не хочет утешиться, яко не суть» (Иерем. 31,14). Ярославна, плачущая о муже, отчасти уподобляется Рахили, плачущей о пленённых чадах Израилевых. Но этот же стих употребляется в Евангелии от Матфея (2, 17), когда речь идёт об избииении вифлеемских младенцев, которым могут уподобляться мирные русские люди, погибавшие под саблями половцев в Римове и других местах.

Отметим следующий момент, с которым хотелось бы не согласиться с автором. А.Н. Ужанков пишет: «В своём “золотом слове” Святослав Всеволодович замечает: «О, моя сыновья, Игорю и Всеволоде! *Рано* еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати!». Слово *рано* как-то не вяжется с реальным возрастом князей: Игорю Святославичу уже исполнилось 35 лет, Всеволод Святославич только чуть моложе.

На наш взгляд, «рано» используется здесь в значении «несвоевременно». Подобное толкование вполне соответствует историческому контексту и содержанию «Слова» и Выдубицкому летописцу. В 1184 г. Святослав Всеволодович устроил масштабный поход на Кобыяка, в результате которого половцы были разгромлены. В 1185 г. Святослав собирался идти против половцев в очередной раз, когда его настигла весть о поражении войск Игоря [15: 230–242]. Несвоевременность Игоряева похода, когда они вышли против превосходящих половецких сил, не дождавшись прочих князей, для их современников была очевидной.

Упомянем следующий момент, где автор, на наш взгляд, недостаточно использовал библейские смыслы и символы. «Первая битва Игоря с половцами произошла в пятницу. Затем был ночной переход, во время которого половцы настигли русских. Новая битва началась рано утром в субботу и завершилась к полудню в воскресенье. Конечно, можно свести обе битвы в одну, тогда она будет длиться подряд три дня». Автор «Слова» как будто и стремится создать такое впечатление: «Бишася день, бишася другый, *третьяго дни* къ полудню падоша стязи Игоревы» [44: 248–249].

На наш взгляд, автор проходит здесь мимо семантики страстей и трёхдневного воскресения Христова. Читатель удивится: какая может быть семантика Воскресения, торжества и Пасхи, если речь идёт о пленении и гибели русских воинов? Однако сам А.Н. Ужанков показывает, что хронотоп «Слова» теснейшим образом связан с пасхальным циклом и с идеей Божественного наказания Игоря за нечестие – выступление в грабительский, завоевательный поход на Светлой Седмице, да ещё и в день его именин, св. великомученика Георгия. К тому же Воскресение Христово, Пасха, является событием эсхатологическим, говорящим также о Страшном Суде. Соответственно, поражение Игоря в воскресенье является наказанием и Судом Божиим и в то же время вразумлением путём его покаяния и духовного воскресения.

Автор проходит также мимо символики того воскресного дня, в который пали стяги Игоревы. Между тем воскресенье 12 мая 1185 г. – это четвёртая неделя по Пасхе, Неделя о расслабленном.

Слово «расслабленный» (παράλυτος) в исконном своём смысле означало «связанный, скованный». Параллель со связанным Игорем, находившимся в половецком плену, напрашивается сама собой. Эта расслабленность, этот паралич появляется из-за грехов. Стоит вспомнить кондак Недели о расслабленном: «Душу мою, Господи, во безместных деяниях люте расслабленну, якоже иногда расслабленного воздвигл еси древле, воздвигни, да зову Ти, спасаем, Щедре, слава, Христе, державе твоей». В чём состоит грех Игоря – понятно: это и неразумная опрометчивость во выступлении в поход, и желание богатств и славы, и участие в междоусобицах. В контексте Недели о расслабленном Донец приобретает семантические черты очистительной купели, подобной Силоамской, куда ходил ангел Господень и при которой тридцать восемь лет лежал евангельский расслабленный. Однако он поднимается по одному слову Христа: «возьми одр твой и ходи». Игорь же, связанный узами плена, освобождается и бежит из него по призыву Бога, который ему «путь кажет из земли половецкия к отнему златому столу» [37: 268].

Упомянём следующее спорное утверждение автора: «Почти двести лет со времени принятия христианства Русь не знала завоевательных походов. Поход Игоря – исключение, а потому и вызвал целых три произведения: “Слово о полку Игореве” и две самостоятельные летописные повести» [44: 259].

С этим утверждением невозможно согласиться. К примеру, поход 1043 г. во главе с Владимиром Ярославичем против Ромейской империи (Византии) никак нельзя назвать оборонительным или хотя бы превентивным [23: 86–89]. Можно ещё говорить об оборонительном значении походов Владимира Мономаха на половцев [22: 683–684], по следам которого, кстати, идёт Игорь, а вот походы Андрея Боголюбского на волжских булгар явно не вписываются в оборонительную стратегию [49]. Не соответствует ей и Сигтунский поход новгородцев в 1190 г., в результате которого в Святую Софию Новгородскую были доставлены знаменитые Сигтунские врата. Под категорию завоевательных походов подходят и походы волынских князей на Польшу и Венгрию. Конечно, Русь была гораздо более миролюбива, чем многие окрестные народы. Довольно часто русские князья останавливались на своих границах, говоря: «С нас довольно стати на своей меже». Не раз они словом и делом подтверждали древнерусскую поговорку «Война стоит до мира», однако часто их походы весьма трудно назвать оборонительными. Сам Ужанков указывает на захватнический поход на чехов: «Двоюродные братья Олег и Владимир были очень дружны. Они ходили в совместный поход против чехов (как союзники поляков)» [44: 271–272]. Он же упоминает о желании Ярослава

Осмомысла идти в крестовый поход, который, хотя и формально, преследовал благородную цель освобождения Гроба Господня от мусульман, но никак не был связан с обороной Руси.

А.Н. Ужанков прав в том смысле, что наступательные походы русских князей в целом не приводили к присоединению новых земель, однако это было, на наш взгляд, связано с геополитической конъюнктурой, прежде всего с мощным давлением Великой Степи [6: 170].

Рассматривая события первого удачного столкновения Игоря с половцами, автор не распознаёт половецкой военной хитрости: «Но Игорь стрелой летящей устремлен к достижению своей цели. И вроде бы достигает её. Утром в пятницу взрыв событий. Чрезмерная активность – достижение желанной цели: “Съ зарания въ пятокъ (т. е. с зарёй, но не в светлый день! – А.У.) потопташа поганья плъкы половецкыя, и рассупись стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя (откуда они взялись на поле брани? Явно половцы не ожидали этого вторжения русских, и нападение было на их селения. – А.У.), а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты” (совершенно очевидно, что половецкие воины, если бы выступили против русских, женские драгоценности с собою не брали бы. – А.У.)» [44: 263].

Разумеется, русские воины совершили нападение на «половецкие вежи», или кочевые поселения, куда их заманили половцы, о чём свидетельствует, в частности, Ипатьевская летопись: «И когда приблизились к реке Сюрлюю, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Ещё не успели русские переправиться через реку Сюрлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой. Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать... Передовые полки русских избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили там большой полон» [15: 239].

То, о чём рассказывают Ипатьевская летопись и «Слово», выглядит очевидной ловушкой. Половцы явно дразнят русских воинов, пуская в них стрелы, затем убегают, не делая ни малейшей попытки защитить свои шатры, даже увести их со своим имуществом или, по крайней мере, захватить с собой драгоценности. В шатрах почему-то остаются «красные девки половецкие», которых, по идее, должны были увести от греха подальше, тем паче что «Слово о полку Игореве» сообщает: «А половцы неготовами дорогами побегоша к Дону Великому, кричат телегы полнощи» [37: 256]. Т. е. всё, что надо, половцы, скорее всего, увезли с собой. Вероятно, «красные девки половецкие» были «чаги»,

рабыни, возможно, специально наряженные побогаче для приманки русских воинов. Для возбуждения жажды наживы и завлечения русских в глубь степи были оставлены и драгоценности – «злато, паволоки, драгия оксамиты». Передовой отряд половцев и добыча со знаменем были, возможно, принесены в жертву, чтобы заманить вглубь русские дружины. Подобная «скифская тактика» заманивания характерна для кочевых народов и в т. ч. была использована в битве на Калке: в жертву был принесён передовой отряд, благодаря чему монголы смогли заманить и окружить русские войска [4: 90–91]. К сожалению, автор прошёл мимо этого достаточно логичного, на наш взгляд, объяснения.

Глубоко и тонко анализируя исповедь Игоря в Ипатьевской летописи [44: 218–219], автор, к сожалению, недостаточно выявляет её скриптурные, богослужебные и литературные источники. А между тем их раскрытие проливает дополнительный свет на этот замечательный фрагмент. Проведённая работа и её результаты представлены в таблице. Жирным шрифтом показаны общие места из Ипатьевской летописи [15: 240] и соответствующие цитаты или аллюзии из Священного писания, богослужебных памятников, святоотеческих творений.

№ п/п	Ипатьевская летопись	Цитаты и аллюзии из Писания, богослужебных памятников, святоотеческих и иных произведений
1	Помянухъ азъ грехы своя пред Господемъ Богомъ моимъ	Вся злобы ихъ помянухъ : нынѣ обыдоша ихъ совѣти ихъ, противу лицу ми быша. (Ос. 7:2)
2	Яко много убиество, кровопролитие створихъ в земле крестьянстей	Тебе единому согреших и лукавое пред тобою сотворихъ (Пс. 50, 5)
3	тогда бо не мало зло подъяша безвиннии христьяни	кто сихъ, иже изъ начала благопріятствомъ къ намъ по всему превосходятъ всѣхъ языковъ и злѣйшыя множицею от челоувѣкъ подъяша бѣды , сице беззаконными обложи узами? (3 Макк. 6:24)

4	живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся	А. И похвалихъ азъ всѣхъ умершихъ, иже умроша уже, паче живыхъ, елицы живи суть досель (Еккл. 4:2) Б. Голодавшие отныне жаждали только смерти и завидовали счастливой доле ушедших уже в вечность, которые не видывали и не слыхивали такого несчастья (Иосиф Флавий. Иудейская война. VI.3.4.) В. Въ тѣ дни человцы начноуть блажити мртвыхъ (Ипполит Римский. Сказание о Христе и об Антихристе)
5	аки мученици святеи огнемъ от жизни сея искушение приемши	Искушившеса , яко злато во огни мученици всеми муками, свѣтлейше всякаго злата в любви Божественней явишася и в сокровищахъ небесныхъ сохранени быша (Глава 1. Суббота, 7 песнь. 1 тропарь). Искусився , якоже злато, огнемъ и муками, достоинъ явился еси дар Бога Вышняго, Феодоре страстотѣрпче, о нас ныне молися (Служба Феодору Тирону. 17 февраля)
6	И се ныне вижю отместье от Господа Бога моего...	Возвеселится праведник, егда увидит отмщеніе , руцѣ свои умыть в крови грѣшника (Пс. 57, 11)
7	Се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снисдоша днесь грѣси мои на главу мою	И воздаст им Господь беззаконіе их и по лукавствию их погубить я Господь Бог (Пс. 93, 23)
8	и по злобе моеи на мя, и снисдоша днесь грѣси мои на главу мою	И рече ему Давид: кровь твоя на главѣ твоей , яко уста твоя на тя возвѣщаша, глаголюще: яко азъ убих христа Господня (1 Царств. 1, 16); и возврати Господь кровь неправды его на главу его, якоже нападе на два мужа праведна и блага паче его, и уби их оружіемъ (3 Царств. 2, 32)
9	Истинень Господь и прави суди его зѣло	Праведень еси, Господи, и прави суди твои (Пс.118:137)
10	Азь же убо не имамъ со живыми части	Воззвахъ къ тебѣ, Гбсподи, рѣхъ: ты еси упованіе мое, часть моя еси на земли живыхъ (Пс. 141, 6)

11	Но Владыко Господи Боже мой, не отрини мене до конца , но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ	Не предаждь нас до конца и не разори завета Твоего и не отстави милость Твою от нас, Авраама ради возлюбленного от Тебѣ (Дан. 3, 40)
----	--	---

Из этих наблюдений и сопоставлений можно сделать следующие выводы.

Автор Летописной статьи 1185 г. знал не только Псалтирь и Паримийник, но и библейские тексты, не вошедшие в богослужебные книги или в цитаты в Новом Завете. В частности, возможно, это касается книги пророка Осии (сопоставление № 2), которая вообще не представлена в богослужебной традиции и в конце XII в. на Руси отсутствовала в составе церковнославянских книг. То же справедливо и для возможной параллели с Екклесиастом (сопоставление № 4 А). Скорее всего, автор статьи 1185 г. мог быть знаком с ней в греческом оригинале, что подтверждает гипотезу А.Н. Ужанкова о знании игуменом Моисеем греческого языка.

Возможное цитирование из «Иудейской войны», а также её присутствие в конвое «Слова» наводит на мысль о её тесной связи со «Словом» и в то же время с Ипатьевской летописью и является добавочным аргументом о связи статьи Ипатьевской летописи 1185 г. и, соответственно, об одной авторской руке.

Параллели 9 и 10 говорят о связи с богослужебной традицией и хорошем знании автором Октоиха, при этом не только воскресного.

Цитата из Песни Азарии (Дан. 3, 40) не только говорит о влиянии традиции библейских песен на автора (что косвенно работает и на гипотезу Н.С. Серёгиной относительно «Слова» как канона из 20 песен), но и являет нам яркий образ вавилонского плена как символ плена половецкого, в котором оказался Игорь в результате своего неразумия. Вспомним рефрен Песни Азарии: «Яко праведен еси о всех, еже навел еси на ны и на град... Иерусалим... Согрешихом и беззаконновахом». Сходное признание правоты судеб Божиих находится и в покаянном монологе Игоря.

Однако все эти мелкие недостатки и недоработки не меняют общего отрадного впечатления от этой глубокой, интересной и, можно сказать, прорывной работы. Она не только аккумулирует всё самое лучшее, что было сделано в исследовании «Слова о полку Игореве», но и выводит изучение этого памятника на совершенно новый уровень, открывает иные горизонты в постижении не только величественного «Слова», но и всей великой, богатой, могучей, христианской по своему смыслу древнерусской литературы.

ПРИМЕЧАНИЕ

Перед нами явно эпические образы: «сердит аки рысь, губяше аки коркодил» [4: 7], связанные с эпической традицией, отражённой и в русских, и в старопольских песнях [4: 182]. Сюжет с Отроком и Сырчаном, весьма вероятно, связан с походом Романа Мстиславича 1200 г., а также с победами Владимира Мономаха над половцами в 1107 и 1111 гг., отражёнными в «Слове», — «месть Шаруканю» [37: 258].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брандедж Джеймс*. Крестовые походы. Священные войны Средневековья. М.: Центрполиграф, 2011. 340 с.

2. *Бурыкин А.А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 418 с.

3. *Вілкул Т.Л.* Кузьма Киянин // *Енциклопедія історії України*: у 10 т. / Редкол. В.А. Смолій (голова) та ін. К.: Наукова думка, 2009. Т. 5: Кон – Кю. С. 520–521.

4. Галицко-Волынская летопись / Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. 421 с.

5. *Горлова И.И., Чумаченко В.К.* Гипотетический автор «Слова о полку Игореве» в интерпретации Д.С. Лихачёва и новейшие номинанты на эту роль // *Культурное наследие России*. 2016. № 4 (15). С. 57–64.

6. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2018. 736 с.

7. *Дмитриев Л.А.* Автор «Слова о полку Игореве» // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1987. С. 16–32.

8. *Дмитриев Л.А.* Автор «Слова» // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*: в 5 т. / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А–В. С. 24–36.

9. *Дмитриев Л.А.* Беловод (Беловолод) Просович // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*: в 5 т. / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А–В. С. 99–100.

10. *Калугин В.В.* Струны рокотаху. М.: Современник, 1989. 623 с.

11. *Кибинь А.С.* От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и Литвой в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2014. 272 с.

12. *Клейн Й.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л.: Академия наук, 1976. Т. XXXI. С. 100–111.

13. *Колесов В.В.* Библиеизмы в «Слове» // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*: в 5 т. / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А–В. С. 110–111.

14. *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб.: Алетейя, 2008. 312 с.

15. Летописные повести о походе Игоря // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 1997. С. 230–254.

16. *Лихачев Д.С.* Слово о Полку Игореве и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. 366 с.

17. *Лопухина Е.В.* Григорий Печерский // *Православная энциклопедия*. М.:

Издательство православной энциклопедии, 2007. Т. 15. С. 551–554.

18. *Лопухина Е.В., Флоря Б.Н.* Илья Муромец // Православная энциклопедия. М.: Издательство православной энциклопедии, 2009. Т. 22. С. 307–315.

19. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. СПб.: Дмитрий Булачин, 2011. 800 с.

20. *Милютенко Н.И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 432 с.

21. *Мурьянов М.Ф.* «Слово о полку Игореве» в контексте европейского средневековья // *Palaeoslavica*. 1996. Cambridge; Massachusetts: *Palaeoslavica*, 1996. Vol. IV. 249 с.

22. *Назаренко А.В., Романенко Е.В. и др.* Владимир (Василий) Всеволодович // Православная энциклопедия. М.: Изд-во православной энциклопедии, 2005. Т. 8. С. 681–688.

23. *Назаренко А.В., Романенко Е.В. и др.* Владимир Ярославич // Православная энциклопедия. М.: Изд-во православной энциклопедии, 2005. Т. 9. С. 86–89.

24. *Охрименко П.П.* Уточнение хронологии «Слова о полку Игореве» // Вопросы русской литературы. Л.: Академия наук, 1984. Вып. 2 (44). С. 80–100.

25. *Перетц В.Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». Л.: Изд-во Академии наук, 1926. 149 с.

26. *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М.: Знак, 2003. С. 504–525.

27. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 206–217.

28. *Польвянный Д.И.* Культурная идентичность, историческое сознание и книжное наследие средневековой Болгарии. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 511 с.

29. *Прохоров Г.М.* Сказание об Индийском царстве // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1987. Т. 1. С. 410–411.

30. *Пятнов А.П.* К вопросу о дате смерти князя Игоря Святославича Черниговского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 50–70.

31. *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993. 285 с.

32. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 589 с.

33. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Академия наук СССР, 1948. 803 с.

34. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 523 с.

35. *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 296 с.

36. *Серёгина Н.С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 398 с.

37. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. С. 254–267.
38. Соколова Л.В. Ходына // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. 5: Слово Даниила Заточника – Я. Дополнения. Карты. Указатели / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 182–185.
39. Тантилевский И.Р. История Израиля и Иудеи до 70 г. н. э. М.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2014. 432 с.
40. Творогов О.В. Библиографии и библиографические обзоры «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А–В. 1995. С. 111–116.
41. Творогов О.В. Всеслав Брячиславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А–В. С. 256–261.
42. Творогов О.В. Девгениево деяние // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1987. Т. 1. С. 112–116.
43. Творогов О.В. Моисей // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1987. Т. 1. С. 257–258.
44. Ужанков А.Н. Слово о полку Игореве и его автор. М.: Согласие, 2020. 450 с.
45. Филипповский Г.Ю. Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 г. и празднике 1 августа // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1987. Т. 1. С. 411–412.
46. Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. М.: Евразия, 2009. 409 с.
47. Чебаненко С.Б. Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовые и ритуальные аспекты // Русин. 2014. № 2 (32). С. 162–181.
48. Яценко Б.И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. XXXI. С. 116–122.
49. Hurwitz E.S. Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Florence: Licosia Editrice, 1980. P. VII, 123.

REFERENCES

1. Brundage, J. (2011) *Krestovye pokhody. Svyashchennye voyny Srednevekov'ya* [The Crusades: A Documentary Survey]. Translated from English by L.A. Igorevsky. Moscow: Tsentrpoligraf.
2. Burykin, A.A. (2017) "Slovo o polku Igoreve": tekst, yazyk, avtor [The Lay of Igor's Campaign: Text, Language, Author]. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
3. Vilkuł, T.L. (2009) Kuz'ma Kiyanin. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istoriyi Ukrayini: u 10 t.* [Encyclopedia of History of Ukraine: in 10 vols]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka. pp. 520–521.
4. Kotlyar, N.F. (ed.) (2005) *Galitsko-Volynskaya letopis'* [Galicia-Volyn Chronicle]. St. Petersburg: Aleteya.
5. Gorlova, I.I. & Chumachenko, V.K. (2016). Hypothetical author of "Slovo o Polku Igoreve" in the interpretation of D.S. Likhachev and latest nominees for this role. *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural Heritage of Russia*. 4(15). pp. 57–64 (in Russian).

6. Gumilev, L.N. (2018) *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Old Russia and the Great Steppe]. Moscow: AST.
7. Dmitriev, L.A. (1987) Avtor "Slova o polku Igoreve" [The author of the "Lay of the Warfare Waged by Igor"]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 16–32.
8. Dmitriev, L.A. (1995) Avtor "Slova" [The author of the "Lay"]. In: Tvorogov, O.V. (ed.) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of the "Tale of Igor's Campaign": in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 24–36.
9. Dmitriev, L.A. (1995) Belovod (Belovolod) Prosovich. In: Tvorogov, O.V. (ed.) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of the "Tale of Igor's Campaign": in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 99–100.
10. Kalugin, V.V. (1989) *Struny rokotaku* [Strings were Roaring]. Moscow: Sovremennik.
11. Kibin, A.S. (2014) *Ot Yatvyazi do Litvy: Russkoe pogranič'e s yatvyagami i Litvoy v X–XIII vekakh* [From Yatvyaz to Lithuania: Russian frontier with the Yatvyags and Lithuania in the 10th – 13th centuries]. Moscow: Kvadriga.
12. Klein, J. (1976) "Slovo o polku Igoreve" i apokaliptičeskaya literatura (K postanovke voprosa o topike drevnerusskoy literatury) ["The Lay of Igor's Campaign" and the apocalyptic literature. On the topics of Old Russian Literature]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 31. pp. 100–110.
13. Kolesov, V.V. (1995). Bibleizmy v "Slove" [Biblicalisms in the "Lay"]. In: Tvorogov, O.V. (ed.) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of the "Tale of Igor's Campaign": in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 110–111.
14. Kotlyar, N.F. (2008) *Daniil, knyaz' Galitskiy* [Daniel, Prince of Galicia]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Anon. (1997) Letopisnye povesti o pokhode Igorya [Chronical Tales about Igor's Campaign]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Literature of Old Russia]. St. Petersburg: Nauka. pp. 230–254.
16. Likhachev, D.S. (1978) *Slovo o Polku Igoreve i kul'tura ego vremeni* ["Lay of the Warfare Waged by Igor" and the culture of its time]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
17. Lopukhina, E.V. (2007) Grigoriy Pecherskiy. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 15. Moscow: Izdatel'stvo pravoslavnoy entsiklopedii. pp. 551–554.
18. Lopukhina, E.V. & Florya B.N. (2009) Il'ya Muromets. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 22. Moscow: Izdatel'stvo pravoslavnoy entsiklopedii. pp. 307–315.
19. Maiorov, A.V. (2011) *Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa* [Russia, Byzantium and Western Europe]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
20. Milyutenko, N.I. (2006) *Svyatye knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb* [Holy Princes-Martyrs Boris and Gleb]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
21. Muryanov, M. F. (1996). "Slovo o polku Igoreve" v kontekste evropeyskogo

srednevekov'ya ["The Lay of Igor's Campaign" in the context of European Middle Ages]. In: Strakhov, A. (ed.) *Palaeoslavica*. Vol. IV. Cambridge, Mass.: Palaeoslavica.

22. Nazarenko, A.V., Romanenko, E.V. et al. (2005a) Vladimir (Vasilii) Vsevolodovich. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 9. Moscow: Izdatel'stvo pravoslavnoy entsiklopedii. pp. 681–688.

23. Nazarenko, A.V., Romanenko, E.V. et al. (2005b) Vladimir Yaroslavich. Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 9. Moscow: Izdatel'stvo pravoslavnoy entsiklopedii. pp. 86–89.

24. Okhrimenko, P.P. (1984) Utochnenie khronologii "Slova o polku Igoreve" [On clarifying the chronology of "The Lay of Igor's Campaign"]. *Voprosy russkoy literatury*. 2(44). Leningrad: Academy of Sciences. p. 80–100.

25. Peretts, V.N. (1926) *K izucheniyu "Slova o polku Igoreve"* [On the studies of "The Lay of Igor's Campaign"]. Leningrad: Academy of Sciences.

26. Picchio, R. (2003) *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and Language]. Translated from Italian. Moscow: Znaki. pp. 504–525.

27. Anon. (1997) Povest' ob ubienii Andreya Bogolyubskogo [The Tale of the Murder of Andrei Bogolyubsky]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Literature of Old Russia]. St. Petersburg: Nauka. pp. 206–217.

28. Polyvyanny, D.I. (2018) *Kul'turnaya identichnost', istoricheskoe soznanie i knizhnoe nasledie srednevekovoy Bolgarii* [Cultural identity, historical consciousness and booking heritage of medieval Bulgaria]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

29. Prokhorov, G.M. (1987) Skazanie ob Indiyskom tsarstve [The Tale about the Indian Kingdom]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 410–411.

30. Pyatnov, A.P. (2003) K voprosu o date smerti knyazya Igorya Svyatoslavicha Chernigovskogo [On the death date of Prince Igor Svyatoslavich of Chernigov]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 4(14). pp. 50–70.

31. Rappoport, P.A. (1993) *Drevnerusskaya arkhitektura* [Old Russian Architecture]. St. Petersburg: Stroyizdat.

32. Rybakov, B.A. (1982) *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.* [Kievan Russia and Russian principalities in the 12th–13th centuries]. Moscow: Nauka.

33. Rybakov, B.A. (1948) *Remeslo Drevney Rusi* [The Craft of Old Rus]. Moscow: Academy of Sciences.

34. Rybakov, B.A. (1972) *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"* [Russian chroniclers and the author of "The Lay of Igor's Campaign"]. Moscow: Nauka.

35. Rybakov, B.A. (1971) *"Slovo o polku Igoreve" i ego sovremenniki* ["The Lay of Igor's Campaign" and its contemporaries]. Moscow: Nauka.

36. Seregina, N.S. (2011) *"Slovo o polku Igoreve" i russkaya pevcheskaya gimnografiya XII veka* ["The Lay of Igor's Campaign" and the Russian chant hymnography of the 12th century]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

37. Anon. (1999) Slovo o polku Igoreve [The Lay about Warfare of Igor]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Literature of Old Russia]. St. Petersburg: Nauka. pp. 254–267.

38. Sokolova, L.V. (1995) Khodyna. In: Tvorogov, O.V. (ed.) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of the "Tale of Igor's Campaign": in 5 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 182–185.

39. Tantlevskiy, I. R. (2014) *Istoriya Izrailya i Iudei do 70 g. n. e.* [History of Israel and Judea to 70 AD]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.

40. Tvorogov, O.V. (1995a) Bibliografii i bibliograficheskie obzory "Slova" [The bibliographies and bibliographical reviews of "The Lay"]. In: Tvorogov, O.V. (ed.) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of the "Tale of Igor's Campaign": in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 111–116.

41. Tvorogov, O.V. (1995b) Vseslav Bryachislavich. In: Tvorogov, O.V. (ed.) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of the "Tale of Igor's Campaign": in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 256–261.

42. Tvorogov, O.V. (1987a) Devgenievo deyanie [The Acts of Digenis Acrtites]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 112–116.

43. Tvorogov, O.V. (1987b) Moisey [Moses]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 257–258.

44. Uzhankov, A.N. (2020) *Slovo o polku Igoreve i ego avtor* [The Lay of the Warfare Waged by Igor and Its Author]. Moscow: Soglasie.

45. Filippovskiy, G.Ju. (1987) Skazanie o pobede nad volzhskimi bolgarami 1164 g. i prazdnike 1 avgusta [The tale about victory over Volga Bulgarians in 1164 and the feast of the 1st of August]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 411–412.

46. Khrustalev, D.G. (2019) *Severnyye krestonostsy* [Northern Crusaders]. Moscow: Evraziya.

47. Chebanenko, S.B. (2014) The execution of Igorevichi Princes in Galich: juridical and rite aspects of the event. *Rusin*. 2(36). pp. 162–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/36/9

48. Yatsenko, B.I. (1976) Solnechnoe zatmenie v "Slove o polku Igoreve" [Solar eclipse in "The Lay of Igor's Campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 31. pp. 116–122.

49. Hurwitz, E.S. (1980) *Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth*. Florence: Licosa Editrice.

Василик Владимир Владимирович – доктор исторических наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Vladimir V. Vasilik – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: v.vasilik@spbu.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/16

**Чемакин А.А. «Анонимный центр»:
Тайные монархические организации
и правый терроризм на белом Юге России
(1918–1920). М.: Кучково поле Музеон, 2020.
640 с.**

Д.А. Малюченко¹, Ратьковский²

¹ Государственный музей политической истории России
Россия, 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Куйбышева, 2-4
E-mail: dimetv1997@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

**The Anonymous Center by A.A. Chemakin:
Secret monarchist organizations
and right-wing terrorism in the White South
of Russia (1918–1920). Moscow: Kuchkovo
Field Museum, 2020. 640 p.**

D.A. Maliuchenko¹, I.S. Ratkovskii²

¹ The State Museum of Political History of Russia
2-4 Kuibysheva Street, Saint-Petersburg, 197046, Russia
E-mail: dimetv1997@mail.ru

² St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

История правого движения в первой четверти XX в. в России – одна из ключевых тем в научном творчестве петербургского историка, кандидата исторических наук А.А. Чемакина. По указанной теме им, в т. ч. в соавторстве с доктором исторических наук А.А. Ивановым, опубликованы десятки статей в ведущих научных журналах России: «Вопросы истории», «Научный диалог» «Новейшая история России», «Российская история», «Русин» и т. д. [1–6].

Работа в российских архивах, в частности в фондах личного происхождения, закономерно обратила внимание А.А. Чемакина на историю тайных монархических организаций на Юге России в период гражданской войны.

Сразу отметим источниковую базу работы: в её основе – материалы более чем 20 зарубежных и российских архивов, 100 наименований периодической печати, многочисленные опубликованные документы и эго-документы. Это позволило выявить реальную историю «Анонимного центра», отделив от часто ошибочно отождествляемой с ним организации «Азбука» В.В. Шульгина.

Закономерно центральной фигурой монографии стал один из ключевых деятелей «Анонимного центра» Дмитрий Борисович Бологовской (1894–?). Как установил автор, Бологовский был причастен ко многим актам индивидуального белого террора гражданской войны: от убийства комиссара С.Г. Рошалья на Румынском фронте в декабре 1917 г. до уничтожения Н.С. Рябовола (ещё до окончательного формирования организации «Анонимный центр»). Был он причастен и к карательной практике во время знаменитого похода М.Г. Дроздовского весной 1918 г., а также к покушению на члена Донского круга П.М. Агеева и ближайшего сподвижника Деникина генерала И.П. Романовского.

Биография Бологовского рассмотрена в 1-й главе издания «Историография и источники. Дмитрий Бологовской и его “Записки”». Безусловно, здесь ещё многое можно уточнить: от родственных связей (упомянем деятеля Белого движения И.В. Лисаневича (1877–1919), сына от первого брака Е.Н. Ширинкиной (Богдановской) с В.И. Лисаневичем, до обстоятельств ранних лет биографий (разорение её именина в Первую русскую революцию). Насколько близость его деда к императору, а также события 1905–1906 гг. повлияли на его монархическое мировоззрение и последующий максимализм?

Очень подробно раскрыта деятельность Бологовского в послеоктябрьский период, особенно история создания последующих его воспоминаний, их передачи в несколько этапов за существенный гонорар в Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Постраничная оплата могла создать условия для излишней красочности событий,

возможного преувеличения своей роли в них, особенно учитывая материальное положение автора, его проблемы с алкоголем и т. д. Детализированное изложение А.А. Чемакиным указанных обстоятельств написания воспоминаний в значительной степени снимает эти возможные вопросы к автору. Интерес представляет и проведённая исследователем синхронная сверка воспоминаний Бологовского с другими мемуарами. На наш взгляд, указанные воспоминания в целом достоверны, хотя в них присутствует путаница в датировке событий, что справедливо указывается в работе.

Дальнейшие главы монографии посвящены различным этапам деятельности организации Бологовского и схожих с ней групп в период гражданской войны. Глава 2 «Бригада Дроздовского и Монархическая организация Румынского фронта» подробно рассматривает историю возникновения этого формирования. В ней рассказывается об изначальном составе террористической организации и его изменениях, о поддержке со стороны М.Г. Дроздовского, который покровительствовал группе. Анализируется мемуарное свидетельство об обстоятельствах убийства Рошалья и ряда других деятелей. Интересным моментом, который может быть в дальнейшем расширен, является рассмотрение вопроса деятельности возможных провокаторов в организации. Указывается на «перелёты» на советскую сторону некоторых активистов (например, П.П. Ступина, образ которого, на наш взгляд, использовался впоследствии Б. Акуниным в фандоринском романе о гражданской войне). Дискуссионна в этом плане авторская трактовка роли М.С. Комиссарова (4-я глава «Стенька Разин из охранного отделения»), который сотрудничал с большевиками. Чемакин указывает, что это имело место в гораздо более поздний период. Однако есть указания на возможность этого сотрудничества ещё в 1917 г. Так, существует вероятность, что он был причастен, например, к раскрытию петроградской организации Пуришкевича и в дальнейшем также сотрудничал с большевиками уже в период гражданской войны. Однако данные замечания носят характер обсуждений. Отметим, что в главе рассматривается карательная практика организации и вне Румынского фронта, в т. ч. весной 1918 г. в Ростове-на-Дону, жертвами которой стали не менее 500 чел., среди которых значительную часть составляли евреи.

После смерти генерала Дроздовского начался поиск новой основы. Ею стала новочеркасская монархическая организация Варламова, деятельность которой в более ранний период представлена в 3-й главе «Дон для донцев». Именно в её ряды вступил Бологовский после потери своего идейного вдохновителя. Далее, в 5-й главе рассматриваются обстоятельства организации покушения Бологовским

(по поручению как раз упомянутого Варламова) на жизнь депутата донского круга П.М. Агеева: сначала в него стреляли, а затем в больнице пытались заразить тифозными вшами. В 6-й главе описаны обстоятельства уже удачно реализованного убийства Н.С. Рябовола. Именно на период после теракта против Рябовола приходится максимум успехов организации, которая вскоре стала известной как «Анонимный центр».

Следует отметить, что указанные эпизоды были только частью деятельности монархической организации. Одним из наиболее ярких была фронда окружению генерала А.И. Деникина. Обстоятельства этого противостояния подробно изложены в последующих главах, вплоть до убийства генерала Романовского в Константинополе. Как справедливо указывает А.А. Чемакин, «Анонимный центр» лучше финансировался, имел высокое покровительство и сосредоточился вскоре на политических делах. Подготовки покушений, например, против А.Ф. Керенского, были фикцией. Кубанское и штабное направления становятся основными. Именно здесь более уместной была бы глава о Комиссарове, деятельность которого приведёт в конечном счёте к кризису организации и её ликвидации.

Представляют интерес исследования автора о содержании деятельности монархических организаций в Одессе и в офицерской среде Черноморского флота. Последнее обстоятельство имеет важное прикладное значение, поскольку позволит дополнить и расширить изучение проведения чисток на флоте советскими органами государственной безопасности в 1920-е гг.

К основному тексту прилагается качественно выполненный и подобранный ряд фотографий, а главное – сами воспоминания Бологовского, впервые опубликованные в таком полном виде. Следует отметить, что данный текст дополнительно снабжён авторскими комментариями. В этих двух частях исследования А.А. Чемакина представлена яркая картина эволюции подпольной монархической организации, важную роль в которой сыграл Бологовский. Автор намечены направления, по которым исследовательская работа может быть продолжена. Надеемся, что в будущем они будут реализованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.А., Чемакин А.А. Православное духовенство и русский национализм в начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 153–166.
2. Иванов А.А., Чемакин А.А. Всероссийская народно-государственная партия В.М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 98–119. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.208

3. Иванов А.А., Чемакин А.А. Смерть В.М. Пуришкевича: новые данные к биографии политика-монархиста // Русин. 2017. № 1 (47). С. 196–212. DOI: 10.17223/18572685/47/15

4. Чемакин А.А. Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917–1919) // Российская история. 2019. № 5. С. 132–158. DOI: 10.31857/S086956870006386-5

5. Чемакин А.А. Союз русских национальных общин в 1918–1920 гг.: история создания, идеология и деятельность // Русин. 2019. № 55. С. 133–148. DOI: 10.17223/18572685/55/9

6. Чемакин А.А. «Космополитический национализм» Всеволода Чешихина // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 108–128.

REFERENCES

1. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2018) Orthodox clergy and Russian nationalism in the early 20th century. *Voprosy istorii – Issues of History*. 9. pp. 153–166 (in Russian).

2. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2017) The All-Russian People's State Party of V.M. Purishkevich: Program, Structure and Press. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 98–119 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.208

3. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2017) The death of V.M. Purishkevich: new data about the biography of the politician-monarchist. *Rusin*. 1(47). pp. 196–212 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/15

4. Chemakin, A.A. (2019) Russian nationalists and the electoral struggle in Kiev in terms of revolution and civil war (1917–1919). *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 132–158 (in Russian). DOI: 10.31857/S086956870006386-5

5. Chemakin, A.A. (2019) The union of Russian National Communities in 1918–1920: history of creation, ideology and activity. *Rusin*. 5. pp. 133–148 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/9

6. Chemakin, A.A. (2015) “Kosmopoliticheskiy natsionalizm” Vsevoloda Cheshikhina [Vsevolod Cheshikhin's “Cosmopolitan Nationalism”]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 1(37). pp. 108–128.

Малюченко Дмитрий Алексеевич – научный сотрудник отдела «История политической полиции и органов государственной безопасности России XIX–XX вв.» Государственного музея политической истории России (Россия).

Dmitry A. Maliuchenko – the State Museum of Political History of Russia (Russia).

E-mail: dimetv1997@mail.ru

Ратьковский Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Il'ya S. Ratkovskii – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2021. № 66

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 312 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 26.12.2021. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 02/0122.

Отпечатано в типографии «Таіsom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

**В 2021 году международный исторический журнал
ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

ВЫУЧИ РУССКИЙ ЯЗЫК

Сабир Абдулла

Если ты хочешь судьбу переспорить,
Если ты ищешь отрады цветник,
Если нуждаешься в твёрдой опоре,
Выучи русский язык!

Он твой наставник – великий, могучий,
Он переводчик, он проводник,
Если штурмуешь познания кручи,
Выучи русский язык!

Русское слово живёт на страницах
Мир окрыляющих пушкинских книг.
Русское слово – свободы зарница,
Выучи русский язык!

Горького зоркость, бескрайность Толстого,
Пушкинской лирики чистый родник,
Блещет зеркальностью русское слово –
Выучи русский язык!

Мир разобщённых безрадостно тесен,
Спаянных мир необъятно велик.
Сын мой, работай, будь людям полезен,
Выучи русский язык!